ТЭМСИН МЬЮИР

18+

ХАРРОУ из ДЕВЯТОГО ДОМА

ПРОДОЛЖЕНИЕ «ГИДЕОН ИЗ ДЕВЯТОГО ДОМА»

fanzon

Харроу из Девятого дома
Тэмсин Мьюир

Аннотация
Тэмсин Мьюир. Харроу из Девятого дома
Действующие лица
Пролог
Пародос
Акт первый
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
Акт второй
12
13
14
15

16
17
18
19
20
21
22
Акт третий
23
24
25
26
27
28
29
30
31
Акт четвертый
32
33
34
35
36
37
38
39

Эпипародос
Акт пятый
40
41
42
43
44
45
46
47
48
49
50
51
52
53
Эпилог
Благодарности

Аннотация

Она ответила на зов Императора.

Она прибыла к нему со своим искусством, своим умом и своим единственным другом.

Победа обратила ее мир в пепел.

История некромантки Харроу из Девятого дома превращается в умопомрачительную шкатулку-головоломку, полную тайн, убийств, магии и хаоса. В залах дворца Императора Неумирающего все не так, как кажется, а судьба галактики возложена на плечи одной женщины.

Тэмсин Мьюир
Харроу из Девятого дома

Tamsyn Muir
Harrow the Ninth

Copyright © 2020 by Tamsyn Muir
Cover Copyright © 2020 by Tommy Arnold
© И. Нечаева, перевод на русский язык, 2021
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Изе Йап,
которая слишком хорошо
понимает Харроу
и без которой не было бы меня.
и
пиТ
♦

Действующие лица

Император Девяти домов
~~«А. Л.», его страж~~
Августин из Первого дома
~~Альфред Квинк, его рыцарь~~
Первый святой на службе Царя Неумирающего
Мерсиморн из Первого дома
~~Кристабель Окт, ее рыцарь~~
Вторая святая на службе Царя Неумирающего
Ортус из Первого дома
~~Пирра Две, его рыцарь~~
Третий святой на службе Царя Неумирающего
~~Кассиопея из Первого дома~~
~~Найджелла Шодаш, ее рыцарь~~
Четвертая святая на службе Царя Неумирающего
~~Кир из Первого дома~~
~~Валанси Тринит, его рыцарь~~
Пятый святой на службе Царя Неумирающего
~~Улисс из Первого дома~~
~~Титания Тетра, его рыцарь~~
Шестой святой на службе Царя Неумирающего
~~Цитера из Первого дома~~

~~Лавдей Гептан, ее рыцарь~~
Седьмая святая на службе Царя Неумирающего
~~Анастасия из Первого дома~~
~~Самаэль Новенари, ее рыцарь~~
Ианта из Первого дома
~~Набериус Терн, ее рыцарь~~
Восьмая святая на службе Царя Неумирающего
Харрохак из Первого дома
~~хххххххххх~~
Девятая святая на службе Царя Неумирающего

Один — Императору, с честью несущему фатум великий.

Еще один — Ликторам, что явились по зову владыки.

Один — Святым, за давно предреченный удел.

Один — Десницам, за холод клинков, что в руках их запел.

Два — за железную волю и стойкий отказ от утех.

Три — за сияющий блеск самоцветов и радостный смех.

Четыре — за вечную верность движенью вперед.

И пять — за старых традиций увесистый свод.

Шесть — за горькую правду, дороже, чем сладкая ложь.

И семь — за миг красоты, что растает, лишь глазом моргнешь.

Восемь — за радость спасенья, какой бы его ни купили ценой,

А девять — за сонмы потерь и Гробницы суровый покой[1].

[1] Примечания: 1
Перевод Юлии Назаровой.

Пролог

Ночь накануне убийства императора

Твоя комната давно погрузилась в почти полную тьму. Ничто не отвлекало от гулкого бум-бум-бум, с которым тушки одна за другой шлепались о корпус, уже покрытый сплошной вязкой массой. Ничего не было видно, потому что ставни были опущены. Но ты чувствовала чудовищную вибрацию, слышала скрежет хитина о металл, жуткие удары пористых когтей по стали.

Было очень холодно. Тонкий слой изморози уже покрыл твои щеки, волосы и ресницы. В удушающей темноте твое дыхание походило на облачка влажного серого пара. Иногда ты тихонько вскрикивала, но это тебя больше не пугало. Ты знала реакции своего организма на сближение, крик был самой безобидной из них.

Из коммуникатора донесся размеренный голос бога:

— Десять минут до прорыва. Кондиционеры проработают еще полчаса, после этого начнется пекло. Двери останутся опущены до момента нормализации давления. Всем держать темп.

Харроу, ты остаешься в резерве до самого конца.

Ты поднялась на ноги, тиская свои полупрозрачные юбки в обеих руках. Кое-как добралась до кнопки коммуникатора. Пытаясь придумать что-нибудь убийственно остроумное, проскрипела:

— Я могу сама о себе позаботиться!

— Харрохак, ты понадобишься нам в Реке. А там твоя некромантия не работает.

— Я ликтор, мой господин, — услышала ты свой собственный голос. — Я одна из твоих святых. Я твои персты и твои жесты. Если тебе нужна рука, которая прячется за дверью — даже сейчас, — выходит, я неверно тебя поняла.

Ты услышала, как он вздохнул в своем далеком святилище в Митреуме. Ты представила, как он сидит в потертом заплатанном кресле совсем один, потирая правый висок большим пальцем, как он всегда делал. После короткой паузы он сказал:

— Харроу, пожалуйста, не торопись умирать.

— Не стоит недооценивать меня, учитель, — сказала ты, — я всегда выживаю.

Ты прошла по концентрическим кругам молотых тазовых костей, которые выложила на полу, по тонкому слою бедренных костей, встала в центре и начала дышать. Глубокий вдох носом,

выдох через рот, как тебя учили. Изморозь уже обратилась влажным туманом на лице и шее, под плащом становилось жарко. Ты села, скрестив ноги, и беспомощно положила руки на колени. Эфес рапиры ткнулся в бедро, как животное в поисках ласки, и во внезапном порыве гнева тебе захотелось отцепить чертову штуку и зашвырнуть как можно дальше. Жалко только, пролетела бы она совсем недалеко. Корпус вздрагивал — еще несколько сотен Вестников уселись на его поверхность. Ты представила, как они ползут друг по другу. В тени астероидов они кажутся синими, в свете ближайшей звезды — желтыми.

Двери твоих покоев открылись с натужным выдохом газовых рычагов. Но незваная гостья не заметила ни зубов, которые ты вставила в дверную раму, ни регенерирующей кости, вмазанной в порог. Она переступила этот порог, пританцовывая, высоко приподняв свои полупрозрачные юбки. В темноте ее рапира казалась черной, а кости правой руки светились маслянистым золотым блеском. Ты закрыла глаза, чтобы ее не видеть.

— Я могу защитить тебя, если ты попросишь, — сказала Ианта из Первого дома.

Холодная струйка пота побежала по твоим

ребрам.

— Пусть лучше у меня все сухожилия вырвут из тела, одно за другим, и накрошат их на мои же переломанные кости. Пусть лучше меня живьем освежуют и натрут солью, пусть мой собственный желудочный сок зальют мне в глаза.

— Ну, то есть ты имеешь в виду «может быть», — сказала Ианта. — Помоги мне. Не стесняйся.

— Не притворяйся, что ты здесь ради чего-то, кроме присмотра за инвестициями.

— Я пришла тебя предостеречь.

— Ты пришла предостеречь меня? — Твой голос показался ровным и безжизненным даже тебе самой: — Сейчас?

Девушка-ликтор приблизилась. Ты не открыла глаз. Странно было слышать, как под ее ногами хрустят тщательно выложенные кости, как она встает на колени прямо на мрачный ковер из костяного порошка, не меняясь в лице. Ты не чувствовала танергию Ианты, но темнота позволяла тебе настроиться на ее страх. Ты ощущала, как дыбом встают волоски на ее предплечьях, как бьется ее влажное человеческое сердце, как сближаются ее лопатки, когда она расправляет плечи. Ты чувствовала вонь пота и духов: мускус, роза, ветивер.

— Нонагесимус, никто не придет спасти тебя. Ни бог, ни Августин, никто. — Из ее голоса исчезла насмешка, но появилось что-то другое. Волнение, кажется, или тревога: — Тебя убьют в первые полчаса. Ты легкая жертва. Если в этих письмах нет чего-то, о чем я не знаю, у тебя закончились твои приемчики.

— Меня раньше никогда не убивали, и я пока не намереваюсь получить такой опыт.

— Для тебя все кончено, Нонагесимус. Конец игры.

Ты в шоке открыла глаза, когда девушка взяла твой подборок в руки — пальцы ее казались горячими по сравнению с холодом позолоты на запястье — и вдавила большой палец тебе в челюсть. На мгновение тебе показалось, что у тебя галлюцинация, но это ощущение сразу спугнула близость Ианты Тридентариус, стоящей перед тобой на коленях, в позе просителя. Ее светлые волосы спадали на лицо вуалью, а наглые глаза смотрели полумоляще, полупрезрительно. Глаза были синие, со светло-карими вспышками. Как агат.

Глядя в глаза рыцаря, которого она убила, ты поняла — не впервые и не по своей воле, — что Ианта Тридентариус красива.

— Просто передумай, — выдохнула она. — Харри, тебе больше ничего не надо делать. Я знаю, что случилось, и я знаю, как это исправить. Просто попроси меня. Попроси. Это так просто. Смерть для слабаков. Ты и я в полной силе… мы разорвем Зверя Воскрешения и уйдем невредимыми. Мы можем спасти галактику. Спасти императора. Пусть дома говорят об Ианте и Харрохак, пусть оплакивают их. Прошлое мертво, они обе мертвы, но мы-то с тобой живы.

— А что они такое? Еще один труп, который мы за собой тащим?

Потрескавшиеся губы Ианты были алы. Лицо ее выражало мольбу — и ничего больше. Значит, то было волнение, а не тревога. Ты поняла, что это самый лучший момент.

— Иди в задницу, — сказала ты.

Вестники продолжали биться о корпус, как дождевые капли. Лицо Ианты снова обратилось ледяной насмешливой маской, она отпустила твое лицо, убрала нервные пальцы и спрятала жуткие золотые кости.

— Не думала, что сейчас время для непристойностей, но поддержу. Придуши меня, детка.

— Отвали.

— Ты почему-то считаешь настойчивость

добродетелью, — заметила она ни с того ни с сего. — Мне кажется, тебе лучше было умереть в доме Ханаанском.

— А тебе надо было убить сестру. Эти глаза не подходят к твоему лицу.

Из коммуникатора послышался голос императора, такой же спокойный, как и прежде:

— Четыре минуты до прорыва. — И дальше тоном учителя, говорящего с нерадивыми детьми: — Девочки, все на своих местах?

Ианта злобно отвернулась. Встала и провела человеческими пальцами по стене каюты — по холодной арке филигранной работы, по полированным металлическим панелям и костяным инкрустациям.

— Что ж, я попыталась, и теперь никто меня не осудит, — с этими словами она нырнула в арку. Ты услышала, как захлопнулась дверь, и осталась совсем одна.

Становилось все жарче. Станция, должно быть, уже совсем сварилась под копошащимся щитом надкрылий, жвал и антенн, мертвых предвестников голодного звездного мстителя. Коммуникатор трещал помехами, других звуков не было. В зачарованных коридорах Митреума стояла тишина, и жаркая влажная тишина поселилась и в твоей

душе. Крича, ты кричала без звука, мышцы горла сокращались немо.

Ты вспомнила о залапанном конверте, адресованном тебе.

«Открыть в случае твоей неминуемой смерти».

— Они идут, — сказал император. — Простите меня. Обрушьте ад им на головы, дети.

Где-то далеко послышался треск и скрежет хитина и металла. Колени у тебя подогнулись, и ты рухнула бы на пол, если бы не сидела. Ладонями ты закрыла глаза и заставила себя замереть. Темнота стала еще чернее и холоднее, первый щит вечной кости окружил тебя — глупый поступок, бессмысленный, щит рассыплется в момент погружения. За ним появился второй, третий, и наконец ты оказалась в безвоздушном, непроницаемом коконе. Пять пар глаз в Митреуме, считая твою, закрылись одновременно. В отличие от остальных, ты глаза больше не откроешь. Через полчаса, независимо от надежд Учителя, ты будешь мертва. Ликторы Воскрешающего императора начали долгое схождение в Реку, где притаился Зверь Воскрешения — у самой орбиты Митреума, полуживой, полумертвый, омерзительная, кишащая паразитами масса. Ты шла вместе с ними, но твое уязвимое тело осталось

позади.

— Молю, чтобы гробница оставалась замкнутой, — услышала ты свой придушенный шепот, который никак не становился громче. — Молю, чтобы камень никогда не откатили от входа, чтобы однажды погребенное вечно покоилось с миром, закрыв глаза и упокоив свою душу. Молю, чтобы оно жило… Тело из Запертой гробницы, — вдруг сорвалась ты. — Возлюбленная покойница, услышь свою рабыню. Я любила тебя всем своим жалким смертным сердцем, я любила тебя больше всего остального, позволь мне прожить достаточно долго, чтобы умереть у твоих ног.

Потом ты отправилась вниз, чтобы сотворить ад.

* * *

Ад выплюнул тебя обратно довольно скоро. Что ж, справедливо.

Ты очнулась не в танергетическом пространстве, где живут только мертвые и некромантические святые, которые сражаются с мертвыми. Ты оказалась в коридоре у своей каюты. Лежала на боку, умирая от жары, тяжело хватая ртом воздух. Ты насквозь промокла от пота — собственного — и крови — тоже собственной, твоя рапира

воткнулась тебе в живот и торчала из спины. Рана не была сном или галлюцинацией, кровь была мокрой, а боль — невероятной. В глазах уже начинало чернеть, как ты ни пыталась закрыть рану, сшить внутренние органы, пережать вены, привести в порядок тело, скулившее о покое. Ты ушла уже слишком далеко. Даже если бы этого захотела, письмо о неминуемой смерти прочитать уже не удалось бы. Ты могла только задыхаться в луже собственной крови, будучи слишком сильной, чтобы умереть быстро, но слишком слабой, чтобы спасти саму себя. Ты стала ликтором только наполовину, а половина ликтора — хуже, чем вовсе не ликтор.

Снаружи шумные стрекочущие Вестники Зверя Воскрешения застилали звезды, яростно колотили крыльями, стремясь зажарить все внутри. Откуда-то издалека, кажется, послышался звон мечей, и ты вздрагивала при каждом крике сталкивавшихся клинков. Ты ненавидела этот звук с рождения.

Ты приготовилась умереть с именем Запертой гробницы. Но твои дурацкие умирающие губы произнесли совсем другое слово, три слога, которые ты даже не поняла толком.

Пародос

Четырнадцать месяцев до убийства императора

В год несметный от Рождества Христова, в год десятитысячный от явления Царя Неумирающего, нашего Воскресителя, полного жалости Первого, Преподобная дочь Харрохак Нонагесимус сидела на диване своей матери и смотрела, как читает ее рыцарь.

Она лениво ковыряла пальцем гниющий парчовый череп на ковре, беззаботно уничтожая долгие годы труда какого-то преданного отшельника. Челюсть уже поддалась.

Рыцарь сидел в жестком кресле очень прямо. Со времен его отца кресло не принимало никого сравнимых габаритов и сейчас сильно рисковало окончательно развалиться. Он старательно втиснул в кресло свое внушительное тело, как будто выход за его пределы мог привести к Несчастному случаю, а она очень хорошо знала, что Ортус ненавидел всякие случаи.

— Ни слуг, ни челяди, ни домочадцев, — прочитал Ортус Нигенад и подобострастно сложил

лист. — Я буду служить вам в одиночку, госпожа моя Харрохак?

— Да, — сказала она, поклявшись терпеть как можно дольше.

— Ни маршала Крукса, ни капитана Агламены?

— Ни слуг, ни челяди, ни домочадцев! — сказала Харроу, теряя терпение. — Я верю, что ты способен разгадать этот сложнейший шифр. Только ты, первый рыцарь, и я, Преподобная дочь Девятого дома. Все. И это кажется мне… неприличным.

Ортус явно не находил это неприличным. Он опустил густые темные ресницы — Харрохак всегда думала, что они пошли бы какому-нибудь милому домашнему животному, например свинье. Он вечно смотрел в пол, и не от скромности: следы гусиных лапок, потоптавшихся у глаз, оставила грусть, тонкие морщины на лбу были следом трагедии. Она с удовольствием отметила, что кто-то — возможно, его мать, мерзопакостная сестра Глаурика — раскрасила ему лицо так же, как красился его отец, покрыв всю челюсть черным в честь Безротого черепа. Не то чтобы он испытывал особую любовь к Безротому черепу, которую предполагала священная краска. Просто любой череп с челюстью в его исполнении стал

бы широченным белым черепом с депрессией.

Через мгновение он внезапно заявил:

— Госпожа, я не могу помочь вам стать ликтором.

Она ужасно удивилась тому, что он рискнул высказать собственное мнение.

— Очень может быть.

— Вы соглашаетесь со мной. Чудесно. Благодарю за милость. Я не могу выступить за вас в формальной дуэли, ни с длинным мечом, ни с коротким, ни с цепью. Я не могу стоять в ряду первых рыцарей и зваться равным им. Фальшь убьет меня. Я не могу начать верить в это. Я не смогу сражаться за вас, госпожа моя Харрохак.

— Ортус, — сказала она. — Я тебя всю свою жизнь знаю. Ты правда воображаешь, что я питаю иллюзии, будто тебя может спутать с мечником хотя бы дементная собака, ничего не знающая об оружии? В темноте?

— Госпожа, только в память об отце я смею звать себя рыцарем, — сказал Ортус. — Только из-за скудости моего Дома и ради гордости матери. Я не имею никаких рыцарских добродетелей.

— Не знаю уж, сколько раз тебе повторить, что мне это прекрасно известно, — ответила Харрохак, выковыривая из-под ногтя крошечный

обрывок блестящей нитки. — Учитывая, что этому были посвящены сто процентов наших разговоров за минувшие годы, я могу только предположить, что ты пришел к каким-то новым выводам и заволновался.

Ортус наклонился вперед, сцепил длинные нервные пальцы. Руки у него были большие и мягкие, да весь Ортус был большой и мягкий, как пухлая черная подушка. Он протянул руки вперед молящим жестом. Она невольно заинтересовалась: он никогда еще не позволял себе столь многого.

— Госпожа, — рискнул Ортус, цепенея от застенчивости. — Я бы никогда не сказал такого, но если долг рыцаря — держать клинок, если долг рыцаря — защищать других этим клинком, если долг рыцаря — умереть от чужого клинка, вы когда-нибудь подумали бы про Ортуса Нигенада?

— Что?

— Госпожа, только в память об отце я смею звать себя рыцарем, — сказал Ортус. — Только из-за скудости моего Дома и ради гордости матери. Я не имею никаких рыцарских добродетелей.

— По-моему, мы об этом уже говорили, — сказала Харрохак, соединяя кончики пальцев и с интересом проверяя, как сильно можно рас-

тянуть дистальные фаланги. Одно неверное движение — и нервы треснут. Этому старому упражнению научили ее родители.

— Новость о том, что ты не посвятил всю свою жизнь боевым искусствам, с каждым разом удивляет меня все меньше. Но давай, удиви меня, попробуй. Я готова.

— Я хотел бы, чтобы наш Дом родил мечника, который более меня был бы достоин этих славных дней, — нараспев заявил Ортус, который вечно копался в альтернативной истории, если его не гнали на службу или не просили сделать что-нибудь, что ему казалось сложным. — Я хотел бы, чтобы наш Дом не оскудел бы до «тех, кто держит в ножнах клинки»…

Харрохак поздравила себя с тем, что не указала ему на причины этого оскудения. Их было ровно три: его мать, он сам и «Ниада», его незаконченная эпическая поэма о Матфии Ниусе. У нее было гнусное подозрение, что его последняя фраза, вокруг которой он явно произнес кавычки, была взята из этой самой поэмы, которая уже добралась до восемнадцатого тома и совершенно не собиралась замедляться. Даже наоборот, она разгонялась, как очень скучная лавина. Харроу сочиняла возражение, когда увидела, что в от-

цовскую библиотеку вошла сестра-прислужница. Харроу не услышала ее стука, но проблема была не в этом. А в том, что пепельно-серая краска на лице сестры изображала милое мертвое лицо Тела.

Ладони вмиг стали мокрыми. Вариантов было два: либо сестра была настоящей, а ее лицо — нет, либо сама сестра ненастоящая. Просто оценить всю костную массу в комнате и сделать подсчеты не получалось: кости в мясе дают столько обманчиво мягкой талергии, что только идиот бы стал пробовать. Она перевела взгляд на Ортуса в слабой надежде, что он тоже предаст ее так или иначе. Но он по-прежнему смотрел в пол.

— «Те, кто держат в ножнах клинки» хорошо служили нашему Дому, — сказала Харрохак ровным голосом. — Кстати, это хреновая строчка, так, на всякий случай. Никого не удивит, что ты — тормоз.

— Это октаметр, традиционная форма. Те, кто держат в ножнах клинки…

— Нету тут девяти метров или сколько там…

— …Никогда не пуская их в ход.

— Следующие двенадцать недель будешь тренироваться с капитаном Агламеной, — сообщила Харрохак, потирая ладони одну об другую, пока

пальцы не согрелись наконец. — Ты должен дотянуть до минимума, которого ожидают от Первого рыцаря Девятого дома. К счастью, сейчас от тебя ждут, чтобы в ширину ты был таким же, как в высоту, и мог поднять огромный вес. Но мне от тебя нужно… значительно больше, чем лезвие рапиры, Нигенад.

Сестра проскользнула на краю поля зрения Харроу. Ортус поднял голову и не узнал сестру, что все еще усложняло. Он смотрел на Харроу с непонятной жалостью, которая, как она подозревала, относилась к ней самой. С жалостью, которая делала его изгоем в собственном Доме, и сделала бы его еще большим изгоем в Доме, откуда пришла его мать. Она не представляла, почему Ортус стал Ортусом. Эта тайна была слишком скучной.

— Что еще? — горько спросил он.

Харрохак закрыла глаза, отгораживаясь от печального трясущегося лица Ортуса и тени девочки с лицом Тела. Тень ничего не сказала. Физическое присутствие часто бывало ловушкой. Харроу мысленно отгородилась от новой ржавой рапиры, скрипевшей в ножнах на бедре Ортуса. От успокаивающего запаха пыли, которую нагревал гудящий обогреватель в углу. От запаха свежеразведенных чернил в чернильнице. Ду-

бильная кислота, соли человеческого тела.

— Все вовсе не так, — сказала Тело.

Это вдруг придало Харроу сил.

— Тебе придется скрывать мою слабость, — сказала она. — Понимаешь, я безумна.

Акт первый

1

Девять месяцев до убийства императора

Где-то в несметном году от Рождества Господа нашего, далекого Царя некромантов, благословенного Воскресителя святых — ты впервые взяла в руки клинок. Это была твоя первая огромная ошибка.

Клинок ненавидел тебя. Длинная рукоять жгла голые руки, будто нагревалась до температуры звезд. Космический вакуум не давал никакой танергии и не генерировал талергии, но это не имело значения. Ты в них больше не нуждалась. Ты заморозила свои ладони, обмотала их толстыми полосами хрящей и попробовала снова.

Теперь рукоять стала холодной, как смерть, и такой же тяжелой. Ты подняла меч, локти хрустнули, ты схватилась за яблоко, чтобы удержать равновесие. Тебе нужен был новый фокус: узкая костяная лента выскочила из живого запястья, осторожно обогнула сухожилие сгибателя и воткнулась в тыльную сторону ладони. Ты не дрогнула. Ты никогда не делала ничего подобного. Потом ты вырастила длинные костяные

пальцы, которые схватились за рукоять, и другие пальцы, которые схватились за нее еще раз, повыше. Ты подняла меч, если можно так выразиться, с помощью стучащей шуршащей корзины из восьми искусственных пальцев.

Теперь ты смогла кое-как приподнять меч перед собой под тупым углом. Подождала. Ты ничего не почувствовала: ни понимания, ни навыков, ни знаний. Ты оставалась просто некроманткой, а меч — просто мечом. Он выпал из руки и зазвенел, ударившись об пол, ты согнулась вдвое и заблевала больничный коридор. Рядом работало довольно много людей в форме, но они все привыкли к таким выходкам. Харрохак из Первого дома, девятая святая на службе Императора Неумирающего, могла блевать сколько ее душе угодно. Ты была живой святыней, пусть даже твоим первым вкладом в дело ликторов стал поиск новых способов блева. Они вмешивались, только если ты могла захлебнуться собственной рвотой. Эту помощь ты всегда ощущала позорной.

* * *

В первый раз, когда человек, которого ты называла богом, дал тебе меч — пребывая в ипостаси Князя Милосердного, несущего только добро, —

ты впала в глубокий ступор, из которого так никогда и не вышла. Кажется, меч просто воплотил в себе твое горе, придав ему вид шести футов стали. Ты возненавидела этот трижды проклятый клинок с первого взгляда, что было несправедливо, поскольку он возненавидел тебя в ответ. Ты пыталась обуздать его, но безрезультатно. Каждое прикосновение заканчивалось тем, что содержимое твоего желудка украшало пол. Дни рассыпались, как пепел под вентилятором, разлетались в стороны без всякой надежды собрать их, летели тебе в лицо или ускользали прочь, не давая себя схватить. Иногда ты вставала и подбирала меч, как будто чего-то ожидая. Никогда ничего не происходило. Ты ничего не чувствовала, кроме невыносимой, громадной ненависти меча, которая была реальной даже тогда. Ваши с мечом горечь и ярость сливались, а потом ты оказывалась на полу в луже рвоты, с мозолями на руках.

Разные элементы жизни сходились под странными неуклюжими углами. Иногда ты оказывалась покрыта кровью, иногда на тебе была чужая одежда. Иногда что-то щекотало твои уши или лоб и пугало тебя до смерти, пока ты не понимала, что это просто волосы. Вдали от дрербурских

ножниц они росли почти непристойно быстро. Ты подрезала их сама, но все-таки противные пряди торчали за ушами — или, может, ты вовсе не стриглась? Иногда ты тянулась рукой к голове и вдруг понимала, что на тебе нет рясы, а лицо не раскрашено под череп. Никто не давал тебе краски, на всем корабле не было ни единого уголька, тем более должным образом благословленного. Осознав это в первый раз, горя от унижения и тоски, ты разорвала на полосы простыню и обмотала себе голову. Но большая часть лба все равно оставалась голой, если не считать волос. К тому же это была простыня! Ты настроилась на поэтический лад и принесла последнюю жертву черной весталки: растворила себе вены и, дрожа не от боли и не от потери крови, вслепую нарисовала на лице обрядовый череп Неизвестной маски.

Люди в форме были вечно заняты чем-то помимо тебя. Иногда тебя робко уговаривали сесть и снять импровизированную вуаль, чтобы съесть миску прозрачного супа, но эти воспоминания были смутными и фрагментарными. Ты не думала, что когда-нибудь сможешь есть снова. Иногда люди мельтешили вокруг, а ты лежала навзничь на своей койке и дрожала от ужаса перед скоплениями звезд за окном. Толстый плексигласовый

барьер казался слишком легким и хрупким, чтобы защитить тебя. За ним скалился бесконечный черный космос, пугавший тебя до безумия. Временами ты засыпала и как-то просыпалась. Ты давно перестала слушать человеческие голоса, говорившие всякую хрень. Они молились на свой лад: «три тысячи единиц — готово, в списке припасов — это в мусор — зарядов хватает».

В прошлой жизни ты бы заинтересовалась. Но сейчас тебя преследовали другие звуки кроме тех, которые улавливало ухо. На борту корабля слышался глухой немузыкальный шум, похожий на шлепанье мокрых барабанов. Ты паниковала, пока не поняла, что это биение семисот восьми сердец, и не успокоилась. Гудение семисот восьми мозгов в спинномозговой жидкости. Не проверяя, ты знала, что триста четыре сердца принадлежат некромантам: миокард некромантов ощущался совсем по-другому, работал хуже, сокращался слабее. Ты чувствовала живых. Поняв, что именно ты слышишь, ты начала замечать все вокруг: пыль, ложащуюся на блестящие черные плитки пола, шум в своей легочной артерии, мягкость костного мозга, впитывающего кислород. И вся эта какофония не могла тебя разбудить.

Иногда ты обнаруживала, что стоишь, к горлу

что-то подкатывает, а на полу лежит брошенный грязный меч. Ты не могла вспомнить, как вставала. Ты не могла вспомнить, как ты здесь очутилась. Иногда ты забывала, кто ты, а вспоминая это, плакала, как ребенок.

Во время этого бессмысленного убийства времени приходила Тело. Она клала прохладные мертвые ладони тебе на лоб и опускала воспаленные веки пальцами, чтобы ты не видела ни меча, ни людей.

Это была великая честь. Это была неслыханная милость. Теперь она постоянно приходила к тебе и была невероятно терпелива, и тебе делалось легко, и ты испытывала благодарность. Руки ее посерели в смерти, но оставались мягкими и казались такими знакомыми, будто ты в самом деле чувствовала их, как будто ласка покойницы становилась осязаемой. А когда она поворачивалась к тебе лицом, красота, не нарушенная даже дыханием, поражала тебя, как и всегда.

Потом она отводила тебя обратно в постель и укладывала спать. Ради нее ты старалась быть покорной хоть раз в своей непутевой жизни, пусть тебе и казалось, что это необязательно. Когда появлялась Тело, время шло, как ему следовало, а не таяло, как льдинки, снова появляющиеся

в самых неожиданных местах. Мозг продолжал ныть, чтобы ты оставалась в сознании. Тот факт, что Тело пришла к тебе сейчас, казался невероятно важным. Если бы только ты могла очнуться и понять почему.

Лицо чесалось от засохшей крови, вокруг шептались люди.

Тысячи кило костей — старых — продолжайте, они кончатся первым делом. — Нет, сержант, ройте, мы уже выбились из графика.

* * *

Твой мир стал белым стерильным боксом. Лазаретом на борту «Эребуса». «Эребуса», флагмана Императора Неумирающего, корабля класса «Левиафан». За это знание ты цеплялась, как умирающий от удушья — за последний глоток воздуха. Ты жила в прохладной зале, лишенной цвета, уставленной коробками и голыми койками. У тебя были койка, стул и меч. Однажды меч у тебя попытались забрать — попытались, выдумав какую-то отговорку, — это воспоминание, алое, сырое и неясное, почему-то тревожило тебя. С тех пор никто не прикасался к двуручнику.

Он появлялся по всей палате, там, где ты его роняла, и обычно это падение сопровождалось

таинственной вонью блевотины. Теперь ты спала рядом с ним, как будто он был огромным стальным младенцем. Честно говоря, ты бы предпочла забросить эту хрень прямо в горящее чрево Доминика, меч был тебе отвратителен, и ты чувствовала, что он мечтает причинить тебе вред. Но он не мог попасть в чужие руки.

Это все совершенно не помешало тебе затупить лезвие, исцарапать полировку и вообще облажаться по полной, хотя ты с трудом это осознавала. Ты ничего не знала о мечах, ты ни разу не удосужилась задать ни одного вопроса, ты их даже не различала толком. Бывали узкие клинки, бывали широкие. Маленькие и большие. Этот солдатский двуручник был огромен, странен и очевидно зловреден. И ты за него отвечала, хотя не могла даже прикоснуться к нему без заклинания.

Иногда ты опускалась на колени у койки и пыталась молиться. Тело была здесь, и некого стало благодарить, и просьб не осталось. Умиротворение ты находила, лежа в полусне, будто одурманенная, на койке, замедляя биение собственного сердца под ледяными белыми звездами, сходя с ума от ярости, о которой ты уже забыла, которая разъедала тебя изнутри. Люди

приходили и уходили, тебе выделили самую широкую койку, на тебя никто не смотрел. В какой-то момент ты решила, что уже мертва. Эта мысль принесла только облегчение.

2

Бог стоял в дверях и говорил:

— Тебя снова стошнило, Харрохак.

Ты всегда старалась прийти в себя ради императора Девяти домов, который регулярно одаривал тебя своей милостью, стучал в твою дверь и ждал позволения войти, тем самым доказывая свою божественную природу. Теперь он стоял на пороге со своим вечным листком и вечным планшетом. За ним толпились люди в форме, но его невероятные глаза — нефть, разлитая на уголь, — были обращены на тебя.

— Ты теряешь мышечную массу, — сказал он, — а у тебя ее и было-то немного.

Твои губы выговорили с отрадной ясностью:

— Зачем ликтору меч? Господи, какая в нем польза? Я умею управлять костями. Я придаю форму плоти и пробуждаю души. Мне больше не нужна танергия извне. Зачем мне такая грубая штука?

— Рад слышать, что тебе лучше, — отозвался он. — Я не стану рассуждать с тобой о философии. Не после того, как тебя выворачивало наизнанку три часа.

А что, выворачивало?

— Я не чудовище. Иди прополощи рот. Я не против того, чтобы ты заполняла пустоту. Не делать этого очень расточительно.

Покачиваясь, ты восстала с койки, как призрак из могилы, и подошла к ближайшей раковине, где сдвинула загаженную вуаль и ожесточенно прополоскала рот средством от зубного налета. Вращавшиеся вокруг Императора спутники — раздраженные офицеры Когорты — загомонили, когда он сказал:

— Да, — затем сразу, — нет, — и, — новая обшивка не понадобится, «Эребус» станет транспортником.

— Мой милостивый господин, верная святая радости…

— Так и не научилась ждать, — отрезал бог. — Не забывайте коммуникаторы. Утром я ответил на целых три звонка.

— Но ее приказ был отменен…

— Приказ ликтора есть приказ бога, и к нему следует относиться с тем же почтением, какого мог бы ждать от вас я. Но не прямо сейчас. Поставьте последнего выпускника Трентхема на стелу и велите создавать помехи в эфире, если она продолжит.

— Господин?

— Выпустить воздух сквозь зубы, высоко подняв язык и двигая ладонью перед ртом. Звучит подозрительно, понимаю. Но она ни разу не догадалась, что я это делаю.

Ты сплюнула в раковину. В зеркале маячила Тело, тихонько ждущая рядом с тобой. На ней была бирюзовая больничная рубашка, такая же, как на тебе, волосы подернулись инеем, прекрасные губы сжались в тонкую линию. За спиной у нее висел меч. Ты поймала в зеркале взгляд бога и на мгновение поверила, что он тоже ее видит, что он видит вас обеих. Но это оказался обман зрения.

— Харрохак, — сказал он. — Я хочу, чтобы ты пошла со мной.

Серьезные усталые лица офицеров дрогнули все разом. Один сказал очень тихо и медленно:

— Простите меня, милосердный князь, но позвольте донести до вашего сведения, что адмирал Мертвого моря и адмирал Бесконечного флота начали встречу… десять минут назад.

— Ни одна встреча не поднимет восемнадцать тысяч мертвецов, — отмахнулся император. — Мне нужно поговорить с Харрохак из Первого дома. Будьте так любезны зайти за мной в Старые покои через десять минут.

Атташе обмякли, как будто вдруг потеряли точку опоры, и удалились по коридору разве что не бегом. Ты испугалась, что, если оставишь меч, кто-нибудь сможет его забрать. Вместо того, чтобы поднять меч, ты легла рядом с ним, черно-блестящим на койке. Перекатилась на спину, прямо на широкий клинок, и закрепила ремни из плотной кости на спине, обвела вокруг клинка и рукояти. Сгибаясь под его весом, не прикрытая ничем, кроме рваной простыни, жалкая в своей бирюзовой наготе, ты шла рядом с императором по длинным черным коридорам, пытаясь понять, где ты находишься во времени и пространстве.

Ты осталась практически голой. Меч так тянул тебя вниз, что ты казалась еще и горбатой. Неизвестная маска хлопьями спадала с тебя. Выглядела ты как полная дебилка.

— Ну конечно, — бормотал бог себе под нос. — Как будто хоть одна встреча адмиралтейства в этом мире длилась всего двадцать минут.

— Что со мной происходит? — с трудом спросила ты.

— У тебя был шок, — сказал император, что, разумеется, не было ответом.

— Так бывает со всеми новыми ликторами?

— С некоторыми, — неопределенно ответил он,

что не принесло тебе облегчения. Его планшет тихо запищал, император бросил на него короткий взгляд и сунул планшет в карман. — Как ты себя чувствуешь?

У тебя не было сил на переживания. Тебя атаковали ощущения семисот восьми сердечных мышц. Ты чувствовала присутствие каждого тела на борту, как чувствовала бы готовящуюся пищу: вкусный запах, потоки теплого насыщенного воздуха. Их танергия и талергия витали вокруг тел, как будто цвели на них, как будто свет играл на металле. И это было еще не все: напрягая все чувства, ты ощущала еще более глубокое спящее биение жизни и смерти, огромное количество примолкших сердец. Ты чувствовала мертвецов в корабельном морге: десять групп разрозненных покойников, подвергнутых шоковой заморозке, предотвращающей гниение талергии.

Спокойствие их танергии поражало: даже тела во льду не были такими тихими.

Ты поняла, что Тело перестала двигаться и что император молча ждет тебя.

— Я устала от процесса выздоровления, господи.

— Если бы я все сделал по-своему, это заняло бы месяцы, а не недели, — ответил он. — Я бы

позволял тебе возвращаться понемногу, кусочек за кусочком, пока ты не почувствовала бы себя готовой и не проснулась бы. Я не смог. Я победил смерть, Харрохак. Хотел бы я оказаться умнее и подчинить себе время. Я вынужден просить тебя встать в строй быстрее, так что я хочу показать тебе нечто, что… сможет подстегнуть тебя, надеюсь.

От его такта, оттого, что он все понимал, тебе сразу стало легче. Это ощущение держало тебя на ногах во время поездки на лифте, хотя он плыл сквозь огромное чрево «Эребуса» несколько полных минут. Ты никогда не видела ничего настолько нового и свежего. Ты сосредоточилась на черно-серебряных прожилках на металлических панелях, на радужных вставках, на черепе над дверью: художник превратил его в череп Первого, аккуратно вставив чьи-то кости в центральный знак, вокруг которого собрались восемь покорных Домов. Череп твоего Дома казался тихим и простым по сравнению с остальными. Мягкие черные занавеси закрывали плексиглас, металл и старомодные отсветы светодиодов.

Двери открылись с легким шорохом, за ними оказалось гигантское гулкое пространство. Динамик над головой объявил:

— Бог-император решил почтить своим присутствием второй грузовой склад, — и ты увидела, как забегали люди. Случайно попавшие сюда офицеры Когорты в белых мундирах расступались, быстро кланялись, бросали все свои дела, чтобы оставить своего повелителя в одиночестве. Их шаги звучали как топот убегающих животных. Ты оказалась на стальном балконе, под которым стояли сотни и сотни продолговатых ящиков. Каждый был длиной в человеческий рост и высотой в половину роста. Стенки ящиков состояли из костей, таких головокружительно ровных и чистых, что ты не сразу осознала, что это такое, и долго переводила взгляд туда и сюда. Прохладный рециркулируемый воздух трепал полы рубашки и холодил ноги, но именно холод приводил тебя в чувство, а ты хотела осознавать происходящее. Белая кость блестела не так ярко, как металлические сплавы и пластизированные панели, покрывавшие стены отсека. Поверх костей была натянута мягкая прозрачная кожа, такая тонкая, что ты видела сквозь нее, а под кожей было…

— Обещанный подарок. Твой новый Дом, — сказал император.

Посмотрев на твое лицо, он осторожно преду-

предил:

— Чуть меньше пяти сотен, и только треть продемонстрировала способности к некромантии. То же будет и в следующем поколении. Всем от пятнадцати до сорока — я решил, что так проще всего.

— Господи, — сказала ты, совсем забыв, что этот самый господь стоит прямо здесь. — Древние мертвецы. Ты совершил воскрешение.

— Ну нет. Я никого не воскрешал по-настоящему уже десять тысяч лет. Но за это время… я многих откладывал из соображений безопасности. И мне было стыдно перед ними за то, что они служили мне просто страховкой. Они проспали все эти годы, Харроу, и мне станет гораздо легче, когда они пробудятся. Я запущу процесс пробуждения, прежде чем отправить их на Девятую.

Ты сняла тряпичную маску, чтобы обратить к императору все лицо. Тебе почти не было стыдно, что оно обнажено. В конце концов, он его уже видел раньше. Болезненная надежда росла в тебе, как пузырьки азота в крови ныряльщика, и ты забылась.

— Позволь мне пойти с ними, — попросила ты. — Ненадолго. Я только представлю их своему Дому, своему сенешалю и скажу…

— Потише, Харрохак, — сказал он. — Нам нужно многое обсудить, а потом сможешь снова попросить меня об этом. Жаль, что у меня так мало времени на объяснения.

Ты сбежала по ледяным металлическим ступеням, прыгая через одну, чувствуя, как колотится сердце о серозный перикард, как металл царапает босые ноги. Подгоняемая болью, ты бродила меж рядов лежащих тел — своего спящего народа. Ты останавливалась над их колыбелями и смотрела сквозь мутную пленку кожи, покрытую тихонько пульсирующей сеткой вен, смотрела на каждое лицо по очереди. Ты пыталась запечатлеть их всех в памяти, но черты сливались в единое пятно, в море чужаков, ставших Девятым домом. Ты пошатнулась от благоговейного ужаса. Тело следовала за тобой, ровно в половине шага, держа холодную руку на твоей спине.

Император сохранял вежливое расстояние между собой и плодами своих трудов, пока вы с Телом заглядывали в каждый из гробов. Наконец ряды ящиков из костей и кожи уступили место своим более маленьким и ярким сородичам. Эти были вырезаны из белого камня, а не из костной материи, и вырезали их так недавно, что местами на стенках осталась каменная крошка. Форму они

имели самую разную: шестигранные похоронные урны, предназначенные для похорон в глубинах, или компактные шестиугольники, какие обычно стоят в оссуариях. Их покрывали драпировки цветов всех Домов, кроме черного, — сегодня для твоего Дома не приготовили пустого гроба. А сбоку стоял еще один гроб, ничем не прикрытый. На нем лежала маленькая роза, молочно-белые лепестки которой уже облетали на камень.

Там лежали трупы, о которых ты уже знала. Каждый представлял собой резкий, тихий сгусток танергии без малейшего намека на талергию, на суетившиеся на коже бактерии. Они походили на статуи и были нетленны. Творение императора, скорее всего. Некоторые казались неправильными. Ты без всякого выражения посмотрела на шестигранную урну, задрапированную в багряный и белый цвета Второго дома: там не было человеческих останков. Единственный гроб, прикрытый роскошным золотом Третьего дома, тоже пустовал. Ты не смогла обнаружить тела в серых шестиугольниках, предназначенных для Шестого дома, хотя в одном из них лежали какие-то жалкие ошметки и остатки, совсем не похожие на тело. По твоей нервной системе промелькнуло нечто, напоминающее эмоцию, но тут же умерло,

к твоему огромному облегчению.

Ты знала, что Тело стоит чуть позади тебя, совсем рядом с императором. Ты сказала:

— Почему некоторых тел не хватает?

— Одна из сомнительных привилегий Первого дома, — ответил бог, — состоит в том, что нам редко приходится что-то объяснять.

— Рыцари…

— Слились со своими ликторами. Это не ложь… не совсем. Это упрощение ужасной… и священной правды.

Ты ничего не ответила.

— Мы прочесали дом Ханаанский частым гребнем, когда забирали тебя. Мы не нашли ни живых, ни останков, и какой конец ожидал тех, чьей судьбы мы не знаем — если этот конец вообще пришел, — тайна. Но эту тайну я планирую разгадать. До того времени я постановил считать их мертвыми. Возможно, это преждевременно, но я предпочту, чтобы Дома оплакали своих мертвых сейчас, Харрохак, и возрадовались потом.

Ты смотрела на ничем не прикрытый гроб с маленькой восковой розочкой. Ты вдруг поняла, какой именно древний, источенный раком труп заточен внутри. Твоя нервная система попыталась обработать слишком много эмоций за

один раз — и отключилась окончательно. Тело подошла и повернула тебя лицом прочь от гроба, но не смогла убрать внезапно вспыхнувшие воспоминания.

— Она должна отправиться домой, Харроу, — тихо сказал император.

— Седьмой дом примет ее? — Ты не смотрела в его сторону.

— Он никогда не был ей домом. Я отправлю Цитеру спать с братьями и сестрами.

Ты пылала. Тебя трясло. Тело провела прохладными гладкими пальцами по твоей раскаленной щеке и заставила тебя перевести взгляд на ящики из кожи и костей, на мертвых, которые стали спящими и сделались частью древнейшего из известных тебе чудес. Часть твоей клятвы была исполнена. Ты бы испытала облегчение, но забыла, как это делается, чисто технически.

Теперь вы с богом стояли лицом к лицу. Ты рассматривала его без всякого стеснения: сияющая переливчатая радужка, глубокая чернота роговицы и зрачка, длинное, угловатое, вежливое лицо. На лбу и под глазами у бога лежали глубокие морщины. Брови были печально нахмурены, но остальное лицо казалось веселым, подвижным, человеческим. Холодные белые огни склада

высвечивали лоснящиеся от долгого ношения участки на рубашке и превращали теплый коричневый оттенок его рук и лица в скучную охру. Если бы не знала, кто он, то сочла бы его совсем неприметным, но нельзя было посмотреть на него и не понять, кто он. Печать божественной жути лежала на нем.

— Ты можешь воскресить их, — сказала ты, уже не пытаясь оставлять мысли при себе, — только ты. Но ты не станешь этого делать. Почему?

— По той же причине, по которой я не делал этого последние десять тысяч лет. По той же причине, по какой я не могу вернуться к девяти Домам. Цена слишком высока.

Ты покачнулась. Или упала. Металлическая решетка впилась тебе в колени, оставляя красные следы на коже. Поднимающийся снизу воздух вонял антистатиком. Ты сказала в стену:

— Владыка, научи меня, как посчитать эту цену.

Бог помог тебе встать. Просто обхватил под мышками, совсем как человек, и дернул наверх. Неуклюже сжал твои ладони — быстрым странным движением, как будто хотел тебя успокоить, но не знал как. А потом убрал руки.

— Харроу, не нужно вставать передо мной

на колени. Я не позволю тебе этого, пока ты не узнаешь, что имеешь в виду на самом деле. Мне больно смотреть, как ты кланяешься, хотя должна была бы ударить меня в лицо.

Ты вспыхнула и запротестовала:

— Господи…

— И прекрати звать меня господом. Ты не понимаешь этого слова, а я не хочу быть для тебя богом. Пока. Ты инвалид, а не последователь. Послушай меня, хотя бы на это ты способна? Я не хочу тебя торопить, Харрохак, но у нас совсем нет времени.

Это было невыносимо.

— Я все еще сохраняю некоторые из своих способностей, владыка.

— Что ж, остается только надеяться на это.

Ты вцепилась в гроб, в котором не было тела Коронабет Тридентариус, потому что твое прикосновение никак не навредило бы тяжеленной плите. От меча болела спина. Князь Милосердный следил, как ты пытаешься встать, как горбятся твои плечи под весом стали, а потом сказал:

— Харроу, мы только что вышли из системы Доминика. Когда ты придешь в себя, мы отправим «Эребус» в Девятый дом, и он доставит то, о чем я говорил. Потом он отправится от Дома к Дому,

чтобы вернуть им мертвецов. Но меня на борту не будет. Ты не обязана оставаться со мной. Или ты можешь остаться здесь как моя длань. Решать только тебе.

Ты попыталась вспомнить, что сказала, впервые проснувшись на борту «Эребуса», что сказала, впервые увидев своего Воскресителя. Но не смогла.

— Я выбрала…

— В неведении. Это не был выбор. Послушайка…

Он подошел к простому гробу, оперся о переборку. Положил на крышку гроба планшет. Коснулся ладонью гладкой поверхности рядом с маленькой розой.

— Харрохак, что происходит, когда кто-то умирает? — спросил император.

Детский вопрос. Ты должна была отвечать на него, не раздумывая, как другие люди дышат или ходят, и именно поэтому он показался тебе трудным. Простота была ловушкой. Ты царапнула ногтем голое бедро, сдавив капилляры под кожей, и ответила:

— Апопневматизм. Дух вырывают из тела. Происходит первоначальный всплеск танергии.

— Почему?

— Талергическое разложение приводит к смерти клеток, — осторожно сказала ты, сильнее ковыряя ногтем, — которая излучает танергию. Массовая смерть клеток, следующая за апопневматизмом, приводит к массированному изливу танергии, но всплеск затихает и поток стабилизируется в течение тридцати — шестидесяти секунд.

— А что случается с душой?

— В случае медленной смерти… от старости, болезни, некоторых иных причин… переход происходит просто и сам собой. Лиминальный осмос утягивает душу в Реку. Если возникает апопневматический шок, то есть если смерть была внезапной и жестокой, взрыв энергии может преодолеть осмотическое давление и на время изолировать душу. В этом случае мы получаем призрака и дух.

— А у кого есть душа?

Кажется, этот забег ты бы не выдержала. Вопросы становились то ли глупыми, то ли суемудрыми. Тело следила за тобой внимательным, чуть затуманенным взглядом.

— Любая сущность, обладающая достаточной талергической сложностью, имеет душу. Люди, короче говоря.

Император побарабанил пальцами по крышке гроба и сказал довольно тоскливо:

— А почему у нас нет бессмертной души? Я бы отдал все свои сотни лет за один день человеческой жизни, чтобы потом тоже подняться на небо…

— Что? — это застало тебя врасплох.

— Подумай сама, Харрохак. — Эти его слова напомнили кое-кого, и воспоминание оказалось неприятным. Ты немного изменила свой ноготь, заострив мертвую кератиновую пластину, и из ноги наконец полилась кровь. — Что еще обладает огромной и сложной массой талергии? Какова задача некроманта Когорты?

Твой мозг позорно поплыл, но все-таки в тебе осталось что-то от старой Харрохак. Достаточно, чтобы стоять здесь и задавать вопросы. Ты была очень благодарна этому дерзкому призраку себя, который поинтересовался: какова же задача некроманта Когорты? Может, лучше спросим, на фига нужны в Когорте мечники? Чтобы поддерживать некроманта, обеспечивать смерть и танергию, необходимую для работы некромантической магии. На чужих планетах не бывает танергии. То есть слабые ее следы присутствуют, конечно, но в основном планеты талергичны

по своей природе. Отправьте туда некромантку — и толку от нее почти не будет. Танергия возникает из…

Скорее Телу, чем ему, ты сказала:

— Планета — шар грязи. Талергия возникает при накоплении массы микроорганизмов. Их нельзя счесть единой системой.

— Назовем это общей душой, — сказал император. — Что такое человек, если не мешок микроорганизмов? Ты — адептка костяной магии. Маги плоти узнают об этой системе раньше вас. — Это было сказано с любовью и даже с юмором, но тебе немедленно захотелось выброситься в шлюз при мысли, что твоя школа чем-то уступает магам плоти. Тем, чье образование ограничивается мясом. Экспертам в области мягких трясущихся субстанций. Магам, полагающим, что в мышцах можно найти что-то интересное.

Он ошибочно принял твое глубочайшее, фанатичное отвращение за неверие и сказал:

— Попробуй просто принять как данность, что сейчас на планете существует единый огромный сгусток талергии. Если эта талергия совершит переход, что может случиться?

— Мы уже знаем, что случится, — сказала ты. Язык с трудом ворочался во рту, веки чесались

и распухли, тебе очень хотелось их опустить. Первый прилив адреналина закончился. Тело подошла и взяла тебя за запястье, сомкнула вокруг него пальцы. Довольно крепко. Это позволило тебе сказать:

— Когорта готовит планету к появлению некромантов, если нам нужно ее захватить. Со временем, с появлением танергетического разложения, планета преображается. Некромантия — естественное последствие этого. Ничего не происходит. Конечно, флора и фауна меняются, а в конце концов меняется и вся планета, и население необходимо с нее убрать, но это такой длительный процесс… он занимает поколения. Нельзя назвать это «что-то происходит».

— А теперь убьем всю планету разом, — предложил император, — что будет?

Ты посмотрела на него. Император Девяти домов поднял руки ладонями вверх, как будто вознес беспомощную молитву потолку складского отсека. Его нечеловеческие глаза были холодны и спокойны. Тебе было известно только об одной массовой смерти планет. Ты ответила.

— Ты имеешь в виду, владыка, что был там — при Воскрешении.

— Да. И я видел, как мгновенно преображается

талергия. Это разница между смертью от болезни и убийством. Шок, немедленный отрыв души. Представь, что душу безвременно вырывают из человеческого существа… а из планеты…

На ладонях вдруг выступил непрошеный пот. Струйка крови потекла по ноге, и ты остановила ее по дороге, высушив и сделав крошками на коже. Зарастила царапину. Теперь это уже не требовало усилий.

— Призрак, — сказала ты.

— Да, призрак, — ответил он. — Каждый чертов раз получается проклятый богом призрак. Прости за каламбур.

Ты представила, что увидишь Тело дышащей, ее грудь медленно и тихо вздымающейся. Император скрестил руки и посмотрел на склад. Лицо его освещал холодный электрический свет, идущий снизу, в глазах жила влажная тьма. Ты заметила, как он облизывает губы кончиком языка.

— Мы зовем их Зверями Воскрешения, — сказал он. Продолжить он смог не сразу. Вдруг показалось, что он рассказывает очень старую историю. — Когда система умирала… когда я был моложе, десять тысяч лет тому назад, и я вернул нас всех, отвел от края… все призраки разбежа-

лись к самым дальним краям вселенной, как души, бегущие от тела в первом слепом ужасе перехода. Я никогда больше не видел ничего подобного. Я видел тварей поменьше, младших Зверей, но ничто не способно сравниться с первой волной. Ничто.

Харрохак, эти призраки неумолимо рвутся сквозь вселенную, не останавливаясь… Они пожирают талергические планеты на своем пути, как вампиры. Они не остановятся, пока я и все девять Домов не будут мертвы. Они тысячи лет гонят меня прочь, и их почти невозможно победить.

Это очень мало тебя впечатлило. Рассказ обладал смутным и бессмысленным привкусом сказки.

— Ликторы умерли… сражаясь с этими тварями?

— Сражаясь? — переспросил бог. — Харроу, я потерял половину ликторов, когда они попытались хотя бы отвлечь тварей. Их немыслимо сложно уничтожить. Тех, кого мы убили, мы убили, потому что нам повезло, — они были молоды, а мы находились в расцвете сил, а потом… когда нас стало меньше… мы убивали их по чистой случайности или решаясь на самоубийство.

— И сколько таких призраков?

Ты подготовилась к астрономически огромному числу. Тело подняла брови, когда Император Неумирающий сказал:

— Трое. Было девятеро. Мы называли их по номерам. За десять тысяч лет мы сумели расправиться с пятью. Номер второй пал сразу после Воскрешения. Восьмой обошелся в бессмертную человеческую душу, и я до сих пор вижу этот день в кошмарах. Шестой умер, когда одна из моих Рук, Кир, утянул его в черную дыру, и шестому лучше бы оставаться мертвым, потому что Кир не вернется.

Не успела ты отреагировать — вскрикнуть или подвергнуть сомнению его расчеты, которые не выдерживали даже внимательного взгляда, — как он совершил нечто ужасное. Император девяти Домов оттолкнулся от простого гроба с розой и встал перед тобой, стоявшей у гроба Третьего дома. Ты увидела чудовищные глаза на человеческом лице, и он взял твои руки в свои. Погладил тебя по ладони, как ребенка, любимый зверек которого вдруг погиб. Лучше бы он оторвал твои ребра от позвоночника и помахал ими в воздухе. Лучше бы он сдавил твое горло руками и сломал тебе шею. У тебя перед глазами что-то

вспыхнуло. Ты невероятно расстроилась.

— Я предлагал тебе ложный выбор, — сказал он. — Прости. Звери Воскрешения всегда знают, где я. Где бы я ни оказался, они гонятся за мной… медленно, но неустанно. Но не только за мной, хотя я занимаю их сильнее всех. Они охотятся за всеми, кто совершил… непростительный грех.

Он опустил руки.

— Что за непростительный грех?

— Тот, что совершила ты, став ликтором, — ответил император.

Ты словно бы услышала, как захлопнулись двери Дрербура. Ты ощутила скрип их механизма, громкий лязг, эхом отдавшийся в нижнем атриуме и полетевший вверх по туннелю. Потом твои воспоминания об этом расплылись и исчезли — как и все остальные воспоминания.

— Они придут и за мной, — сказала ты, только потому, что считала, что тебе стоит их произнести, — если я вернусь в свой Дом, они последуют за мной и туда.

— Ни один из ликторов не вернулся домой с тех пор, как мы осознали последствия. Кроме одной… которая знала, что я приду ей помешать по этой самой причине.

Ты снова посмотрела на ее простой гроб. Он

был невелик: тело, лежавшее в нем, нельзя было назвать высоким, крепким, впечатляющим, великолепным. Ты сказала отстраненно:

— То есть мне придется научиться сражаться с этими тварями.

— Сначала я научу тебя убегать, — ответил император. — Это непростой урок, и его нельзя выучить до конца. Но я убегаю уже десять тысяч лет, так что я стану твоим учителем.

На мгновение он положил руки тебе на плечи, и ты посмотрела в его жуткое, такое обычное лицо.

— Он имеет в виду, — недвусмысленно пояснила Тело, — что тебе придется научиться обращаться с мечом.

Ты посмотрела на нее через его плечо. Император инстинктивно проследил твой взгляд, но ему было не увидеть того, что видела ты: рубцов, которые цепи оставили на запястье, шее и лодыжках другой девушки. Он не видел длинных, тяжело падающих на плечи волос, в смерти ставших пыльно-желтыми — были ли они каштановыми, золотыми или какими-то еще? Не слышал ее голоса, низкого, осипшего, музыкального. Не слышал и сухого страшного эха других знакомых тебе голосов — матери и Крукса.

Он не знал, что на самом деле Тело Запертой гробницы не говорила с тобой с той ночи, когда ты растирала распухшие кровавые полосы на шеях своих родителей, чтобы они не так бросались в глаза. Он не знал, что ты провела вместе с ней только один мирный год, а потом встречалась с нею только во снах. Откуда ему было знать, что во времена твоей юности ее глаза часто бывали черными, как и твои собственные, но с тех пор, как ты испытала агонию ликтора, ее глаза стали невыносимо, тошнотворно желтыми: бронзовыми, жаркими, животными, янтарными, как желток яйца.

Когда тебе было десять, Тело была тихой, строгой, практичной и милосердной. В твои четырнадцать Тело стала нежной и искренней, и иногда даже улыбалась. В твои шестнадцать она сделалась решительной и бесстрастной. Во всех этих ипостасях она хранила обет молчания. Звук ее голоса означал, что безумие вернулось к тебе в полной мере.

— Я не могу, — сказала ты как можно осторожнее. — Я не могу, любимая. Это ушло.

— Харроу? — спросил император, но ты забыла, что он здесь.

— Ты спускаешься по длинному коридору, —

сказала Тело, — обернись.

— Я стою во тьме, — ответила ей ты. Ресницы Тела покрывал иней. — Я утратила все. Все пропало. Здесь ничего нет. Я не справилась. Я лишь наполовину ликтор, я ничто, я бесполезна, я не имею мужества.

Тяжелые руки легли тебе на плечи. Ты оторвала взгляд от лица любимой и увидела Царя Воскрешающего.

— Ортус Нигенад умер не напрасно, — сказал он.

Когда он говорил, губы его двигались странно. Горячая игла боли прошила височную кость. Твое тело было глухо к горю. Вероятно, когда-то ты его чувствовала, но больше не могла.

— Ортус Нигенад умер, полагая, что это был единственный дар, который он способен принести, — ответила ты. — И я потратила его впустую, как… как… просто выбросила.

Царь Воскрешающий стал похож на человека, который трудится над очень сложным и захватывающим ребусом.

— Ортус, — сказал он снова, но желчь уже поднялась по твоему горлу, встала во рту. Тело прикрыла ладонью твои глаза и нос, и ты вырвалась из ее рук. Ты рухнула на пол, почти

лишившись чувств.

— Ортус Нигенад, — повторил император с некоторым удивлением, а потом не стало ничего. Разве что ты не наблевала на бога, что можно было счесть утешением.

3

Преподобная дочь Харрохак Нонагесимус должна была стать триста одиннадцатой Преподобной матерью в своем роду. Она была восемьдесят седьмой из линии Нон и первой Харрохак.

Ее назвали в честь отца, которого назвали в честь его матери, которую назвали в честь какого-то неулыбчивого чужака — кающегося грешника, возлегшего на тихое брачное ложе Запертой гробницы. Такое случалось часто. В Дрербуре не думали о чистоте Воскрешения. Их единственной целью было поддержание рода некромантов — хранителей гробницы. Теперь осталась только Харроу. Она была последней некромантской и последней выжившей из своего рода.

Ее рождение обошлось дорого. Восемнадцать лет назад, чтобы вырастить последнюю почку на умирающей ветви, ее родители убили всех детей своего Дома, чтобы защитить наследницу-некромантку. Харроу была зачата в час, когда наступило трупное окоченение, когда души детей пытались покинуть свои тела, в результате всплеска танергии, вызванного одновременностью смертей — одновременностью, которую ее

родители мучительно высчитывали. Ничего этого от нее не скрывали. Все это объясняли Харроу год за годом, с того момента, когда она научилась говорить — и молчать, если говорить было не нужно. Дети Девятого дома рано усваивали эту науку.

В детстве ей позволяли залезть под одеяло только после обязательной сорокапятиминутной молитвы, проходившей в присутствии пратетушек Лакриморты и Айсаморты. Они очень строго следили за младенческими молитвами, и поэтому Харроу очень старалась прочитать все с первого раза, чтобы не начинать с начала — от тетушек пахло ладаном и гнилыми зубами. Она четко произносила — точнее, шепелявила — клятвы их собственного изобретения: Гробнице буду я служить до конца своих дней, а потом да похоронят меня в двух сотнях могил… они полагали это милым и кокетливым, в самый раз для маленькой девочки.

Во всем остальном Харрохак была предоставлена сама себе. Она вставала до первого колокола и молилась в часовне, пока не включали отопление. Пальцы замерзали так, что не могли перебирать четки, и тогда она пряталась в одной из библиотек с фонариком на батарейках,

одеялом и книгами. Она изучала некромантию в одиночестве, ее учителями и наставниками были мертвецы. Харроу понятия не имела, что работы взрослых некромантов были невероятно сложны для понимания, а значит, не боялась их читать и понимать. Ни самолюбие, ни страхи не мешали ее учебе.

Порой по вечерам родители требовали от нее повторить какую-то теорему или воссоздать локтевую кость скелета, растертого в пыль. Иногда они велели своему древнему маршалу Круксу сбросить свежий труп с верхнего яруса, чтобы он расплылся пятном внизу, и заставляли ее сплавить кости вслепую, под лужей крови и мяса. Потом вскрывали тело, чтобы посмотреть, хорошо ли она справилась. В любом случае в их одобрении звучало облегчение. Ее способности были товаром, за который они заплатили очень высокую цену.

Крукс рассказывал ей, что когда-то ее родители были другими. Наверное, до того, как они устроили маленький инфантицид. Харроу это мало интересовало: она не помнила родителей ни измученными, ни лишившимися всякой радости. Мать ее редко говорила, а если и открывала рот, то обращалась всегда к своему неповоротливому

рыцарю — человеку, который выглядел так, как будто разрыдался бы, если бы понял, как это делается. Самым ярким воспоминанием о матери была память о ее руках, которые вели пальцы Харроу по неудачно сделанному черепу. Ее пальцы лежали поверх браслета на запястье девочки, сжимая его все туже и объясняя, как правильно ставить руки.

Отец был чуть более разговорчив. По вечерам он читал своей маленькой семье: когда проповеди, когда старые семейные письма. Было и еще одно воспоминание: она сидит на трехногой табуретке рядом с матерью, из-за стула отца светит яркий электрический свет, отец монотонно произносит слова, пока прикосновение рыцаря не велит ему остановиться. Харроу поводит плечами в своей черной рясе с капюшоном и вертит в руках крошечные кусочки кости — учится обращаться с ними, вжимает их в свои мягкие ладони, мысленно делит собственное тело на две сотни кусочков-мощей.

А потом все изменилось внезапно и навсегда. Харроу влюбилась.

* * *

«Внезапно» — не совсем правильное слово. Процесс был длительным. Харроу медленно подступалась к любви, взламывала ее замки, открывала ворота и прорывалась во внутренние покои.

Ее жизнь была посвящена Запертой гробнице, и то, что покоилось внутри ее, захватило все внимание Харроу с тех пор, как она узнала, что это такое: бесчувственное тело, мирно покоящееся среди лохмотьев и обломков Девятого дома. Ее учили любить императора, который десять тысяч лет назад освободил всех от смерти, которую никто не заслуживал, и воспринимать Гробницу как символ его победы и его заката. Ее родители боялись того, что было заточено в Гробнице. Мерзкие пратетушки поклонялись этому, но опасливо, будто их коллективный страх мог польстить этому и спасти бога. Они никогда не хотели открыть гробницу и заглянуть внутрь. Эти двери открылись когда-то, чтобы занести тело, и откроются снова, только чтобы выпустить его, если будет на то воля рока.

Харроу запрещали входить туда примерно так же, как запрещали подниматься на верхний

уровень шахты и колотить молотком по кислородным машинам. Это был бы конец.

Большая часть ее жизни проходила в тишине. Частенько она находила процесс жизни трудным. Утомительным. В худшие дни — нелепым. Теперь воспоминание о произошедшем казалось совсем безвредным и детали потеряли важность. В один очень плохой день — ей казалось, что все ее ненавидят и что ненавидят за дело, кулаки ее были окровавлены, а сердце истерзано. Она написала записку, в которой объясняла причину своего самоубийства, пошла и отперла дверь. Как ни странно, это ее не убило. А все, что ее не убивало, вызывало ее любопытство.

Прошло очень много времени, прежде чем она сумела пересечь порог. Гробница была защищена не хуже самого ада. Но это были ловушки Девятого дома, сделанные из костей и скалящихся черепов, а с костями она научилась обращаться раньше, чем ходить. В конце концов, это просто было весьма полезно с точки зрения образования. Она пересекла пещеру, нашпигованную ловушками, миновала глубокий ров с черной водой — и ловушками, — оказалась на острове (покрытом ловушками), подошла к ледяному мавзолею (с очень глупыми ловушками) и, зайдя

внутрь — живой, — посмотрела в открытый гроб, где лежала причина ее появления на свет.

Смерть бога и враг бога оказалась девушкой. Или женщиной. На тот момент Харроу еще не знала разницы, да и пол был просто догадкой. Труп лежал во льду, облаченный в белую сорочку. Руки сжимали покрытый инеем меч. Девушка была красива. Очертания ее мышц казались идеальными. Каждая конечность была воплощением идеала, бескровные стопы с высоким подъемом казались безжизненным симулякром идеальных стоп. Черные заиндевевшие ресницы, лежащие на щеках, были черны идеальной чернотой, а носик казался картинкой, изображающей идеальный нос. Ничто из этого не нарушило бы спокойствие Харроу, если бы не рот, который был совсем не идеален: кривоватый, с ямкой на нижней губе, как будто кто-то осторожно вдавил туда палец. Харроу, которая родилась исключительно для того, чтобы поклоняться этому трупу, полюбила его безумно и яростно — с первого взгляда.

Так что смерть бога стала и ее смертью. Она беззаботно наведывалась в гробницу. Ее родители… обнаружили, что она сделала, какой грех совершила, и отреагировали так, как будто она призналась, что расколотила кислородные маши-

ны молотком. Столкнувшись с апокалипсисом, они решили покончить с собой, прежде чем их забрала бы другая смерть. Они даже не рассердились. Спокойно и серьезно, все понимая, ее мать с отцом и рыцарем связали пять петель — одну для Матери, одну для Отца, две для Мортуса, одну для самой Харроу. Они повесились, не дрогнув и не вздохнув. Наверное, было бы гораздо лучше, если бы Харроу висела бы рядом с ними. Было бы лучше, если бы она вползла в гробницу женщины, которую любила, и позволила морозу сделать свое дело.

Но Харрохак — Харроу, которая была двумя сотнями мертвых детей, Харроу, которая любила ту, что не жила уже десять тысяч лет, — Харрохак Нонагесимус невероятно хотела жить. Жизнь слишком дорого обошлась ей, чтобы умирать.

* * *

Любовь разделила ее жизнь на две половины: половину до влюбленности и половину после. Она возненавидела сидение в апсиде и гимны. Теперь она слышала странный грохот, прерывающий молитвы верных, далекие удары где-то у себя в голове, которую она отдала кому-то, оказавшемуся вне времени. Она слышала, как

открываются и закрываются двери в залах, где ничего не открывалось и не закрывалось, тело ее боялось, а разум ничего не понимал. При всех этих мучениях она вынуждена была сидеть рядом со своим стареющим маршалом Круксом и терпеть, что ее кормят с ложки: он настаивал, что она должна нормально есть. В любое время она могла вскричать: «Это происходит именно так?», услышав что-то, и он ответил бы: «Да, моя госпожа» или «Нет, моя госпожа», и ей полагалось быть довольной.

Это лишило ее покоя. Даже долгими темными днями, которые она проводила в полном одиночестве — в библиотеке или в своей лаборатории, обжигая пальцы о жирный пепел, — она слышала голоса где-то на пределе слуха или видела краем глаза что-то, чего на самом деле не было. Ей казалось, что порой ее ладони сдавливают ее собственное горло, пока перед глазами не начинают мелькать пятна. Она видела свисающие с потолка веревки, она могла забыть, где находится, и вместо результатов утреннего исследования помнить то, чего не происходило.

В первый год после смерти родителей она часто видела Тело — во сне и наяву, — и это было одновременно облегчением и бедой. Тело прино-

сила с собой покой, но в ее присутствии Харроу теряла счет времени. Она сидела, почти прикасаясь к сухой мертвой руке своей любви, а потом смотрела на часы и обнаруживала, что день уже миновал. Или вдруг понимала — и это пугало и сбивало с толку, — что прошло всего несколько секунд. Когда заработал ее гипофиз, Тело перестала появляться наяву, но другие галлюцинации продолжались. Харроу бесило, что с ней происходят такие… прозаические вещи, как половое созревание.

Но когда оно изменило ее — гормонами, временем или и тем и другим, она смогла восстановить подобие контроля над своим изъеденным личинками разумом. Она часто молилась. Мозг ее находил убежище в ритуалах. Иногда она постилась, или ела одно и то же целыми днями, раскладывая еду по тарелке особым образом и выбирая кусочки в заранее установленном порядке, и так целыми месяцами. Раскраску на лицо она наносила, подчиняясь куда более строгим правилам, чем любая монахиня, носила ее даже наедине с собой и порой спала, не умываясь. Собственное лицо в зеркале казалось ей до невозможности утомительным, чудовищным, нелепым, чужим — и при этом странным образом

привязанным к ней самой. Харроу нечасто плакала, но порой садилась в свое укрытие и резко и быстро раскачивалась взад и вперед. Иногда часами.

Исследования стали сложнее, когда она запоздало поняла, что решает сложные проблемы. Но это решалось более напряженной работой. Иногда она тратила по полмесяца на одну теорему. Она перемещала мать с отцом по всему дому, как шахматные фигуры, каждый год стараясь исправить их напряженный и неестественный вид, усаживая их в часовню, где ее народ спрашивал указаний — она понятия не имела, что говорить. Но верные и кающиеся Запертой гробницы старели, и она поняла, что они хотят слышать одно и то же. Все чаще она вставала между трупами родителей у чьего-нибудь смертного ложа и смотрела, как очередной кающийся грешник испускает дух, пока она произносит слова заупокойной службы. Они умирали счастливыми. Им все это нравилось. У нее был талант. Харрохак побывала у стольких смертных одров и произнесла столько торжественных речей о смерти и долге, что в конце концов сама начала в них верить.

Старики Девятого дома превращались в дряхлых верных Девятого дома, а дряхлые верные

— в мертвецов. Харрохак видела большинство их смертей, за исключением случаев внезапной тромбоэмболии, и к четырнадцати годам уже научилась останавливать и запускать сердца достаточно качественно, чтобы люди доживали до конца последнего ритуала. Она всегда презирала магию плоти, но к аортам питала определенную слабость. Позднее, когда их плоть стекала с костей, Харроу лично поднимала оголенные кости, чтобы они тихонько возились внизу или собирали лук на верхних полях Дрербура. Свое искусство некроманта она оттачивала повседневными хлопотами — смерти от старости, сложная возня с погребальными нишами и черепами, укрепление изъеденных остеопорозом костей, чтобы ее конструкты не падали, когда у них рассыплются ноги. Ее родители знали, что делали, создавая ее из двух сотен мертвых детей: нужен был гений, чтобы Девятый дом не превратился в кучу костей и умирающих от пневмонии стариков.

Но даже гений мог только поддерживать статус-кво. У Дома никогда не было ни технологий, ни понимания, ни действующих магов плоти, чтобы создать искусственную матку. Живые обладательницы матки были слишком стары, чтобы вынашивать детей, не считая двух чело-

век, одним из которых была сама Харроу. Она могла только благодарить господа за то, что эту обязанность на нее не возлагали. Единственный жизнеспособный источник XY-хромосом был ее первым рыцарем, мужчиной на семнадцать лет ее старше. В то время она воспринимала его как ходячий костюм человека, скрывавший приличный запас карбоната кальция, а он относился к ней с почтительным ужасом — примерно с таким же, с каким относился бы к неизбежному наследственному раку. К счастью, их брак безнадежно спутал бы линии крови рыцаря Дрербура и наследника Дома. Ортус Нигенад был единственным ребенком. Харрохак с таким энтузиазмом уговаривала родителей отказаться от этой идеи, что выбила отцу клык. Если кто-то и мог обрадоваться этому сильнее ее самой, то разве что Ортус.

Шли годы — не получая отпущения грехов, засыхая и покрываясь коркой. Харрохак смотрела, как стареет Крукс, все сильнее и сильнее, и применяла все доступные ей хитрости, чтобы он оставался жив. Все его артерии были забиты бляшками, и он делал вид, что не замечает, как она разгоняет их. Она знала, что когда наконец уложит свою престарелую няньку в погребаль-

ную нишу, то лишится единственного человека, помогавшего ей сохранять рассудок. А если она снова сойдет с ума, что будет? В принципе, она могла попросить помощи у других Домов. Могла попросить о вмешательстве Когорты — они оказались бы здесь на следующий день, с инкубаторами, грешниками-добровольцами, займами и образцами растений. А еще с предложениями, от которых невозможно отказаться. И Харрохак пришлось бы вступить в брак с сыном Второго дома или дочерью Пятого, и яркие знамена повисли бы рядом с черным черепом. И это стало бы концом Девятого дома — куда худшим, чем удар молотка по кислородной машине.

Им нужно было воскрешение. Им нужно было чудо. Харрохак годами изучала чудеса, а потом одно из них пришло к ней само: шанс стать ликтором. Шанс послужить богу-императору, шанс стать его кулаком и ладонью, шанс сделаться бессмертным служителем и защитником Дребура, вдохнуть новую жизнь в Девятый дом на своих условиях, не откатывать камень и оставить любовь всей ее жизни и смерти мирно почивать в каменном саркофаге. Еще десять тысяч лет одиночества. Еще одна длинная тонкая нить Преподобных Матерей и Преподобных Отцов.

Харроу выгнала негодного рыцаря из своего Дома и ухватилась за шанс обеими руками.

Но, как и с первой любовью, что-то пошло очень сильно не так. Ее рыцарь отдал себя с тупой готовностью — и Харрохак теперь умирала от стыда. Несмотря на эту готовность, она почти совершила непростительный грех. Она собрала вещество души Ортуса Нигенада и не смогла придушить его. Она снова стояла перед зеркалом одна: Харрохак, чудовище, нелепость, чужачка. Отвратительное создание. В девять лет она совершила ошибку. В семнадцать лет она тоже совершила ошибку. Жизнь повторяла сама себя. Харроу всю свою жизнь будет балансировать на краю, вертеться в нелепом цикле черт знает чего.

Была еще одна девушка, которая выросла рядом с Харроу, — но она умерла еще до рождения наследницы.

4

Ты все еще гордилась тремя вещами: во-первых, невероятным хладнокровием, во-вторых, нечеловеческими способностями к некромантии, и в-третьих, способностью сопротивляться убийству. Тебя было так сложно убить, что ты даже сама с этим не справилась.

Во время первого покушения на твою жизнь мозг испугался густой духоты и вырвал тебя из сна. К твоему лицу прижималось что-то мягкое, огромное и теплое — это могло быть только твоей же подушкой. Тонкая ткань стала влажной от твоего дыхания и слюны. Кто-то стоял у твоей кровати и держал подушку. Ты рефлекторно дернулась, и кто-то сжал пальцами твое горло. Подъязычная кость треснула бы, если бы ты не укрепила ее толстым хрящом.

Очень глупо было не задавить тебя. Ты нащупала собственную руку и сорвала ноготь с большого пальца, крича в белую душную темноту. Превратила окровавленную кератиновую пластинку в тысячу кусочков и обратила их тысячью зазубренных игл. Слепая, задыхающаяся, ты бросила жесткие снаряды в убийцу, как шрап-

нель, услышала, как они вонзились в плоть или отскочили от стены. Хорошо. Отлично. Подушка сдвинулась, и…

* * *

Ты пришла в себя на своей голой, похожей на носилки койке. Дышала ты тяжело.

Ты поднесла левую руку к лицу, под свет — ровный белый свет с жаркими искорками вольфрамовых нитей. Ноготь был целый и ровный — слишком ровный? Или ты все еще грызла ногти, вспомнив неприглядную детскую привычку? Огромный двуручник лежал рядом, как безмятежный младенец, а на стене каюты… не было ничего.

Ни фрагментов ногтя, ни царапин на стене. Просто аккуратные ящики. А на стуле, придвинутом к кровати — маленьком стуле, обычно стоявшем у двери, том самом, на который однажды сел император, — сидела Ианта Тридентариус.

Ваши взгляды встретились. Другой начинающий ликтор — святая Третьего дома, кости императора и суставы императора, кулаки императора и ладонь императора — была наряжена в роскошный полупрозрачный плащ, переливавшийся всеми цветами радуги. Легкая блестящая

белая ткань меняла цвет при каждом движении. Перламутр сделал волосы Ианты грязно-желтыми и подчеркнул желтизну ее кожи. Лицо покрывали пятна, а глаза казались глубокими ямами. Честно говоря, выглядела она дерьмово. Ты обратила внимание, что в глазах у нее смешались несколько цветов: вылинявший фиолетовый сражался за жизненное пространство с мутно-синим, там и тут виднелись светло-коричневые крапинки. Ианта сидела слишком уж близко к тебе и как-то косо, сгорбив плечи. Кроме того, у нее было две руки — на одну больше, чем при вашей последней встрече. Все это тебя не особенно взволновало.

А вот не понравилось тебе то, что принцесса Иды — всклокоченная, состоящая сплошь из острых углов и суставов, с глубокими тенями под глазами — смотрела на тебя с выражением, которое ты вряд ли хоть когда-то видела на ее лице. Ианте нравились вялые картинные позы и жесты, она любила изображать тяжелую, неестественную усталость, слабые проблески злобы, а иногда — самоуничижение или ленивое веселье. Но теперь в ее глазах читался тихий, совершенно не свойственный ей голод.

Она улыбнулась с откровенной снисходитель-

ностью — это как раз было знакомо и напугало тебя. Казалось, что она светится изнутри.

— Доброе утро, моя соратница. Моя коллега, моя союзница. Мне нравятся твои глаза, Харрохак, — как цветочные лепестки в темной комнате. И даже я вынуждена признать, что твои ресницы великолепны. Прекрати закрывать лицо подушкой — я и раньше его видела, и я знаю, что ты выглядишь так, будто твои родители были прямоугольными треугольниками. Надо работать с тем, что есть, как сказал маг плоти прокаженному.

Ты содрогнулась. По шее поползла жаркая волна. Титаническим усилием ты сумела не прикрыть лицо руками, поверить в свою маску из простыни. Усиленные чувства ликтора сделали тебя самоуверенной. Ианта Тридентариус казалась черной дырой, в которой не билось сердце и не существовало мозга. Мозг у нее был — это ты неохотно, но все же признала. Сердце оставалось под вопросом. Она посмотрела тебе в глаза — увидев скорее всего отражение собственной смерти, — и ее рука исчезла под плащом. Ты с размаху впечатала ладонь ей в лоб. Ты не чувствовала ее, она представлялась тебе закрытой дверью в темную комнату. Прикосновение позволило ощутить кости скул, которые ты могла бы

извлечь из ее черепа.

— Пока ты ничего не успела сделать, предупреждаю, что ты об этом пожалеешь, — сказала девушка, которая не двинулась и никак не отреагировала на прикосновение твоей руки, разве что ресницы над разноцветными глазами чуть дрогнули.

— У меня есть для тебя письмо.

Она медленно вытащила руку. Все это было бы ерундой, но (кровь застучала в ушах, тебе показалось, что ты слышишь шаги, но они стали голосами, а потом снова шагами) в руке Ианты был зажат листок с четко написанным именем. Харрохак. Это имя было написано твоей собственной рукой. А под ним, помельче, но опять же твоим почерком: «Передать Харрохак немедленно после обретения связности».

Ты посмотрела на письмо. Посмотрела на Ианту. Даже за такой короткий промежуток времени поле боя у нее в глазах успело измениться. Из-под руки ты увидела, что один глаз теперь целиком стал бледно-фиолетовым, как выцветающий синяк или умирающий цветок, а во втором слились голубые и карие пятна. Эта беспорядочная гетерохромия взирала на тебя спокойно и уверенно.

— Не понимаю, какой такой связности, — пожа-

ловалась она. — В смысле, когда я начну узнавать предметы и их названия? Или когда приду в разум — а это значит, что письмо тебе пока не положено? Я вообще не собиралась к тебе подходить после того, как ты откроешь глаза. Ты умеешь только блевать и убивать.

— Откуда ты взяла это? — каркнула ты.

— Ты сама мне его отдала, булочка моя череполицая, — нежно сказала она. — На, забирай. Это твое.

Ты оторвала руку ото лба и взяла письмо. Ты очень боялась, что у тебя задрожат руки и что ты не сумеешь успокоиться. Разглядывая лист под ярким белым светом, ты не заметила ни ошибок, ни признаков подделки: это был твой почерк, а не чья-то копия. Слова были написаны твоей кровью. Коснувшись гладкой пластиковой поверхности, ты представила кончик пера, легкий укол металла, пронзивший губу.

Развернув лист и расправив его, ты поняла, что это была последняя капля плоти, стекшая со скелета: письмо было написано шифром Девятого дома, точнее, твоим собственным, родившимся из личного шифра твоих родителей и переработанным в твои семь лет. Эти слова не мог бы прочитать никто, у кого не было твоих четок,

маршала Крукса и примерно сотни свободных лет. Ты прочла:

ГОСПОЖЕ ХАРРОХАК НОНАГЕСИМУС, ИЗВЕСТНОЙ ТАКЖЕ КАК ПРЕПОДОБНАЯ ДОЧЬ ПО ЕЕ ЖЕ СЛОВУ, НЫНЕ — ХАРРОХАК ИЗ ПЕРВОГО ДОМА, ОТ НЕЕ ЖЕ, НЫНЕ ПОКОЙНОЙ.

— Давай, читай, — сказала Ианта, встала и отошла к окну, в лучи света ближайшей звезды.

* * *

ГОСПОЖЕ ХАРРОХАК НОНАГЕСИМУС, ИЗВЕСТНОЙ ТАКЖЕ КАК ПРЕПОДОБНАЯ ДОЧЬ ПО ЕЕ ЖЕ СЛОВУ, НЫНЕ — ХАРРОХАК ИЗ ПЕРВОГО ДОМА, ОТ НЕЕ ЖЕ, НЫНЕ ПОКОЙНОЙ.

ПИСЬМО ВТОРОЕ ИЗ ДВАДЦАТИ ЧЕТЫРЕХ. ПРОЧЕСТЬ НЕМЕДЛЕННО ПОСЛЕ ОБРЕТЕНИЯ СВЯЗНОСТИ.

Харрохак, я пишу эти строки через сорок восемь часов после того, как ты стала ликтором в доме Ханаанском. Когда ты это прочтешь, ты уже не будешь помнить, как писала — эта Харрохак будет давно мертва. Ее воскрешение будет ошибкой, так что его следует избегать любой ценой.

Это письмо не ответит на вопросы. То, что я сделала — назовем это работой, — тебе знать

не следует, но это весьма опасно. Вместо этого я расскажу, как тебе прожить остаток жизни. Поскольку твоя жизнь, вероятно, продлится теперь несколько тысячелетий, очень важно не отступать от моих правил. Ты — живая гарантия обещаний, которые я дала. Нарушь их, и из-за границы смерти я заклеймлю тебя еретичкой, отрежу от той, что лежит на замороженном алтаре в сне и в смерти, лишу самой возможности поклонения и шанса поучаствовать в ее воскрешении.

ПРАВИЛО № 1: ОСТАВАЙСЯ В ЖИВЫХ.

Тебе нельзя покончить с собой. Тебе нельзя проявить халатность, которая приведет к смерти. Несчастных случаев следует избегать. Их нельзя рассматривать как приемлемый исход. Успех работы зависит от твоего существования.

ПРАВИЛО № 2: ТЕБЕ НЕЛЬЗЯ ВОЗВРАЩАТЬСЯ В ДЕВЯТЫЙ ДОМ.

Дорога домой для тебя закрыта. Твоя нога больше не должна ступать на эту планету. Не позволяй отвезти себя туда силой.

ПРАВИЛО № 3: МЕЧ ОСТАНЕТСЯ С ТОБОЙ НАВСЕГДА.

Каждый вечер пои его артериальной кровью. Своей. Не забывай обрабатывать клинок прахом.

Не режь плоть обнаженным клинком. Не руби кости обнаженным клинком. Этого может быть недостаточно. Обращайся с клинком, как со своей смертью, и не забывай о правиле номер один.

ПРАВИЛО№ 4: ТЫ ПОД УГРОЗОЙ.

Возможно, ты сама уже это подозреваешь, если ты не такая дура, как я делаю вид. Я подтверждаю твой доступ к ликторскому колодцу. Этот источник силы, вероятно, окажется по тебе. Готовься к неизбежным неудачам и учись. Ты ни черта не понимаешь в магии плоти и духа, так что начни с этого. Не вздумай полагаться на то, что тебе уже известно. Мне больно это признавать, но тебе ни хрена не известно. Не смей строить фундамент на такой неверной и эфемерной почве.

ПРАВИЛО № 5: ТЫ В ДОЛГУ ПЕРЕД ИАНТОЙ ТРИДЕНТАРИУС ПО ЗАКОНУ ЦЕПИ.

Это сложно объяснить, так что я и не стану ничего объяснять. Тридентариус сделала то, что произошло, возможным. Я осталась ей должна — и ты будешь выплачивать этот долг до конца своих дней. Это соглашение окончится вместе с твоей смертью. Оно распространяется на Дом, но НЕ на гробницу. Это соглашение уникально, но оно имеет преимущественную силу над лю-

бым обязательством перед кем угодно, менее значительным, чем Святое Тело, включая императора Девяти домов. Во избежание затруднений философского характера она ожидает, что ты повторишь клятву немедленно по получении этого письма, и отказ от этого отменит все соглашение. Не тяни с этим.

Само собой разумеется, что Ианта убьет тебя, если сможет. Она помогла мне, но ей это не стоило ничего, а тебе будет стоить всего. Я оградила ее от полного понимания работы, так что она не сможет испортить ее случайно или специально. Ты в ее власти. Я совершенно уверена, что она этим злоупотребит. Ты сама никогда не имела власти ни над кем, но все равно отчаянно злоупотребляла.

ПРАВИЛО № 6: ЧИТАЙ ДРУГИЕ ПОСЛАНИЯ, ТОЛЬКО ЕСЛИ ТЫ БУДЕШЬ СООТВЕТСТВОВАТЬ ВСЕМ ТРЕБОВАНИЯМ.

Я оставила другие инструкции на случай изменения обстоятельств. У Ианты хранится двадцать четыре письма, и она отдаст тебе двадцать два, включая это. Они пронумерованы. Выучи условия и носи письма с собой. Будь готова прочесть их в любой момент, когда это потребуется. Немедленно следуй изложенным в них

инструкциям. Повторяю: не читай их просто так.

Для себя: дальше будет маленькая пауза, а потом последняя инструкция. Ты, наверное, думаешь, что я сдала тебе жуткие карты. Не то чтобы я тебе не сочувствовала. Просто учти, что я завидую тебе сильнее, чем кому-либо, и что твое появление я считаю главной удачей. Рассматривай меня как Харрохак, которая сделала первый в нашей жизни настоящий выбор. Это был первый раз, когда мы могли сказать «да» или «нет» — и решать самостоятельно.

Учти, что на этот раз я сказала «нет».

ПРАВИЛО № 7: КОГДА ТЫ ЭТО ПРОЧИТАЕШЬ, ВНИМАТЕЛЬНО ПОСМОТРИ НА ЧЕЛЮСТЬ И ЯЗЫК ИАНТЫ.

Поскольку она ликтор, для этого потребуется физический контакт. Она не должна понять, что ты ее изучаешь. Делай что угодно. Если ты вдруг заподозришь, что челюсть или язык были заменены, НЕ ИСПОЛНЯЙ КЛЯТВУ! Если это случится, убей ее немедленно.

В надежде на будущее прощение,

Остаюсь

ХАРРОХАК НОНАГЕСИМУС

* * *

— Подойди сюда, — сказала ты гораздо менее уверенно, чем хотела.

Ианта, которая задумчиво смотрела на звезды, немедленно повиновалась. Она улыбалась все той же заговорщицкой улыбкой — как паук, засевший в туфле. Она устроилась на стуле у койки, и ты снова заметила, что она действует левой рукой, как будто правая сделалась для нее слишком тяжелой ношей.

Ты спустила ноги с койки и сняла простыню с лица, хотя оно оставалось голым. Она распахнула разномастные глаза — на мгновение. Ты встала перед ней, оценивая ситуацию. Шесть футов обнаженной стали запутались в тонком одеяле, но ты решила, что можно на мгновение потерять контакт с мечом. Потянулась вперед и взяла лицо Ианты в ладони. Большие пальцы прижались к теплой плоти, которая покрывала кости челюсти, а другие пальцы коротко пробежались по щекам. Пястные кости чуть надавили на челюсть. Ты немного покачала ее вверх и вниз. Кожа Ианты побелела там, где ее касались твои руки, твоя кожа побелела там, где она соприкасалась с Иантой. Под ногтями у тебя виднелись мельчайшие

крошки засохшей крови.

Ты поняла, что скривилась и прищурилась, как от кислого или от яркого света. С этим было ничего не поделать. Оставалось только одно, самое мерзкое на свете. Ты наклонилась и — мать твою — поцеловала ее прямо в губы.

Этого она как минимум не ожидала. Да и как она могла такого ожидать? Губы ее застыли, что дало тебе немного времени. Ианта была для тебя черной дырой, нулем, пустотой, новым, нечитаемым пространством. Но физическая близость помогала прощупать эту тьму. Твои пальцы искали остеоиды. Новая кость всегда выдает себя: свежий коллаген поддается под нажимом и лучится талергией. Ее клетки реагировали, как старая кость. Когда ты прижала кончик языка к ее языку, она издала короткий, полузадушенный, полный боли вскрик — кажется, она пыталась позвать на помощь — но хотя мышцы языка не были твоей специализацией, ты сумела сквозь плоть уловить сигналы подбородочного симфиза. Там не было никаких следов того, что язык вырывали изо рта. Ты была в безопасности.

Наконец ты оторвалась от нее. Ианта сидела, чуть приоткрыв рот и приподняв брови. Бескровное лицо не тронула краска.

— Я вновь даю обещание служить Ианте Тридентариус, принцессе Иды, дочери Третьего дома, — сказала ты. — Я обещаю исполнить любые соглашения, ранее заключенные с нею. Я клянусь своей матерью, клянусь соленой водой, клянусь той, что лежит мертвой и бездыханной в Гробнице, клянусь порванной и возвращенной душой Ортуса Нигенада.

— Чьей? — спросила она. — А, того рыцаря…

Ианта вытерла ладонью бледные, изогнутые луком губы, а потом внимательно посмотрела на руку.

— Ну, — наконец сказала она, — это определенный шаг вперед по сравнению с зашиванием мне рта, которое ты… ах, извини, я обещала не выдавать незначительных деталей.

— Погоди. Ты согласилась подвергнуться Зашитым Губам?

— Не задавай вопросов и не услышишь лжи, — сказала принцесса Иды, снова вытирая нижнюю губу очень осторожным движением. — Все, что я могу сказать, так это то, что для мага, который полагается только на кость, ты очень хорошо обращаешься с огромными иглами. Я принимаю твою клятву верности снова, дочь Девятого дома, и могу только надеяться, что на этот раз ты про-

читала текст соглашения.

Ты снова села на койку и положила руку на рукоять меча. Обычный эффект не заставил себя ждать: пищевод мучительно вздрогнул, слюнные железы затряслись, тошнота поднялась аж до глаз.

— Ты выжала удивительно много крови из очень маленького камня, — сказала ты.

— Я дала тебе то, что было тебе очень нужно в тот момент, — заявила она, лениво забрасывая одну ногу на другую. — Я не считаю цену настолько уж высокой… да и ты тоже. Кроме того, нам сейчас предстоит начать нечто, что потом станет прекрасной дружбой, и я буду единственным плодородным участком земли в твоей солончаковой пустыне и все такое, так что я буду страшно благодарна тебе, если ты не полезешь в то, что я сделала с таким трудом.

Ты вцепилась в широкую полосу стали. В ушах гремели то ли звуки, то ли адреналин, и сердце болело.

— Клятва не оправдывает неуважения, — заявила ты. — Я не стану лизать тебе пятки.

— Совершенно ненужная образность, — заметила Ианта.

— Я не стану терпеть оскорбления. Я — Препо-

добная дочь. Я ликтор. Я в долгу перед тобой, но я не игрушка тебе.

— Ни в коем случае. Разумеется. — Ианта скривила губы. — Ты похожа на гигантский мятный леденец. Держи. И еще.

Ианта вдруг нырнула под стул — правая рука будто существовала отдельно от нее — и вытащила большой рыхлый блестящий сверток. Легко кинула его тебе — ты даже не попыталась его поймать. Сверток приземлился на койку и лег на ней красивым пятном. Это была та же тонкая и легкомысленная ткань, которая сейчас окутывала плечи Ианты. Все складочки и морщинки на перламутровом плаще исчезли, когда ты его встряхнула. У него был капюшон. Были широкие рукава. Как раз то, что тебе нужно. Цвет, конечно, был совершенно не твой, но все лучше, чем бирюзовая больничная рубашка. Ты торопливо натянула его на себя. Надвинула капюшон на голову и не стала скрывать вздох облегчения. Ты была одета с ног до головы, пусть и не слишком скромно: часть лица оставалась напоказ.

И была еще аккуратная стопочка конвертов, похожих на первый. Харрохак, которая надписывала их, потратила довольно много времени на аккуратно зашифрованные адреса и номера.

Ты быстро пересчитала их и невольно посмотрела на условия чтения. Некоторые были очевидны и недвусмысленны. Прочитать в случае смерти императора. Прочитать в случае смерти Ианты. Прочитать, если Девятый дом окажется в смертельной опасности. Некоторые были невнятны почти до безумия. Открыть, если твои глаза изменятся. Отдать Камилле Гект, если ты ее встретишь.

Ты озадаченно задумалась, слышала ли вообще раньше фамилию Камиллы из Шестого дома, женщины, с которой не общалась вообще ни разу — ну или не могла этого припомнить.

— Последние два останутся у меня, — сказала Ианта, вставая. Смотреть на нее, стоящую, было непросто: она слишком сильно напоминала кривую восковую отливку великолепной скульптуры.

— Я прямо скажу: одно я должна прочитать в случае твоей смерти, и это довольно смешно.

Ты продолжала смотреть на письма. И тут увидела: прочитать при встрече с Коронабет Тридентариус. Это письмо отличалось от остальных: оно не было зашифровано. Тебе не очень нравилась мысль, что у Ианты было время изучить твой шифр. Бывшая ты была какой-то невыносимо

самоуверенной. Ианта тоже заметила письмо.

— Это ты писала у меня на глазах. Я могу рассказать, о чем оно. Ты теперь слушаешься меня и, в широком смысле, Коронабет. Ну и вот тебе часть инструкций просто так: ты не должна и пальцем трогать мою сестру.

— Твоя сестра скорее всего мертва, — сказала ты, не видя причин этого не говорить.

Она откинула назад белесую голову и захохотала.

— Корона! — сказала она наконец. — Моя милашка Корона слишком глупа, чтобы умирать. Она выйдет назад из Реки, клянясь, что шла в правильном направлении. Если она умрет, я скажу тебе: «Спасибо, Харрохак». Но этот день еще не настал.

Голова у тебя кружилась. В каком-то смысле стало легче. Ты немного боялась, что это тоже всего лишь часть сложной галлюцинации, что ты скоро опять проснешься в мире, где ты — часть своего собственного генерального плана. Плана, который тебя бесил, как бесили любые безапелляционные приказы и попытки что-то от тебя скрыть. Но все же этот план безусловно существовал. Ты могла бы следовать любым указаниям, если альтернативой было безумие.

— Если тебе все равно, я бы предпочла остаться одна, — сказала ты. — Мне много о чем нужно подумать.

— Какой вежливый эвфемизм, — заметила Ианта.

Она подобрала юбки и присела в реверансе изящным, бездумным движением. Блестящая ткань, зажатая в пальцах, усиливала впечатление издевки. Когда она посмотрела на тебя, ты увидела, что ее глаза снова изменились, теперь они стали фиолетовыми, выцветшими, а светлые пятнышки в них походили на созвездия крошечных зрачков.

— Прошу, — сказала она. — Как по мне, если нам чего и не хватает, так это времени, но кто я такая, чтобы судить Царя Неумирающего, бога Девяти домов?

Ты ответила — потому что опять же не видела причин молчать:

— Ты хреново обучила Терна, раз он до сих пор сопротивляется.

Ианта подумала. Коснулась узорчатого эфеса рапиры, висевшей у нее на поясе. Вытащила длинный кинжал, который послал горячую волну боли по твоей височной кости. Это была — хотя ты так и не озаботилась выучить все эти слова

— дага Терна, нож-трезубец, длинный клинок, по бокам от которого выскакивали два других, стоило только нажать на скрытую кнопку. Она задействовала этот механизм, и лезвия выскочили с тихим щелчком. Сверкнули две стальные полосы. Она сделала второе движение — и они снова скрылись. Она протянула руку ладонью вперед и, не медля, не раздумывая, не дергаясь от боли, воткнула клинок в ладонь. Он должен был здорово повредить мышцы-сгибатели и кости запястья. Рубиновые капли крови потекли на рукава сверкающего плаща.

Когда она вытащила клинок, рана затянулась, как будто ее и не было. Стоило лезвию выйти из кожи, как края раны сомкнулись, плоть срослась, и дырка исчезла, оставив ладонь чистой и целой, если не считать нескольких алых пятнышек. Она встряхнула ладонью, и капли крови рассыпались прахом. Впервые с момента вашей встречи Ианта лучилась танергией, как лучится жаром уголь.

— Вытяни руку, — велела она.

Ты повиновалась, прекрасно зная, что произойдет дальше. Ты сделала это немедленно, потому что не медлила и она. Ианта осторожно взяла тебя за запястье, прикинула угол и ударила.

Ты напряглась всем своим существом, чтобы не

сблевать. Нежные сухожилия ладони разошлись под бритвенно острым клинком, сталь уперлась в пястную кость, отколов от нее осколок, кровь струей плеснула в лицо, горячими солеными каплями повиснув на губах, носу, правой щеке.

Глаза закатились в мучительном экстазе. Мир содрогнулся. Ты увидела Тело, прижавшуюся к стене. Руки ее были сложены, словно для молитвы. Ты посмотрела на клинок, вошедший в твою руку, посмотрела на Ианту и на мгновение поняла, что она хотела нажать кнопку и оставить тебя без руки. Превратить ладонь в мешанину боли и обрезков, в белизну костей. Что она наказывала тебя за поцелуй и за что-то, чего ты даже не могла вспомнить.

Она вытащила клинок. Это тоже было мучительно. Ты поняла суть урока: тебя не ждало исцеление. Твоя плоть осталась разорванной и жалкой, в твоей ладони зияла гнусная дыра, кожа мерзко разлохматилась по краям, повисла красно-розовой бахромой. Ты свободной рукой схватилась за запястье, которое держала она, потоком влила в руку танергию. Жаркая бесстыдная струя подхватила осколки кости, срастила мышцы. Это потребовало усилий и заняло твои мысли. Ты восполнила потерю крови, вырастила

новую блестящую кожу, сделала ладонь целой, как и прежде, но нервы вопили, трясясь от памяти о боли.

— Харроу, — нежно сказала Ианта, — не трахай мне мозг. Я тебе тоже не игрушка.

Она отвернулась и двинулась к двери. У тебя пересохло во рту. Ты попыталась облизать губы, но побоялась, что тебя вырвет желчью. Голова кружилась. Ты взяла себя в руки достаточно, чтобы сказать:

— Значит, твой рыцарь — запретная тема?

Ее рука замерла перед панелью автоматической двери. В руке была подвеска с символом Первого дома, выложенным белой нитью.

— Бабс? — переспросила она. — Да насрать на Бабса. Но не смей говорить, что моя сестра умерла. Никогда.

Она коснулась панели и перешагнула порог. Дверь закрылась за ней, и ты осталась одна. На лице и коленях застывала кровь. Через мгновение ты стряхнула ее так же, как Ианта, высушив кровь в прах. Ты была слаба. Ты подошла к Телу, которая молча стояла у стены, и спрятала лицо у нее в коленях. Мертвая холодная близость показалась такой осязаемой и реальной, что принесла тебе успокоение.

Ты оказалась так близко к ящикам, составленным у двери, что заметила, что их принесли сюда второпях и расставили очень неаккуратно. Ты с трудом встала на ноги и пнула один из них. Они обрушились, как костяшки домино.

За ящиками оказались сотни осколков ногтей. Они походили на сломанный рог неизвестного животного, они были разбросаны по полу, они торчали из стены. Некоторые побурели от засохшей крови. Длинные зазубренные кератиновые щепки местами воткнулись в стену на палец. Ты поползла обратно к койке, где Тело уложила тебя, прикрыла одеялом, вложила в твои руки злополучный меч, добавила к нему стопку писем и позволила тебе потерять сознание.

5

Сначала она увидела свет. Он лился сквозь плексигласовые окна сияющим потоком, белым и жарким. Рубашка сразу же промокла от пота, прилипла к ребрам. В крошечном черном саркофаге шаттла свет сразу занял все доступное пространство, зло ударил по глазам. Харрохак вскрикнула, словно свет мог ее убить, а потом вдруг разом пришла в себя и смутилась.

— Пожалуйста, — сказал кто-то, — госпожа моя Харрохак, постарайтесь… смириться. Что я могу для вас сделать? Что нужно сделать?

Ортус, кажется, занимал еще больше места, чем свет. Он заполнял черно-стальное пассажирское сиденье полностью. Харроу с болью осознала, что у него выражение лица человека, который смотрит на неприятную помеху. Через много лет она вдруг сообразила, что Ортус Нигенад, идеальный современный рыцарь Девятого дома — идеально выбритая голова, идеально наложенная и идеально уместная краска, идеально мрачное и торжественное выражение лица, идеальное сложение двух шкафов, сколоченных вместе, идеальная способность таскать по шесть кило ко-

стей — считает ее довольно жалким существом. Насколько она была в самом деле жалкой, он, наверное, был не способен понять.

— Я что, подала знак? — кое-как спросила она. — Что, был сигнал? Нет? Тогда вынуждена тебе напомнить, что все остальное тебя не касается. Надеюсь, напоминать второй раз не придется.

Он не потел так, как она, но ресницы его казались влажными от света.

— Как вам будет угодно, моя госпожа. — Рапира не болталась у него на боку, а лежала на коленях, как чужой младенец. Харроу со смутным удовольствием отметила, что вместо второго оружия он таскал плетеную корзину, хотя Агламена очень активно возражала против этой идеи. Это выглядело… приемлемо. Ей нужен был соратник, а не цирковой фокусник.

— Где мы? — спросила Харроу, снова охваченная внезапной нервозностью.

— Я думал… вероятно… Примерно в четырехстах километрах над поверхностью, — ответил он, неправильно поняв ее вопрос. — Там какая-то проблема с нашим разрешением на посадку. Уверен, мы скоро покинем орбиту.

Харрохак встала с мешочка с землей Дома — все равно сейчас в нем осталось одно напоминание

о танергии — и подошла к тому месту, откуда лился свет. В последний момент она вспомнила, что у нее есть с собой, и вытащила плотную вуаль из недр своих священных одеяний. Обвязала ее вокруг головы и натянула поверх капюшон, от которого все еще пахло солями, заботливо собранными Круксом. Травяной, едкий, домашний запах, такой знакомый, что глаза снова начало жечь. Потом она выглянула в окно.

Из космоса Первый дом выглядел, как перевернутая шкатулка с драгоценностями. Окруженная белым сиянием планета, покрытая темно-синими, сверкающими, полными кислорода океанами. Планета воды, достаточно близко расположенная к огненному вихрю Доминика, чтобы вода не замерзла, но недостаточно близко, чтобы она иссохла. Зыбкий, изменчивый океан — повсюду, насколько хватало взгляда покрасневших, чешущихся глаз. Потом этот взгляд упал на собрание крошечных квадратиков, теснившихся вокруг сероватого центра.

Она вернулась назад к своему месту и поняла, что тревожно повторяет:

— Порой я что-то забываю… мне кажется, что я сплю.

— Это совершено нормально, моя госпожа, —

сказал он. — Возможно, я прав, полагая, что, по-вашему, меня могло удивить ваше… ваша немощь. — Когда она посмотрела на него, он явно почувствовал, что грохот и треск механизмов шаттла для него невыносимы, и начал традиционное для Ортуса отступление: — Ваше… так называемое… заболевание…

— Нигенад, говори нормально.

— Ваше безумие, — сказал ее спутник.

Она чуть опустила плечи. Он принял ее облегчение за эмоцию, которую она никогда не испытывала, — и он должен был это знать. Он рассеянно произнес:

— На самом деле единственным сюрпризом, если можно так выразиться… стало… нет, я не удивлен, госпожа Харрохак. Возможно, вы даже находите это полезным.

— Полезным.

Ортус прочистил горло. Это вызвало у нее очень много эмоций. Ортус прочищал горло, как будто извлекал меч из ножен, как будто пересыпал костяшки пальцев в кармане, будучи некромантом Запертой гробницы. Было уже слишком поздно: он принялся декламировать.

– Костяное безумие пало на Нониуса,

Могучего воина и последнюю защиту.

Опалило его жаждой смерти, и взревело

Его огромное сердце, подобно черной печи,

Возжаждал он трупов…

— Ах да, — сказала Харрохак, — книга шестнадцатая. Кстати, термин «костяное безумие» можно истолковать совершенно неверно…

Лучше смерть от обнаженного клинка, лучше смерть от костей. Существовал только один способ привести Ортуса Нигенада в состояние полного исступления, и она успела забыть, что этим злоупотреблять не стоит. Ортус чопорно заявил, что, по его мнению, никто из читавших «Нониаду» не может быть таким идиотом, чтобы неправильно воспринять такое простое и запоминающееся словосочетание, как «костяное безумие». Потом предположил, что такие люди, вероятно, вовсе не умеют читать, и больше склонны к неприличным журналам и гадким памфлетам, чем к сложным эпическим поэмам вроде «Нониады», и что он, Ортус, все равно не хотел бы, чтобы подобные личности читали его стихи.

— По крайней мере теперь у меня будет время закончить, — добавил он довольно мрачно, хотя эта мысль его явно порадовала.

Ее удивила только убежденность, с которой была высказана эта мысль. Она не стала говорить, что думала: что, даже если он прав, даже если Харроу меньше всего на свете хочет, чтобы Ортус болтался у нее под ногами, пока она будет изучать путь к званию ликтора, способ стать перстом и ладонью, единственный когда-либо открывавшийся перед ней божественный путь, позволяющий спасти Дом от разрушения, в котором она сама же и виновата. Ему все равно не стоило это говорить. Она надеялась, что он никогда не закончит свою поэму. Что в мире в принципе нет столько времени, чтобы ее закончить. Харрохак всегда считала, что Матфий Нониус, легендарный рыцарь ее Дома, был невыносимой сволочью.

— Харрохак, — сказал ее рыцарь. — Я бы хотел задать вам вопрос.

Он больше не казался скромным. Им овладела обычная напряженная грусть, хотя Харроу показалось, что здесь было и что-то еще. Какое-то время она смотрела ему в лицо. Он будет неплохим лекарством, если ее вдруг одолеет

ностальгия. У него были типичные для Девятого дома глаза: почти черные, без переливов цвета, будто обведенные четким кружком по краю радужки — примерно такие же, как у нее. Ортус обеспокоенно спросил:

— Как вы думаете, что такое — быть ликтором? Их возраст, их вечность — тяготит ли он их? Главная ли это их беда?

Она снова удивилась.

— Нигенад, что за трагедия такая — жить мириады лет? Десяти тысяч лет хватит, чтобы узнать все, что стоит знать, прочитать все, что когда-либо было написано… учиться и вести исследования, не боясь преждевременного конца или забвения. В чем трагедия времени?

— Время может лишить человека смысла, — неожиданно сказал Ортус. Опустил глаза и добавил: — Я не жду, что это осознание вас раздавит, Преподобная дочь.

С тем же успехом он мог сказать: «Тебе семнадцать, соплячка. А я взрослый, мне тридцать пять».

Она не в первый раз пожалела, что не рискнула и не взяла с собой Агламену. В этом что-то было: ворваться в Первый дом с восьмидесятилетней старухой на буксире. Дерзко и уверенно послать

всех на хер. Ой, у вас молодые рыцари? И что, они сражаются? Как старомодно! Как наивно! Но это был бы дерзкий и уверенный поступок по меркам Девятого дома. А ей приходилось признать, что представители Девятого дома мало что понимали в дерзости и уверенности.

— Нигенад, — сказала она. — Я — это я. Мне семнадцать. Но я уверяю тебя, что у меня множество достоинств.

— Я об этом прекрасно осведомлен, моя госпожа, — ответил Ортус.

Именно это он и должен был сказать. Но Харроу не понравилось, как он произнес эти слова.

— Что-то они нас долго тут выдерживают, — сказала она.

Она встала и резко дернула вниз плексиформовый барьер между их отсеком и пустым кокпитом. Она уже собиралась нажать на кнопку коммуникатора и поинтересоваться у пилота, в чем причина задержки и как он может ее объяснить, но вдруг увидела что-то, чего раньше не замечала — или его раньше не было. На одном из мягких кресел лежал листочек. Она взяла его и подставила слепящему свету, заливающему пассажирский отсек.

Чувствуя взгляд Ортуса, она перевернула ли-

сток. Его покрывали голубые письмена. Тонкие линии кто-то провел с таким нажимом, что каждая буква местами прорывала бумагу.

ЯЙЦА, КОТОРЫЕ ТЫ МНЕ ДАЛА, МЕРТВЫ. ТЫ МЕНЯ ОБМАНУЛА.

Она протянула листок рыцарю. В шаттле стало тихо. Ни скрипа механизмов, ни рева труб. Свет сделался ровным и белым, он больше не двигался. Ортус изучил листок с одной стороны, перевернул, изучил с другой. Прочистил горло — Харрохак невольно вздрогнула и почти потянулась за листком.

Ортус сказал:

— Но тут ничего не написано, моя госпожа.

— Твою мать, — ответила Харроу.

6

Очнувшись, ты обнаружила, что сидишь.

Подбородок у тебя был прижат к груди, так что открывался великолепный вид на колени. Ты наконец слезла с койки. Нижняя часть стен и пол расплывались перед глазами пятнами черного камня, кости и стали.

Голова кружилась. Ты сразу же поняла, что не можешь двигаться. Твой беспристрастный разум взял верх, пока физический мозг орал, бегал и дергался, как плохо воспитанное животное (каким он и был). Беспристрастный разум оценил ситуацию и пришел к выводу, что ты сидишь в каком-то кресле, которое катят по коридору «Эребуса», что кто-то защемил шейный нерв в твоем спинном мозгу — вообще не затрагивая кости, манипулируя только плотью — парализовав тебя от шеи и ниже. Ты не могла поднять голову. Могла моргать, могла кое-как дышать и немного сглатывать. Во всех остальных отношениях ты была как мраморная. Поразительная некромантия. Ты с ума сходила от злости, но мастерство все же оценила.

С тебя так и не сняли красивый перламутровый

плащ, лицо наполовину скрывал капюшон, а где-то под тканью похрустывали двадцать два письма. Меч лежал у тебя на коленях, толстая дряблая лента соединяла его рукоять с предплечьем. Ты не помнила, как создавала ее, но все же это очевидно была твоя работа. Возможно, ты уже приходила в себя раньше и успела спрятать письма под одежду и закрепить меч. Ты этого не помнила, но провалы в памяти случались у тебя регулярно. Иногда ты вроде была в сознании, но день проходил, словно во сне, и состоял из рутинных движений, функций и звуков. Лента, тянущаяся к рукояти, была не из мышечной массы — внутри ее виднелась костяная решетка. Никто не собирался торопливо отбирать у тебя клинок. Судя по всему, тебя вздернули вверх, кинули на кресло и отключили твое тело от шеи и ниже. Ты отстраненно понадеялась, что мочевой пузырь при этом не опорожнился.

Кресло остановилось. Ты услышала голоса и изо всех сил сосредоточилась на том, что происходило у тебя с загривком. Представила своего старого друга, зубовидный отросток второго шейного позвонка, который выступал из другого старого друга, шейного позвонка, представила костяные браслеты, которые обхватывали позвоночные ар-

терии, представила множество суставов. Если бы это была простая магия кости, ты бы немедленно разгадала ее и распутала бы к хренам. Голоса сливались в один:

— …это можно немедленно исправить, святая из святых, когда Князь закончит аудиенцию…

Это говорили прямо перед тобой.

— Встреча! Встреча!! — Подчеркнуть голосом, что восклицательных знаков больше одного, непросто, но второй голос справился. — Ты думаешь, у меня есть время на… на… есть лишний час, пока три генерала и твой воскреситель, бог мертвых царей, будут пытаться назначить новое совещание сразу после первого? Думаешь, я тут, чтобы сверять свои планы с тремя персональными ассистентами, шестью календарями и самим богом, который передумывает по девятнадцать раз?

Этот голос раздавался сзади и сверху. По всей вероятности, он принадлежал человеку, который толкал твое кресло.

— Священная длань, — сказал другой голос, — прошу меня простить. Это он приказал не трогать ее. Не было никаких допусков и никаких инструкций.

— Не было и возражений при заказе шаттла.

Против моих планов никто не возражал.

— Приказ относительно Харрохак Нонагесимус был отдан им лично, священный палец.

— А мой приказ больше не считается приказом бога? — поинтересовался голос сверху. — Или я больше не ликтор Великого Воскрешения, не вторая святая на службе Царя Неумирающего? Я утратила свое место среди Четверки — или, как я с ужасом обнаружила, Тройки? Разве я не последняя из тех, кто нес службу в склепе мертвых сестер, отдавших свои долгие жизни и свою верность за то, чтобы ваши вопящие дети и обсаженные микробами дети ваших детей могли купаться в лучах Доминика?

Другой голос помолчал. Сказал:

— Вы правы, — и добавил с ноткой мольбы: — Святейшая святая радости, прости меня, но я все же прошу подождать до окончания встречи.

Послышался вздох.

— Хорошо, — ответил голос довольно спокойно. — Все в порядке, лейтенант, я понимаю. Ты встречал только эту малышку да еще одного младенца. И никогда не видел ликтора. Ты не знаешь… даже если ты видел его, этого не хватает, чтобы понять…

Голос замолк, и человек, стоявший за твоим

креслом, вышел вперед. Тебя даже немного заинтересовало, что же будет дальше, хоть и только потому, что ты не привыкла сидеть на лучших местах. Перед тобой был один нормальный человек — второй представлялся черной дырой, и теперь ты знала, почему, — и у этого человека были две почки. Внезапно из ниоткуда — по крайней мере, так зарегистрировали это твои чувства — возникли два коротких удара талергии… нет, не удара, они походили на стилет, на идеально нацеленный дротик, на шприц — и обе почки оказались нашпигованы ангиотензином. Идеальный удар. Давление резко упало, тело офицера осело на пол, и кресло объехало аккуратную кучку человеческой плоти. Голос из-за кресла бормотал:

— Ужасно… кошмарно! Среди персонала «Эребуса» ни у кого нет ни капли здравого смысла. Говорила же ему сколько раз, менять их раз в десять лет… просто ужас. Мое присутствие должно приравниваться к пожарной тревоге. Я не собираюсь ждать, я не хочу чая. Мне не нужно рабское подчинение, я хочу только понимания!

Если бы твой позвоночник работал нормально, от этого крика ты бы подпрыгнула. Кресло остановилось перед шахтой лифта, темные двери зашуршали, открывая радужную коробочку, и

кресло въехало внутрь. Ты занималась тем, что аккуратно подергивала задний корешок спинного мозга. Ты было решила, что его оборвали — это было бы проще всего, — но тут же обнаружила, что его завязали узлом. Перекрутили несколько раз и добавили бантик.

Панель на стене тихо чирикнула электронным голоском, когда кто-то нажал на кнопку. Мимо прошуршала куча ткани. Ты не чувствовала ее телом, но до щеки донесся ветерок. А потом это существо опустилось перед тобой на колени. Сначала ты увидела мерцающую бледную ткань, белую с радужным отливом, возникающим под жарким светом и похожим на отражение цветного стекла во льду. Примерно такой же плащ был на тебе самой. Потом поле зрения почему-то сместилось вверх. Существо подняло пальцем твой подбородок, откинуло твою голову назад, чтобы ты увидела лицо.

Ты смотрела на ликтора. Ликтор смотрел на тебя.

Овальное лицо под льдистым разноцветным капюшоном казалось чопорным и невинным. Формой и чертами оно походило на лик святого или посмертную маску. Линии носа, челюсти, лба были тверды и чисты и напоминали о скучном

безразличии статуй. Сначала в резком неприятном свете ты заметила цвета: волосы цветом походили на абрикос или мертвый цветок, кожа, губы и брови были того же оттенка. Перламутровый капюшон скрывал картину, написанную едва ли не в одну краску. А глаза…

До этого ты видела глаза ликтора только единожды. Ликторы сохраняли собственные лица, а вот глаза крали у кого-то еще. Тебе еще повезло, что твое собственное преображение оказалось не настолько разительным. Эти глаза были сонными, песочно-карими, местами их затягивало серое облачное марево, как будто красный ураган несся по планете, рвал атмосферу, насыщенную красной пылью. Выражение лица плохо соответствовало этим сонным и довольно красивым глазам: лицо казалось отталкивающим и неподвижным — и не из-за спинномозгового нерва, как у тебя. Глаза смотрели прямо сквозь тебя, знали, что ты сделала, и давали тебе понять, что никогда тебя не забудут. Возраст не оставил своих следов в уголках этих прищуренных, побитых песчаной бурей глаз, но взгляд их был так же стар, как взгляд Крукса. Что-то во взгляде, которым она одарила тебя — уже после внимательного изучения, — тебя озадачило. А потом пришло

негодование.

Она сунула палец под твой капюшон и стянула его вниз, на шею, чтобы изучить твое лицо целиком. Разрешения она не спросила, чертов череп! Ты вспыхнула до кончиков ушей. Страх и унижение сформировали костяной крючок на суставной поверхности, желчный гнев потащил его вперед, дернул за петлю и рванул, распутывая твои нервы. Боль косой резанула по затылку, так что тебя чуть не стошнило снова — и стошнило бы, если бы ты давно не стала настоящей богиней блевотины. Ты разгладила нерв при помощи расположенных рядом мышц, втянула временный крюк в позвоночник, где ему было самое место. В результате все тело начало колоть крошечными, но острейшими иглами. Ты могла только дергаться, как рыба на крючке. Палец исчез. Штормовые глаза раскрылись чуть-чуть пошире. Чувство, появившееся на этом лице, было… не то чтобы тебе незнакомо. Но это не имело никакого смысла. Ты отбросила эту мысль.

— Тебе не нужно было этого делать, — сказала она, — ты могла порвать спинномозговой нерв и задохнуться.

Она посмотрела на твое лицо и увидела то, что было там крупно написано. Недоверие. Она

просто не могла понять, что ты сделала.

— Нет, я не могу тебя почувствовать, — ответила она на невысказанный вопрос, — но твое тело для меня не составляет тайны. Возможно, я знаю его лучше, чем ты… дитя Девятого дома.

Ты непослушными руками надвинула капюшон, скрывая лицо.

— Сколько тебе лет? — внезапно спросила она.

Ты запрокинула дурацкую больную голову, чтобы снова взглянуть ей в лицо. По какой-то причине — а тебе не нужны были причины, ты отлично умела выдавать реакции без внешнего стимула — ты испугалась. И тогда вдруг Тело вышла из-за плеча ликтора и присела где-то у двери. Ее милое мертвое лицо маячило чуть дальше лица ликтора. Она посмотрела на тебя золотисто-желтыми глазами, полуприкрытыми тяжелыми веками, и ясно сказала голосом Агламены — и твоей матери:

— Соври, Харроу. Немедленно.

— Пятнадцать, — сразу же ответила ты, надеясь, что твоя плоть тебя не выдаст.

— От зачатия или от рождения? — надавила она.

— От рождения.

То же самое чувство вновь отразилось на ее

лице, как будто темная рябь пробежала по потревоженной водной глади. Ты вся сжалась — и разжалась. И нестрашно, что она казалась черной дырой, что она не откликалась ни танергией, ни талергией. Достаточно было посмотреть на ее плечи. Это было облегчение. Беспримесное, полное облегчение.

— Фу, — сказала она.

Лифт с грохотом остановился. Двери за ликтором раскрылись, она встала и посмотрела на тебя сверху вниз. Облегчение исчезло. Ощущение огромного расстояния между вами осталось.

— Я много раз спрашивала императора, почему он столько времени позволяет себе сидеть там, где он не должен даже появляться, — сказала она. — И причиной оказалась ты. Жалкий отброс Девятого дома, который никогда в жизни не совершил ничего… ты никто. Но он поступил странно. Я же сказала указать в письме возрастной ценз! Сказала, что иначе пришлют одних подростков. А теперь мы жнем то, что он посеял. Шипение. (На мгновение тебе показалось, что у тебя слуховая галлюцинация. Никто, проживший десять тысяч лет, да вообще никто, хоть сколько-то проживший, не станет произносить слово «шипение».)

— Ладно, у тебя три варианта. Ты прямо сейчас отправляешься со мной в шаттл, я тебя везу в кресле или тащу. Выбирай, недоросль. Подскажу: другая пошла сама.

Ты встала. Это оказалось непросто.

— Хорошо. — Она окинула тебя критическим взором: — Ты похожа на нетопыря, прилетевшего в торт, тебя нужно подстричь как минимум дважды, но ты есть — будешь — была — дыхание божье и кости божьи.

Ликтор поправила твой капюшон и разгладила плащ на плечах. Ты мысленно поклялась за это однажды вырвать *ее* спинномозговой нерв. Потом посмотрела на меч, привязанный к твоей руке. Под его весом — и от усталости — ты сгибалась чуть ли не вдвое. По ее лицу было совершенно ясно, что она об этом думает, но она видела твое голое лицо и, кажется, что-то там прочла. Возможно, твои планы на ее спинномозговой нерв.

— Ты не такая хорошенькая, как Анастасия, — вот и все, что она сказала.

Теперь Преподобная дочь вела себя скорее как рыцарь собственного Дома, чем как его некромант. Ты кряхтела, как скелет, под весом своей ноши и тащилась за ликтором. К счастью, тебе хотя бы не было стыдно. Гордость быстро пре-

вращалась в подобие далекой планеты, где ты когда-то бывала, но уже позабыла все детали. Ликтор вела тебя в стыковочный отсек, где кипела жизнь. Колонка запоздало прохрипела:

— Наша госпожа святая радости почтила своим присутствием стыковочный отсек четырнадцать, — но это никого не заставило разбежаться по сверкающим костью и сталью туннелям корабля. Наоборот, все принялись вдвое быстрее заниматься своими делами.

Их дела заключались в основном в подготовке шаттла. Он был невелик. Примерно такого же размера, как те, в которых привозили в Девятый дом нити накаливания и витаминные добавки. Из команды там был обычно один пилот, который выглядел так, как будто оказался на этой работе, проиграв пари. В шаттл таскали ящики. Ты отвлеклась, почувствовав вокруг биение сердец и натяжение мышц, ток молочной кислоты — люди складывали контейнеры и ящики или грузили их по местам. В верхней части пандуса на перевернутом контейнере, окруженная опалесцирующими юбками и атмосферой мрачной сварливости, восседала Ианта. Она смотрела на хвост шаттла, а не на тебя. Среди мешков и ящиков она высилась, как колонна.

— Ладно, — сказала святая радости, — давай быстро лезь туда и сиди тихо. Не двигайся, никому не мешай, просто сиди и будь хорошей девочкой.

Офицеры Когорты отдавали Ианте честь, проходя мимо нее по пандусу. Ты заметила, что те из них, что воняют танергией, целуют кончики пальцев жестом, который ты не узнала. Пока ты тащила свое непослушное дурацкое тело по отсеку и забиралась по пандусу, ты радовалась, что тебе такие почести не положены. В очередной раз тебе, некромантке Девятого дома, дали личное пространство.

Внутри было тесно, как ты и подозревала, и до ужаса просто. Тебя немедленно поразил объект внимания и открытого восхищения Ианты. Перед задней стенкой шаттла присела некромантка Когорты, некромантические миазмы над ней сияли, как факел. Здесь не было никакого топлива для совершения некромантии, она находилась в глубоком космосе и не была ликтором. А она клала финальные мазки на изысканное заклинание обнуления, алое и липкое от ее собственной крови, которую она выкачивала длинным шприцем. Эта работа была бы сложной и тяжелой, даже будь у нее доступ к танергии. Рукава рясы были

закатаны до плеч, чтобы ткань не коснулась узора и не размазала его. Ты заметила ленты Дома — бледного цвета морской волны.

Ианта увидела тебя и вздрогнула. Не успела ты обрадоваться, что хотя бы один ликтор способен тебя испугаться, как она подвинулась и освободила тебе место на своем контейнере. Тебе этого не хотелось, но ты уселась на уголок, пытаясь как можно плотнее свести колени, чтобы не коснуться ее. Сегодня — сколько времени прошло, кстати? — ее глаза были белесо-голубыми, с аметистовыми искорками.

— Я так вижу, ты познакомилась с нашей уважаемой старшей сестрой, — сказала Ианта, — она обвинила меня в том, что мне двенадцать, назвала меня анимафилиаком, а потом сказала, что я не такая красивая, как некто по имени Кир. Как будто с мамой поговорила, — добавила она с некоторой тоской.

Твоя ладонь вспомнила прикосновение ножа, и болтать тебе не захотелось.

— Где император? — спросила ты.

— Не знаю, и мне никто ничего не говорит, — злобно ответила она. — Все ведут себя ужасно глупо, и я не могу их за это винить. Я бы так же повела себя, если бы меня изгнали из числа лич-

ных помощников императора и отправили на передовую. Но что толку быть Иантой из Первого дома, если я даже не могу этим воспользоваться.

Ты рискнула бросить быстрый взгляд на некромантку Когорты, но адептка Седьмого дома не обратила на тебя внимания. Ты поняла, что ее заклинание, во-первых, мастерски сделано, во-вторых, весьма красиво — она была настоящей художницей, — а в-третьих, выглядит очень знакомо. Призрачное заклинание. Ты попыталась вернуться к словам Ианты и понять заключенный в них приказ. Это было непросто, потому что все, что ты знала о Когорте и передовой, могло бы уместиться в чайную ложку. Даже эти знания тебя скорее раздражали, но что-то из сказанного ею зацепило твой вялый гипоталамус.

— Бред какой, — сказала ты, — императорская гвардия не принимает участия в боевых действиях.

— Ой, солнышко, ты же не знаешь. Да и откуда? Никто тебе не сказал, ты была слишком занята, то блевала, то убивала. Понимаешь ли, Нонагесимус, они вполне себе принимают участие в боевых действиях, когда Когорта внезапно теряет три военных корабля из-за орбитальных радиационных ракет. Это на три корабля больше, чем

мы потеряли за последнюю тысячу лет, — пояснила Ианта. Если бы можно было по-настоящему раздуваться от самодовольства, она бы надулась и лопнула — насмерть. Но ты почему-то даже не разозлилась, а только почувствовала себя ужасно усталой.

— Восемнадцать тысяч мертвых солдат привлекут внимание… Короне это понравится. Она обожает похороны с военными почестями.

Испытать сочувствие было непросто. У тебя не было никого на передовой или даже в Когорте. Последние капелланы Девятого дома и адепты-строители, если тебе не изменяла память, пали в бою пять лет тому назад. Цифры были просто цифрами, им не хватало контекста. Тебя больше интересовал разговор, происходивший у люка шаттла, перед пандусом. Незнакомый голос твердо говорил:

— Высокочтимая святая, «Эребус» — его корабль. Я говорю от имени всех офицеров на борту. Мы не хотим прерывать его восьмидесятилетнее пребывание здесь.

— Восемьдесят лет!! — был ответ, опять со вторым восклицательным знаком. Крайне вспыльчивый ответ. У святой был высокий звенящий голос, очень молодой для человека, который

обвинил тебя и Ианту Тридентариус в том, что вы только переживаете половое созревание. Сейчас он звучал пронзительно.

— Восемьдесят лет, позор! Ты знаешь, что было написано на стене, когда был кинут клич новым ликторам. Его престол — повсюду, и он должен вернуться туда, и должен был вернуться тридцать лет тому назад. Ты нынче адмирал, Сарпедон? Правда? Сарпедон?

— Да, — ответил адмирал, чье имя ликтор произнесла примерно как «главный прокаженный». — И прошло… двадцать лет после нашей последней встречи, самая чтимая святая, так?

— Около того, — согласилась самая чтимая святая, чей титул был произнесен адмиралом с тончайшим и учтивейшим намеком на презрение. — В любом случае с вами он уже восемьдесят лет, а Митреум обходится без него все сто.

— Вы обрекаете престол на молчание, — сказал Сарпедон, — вы крадете его у империи.

— Я не могу гарантировать тронную речь. Мы будем в сорока миллиардах световых лет отсюда.

Адмирал сказал голосом, напоминающим звон льдинок:

— Он в самых недвусмысленных выражениях высказал, что у него есть личный интерес в этой

войне.

— Он прекрасно может сохранять свой личный интерес, находясь в сорока миллиардах световых лет, — отрезала святая радости, которая только что утверждала обратное. Ее имя вдруг показалось тебе до крайности ироничным.

— Я не постыжусь увести императора прочь от врагов. Я не постыжусь того, что бог Девяти домов будет находиться вдали от тех, кто его ненавидит.

— Я не могу представить подобную слабость ни в боге, который стал человеком, ни в человеке, который стал богом, ни в Первом владыке мертвых, который может воскресить галактику мановением руки.

Ликтор еще повысила голос:

— Звезда Доминика дает свет и жизнь Девяти домам, но это не значит, что мы должны все кидать в его топку! Ты вымотал мне последние нервы, Сарпедон, и я прекрасно помню времена, когда на твоем мундире было меньше звездочек, так что будь любезен, не воображай, что ликтора можно…

С другой стороны четырнадцатого грузового отсека донесся крик. Это был голос человека, который стал богом, и бога, который стал человеком.

Он устремился к пандусу, прямо к святой радости. Ианта почмокала губами, как будто предвкушала вкусную еду, и издала звук вроде «мням-мням».

Но император обнял своего ликтора, как будто она была любимым сбежавшим ребенком, прижал ее к себе, откинул капюшон и взъерошил волосы цвета перезрелой розы. Он не обращал внимания на офицеров Когорты, которые кланялись, когда он проходил мимо. Ликтор замерла, будто ее погрузили в жидкий азот. Он сказал что-то, чего ты не услышала, а потом добавил:

— Спасибо тебе за работу, ты очень хорошо справилась.

Святая радости держалась очень прямо и неподвижно, как будто ее ноги прибили к палубе стальными штырями. Император Девяти домов повернулся к адмиралу, который чуть не рухнул на колени, положил руку ему на плечо и тихо заговорил. До тебя долетали только отрывки:

— …Нет смысла торопиться в пояс. В этом направлении из-за Доминика будут проблемы, лучше идти этим маршрутом в другую сторону… сублюминальной скорости довольно. Когда ты доставишь товары, иди путем стелы из суперкластера и объединяйся со вторым крылом флота. Нужно идти чуть медленнее, чем в последние

две недели…

— Вы покидаете нас, господин, — сказал Сарпедон. Он чуть передвинулся, так что теперь ты видела его целиком. Твой новый капюшон, в отличие от хорошей плотной ткани, которую использовали в Девятом доме, был довольно прозрачным. Сквозь него ты видела достаточно ясно, пусть радужные колебания и затуманивали взгляд. Ты разглядела стареющего мужчину в строгой форме Когорты, в безупречно белом мундире с алым шейным платком. На воротнике виднелись две звездочки, окруженные перламутром.

Если бы ты не слышала его звания, то и не поняла бы, что они означают. Некромантические испарения поднимались от него волнами, как пот, но в глубинах космоса они были бессмысленны и жалки.

— Боюсь, я не был к этому готов.

— Меня самого это не радует, адмирал, — сказал бог, — «Эребус» был моим домом.

— Мы недостойны такой любви, — холодно сказал адмирал.

— Это я недостоин того, чтобы обо мне жалели, — заявил Царь Неумирающий. — Я планировал кое-что сообщить вам. Что ж, сообщу сейчас,

быстрее и грубее. Не впадайте в драму вместе с командованием Когорты. Я точно знаю, кто стоит за этим ужасным ударом, и они были идиотами, потому что продемонстрировали свою силу. Они грубы, глупы и инфантильны, раз совершили такое. Но наше возмездие не должно быть быстрым. Пусть они поймут неотвратимость мести Девяти домов.

— Она неизбежна, как смерть, — сказал адмирал.

— И так же добра, — добавил император, — ты доказал свою верность, Сарпедон, и я никогда не ставил ее под сомнение. Я отдыхал тут, на «Эребусе». Но, полагаю, тебе это уже сказали…

(Святая радости дернулась при этих словах или тебе показалось?)

— …«Эребус» нужен в другом месте, а я должен быть повсюду.

— Но, господин, идти без эскорта… на транспортном корабле, который с помощью стелы доберется до хадальной зоны только через два года…

— Восемнадцать тысяч хороших солдат, — мягко подчеркнул император. — Отдай «Эребус» им. И дай ему новое имя «Императорский престол».

— Мой господин…

Святая радости что-то прошептала себе под нос. Император и глазом не моргнул.

— Да, я понимаю, что командовать престолом — довольно скромное занятие. Но я не позволю адмиралтейству забыть, чем был этот корабль и чем он, надеюсь, будет снова. В любом случае это имя даст тебе преимущество в очередях на орбите, даже если меня на борту не будет. Я стану невероятно скучать, Сарпедон, но у него броня толще, чем у любого корабля в нашем флоте, а после перестройки он сможет перевезти две тысячи…

— Но, господин…

— А что до тебя… твои кости будут освящены в Митреуме. За все, что ты сделал для меня. Если я не увижу тебя до этого, мне остается только надеяться, что ты успеешь выйти в отставку.

Император Девяти домов протянул Сарпедону руку. Адмирал Когорты выглядел так, будто его только что заклеймили. Император долго держал его за руку и смотрел ему в глаза, потом отвернулся и пошел по пандусу. Его длань не слишком охотно последовала за ним.

Когда он подошел ближе, ты увидела, что он собирался в спешке. Через плечо висела небольшая, кое-как собранная сумка, вечный планшет

выглядывал из кармана вместе с примерно пятью стилусами. Одет он был просто, как всегда, в черную рубашку и брюки. Отсутствие ярких цветов всегда тебя радовало. Он выглядел очень по-Девятому. Даже воротничок и манжеты у него были потерты от долгого ношения. Но сегодня на нем была корона, которой ты раньше никогда не видела. Венок из лент и переливчатых листьев поблескивал в темных волосах и тихонько потрескивал в безветренном отсеке. Листья переплетались с детскими косточками того же размера. Он прошел по пандусу мимо тебя и спросил самым обычным голосом, как будто ты никогда не рушилась перед ним на палубу в лужу блевотины.

— Ты в порядке, Харрохак?

— Я готова ко всему, учитель, — сказала ты.

— Это не одно и то же, — заявила Ианта, довольно похоже изображая обаяние. — Я присмотрю за ней, учитель.

Ты с отвращением услышала ответ бога:

— Хорошо, присмотри. А теперь…

Он обернулся и увидел, что прекрасное заклинание красуется на стене, а адептка Седьмого дома умирает, лежа на палубе. По груди у нее текла кровь: в какой-то момент она слишком глу-

боко засунула шприц в подключичную артерию. Закончив с идеальной кошмарной спиралью — ни один штрих не выдавал того, что его наносили дрожащими от боли руками, — она успела брызнуть сверху фиксатор и тихо рухнула. Она лежала, устремив глаза в потолок, сцепив руки над быстро увеличивавшимся пятном на груди. Ее ряса краснела от крови, будто адептка принадлежала ко Второму дому.

Император пробормотал что-то, что прозвучало как «ты могла бы поклясться в этом камнем Гробницы», но прозвучало как «ну мать твою». Поколебавшись мгновение, он прижал ладонь ко рту, будто задумался. Последовавшая вспышка ослепила тебя — мгновение ты ничего не могла разобрать или понять.

Пятно крови засохло и рассыпалось пылью. Поток остановился. Руки адептки лежали на чистой рясе. Остекленевшие глаза, ждавшие конца, сделались живыми. Она перевернулась и поцеловала пыльную палубу шаттла. Вы с Иантой моргали, из глаз и носа у вас текло, как будто вы только что съели что-то острое.

— Святейший господь, — сказала она, но в этом почти не было вопроса.

— Не сегодня, старший лейтенант, — ответил

бог, — сейчас нам как никогда раньше нужны такие некроманты, как ты.

Она поцеловала пальцы механическим жестом, потом обратила то же приветствие к святой радости, потом к Ианте, а потом, после паузы, даже к тебе, с полдюжины раз. А потом еще поклонилась, сложившись почти вдвое. Затем выпрямилась и побежала вниз по пандусу, грохоча сапогами. Вскоре от нее осталось только огромное заклинание на стене. Святая радости смотрела ей вслед с непонятным выражением на постном лице.

Теперь, когда на борту оказались еще два человека, ты поняла, насколько мал на самом деле шаттл. Слева от тебя виднелся отгороженный отсек для отправления телесных функций — любой другой человек в известной вселенной назвал бы его туалетом, — но, кроме этого, в шаттле не было ничего. Ни коек, ни кресел для пассажиров, разве что пара откидных сидений по бортам. Ящики, занесенные внутрь, были совсем небольшие. Больше всех оказался квадратный камень, перехваченный стальным тросом. Теперь, когда он стоял тут один и без маленькой розочки, ты не сразу поняла, что это саркофаг. И еще секунду соображала, чей именно.

Справа располагался кокпит с пустым сиденьем

для единственного пилота. Оно было застелено роскошным платком из вышитого перламутрового материала, и вдруг твой мозг вздрогнул, и ты поняла, что в кокпите вовсе не пусто: на радужном платке устроилась Тело, скромно положив руки на колени. Цепь рубцов на руках виднелась очень ясно. Суровые благородные линии ее лица смягчились, будто она узнала кого-то, губы были чуть приоткрыты, и между ними виднелся мертвый черный язык. Ты проследила ее взгляд — она смотрела на вход и на императора.

Император нажал кнопку у двери, пандус втянулся в шаттл с громким механическим хлюпаньем. Потом повернулся к ликтору и сказал крайне кислым, лишь чуть-чуть приправленным сладостью тоном:

— Это выглядит так, будто ты пыталась манипулировать мной.

— Господин, я бы не осмелилась…

— На моем флагмане, моему адмиралу, среди моих людей. Точно ли «Эребус» — лучшее место, чтобы публично унижать своего императора, Мерси?

Она воззрилась на него. Гладкий холст ее лица сморщился и исказился от гнева. Ты-то думала, что десяти тысяч лет хватает, чтобы научиться

владеть лицом, если тебе в принципе это нужно. Видимо, нет. Или Мерси не утруждала себя учением.

— Единственная, кто пытался манипулировать тобой, летит домой вместе с нами. В гробу, — выкрикнула она. — И не смей называть меня по имени при детях! Мы решили, что наши имена священны, мы позволили их забыть…

— Мерсиморн, — сказал император. — Ты не хуже меня знаешь, что скрывать собственное имя от своих праведных сестер странно. Кроме того, ты пытаешься поссориться со мной, чтобы я забыл о другом поводе для ссоры. Эта тактика годится для семейных скандалов.

— Ты почти на орбите Доминика, это самоубийство…

— Ты знаешь, почему я здесь, и мои причины не…

— Их можно назвать безумием, эгоизмом или…

— И кто же может их так назвать? И не рифмуется ли его имя с «Нерсинорм»?

— Оно рифмуется с «Навгустин», — высокомерно ответила святая радости.

Лицо императора Девяти домов вдруг осветилось, как будто на маленькой планете внутрен-

него круга наступил рассвет.

— Значит, ты снова разговариваешь с Августином из Первого дома?

Мерси воздела руки и замахала ими, будто доила огромную невидимую корову. Этого не хватило, чтобы выразить ее чувства, поэтому она села на другой ящик. Уперла подбородок в ладони. Рапира позвякивала под радужно-белым плащом при каждом движении.

— Мы разговаривали, — холодно и размеренно ответила она. — Всего девятнадцать лет назад, если ты помнишь. Даже если мы заговорим сейчас, это не будет иметь значения, поскольку разговоры и общение — разные вещи. И нет, я не готова общаться с существом, о котором ты говоришь. Тем не менее твои действия заставили меня заговорить с этим глупым червем в человеческом обличье, и я прибыла сюда, чтобы взять все в свои руки. — Он не успел ответить ни слова, как она продолжила: — Никто не отвечает на призывы Митреума. Вернись домой, пожалуйста!

— Но…

— Нас осталось трое, — просто сказала ликтор. — И я не уверена, жив ли третий.

— Он контролирует… — начал император и, кажется, хотел объяснить, что именно там кон-

тролируется, но тут заметил, что вы с Иантой сидите тихо, ожидая, когда эта жуткая беседа прекратится (ты), или отчаянно мечтая о подробностях (Ианта). Он положил свою маленькую сумку — ты в панике подумала, что она оказалась прямо на коленях у Тела. Она бесстрастно поглядела на него, потом, потрясенно, на сумку. Он сел на пол рядом со своим мрачным ликтором.

Дальше последовала беседа, больше похожая на стенографическую запись. В какой-то момент они просто пару раз пожали плечами. Он говорил слово, она отвечала совершенно другим словом, император кривился или резко возражал. Один раз резкое возражение имело вид усмешки, и ликтор отвернулась, проиграв этот раунд. Ты смотрела на двух людей, которые все обговорили тысячу лет назад. Это походило на разговор между ладонью и локтем, мозгом и сердцем — они обменивались электрическими импульсами. В какой-то непонятный момент они вернулись к нормальному разговору, и бог сказал:

— Я собирался подождать на «Эребусе», пока мы не узнаем точно, был ли запуск…

— Мне плевать, они это или нет! — шмыгнула носом святая радости Мерсиморн (теперь у нее было два совершенно неподходящих имени). —

Это отбросы. Они ни на что не способны. Их лидер погибла почти двадцать лет назад. Надо правильно расставлять приоритеты.

— Но это же очевидно…

— Господин, вспомни, что стоит на кону! — сказала ликтор.

— До Митреума можно добраться только одним способом, — сказал бог с таким видом, будто вытаскивал последний кирпич из фундамента колеблющейся башни. — Будучи в здравом уме, я не могу взять ни одну из них в это путешествие.

Ты испугалась, что «ни одной из них» он поспешно заменил имя «Харрохак». Старшая ликтор не развеяла твои страхи, когда посмотрела на него бездонными гневными глазами и сказала:

— Если ты не уверен в… ком-то из них, тогда высади их немедленно! Они не станут благодарить тебя за сохранение жизни! Это единственное испытание, которое имеет значение! Спасибо!

Император Девяти домов встал. Его ликтор тоже встала. Ее рука отбросила в сторону полу роскошного плаща и легла на рукоять скромной рапиры. Плотная сетка окружала простенькую рукоять без единого украшения, если не считать белого шарика на самом конце… ты не знала нужного термина. Яблока, кажется.

— Готовьтесь к запуску, — сказал он. — Я сообщу.

Ты каким-то образом поняла, что Мерси выиграла это сражение.

Со странной смесью облегчения и жестокого, злобного стыда Мерси встала и наклонилась над креслом пилота. Пощелкала переключателями, едва не задевая Тело. Переключатели двигались с приятным сочным звуком, на потолке зажглись лампы, заливая всех неприятным оранжевым светом.

Ни высота, ни ритм голоса бога не изменились, но все же он стал другим. Будто из мягкого чехла достали сталь.

— Проверь те ящики, — велел он. — Закрепите их ремнями, поплотнее и получше. Ианта, ремни у того иллюминатора. Харроу, отцепи этот меч от себя и прикрепи к полу. Воспользуйся костью. Не согни его и не сломай.

Вы с Иантой принялись крепить контейнеры. Ты неохотно расплавила костяную нить, скреплявшую меч с твоей затекшей рукой. Подумала и сделала то, что велела самой себе в письме: закрыла клинок чехлом из кости. Результат оказался очень приятным для глаз и для мозга. Скрыть гнев меча до конца ты не могла, но в таком чехле

он — объект твоего негодования, ненависти и паники — казался приглушенным. Как абажур приглушает свет лампы.

После этого ты села на откидное сиденье рядом с Иантой и застегнула ремень безопасности. Босыми ногами ты касалась покрытого костью меча и смотрела, как бог в последний раз проверяет металлические застежки и пряжки на ящиках. Он легко погладил толстый камень гроба, задержал руку на долю мгновения, а потом остановился перед заклинанием, сиявшим на стене. Прижал кончик мизинца к одной из спиралей, очень осторожно, как будто пытался ее испортить. Венчавшие его кости нерожденных младенцев и листья заколебались на невидимом ветру.

— Великолепная работа… почти идеальный уровень углекислого газа в фиксаторе, — сказал он, доставая стилус из кармана. — Она была слишком хороша, чтобы умереть из-за этого, Мерси.

— А я не велела ей умирать, — огрызнулась Мерсиморн. Внезапно открытая дверь шаттла щелкнула и начала со скрипом опускаться, занимая то место, где раньше был пандус. С громким стуком она рухнула на свое место.

— Вовсе не нужно было рвать себе аорты. Команда твоих жутких флагманов вечно пытается

принять мученическую смерть, даже если попросить у них апельсинового сока.

— Я велел Сарпедону объявить ей благодарность, — сказал он, постукивая по планшету, — но вряд ли это достаточная награда тому, кто чуть не истек кровью.

Коммуникатор у кресла пилота захрипел. Послышался голос адмирала:

— Мой господин, вы можете лететь. Ждем вашего слова.

— Открывайте крепления, — сказал император.

— Есть, — ответил адмирал Сарпедон, потом кашлянул и начал произносить то, что ты теперь считала обычной молитвой: — Царь Неумирающий, искупитель смерти, бич смерти, защитник смерти, взгляни на Девять домов и услышь их благодарность…

Постепенно послышались металлические голоса всей команды отсека.

— Да вверит себя ему вся вселенная…

Ты посмотрела в иллюминатор у себя за спиной. Темноватый четырнадцатый отсек осветился, там открывали какой-то внешний шлюз, а шаттл полз по направляющим, готовясь выброситься в открытый космос, будто жертвуя собой. От-

крылась бархатная чернота окружающего мира, ледяные звезды горели где-то вдали.

Тело вдруг встала рядом с тобой, и тебе пришлось напрячься, чтобы не потянуться к подолу ее грязной белой сорочки, к бледной рыхловатой плоти ее ног. Ты уезжала неизвестно куда и не понимала, что чувствовать.

Ианта скромно потупилась, как будто это дурное актерство способно было убедить хотя бы одно мыслящее существо. Под плащом у нее виднелась рапира — временами она высовывалась из-под перламутровой ткани. Поймав взгляд из-под бледных ресниц, ты увидела в нем жгучее предвкушение. Один глаз был голубой, второй — фиолетовый. Она выглядела как человек, ожидающий награды. Она очень волновалась. Звездный далекий взгляд остановился на тебе, и она робко прошептала:

— Может, возьмемся за руки в знак женской солидарности?

Увидев твой взгляд, она сдула с лица прядь бесцветных волос и заметила:

— Это ты облизала мне гланды.

Перекрывая молитву, трещащую из колонки, Мерси сказала:

— Стартуем через тридцать секунд.

Император добавил:

— Не надо триангуляции. Мы не хотим подвергать никого опасности. Будем держать курс, пока «Эребус» не окажется вне зоны досягаемости.

Тело исчезла. Он взял красивый радужный платок и накинул на спинку кресла пилота. Мерсиморн уселась в кресло и застегнула ремень. Маленькие кусочки костей над окном музыкально зазвенели, когда воздух стал уходить. Император стоял за спиной Мерси, положив руку на спинку кресла, при каждом движении стилусы у него в кармане тоже позвякивали. Он наклонился и нажал на кнопку коммуникатора. Молитва оборвалась, будто все молящиеся разом задохнулись.

— Наши враги вновь подняли руки на тех, кто должен был жить с ними в мире, — сказал он. — Мы вновь нарушили завет, и вновь на нас обрушились страх и гнев тех, кто не умеет думать и не может простить нас за то, кем мы являемся. Вы, служившие на «Эребусе», мои солдаты и некроманты Девяти домов. Если вы окажетесь на поле брани, помните, что даже умирающее эхо вашего сердца я превращу в оружие. Последнее движение вашего мертвого языка станет боевым кличем. Я вспомню вас, когда вы призраками

будете плавать в воде, и моя память превратит вас в богов. Если вы умрете, сама ваша кровь станет стрелами и копьями. Помните, что я — Царь Неумирающий.

Он снял руку с кнопки, оборвав дикий торжествующий крик слышавших его людей. Ты с болезненной ясностью чувствовала вспышки талергии — то есть офицеров Когорты в отсеке — десять вспышек собрались всего в сорока метрах от тебя. Слишком близко, чтобы делать что-то полезное для шаттла. Может быть, они молились? Поодаль стояли и другие. Стояли ровной линией, внутри их текла кровь и кипела кишечная флора. Кажется, они обеспечивали работу механизмов. Когда крепления, удерживавшие шаттл на месте, открывались, раздавался глухой звук.

Двигатели за изрисованной кровью стеной взревели громко и сухо, вспышки талергии начали отдаляться, шаттл катился по шлюзу, по длинным направляющим из стекла и плексигласа. Мерси дернула рычаг кверху, сосредоточенно наморщила нос… и тут талергия исчезла. Вы оказались в космосе. В шаттле не было никого, кого ты могла бы почувствовать и прощупать, если не считать единственного сгустка танергии, тихо лежавшего в гробу. Выглянув в иллюми-

натор, ты увидела «Эребус» и впервые осознала, насколько огромен флагман, впервые увидела, как переливается и мерцает его темная, с радужным отливом броня, похожая на разлитую нефть. Соединительные скелеты виднелись по всему громоздкому корпусу, так что корабль походил на огромный передвижной оссуарий. Когда он завел двигатели, вспышка света обожгла тебе глаза.

Искусственная гравитация обеспечивала отсутствие всякой тряски, но тебя все равно мутило при мысли, что вы кувыркаетесь в открытом космосе, как потерянный грузовой контейнер.

— Внимание, дети, — сказал бог.

Тебе приглашение не требовалось. Император барабанил пальцами по спинке пилотского кресла, и его внимательные черно-черные глаза смотрели куда угодно, но не на тебя.

— Слушайте меня очень внимательно, обе, — сказал он. — Митреум далеко отсюда, и наш маршрут будет не самым обычным. Я преподам вам первый урок, и этот урок ляжет в основу самого важного из уроков, которые вам предстоит постичь в роли ликторов. Еще будет время задавать вопросы, будет время пробовать и ошибаться. Но сейчас вы должны сделать в точности то, что я скажу. Единственная альтернатива —

разрушение ваших тел.

Это тебя не смутило. Ты была дочерью Запертой гробницы. Вероятность разрушения тела сопровождала тебя с трех лет. Ианта, голос которой дрожал от еле сдерживаемого волнения, сказала:

— Я думала, тут будет стела.

— Стела имеет в высоту восемь футов, покрыта надписями на мертвых языках, вырезанными особыми адептами Пятого дома, и постоянно купается в оксигенированной крови, — заметила Мерсиморн с кресла пилота. — Я имею в виду, что, будь она на борту, ты бы быстро ее заметила.

— Спасибо, старшая сестра, я очень люблю поучения, — ответила Ианта.

— Там, куда мы направляемся, нет обелисков, на которые можно было бы нацелить стелу, — сказал император, прекративший барабанить пальцами по креслу (после того, как ликтор мрачно сказала своему богу: «Вообще-то это здорово раздражает»). Теперь он все время поддергивал потертый рукав.

— Я проведу вас обеих через Реку.

Вероятно, на ваших лицах отразилось полное непонимание, потому что он рассеянно добавил:

— Это единственный способ. Путешествие со сверхсветовой скоростью оказалось ловуш-

кой… по крайней мере, в том виде, в каком оно существовало изначально. Этот способ что-то испортил во времени и пространстве и стал непригоден для любых добрых целей…

— Я всегда полагала, что червоточины решили бы эту проблему, — сказала святая радости, выделывая что-то непонятное с переключателями, — или пространственное расширение.

— Вместо этого мы придумали стелу и обелиск, которые имеют к путешествиям гораздо меньше отношения, чем к… переносу. Но в будущем могут возникнуть случаи, когда вам придется отправиться туда, где не будет обелиска. Или, может, вам придется исполнять священный долг ликторов по установке обелисков. А для этого нужно переходить через Реку. Мне нравится описывать это как спуск в колодец.

С кресла пилота донеслось фырканье.

— Учитель, — сказала Мерси, — это река. Идеальная водная метафора уже готова, не нужно выдумывать.

— Мне нужно как-то выразить идею двух глубин, и я не хочу запутывать их идеей скорости там, где нет…

— Это Река. И поэтому просто скажи: «Представьте себе реку…»

— Мерси, либо тебе нравится моя предыдущая идеальная фраза про реку, либо нет. Выбирай.

— Я не буду помогать тебе с надречными путешествиями, спасибо за предложение, господи, — сказала Мерси.

— В этом конкретном случае, хотя «надречный» — идеальное слово, потому что оно привлекает внимание и полностью описывает явление, давай отойдем от него, — ответил господин Девяти домов, который явно был не против перемен в расстановке сил. — Использую метафору Кассиопеи.

— Господи, только не лава, — буркнула Мерси.

— Девочки, представьте себе каменную планету с магматическим ядром под мантией. Путешествие по ее поверхности от одной точки к другой может занять год. Но если вы достаточно хорошо понимаете суть своего путешествия и относительность пространства, то можете нырнуть в магму, которая отнесет вас в нужное место за час.

Он помолчал. В шаттле было очень тихо: приборы не жужжали, разве что порой громко трещало рулевое перо. Голос Ианты нарушил механическую холодную тишину, произнеся (довольно вежливо для Ианты):

— Учитель, Река — это огромное лиминальное пространство, созданное магией духов и населенное безумными от голода призраками.

— Да, метафора магмы тут не работает, — вставила Мерси, не отрывая взгляда от приборной панели.

Император ответил очень серьезно:

— Давайте представим, что магма населена бессмертными магматическими рыбами-людоедами. При этом возникают две проблемы. Во-первых, существа из плоти и крови умирают, как только погружаются в магму. Во-вторых, рыбы-людоеды очень опасны.

Если бы он не был богом, вряд ли бы ты согласилась слушать про магматических рыб-людоедов. Но он был богом по природе своей, как ты думала еще примерно шестьдесят секунд. А потом он добавил, уже тише:

— Мы собираемся миновать примерно сорок миллиардов световых лет и оказаться там, куда мы впервые сбежали… я и еще шестеро. Один из нас был уже мертв, а второй вышел из игры. Нам нужно было место, чтобы зализать раны, оказаться как можно дальше от всего, что мы любили, подождать, спрятаться… не боясь того, что обращенный на нас взгляд пронзит по пути

все девять домов. Это темный, холодный и неприятный участок космоса, звезды там стары и почти мертвы. Мы накачали их танергией, и теперь они будут сиять вечно, но свет их изменился. Если бы мы путешествовали от стелы к стеле, мы добирались бы туда несколько лет. Мерси, как далеко от системы находился Седьмой номер при последнем счислении?

— Пять лет, — ответила Мерсиморн, руки которой наконец-то спокойно легли на панель с кнопками, переключателями и костями. — Пять лет, шесть месяцев, одна неделя и два дня.

— Одно крошечное мгновение, — прошептал император и отодвинулся от кресла пилота. — Некоторое время назад мы выяснили… я говорю «мы», но на самом деле я мало отношения к этому имею… что расстояния там различаются. Река не течет сквозь пространство-время, в которых мы существуем сейчас. Река… она течет под нами, как в метафоре с магмой. Расстояние по Реке не совпадает с расстоянием наверху. Если я погружу нас прямо сейчас, мы сможем почти мгновенно вынырнуть на другом краю вселенной, дома. На станции, которая служила нам убежищем. Мы зовем ее Митреумом.

Он раскинул руки. Самые обычные руки с обыч-

ными пальцами и ногтями в чернилах.

— Посмотрите на заклинание. Что это?

Ты начала запоминать его учительский тон. Эта ситуация была тебе знакома — тут не было непонятной магмы. Заклинание слегка плыло в тенях, но это было следствием игры света и крови.

— Обычное призрачное заклинание, — сказала ты и тут же пожалела, что повела себя как провинциальная костяная ведьма.

К счастью, Ианта оказалась еще более раздражительной и упертой волшебницей плоти, так что она добавила:

— Оно даже не сложное. В смысле, оно довольно изысканно и безупречно, учтена даже свертываемость крови, но я такое делала в пять лет!

— Это средство от привидений не позволит разорвать наш корабль на части, — сказал император. — Все одинокие духи будут обходить нас. Какое-то время.

— Одну минуту и тридцать три секунды, — вставила Мерси.

— Плюс-минус, — согласился он.

Император опустился на пол рядом с тобой и Иантой, как раньше садился рядом с Мерсиморн. Это почему-то было тебе неприятно. Как будто он

предлагал тебе тест на соответствие, и ты должна была немедленно распластаться перед своим богом. Кольцо вокруг его зрачка сияло белизной.

— Ваша задача проста, как просты все самые сложные вещи. Я погружу нас в Реку, и я вытащу оттуда корабль. Вы должны сосредоточиться. Я могу перенести ваши физические тела, но души останутся здесь, если вы их не удержите.

— Физический перенос через лиминальные границы, — сказала ты и сама удивилась сказанному, как будто ты не знала этих слов, — очень сложная магия духа, рожденная в Пятом доме.

— И за это я благословляю Пятый дом и их долгую память, — сказал император. — Они могут зайти настолько далеко, чтобы приманить к себе потерянных духов. Они стоят на берегу, размахивая кусками мяса и предлагая якорные стоянки. Но они не приближаются к цели.

Ианта вдруг стала похожа на свою сестру-близнеца и сказала удивленно:

— Но если распространить этот способ, на флоте произойдет революция. Мы сможем сэкономить очень много топлива и усилий благодаря мгновенным путешествиям. Мы станем неостановимы.

Мерси неприятно рассмеялась.

— Могучий некромант на пике способностей может продержаться в Реке секунд десять, — сказал бог, поднимаясь. — Магия душ — великий уравнитель. За первые несколько секунд некромант полностью лишится танергии… потом талергии, а потом и самой души. Призраки просто не успеют добраться. Никто не может выжить в магме, если вернуться к нашей аналогии.

— Мы можем, — сказала Мерсиморн, оперлась локтем на приборную панель и положила голову на руку. Пожаловалась: — Я вот этим занята прямо сейчас.

— Метафорическая температура ликтора превышает тысячу градусов, — сказал император. Он еще раз проверил все контейнеры и крепления. Космос медленно пролетал за окном, невероятно черный и невероятно тошнотворный. — С этим невероятным заклинанием, наложенным экспертом, который отдал ему кровь своего сердца… выйдет где-то полторы минуты. Я надеюсь на минуту сорок секунд, учитывая качество работы… а потом мы окажемся предоставлены сами себе. Ни один ликтор не выдержал больше семи минут при полном физическом погружении. И все это благодаря титаническим усилиям Кассиопеи из Первого дома, которая была невероятно умна и

осмотрительна. Она предположила, что сможет заманить в поток физическое тело Зверя Воскрешения. И она смогла. Он последовал за ней.

— И? — поинтересовалась ты.

— Оказалось, что ума и осмотрительности недостаточно, чтобы уберечься от десяти тысяч голодных духов, — тихо сказала Мерси.

— А как же Зверь? — спросила Ианта.

— Вынырнул невредимым двадцать минут спустя, — ответил император. — Жизнь — та еще сука.

Он посмотрел в иллюминатор на звезды и на сияющий поодаль планетоид. С твоей стороны он казался закопченно-красным.

— Расстегивайте ремни, — сказал он. Вы обе повиновались. — Ложитесь на пол.

Вы ответили хором. Ты — иссушенным шепотом, Ианта — низко и тихо:

— Да, учитель.

Путаясь в конечностях, вы улеглись на пол. Принц милосердный сказал ровным голосом:

— Дышите реже. Не больше двух вдохов в минуту. Если вам нужно отдышаться, сделайте это сейчас. Я очень давно никого не учил этому трюку, и я не знаю, с чего начинать.

— Начни с испытания Пирры, — немедленно

отозвалась ликтор.

— И верно. Да, Мерси, я пытался быть более-менее веселым, но я и правда начну здесь. Вы обе помните испытание проекции в доме Ханаанском? Которое в третьей лаборатории?

Ты немедленно вспомнила гигантскую костяную тварь, постоянно растущую и изменяющуюся. Ты погрузилась в нее настолько, что не могла высвободиться, твой разум бессильно блуждал по чужому мозгу.

— Сейчас вам понадобится тот же навык, — продолжил бог. — Ваш разум не последует за телом в Реку сам собой. Удерживайте разум и тело вместе, потому что при любом неверном движении ваше сознание может вылететь из тела и застрять на выселках системы Доминика, не понимая, как вернуться домой. В большинстве случаев вам вовсе не следует погружать свое тело в воды, это слишком опасно, но раз речь идет о физическом перемещении, тело нам тоже понадобится.

Ты не в первый раз проклинала себя за то, что не стала подробно изучать магию духа.

— А что происходит с телом ликтора, лишенным души? — спросила ты.

Бог подумал:

— Отделение от души тебя не убьет. Не сразу.

Но…

— Но мы тебя убьем, — сказала святая, — сразу. Пустое тело ликтора с нетронутым аккумулятором, но без пилота? Ты вообще представляешь, что может занять твое место? В твое тело влезет кто угодно, любое жуткое, злое или одинокое создание, жалкий призрак или еще того хуже. А ты, дитя Девятого дома, знать не знаешь, как сражаться с такими хищниками. Ты — младенец. Слушай внимательно: если мы вынырнем на другой стороне и увидим, что ты ушла, бросив свое тело, я немедленно выколупаю твои мозги из черепа, не дожидаясь, пока ты вернешься.

Бог не сказал ничего.

— Когда начинаем?

Голос Ианты звучал так, будто она ожидала удаления зуба.

— Начинаем? — переспросила Мерсиморн. — Погружение началось тридцать секунд назад.

— Таймер? — спросил бог.

— Поставлен на пять минут.

— Нужно помедленнее, поставь на шесть.

— Пять с половиной, — предложила она, но бог ответил:

— Я не торгуюсь. Когда мы достигнем воды, следи за временем.

Святая радости ответила необыкновенно смирно:

— Готово. Будь осторожен, учитель.

В глубинах космоса — и в глубинах Реки — шаттл окружал кокон искусственной гравитации. Ты не знала, где верх, где низ и в каком направлении вы двигаетесь. Ты лежала на палубе, пытаясь не давать легким расширяться слишком быстро. От редкого неглубокого дыхания сознание чуть плыло. Ты чувствовала себя не спокойной, а скорее тупой. Тебя будто прижали к полу.

— Оставайтесь в сознании, — велел бог.

Ты принялась растягивать мышцы ног, пока они не заболели, пока ты не почувствовала, как напрягаются сухожилия. Ты лежала на мумифицированном мече, который мрачно пылал в своем костяном саркофаге. Ты смотрела в потолок. Ты повернула голову и увидела, что Ианта смотрит сквозь тебя. Она лежала между своей рапирой и своим кинжалом, достаточно близко от тебя, чтобы это было неприятно.

— Наденьте капюшоны, — сказала Мерси, — они не просто так прозрачные.

— Так проще, — согласился император, — вы видите свет, но не отвлекаетесь.

Ты не пожалела, что послушалась. Мир стал

скопищем светлых пятен, как будто ты смотрела в белый шум или головную боль. Силуэты и тени исчезли. Ианта превратилась в перламутровую кучу. Ты не понимала, какие вспышки цвета возникают из-за радужной ткани, а какие — из-за мигрени. Твое дыхание звучало неприятным звоном, дыхание Ианты — мычанием. Императора Девяти домов ты не слышала — а замечала ли ты вообще, что он дышит? — не слышала и старшего ликтора. Приборы, контролирующие условия в шаттле, были то ли отключены, то ли выставлены на очень низкие даже по меркам Девятого дома показатели: под тонким плащом и легким платьем ты вся покрылась мурашками от холода. Ничего не происходило. Ни вспышки танергии, ни убыли талергии. Ты никогда не владела магией духа, и поэтому не почувствовала тонкостей перехода. Было очень холодно, вот и все.

Ты мертвым грузом валялась на ледяной палубе, каждый вдох раздирал легкие. Вдох. Выдох. Вдох. Выдох. Ты хорошо осознавала себя, каждое движение энергии внутри. Ты осязала, что на руках у тебя мозоли, что в горле саднит от постоянной рвоты, что тебе очень одиноко. Тебя смущали все эти ощущения. Ты никогда так явно не чувствовала собственное тело, даже во время

медитации. Свет притух и стал грязно-оранжевым, как будто догорали угли. Ты впала в тупое полумертвое оцепенение, твоя тревога ослабла и вовсе пропала, и тут ты услышала крик Ианты.

Ты выглянула в крошечную щелку капюшона. Ты не издала ни звука, потому что не знала, что видит Ианта. Лично ты видела воду.

7

Вода просачивалась сквозь клепаные швы панелей. Была она грязная, ржаво-красная, в ней плавала какая-то дрянь, как в канализации. Она уже добралась до носа шаттла, и над ней виднелись ботинки императора. О гравитации вода не имела никакого представления, она текла то в одну сторону, то в другую, а потом начала упругими фонтанчиками влетать со стороны переднего окна.

— Тридцать секунд, — сказала Мерсиморн, голос которой изменился так сильно, как будто это была другая женщина — не злобная, а совершенно спокойная. — Осталось пять минут тридцать секунд.

Справа послышалось шуршание.

— Лежи тихо, — сказал император.

— Господи, я их вижу, — торопливо сказала Ианта.

Их?

— Сосредоточься на них, — сказал император. — Не бойся. Сними капюшон, если хочешь. Думай о шаттле. Где была ты, где я, где Мерси, где Харрохак. Шаттл — это проекция воспоминания,

а они нереальны. Но они просочатся дальше, если ты выйдешь из тела, а я не хочу тебя терять.

Проиграть Мерси или пустым глубинам космоса?

— Осталось четыре минуты тридцать секунд, — сказала ликтор, — заклинание продержится еще около полуминуты.

Было слишком интересно, чтобы сдерживаться. Ты стянула опаловый капюшон с лица и тут же испугалась до смерти. Мутная грязная вода прибывала с невероятной скоростью, она уже полностью скрыла палубу, и ты ощущала ее влагу и реальность. Вся спина у тебя промокла от этих маслянистых волн. Ианта села — она никогда не умела исполнять приказы — и уставилась остекленевшими глазами в некую точку, которой ты не видела. Взгляд ее был жестким и ничего не понимающим.

Ты огляделась, но Тела нигде не было. Просто вода. Она уже намочила брючины императора, а он спокойно поглядывал в планшет, как будто все было в порядке.

Ты не видела другого ликтора, только ее руки в тусклом свете подсветки. Вода поднялась еще выше и начала заливаться тебе в уши. Это не привело тебя в такой невыносимый ужас, как Ианту.

В детстве родители часто окунали тебя в воду, так что ощущение было знакомым, пусть и мерзким. Вода бурлила и прибывала. Она задевала твои щеки. Ты рефлекторно задержала дыхание.

— Ничего, Харроу, — сказал бог, тыкая стилусом в экран, — ты можешь не дышать.

Ты выдохнула, выдувая воду изо рта и носа. Мозг запаниковал, когда теплая мутная вода потекла в легкие. Жидкость стекала по горлу как-то странно, то и дело замирая, твое тело не реагировало. Ты наполнялась водой, как резиновая кукла, упавшая в колодец. Тебя только чуть-чуть радовало то, что Ианту это явно пугало значительно больше, чем тебя. Она обхватила себя одной рукой — правая бессильно лежала в воде, — и ее сотрясали спазмы. Только воспоминание о ноже в ладони не дало тебе докатиться до жалости.

— Все в порядке, Харрохак, — ободряюще сказал бог, — ты отлично справляешься.

Ты тут же впала в дикую панику, уверенная, что на самом деле ты не справляешься вовсе. Что-то мазнуло тебя по лодыжке, и вода сомкнулась у тебя над головой. Ты не всплыла, тебя прижало ко дну, как бетонную плиту. Что-то плыло в воде совсем рядом с креслом пилота, где сидела Мер-

симорн. Длинная плеть сброшенной кожи, очень свежая и чистая, как будто ее срезали с чьего-то бока и очистили от плоти и жира. Вода казалась теплой. Она касалась твоих глазных яблок и чуть-чуть щекотала нос.

Сквозь мелкую рябь, преломляющую весь мир, ты заметила заклинание на стене. Оно дымилось. Нижние завитки шипели и трещали, как неисправная машина. Вода дотянулась до них. Голубые искры посыпались в грязную воду, как будто пошел дождь.

— Заклинание продержалось минуту сорок секунд, — сказала Мерсиморн.

— Уже одна минута сорок одна секунда, — поправил бог. — Две благодарности лейтенанту.

— Минута сорок четыре… минута сорок пять…

Где-то между сорока четырьмя и сорока пятью заклинание взорвалось. Засохшая кровь разлетелась во все стороны бурым конфетти. На стене остался выгоревший силуэт, как будто заклинание сползло и растворилось в прибывающей воде. Ианта выгнула спину так, что ее сложило вдвое. Как будто ее ударило током. Свет с потолка окрасил ее кожу в янтарный цвет, ее длинные светлые волосы всплыли на поверхность и походили на обрывки плаценты. Ты приподнялась

на локтях — твое внимание привлекло что-то за передней плексигласовой панелью. Звездная чернота космоса исчезла полностью. Шаттл стремительно погружался в бесконечный мутный океан.

Еще одно движение за окном. А потом о плексиглас шлепнулись две сырые, гниющие ладони.

— Фу, дрянь какая, — довольно спокойно сказала Мерсиморн. — Осталось три минуты.

— Ненавижу эту часть, — сказал бог.

Голое, погрызенное рыбами тело тяжело ударилось об окно. На плексигласе осталось кровавое пятно, но тело отскочило. Второе появилось через пару секунд и задержалось надолго. Это был безногий торс, лицо которого объели целиком, оставив только блестящий череп, который и колотился в прозрачную поверхность. Одну руку существо воздело, будто в мольбе, но его тут же унесли волны.

Вода в шаттле уже плескалась у плеч императора и омывала руки Мерсиморн. Она не удосужилась убрать пальцы с кнопок.

Лицо Ианты обмякло, взгляд блуждал. Ты осторожно поднялась и оглядела шаттл из-под воды. В ней расплывались бурые и красные пятна, будто кто-то истекал кровью. Тебе вдруг пока-

залось, что в корме кто-то высоко и жалобно завыл, совсем тихо, на пределе слуха. Но ни бог, ни старший ликтор, ни тем более Ианта ничего не услышали.

Вой раздавался изнутри шаттла. В нем звучали боль, горечь и отчаяние. Ты оглядывалась, пытаясь найти источник. С влажным шлепком четвертое тело ударилось о плексиглас и удержалось на нем. Оно угрюмо скреблось, но ты слушала только крик.

— Кто-то плачет, господи, — вдруг сказала ты, но он только недоверчиво буркнул что-то себе под нос. Ты не разобрала слово.

— Осталось две минуты тридцать секунд, — сказала Мерсиморн очень осторожно.

— Я ожидал, что их будет больше, — заметил император.

— Мне это не нравится, — сказала ликтор.

Ты посмотрела в потолок. Маслянистая теплая вода казалась густой от обломков и обрывков трупов. Что-то коснулось твоей ноги, ты вздрогнула и отколола осколок своей большеберцовой кости. Попыталась провести его под кожей к заледеневшим ступням. Получилось у тебя не очень. Вместо аккуратной костяной иголочки ты вытащила из дыры прямо над эпифизарной ли-

нией большую мокрую пробку. Большая берцовая кость раскрылась, как цветок, кровь и костный мозг испачкали радужный плащ и всплыли на поверхность. Бог развернулся. Лицо его скрывала полутьма, но голос был четок:

— Черт… — потом он произнес слово, которого ты не поняла. — Харрохак, никаких теорем!

— Не смеши меня, она не может использовать теоремы, — сказала Мерси. — Она почти без сознания, и сейчас ей это совершенно не до… Джон, останови ее! Она использует теоремы!

Боль не имела значения. Шаттл дрожал вокруг тебя, в твоем черепе вспыхивали новые синапсы, и глаза у тебя открылись. Ты лежала в море тел. Они начали прибывать до того, как ты это поняла. Ты не могла увернуться от них. Кажется, кровь призвала их, настолько внезапно они появились. Ты не думая встала, и они принялись тыкаться в твои локти и плечи. Они ковром покрыли палубу. Невидимое течение прибивало их книзу, им не хватало воздуха, чтобы всплыть. Сквозь тонкую пелену собственной крови ты видела противные скользкие трупы с черно-алебастровыми лицами. Мертвые девочки-подростки, чьи кости вдруг перестали расти, мертвые мальчики, скалящие молочные зубы, лишенные пола мла-

денцы с голыми черепами и ногтями, похожими на каменные сколы. Резиновый на вид малыш с раскрашенным лицом и очень рыжими волосами лежал рядом с твоим коленом, и это зрелище почему-то чуть не убило тебя. Оно зажгло в тебе нечто, противостоять чему ты не могла. Ты завизжала от ужаса.

Император шел к тебе сквозь бурлящее море тел. Он говорил что-то, но ты особенно не слушала.

— Харроу, это все ненастоящее. Только ты видишь все это. Все, что внутри шаттла, — иллюзия. Это все Река. Река — хищник, мертвые существуют только в твоем воображении. Тебе приходится сложнее, потому что ты по природе своей погружена в Реку гораздо глубже, чем Ианта. Я не думал, что ты зайдешь так глубоко, особенно в первый раз, но у тебя получилось. Возвращайся ко мне.

— Осталось две минуты, — сказала Мерси. — Они идут на источник шума. Я стояла на берегу и видела, как умирает Кассиопея, учитель.

— Не трогай двигатель, Мерсиморн…

— Она увела их прочь от своего мозга, я была там в проекции, и я видела, как они хватали ее за руки и ноги. Я надеялась на Зверя, и я была там, а

про себя я думала, господи: «Куда же мы денем ее коллекцию керамики? Там так много всего»…

Ты прижала руки к лицу и снова испугалась — ты не смогла закрыть глаза. Ты опустила веки, свет изменился, и — ты вспомнила это, как будто такое уже случалось раньше, — ты утратила возможность видеть сложное. Шаттл исчез, а вода осталась. Остались и тела. Ты плыла в глубокой бездне. Горячие кровавые пузыри вспухали на коже, и ты осознавала себя не как тело, а как мутное сияние. Мутное сияние среди других таких мутных сияний, вот они — одно, два, три, четыре, пять — везде вокруг, и одно под тобой. Далекий крик все звучал, и ты поняла, что кричишь ты сама.

Ты открыла глаза. Ты смотрела на мертвые тела детей Девятого дома и чувствовала, что ты — скопление яйцеклеток, в котором живут двести искорок света. Ты была символом, ты была объединенным пламенем. Жидкость ушла из твоих носовых пазух, втянулась в мозг и исчезла. Ты стала маленькой. Ты была жерлом и была печью. Вода вскипала, кожа отделялась от тебя красными лоскутьями, искорки света кипели в тебе, тела кипели вокруг. Ты была голодом вне тела. Ты чувствовала танергетическую яму в

гробу, видела детский изгиб челюсти и бледные губы мертвого рта. Ты не осознавала, что стоишь, не осознавала, что идешь, но ты делала и то, и другое. Ты умирала в кипятке, твой мясной костюм хотел этого и мог это получить.

— Харрохак, — сказал бог, — я здесь, детка, здесь. Я не рискну к тебе притронуться. Иди ко мне. Ко мне. Мерси, если ты меня любишь, не трогай кнопку.

— Тридцать секунд, — сказала Мерсиморн и тихо добавила: — Господин, ты обрекаешь дома на смерть.

Ты ничего не видела. Шаттл представлялся тебе безвкусно сделанным сгустком металлической брони и прочих деталей, покрытых плексигласом и антифрикционными гелями. Очень, очень хрупким. Пугающе хрупким. Ты видела во всех направлениях сразу. Ты видела, как мертвое заклинание крови дымится под водой, как гнется и рассыпается металл там, где оно было. Ты видела собственную живую кровь, распускающуюся в воде алым цветком и оставляющую красные пятна на твоей одежде.

— Двадцать пять, — сказала Мерси. — Шаттл теряет материальность. Меня тащит прочь.

— Держись.

Что-то грянуло в шаттл, как будто его ударил огромный кулак. Он закрутился вокруг своей оси, сделав почти полный оборот, и ты упала. Рухнула на колени на мягкие мертвые тела и оглянулась на Ианту, которая лежала на полу и бесстыдно вопила от страха.

— Двадцать секунд. — Мерси не обращала на вас внимания.

— Я возьму Харроу. Втопи.

— Слава богу, наконец-то… в смысле «возьму»?

— Мне придется до нее дотронуться. Жми на газ.

— Господин, если она утащит тебя…

— Жми на газ, Мерси, во имя Кристабель! — заорал бог.

Она ударила по рычагу. Вспыхнули пять светлых точек. Ианта выглядела ненастоящей, она расплывалась, как будто уходила прочь из реальности. Все вдруг подернулось безумной кипящей рябью, все уносилось прочь. Когда ты проследила взгляд Ианты, то увидела на окне мертвые ладони, размотанные кишки, воду и кровь. Кто-то подхватил тебя под мышки и потащил назад, раздался громкий дикий звук, как будто завелась гигантская машина, и ты успела подумать «пять?».

А потом от тебя ничего не осталось.

8

Чай, пугали, обладал слишком сильным вкусом. По своей воле Харрохак пила только воду. Когда она была совсем маленькой или когда болела, маршал готовил ей воду с сахаром и каплей консервированного лимонного сока в качестве лакомства. Но даже тогда ей приходилось делать перерыв после каждого глотка. Каждый яркий взрыв кислого вкуса во рту то ли доставлял удовольствие, то ли жег язык. Сладость была такой явной, что от нее почти трещали зубы. Эта новая горячая жидкость была на вкус как лесной пожар, в ней чувствовались сгоревшие листья, а слюны во рту совсем не осталось. Харрохак замерла, когда маленький пугающий человек сказал, улыбаясь:

— Может быть, посвященная Запертой гробницы прочтет нам свою молитву?

На нее разом посмотрела примерно тысяча глаз. Внутри себя Харрохак сгорала от гнева, но внешне оставалась безмятежной. Это ее рыцарь, которого видно было со всех сторон огромного мертвенного атриума в доме Ханаанском, открыл рот и завел:

— Молю, чтобы гробница оставалась замкнутой. Молю, чтобы камень никогда не откатили от входа…

Она не поддержала его. Если не подхватить молитву в ту же секунду, лучше уже молчать. Она слушала, как Ортус произносит слова, в которые он вряд ли хоть когда-то верил. В голосе его звучала усталая ненависть к ней и ее народу. В этом гниющем зале стояли самые разные люди, разного роста и вида. Все, кроме трех жрецов, были юны — или относительно юны по меркам человека, привыкшего к своей седой пастве. На них красовались одежды диких цветов, одежды из самых разных тканей, увешанные кучей украшений. Рядом стояли классические конструкты-скелеты, одетые в белое. Она ненавидела, когда кто-то одевал конструктов. Что это за причуда такая, ведь никто не шьет шляпки для молотков? Они провели гостей в холл, роняя на пол что-то белое и зеленое. Люди небрежно топтали эти штуки, проходя под потрескавшимися мраморными арками Первого дома. С некоторым ужасом она осознала, что это растительная материя. Некоторые из собравшихся быстро оглядывались на нее и на Ортуса. Она знала, что выглядит не слишком впечатляюще, что ей дают меньше ее возраста,

что унылый огромный Ортус сразу заполняет собой любое помещение, в котором он провел хоть минуту. В их глазах вспыхивало что-то, чего она никак не могла разглядеть своими больными глазами. Ладно. Это можно было вынести. Это была их ошибка, целиком и полностью.

«О тело из Запертой гробницы, — тихо молилась она про себя, — дай ледяную смерть всякому, кто глянет на меня с жалостью, жаркую смерть всякому, кто глянет на меня с удивлением, быструю смерть всякому, кто глянет на меня в страхе».

Когда Ортус закончил, жрецы Первого дома улыбнулись одними губами. Харроу вдруг поняла, что только Первый и Девятый дома знали, что такое ждать чего-то, что никогда не случится. Рыцарь заунывно произнес последние слова:

— Восславим же Владыку Острейшего меча, паутинную тонкость его клинка и чистоту его разрезов.

— Какие древние слова, — сказал гадкий старикашка, которого Харроу будет вечно проклинать под именем Учителя. Он чуть не умирал от волнения. Казалось, он сейчас запрыгает — из-за этого Харроу чувствовала мрачное уныние.

— Классический текст, который многие годы не

звучал в этом Доме. Как мне отблагодарить тебя за это, Ортус из Девятого дома?

— Молись, чтобы однажды мои кости заключили в Анастасиевом монументе, куда не проникает даже призрак света, — ляпнул Ортус прямо при всех. Вот говнюк. Даже в тени, которая лежала на его лице, даже под вуалью было видно, что какой-то идиот — скорее всего сам Ортус — намалевал на его лице Череп отшельнической смерти. На жарком свету он потел и плакал, и алебастровые раны Отшельника превратились в потоки краски. Никакие молитвы жрецов Первого дома не помогли бы ему удостоиться Анастасиева монумента, гробницы воинов: Ортус мог бы погибнуть с кровью еретика на клинке, только если ему попалась бы черепаха-еретик.

— Это единственное благословение, в котором я нуждаюсь.

Остальные жрецы зашептались.

— Невероятно, — сказал Учитель, — очень интересно. Я благословляю тебя этим манером, дважды. А теперь принесите мне ящик.

Дальше последовал долгий и непонятный парад рыцарей, начавшийся с Марты из Второго дома. Когда Учитель выкрикнул:

— Ортус из Девятого дома, — Ортус подошел за

наградой и вернулся, чтобы продемонстрировать ее некроманту, как и было положено. Он вложил в обтянутую черной кожаной перчаткой ладонь железное кольцо с одиноким ключом. Ключ был самый обычный и неинтересный, с двумя зубцами и треугольной головкой. Он показался очень тяжелым.

Маленький человек осел на табуретке, с которой тут же свесилось изрядное количество плоти, как будто на сиденье устроилась пухлая булочка с лезущим со всех сторон кремом. Сказал довольно:

— А теперь я расскажу вам кое-что новое, кое-что, чего вы не должны знать о Первом доме и исследовательской лаборатории.

Дом Ханаанский основан еще до Воскрешения. Вначале мы строились ввысь, чтобы уйти от моря, потом вширь, чтобы видеть больше красоты… это был дворец Милосердного властелина, где он мог бы работать, вершить суд и жить вечно. А заодно и наблюдать за всеми необходимыми изменениями. Воскрешение воскресило не все, как вы понимаете, и не породило ничего нового. Впереди была тяжелая работа, ремонт, перестройка. Она потребовала много крови, усилий и костей. Но все же это были счастливые и приятные годы.

До того, как появились ликторы.

Он сделал глоток чая, вздохнул от удовольствия и продолжил:

— Прежде всего они были учениками. Десять обычных людей Воскрешения, хотя половина была благословлена даром некромантии. Но сама по себе некромантия не дает вечной жизни. Наш господин, первый перерожденный, сохранил десятерым избранным юность, но все же это была лишь тень истинной жизни. Они должны были оставаться у ног императора, чтобы не тянуть его силу. Они хотели провести жизнь, служа ему, и никак иначе. В первую сотню лет они поняли, насколько сложно им придется, хотя некромантия распространилась по всем Девяти домам и хотя к ним присоединились другие ученики. Некоторые из них взялись за мечи и стали первыми рыцарями в надежде, что сила их рук послужит во благо. Адепты оттачивали свое мастерство, пытаясь противостоять холоду глубокого космоса. Оставалось еще столько дел, и рождались новые некроманты, и многое нужно было отвоевать. Прекрасное было время для жизни.

Он снова вздохнул, на этот раз ностальгически, и сказал:

— По необходимости начались масштабные

исследования. Нужно было найти способ лучше служить нашему Господу, да так, чтобы ему не приходилось даровать своим слугам бессмертие. Исследовали способы стать ликтором. Штудии проходили здесь.

Он ткнул пальцем вниз. Все посмотрели на пол под его ногами, пытаясь разыскать истоки ликторства на нескольких квадратных дюймах расползающегося ковра.

— Под ногами. Лаборатории. Изначальное здание, затерянное в глубинах веков… покой последней жертвы… отсюда пошли ликторы, и здесь же всякое ликторство завершилось. Вы это увидите. Вы увидите, где они побросали свои инструменты и покинули здание, оставив его вам… оставив как подобие палимпсеста. Вы увидите, где они бросили свои чертежи для тех, у кого хватит силы тела и духа, чтобы пройти по их стопам. Это место должно было стать дворцом, а его бросили, будто просеку в лесу.

Кто-то подал голос. Это оказалась женщина из Пятого дома, которая сказала весело и бесстрашно:

— То есть путь к ликторству — это независимые исследования? Черт, ведь сегодня даже не мой день рождения!

Один из молодых людей, сидевших рядом с ней, издал такой звук, словно воздух выходил из воздушного шарика.

— Независимые исследования — часть пути, леди Абигейл, — улыбнулся Учитель, — другая, и куда более важная… это тишина и осторожность. Вы здесь не одни. В сердце лаборатории лежит Спящий, и я не знаю, сколько времени это длится. Но я знаю, что это самая главная угроза, пусть он спит. Он ходит во сне.

Тут он осекся и посмотрел куда-то перед собой. В руках он все еще сжимал чашку с чаем и вел себя так, будто ему открылись видения, знать о которых адептам и рыцарям было не положено. Пауза жутко затягивалась, потом рухнула с лестницы и разлеглась под ней на глазах у всех собравшихся, которые вынуждены были смотреть, как несчастная пауза истекает кровью. Половина невероятно юной парочки Четвертого дома попыталась ее заполнить и проблеяла:

— То есть в лаборатории монстр. И что нам делать? Сразиться с ним?

— Нет-нет, — нетерпеливо ответил Учитель. — Владыка за Рекой милосерден! Спящий не может умереть. Не знаю, можно ли его ранить, но убить точно нельзя. Наше самое главное преимущество

в том, что он спит очень крепко. Вторая угроза вашей работе состоит в том, что если Спящий проснется — этого никогда не случалось, хотя я знаю, что он мечтает выйти из оцепенения и продолжить с прежнего места, — если он проснется, никто из нас не выживет. Если Спящий встретится вам во время своих сонных блужданий, ваше оружие должно быть тихим. Если своими нечестивыми действиями вы пробудите его, оружие уже не понадобится. Мы рассчитываем на всеобщее молчание. Перемещайтесь группами, ступайте мягко, идите туда, куда я идти не решаюсь, потому что я люблю жизнь и шум тоже люблю.

Без всякой паузы началось столпотворение:

— Разве не…

— Какой именно звук…

— Не имеет…

— Руки из…

— Я не знаю ответов на ваши вопросы, — спокойно сказал Учитель, — но вы уже ведете себя слишком громко.

Все слова застыли на губах. Харрохак, которая молчала, и Ортус, который только потел почти слышимо, затихли окончательно. В этой тишине можно было бы услышать, как волосок отделяет-

ся от скальпа и планирует на пол. Можно было услышать собственное сердцебиение — Харроу и слышала. Оно было громкое, жаркое и влажное. Тишина казалась полной, если не считать тихих беспомощных звуков самой жизни.

— Я шучу, — сказал жизнерадостный жрец, чье веселье совершенно не разрядило атмосферу, — блефую. Издеваюсь. Да-да. Поверьте, здесь, наверху, совершенно безопасно. А если нет, то с этим ничего и не поделаешь. Только спустившись в люк, ключ от которого у вас теперь есть, вы окажетесь в опасности и подвергнете ей и тех, кто будет рядом с вами. Наточите клинки и подготовьте теоремы. Дальше я не смогу вас провести, это место уже за пределами моего понимания. Но я желаю вам удачи, — добавил он.

Жрец с длинной косой цвета соли с перцем тихо сказал:

— Желаю удачи.

Самый крошечный и умудренный на вид жрец пропищал:

— Да даст вам бог удачи, достаточной, чтобы справиться с этим.

Собравшиеся были слишком ошеломлены, чтобы обращать внимание на конструктов, явившихся за ними. Глаза, ранее горевшие волне-

нием, предвкушением, а иногда и странноватой усталой радостью, теперь стали тревожными. Всех поприветствовали гибкие резвые скелеты, которые двигались, как любезные родственники, встречавшие гостей в незнакомом доме, в котором должно быть уютно. Всех увели по двое, если не считать трио из Третьего дома, и Харрохак ждала рядом со своим рыцарем, который очевидно старался не дышать вовсе. К ним приближался скелет.

Она поняла, что Ортус ужасно напуган. Это ее не удивило.

— Госпожа, я не могу, — выдохнул он, — я не смогу защитить вас. Монстры не по моей части.

— Камень откатили, — сказала Харрохак и удивилась, что сама этому верит. Она не боялась. Она вся пересохла изнутри, будто из нее высосали всю жидкость. Монстры всегда были по ее части. Не было такой мерзости, какую она бы не тронула ради ее мерзких денег.

— Ты — мой первый рыцарь. Твоя работа — встречать наших врагов лицом к лицу и умереть, когда корзина твоя окажется пуста, но не раньше.

Это почему-то его не успокоило.

— Вам нужен клинок, и нужен кто-то, кто будет

его держать, — прошипел он.

— Неужели! Раньше мне никто подобный не был нужен.

— Вам нужно было сделать иной выбор!

Харроу стало неуютно, а поскольку до этого она неплохо себя чувствовала, она немедленно разозлилась:

— Я не могу сейчас выбирать, Нигенад! Если только ты не призовешь мне дух Матфия Нониуса, и тогда я с удовольствием воспользуюсь его услугами, если он обещает не произносить речей.

Их собственный скелет Первого дома, облаченный в странное белое тряпье, приблизился и очень изящно поклонился. В Харроу росло и крепло подозрение — ей не нравилась плавность его движений. Он двигался легко и свободно, а когда она повернулась, машинально отзеркалил ее движение. Это выходило далеко за пределы ее возможностей — или возможностей любого некроманта Девяти домов. Но ее первый рыцарь ничего не заметил. Он впал в задумчивость, причину которой, очевидно, изобрел сам. Когда конструкт сделал жест — жест! Кто вообще потратил время, чтобы научить такому скелет! — Ортус повернулся к ней, посмотрел на нее

серьезными темными глазами. Краска на черепе расплывалась.

Он кашлянул.

— Нет! — немедленно сказала Харрохак, но опоздала.

Черный клинок зловещий ударил спектрального зверя, черный клинок зловещий впился в ложную плоть.

С криком ударил когтями по шлему Девятого дома, но сердце не подводило…

Харрохак, я не понимаю, почему вы выбрали меня.

— Других не было, — отозвалась Харроу.

Маска сползла с него — не та, что была сделана из алебастра и черной краски. Ортус смотрел на нее внимательными темными глазами, и его тяжелое лицо дрожало. Она с невероятным изумлением поняла, что он злится.

— У вас никогда не было воображения, — сказал он и, явно расстроившись из-за самого себя, снова натянул на лицо маску. Он не знал, что она не рассердилась, а заинтересовалась. Торопливо добавил:

— Простите меня, моя госпожа. Я расстроен и напуган. Я не умею умирать. Запертая гробница

далека от нас, далека и ее милость, и я забылся.

— Есть такое, — коротко согласилась Харрохак и сама разозлилась, правда, на себя, а не на него: — Умирать пока не надо, Нигенад. Пошли. Это моя вина — я не сумела впечатлить тебя своими талантами некроманта. Мы служим великому трупу, который спит беспробудным сном, и наши сердца не должны подвести нас из-за какого-то злобного лунатика. В худшем случае почитаешь ему стихи, это лечит любую бессонницу.

— У вас отличное чувство юмора, — торжественно сообщил ее рыцарь. — Я понимаю. Я пойду за вами, госпожа, и пусть долг станет моим шлемом, а верность — моим мечом.

Скелет поманил их пальцем, они сдвинулись с места, но Харроу вновь остановилась, когда он открыл желтозубую пасть.

— Так оно и происходит? — спросил скелет.

9

Ты не могла сказать определенно, проснулась ли ты. Когда ты достигла умиротворения, то растеклась в вонючую лужу, а теперь снова собирала себя по кусочкам. Ты открыла глаза — ты лежала на спине — и медленно, тщательно, изо всех сил напрягаясь, принялась превращаться из лужи в твердое тело. В легких встал какой-то гадкий жесткий комок, при каждом вдохе в трахее мерзко свистело. В остальном ты чувствовала себя разбитой, но вполне здоровой. Плащ сбился на сторону. В груди было тяжело, но не из-за воды, а от… от тени воспоминаний, от последних обрывков сна. Ты затряслась всем телом. После легких к тебе вернулись глаза, и они увидели большое темное помещение и вспышки желтоватого света. Свет бросал угловатые тени на высокий сводчатый потолок.

Ты помнила воду и помнила трупы. А потом все воспоминания ушли. Единственное, что тебе осталось — осознание того, где ты оказалась. Ты бы знала, если бы тебя лишили всех чувств, ты бы знала, если бы твой мозг сгорел. Ты была Преподобной дочерью, и тебя уложили на церковную

скамью.

На колени и бедра давило что-то тяжелое. Ты напрягла зрение, изо всех сил прижала подбородок к груди и с облегчением увидела свой двуручный меч. Отношения с ним стали очень сложными. Ты его ненавидела, но и представить мир без него не могла. Ты чувствовала запах крови. И еще какой-то запах, совсем слабый. Одновременно свежий и гнилой, сладковатый — запах розы. Ты попыталась встать, воздух застыл в легких, и ты зашлась диким кашлем. И тут чья-то рука легко коснулась твоего плеча, будто предупреждая. Ты чуть не рухнула на пол.

— Тихо, — прошептала Ианта.

Она сидела рядом с тобой и походила на радужно-белый столп. Смотрела она прямо перед собой, своим обычным взглядом: ледяным, страдающим от скуки и еще приправленным отвращением. Тебе было противно. Как она посмела тебя коснуться. Ты приклеила меч к спинке скамьи одним движением. Кость удерживала его на месте и приглушала его шум, кость с горячим чмоканьем прилепилась к натуральному дереву, а ты спустила ноги со скамьи на пол. Ты увидела, где ты, и тебя охватил ужас.

Тебя положили в маленькой, изысканно

украшенной часовне. Оглядевшись, ты узнала нежный желтый свет — свет сотен свечей. Они освещали полированный угольно-черный камень стен, покрытый завитками костей. Кости были повсюду, их хватило бы на сотню гробничных часовен Девятого дома. Алтарь состоял из длинных резных костей, сплетавшихся в кружево, пол покрывала черно-белая шахматная плитка. Черная — из полированного гранита, белая — из вытертых бедренных костей. В свете свечей они казались оранжевыми. Сиденья были из дерева, дерева, которое ты впервые увидела в доме Ханаанском, настоящего, коричневого, гладкого, отполированного до блеска, недоступного ни кости, ни дереву. Ты задрала голову и увидела крестообразное плексигласовое окно. За ним странным неземным светом мерцали ледяные звезды. Ты увидела черепа, целый оссуарий черепов, сотни черепов, вделанных в стену, глядящих на тебя рядами пустых глазниц, стоящих рядом челюсть к челюсти, ожидающих целую вечность. Эти прелестные мертвые головы, лишенные лиц, покрывали тонкие листки металла приглушенных оттенков: пыльно-багрового, дымчато-аметистового, тусклого синего. Цвета Домов. Здесь покоились герои Домов. Тонкие

белые свечи бросали на кости милосердный свет, который даже делал их красивыми — красивыми той красотой, что доступна только мертвым костям. Свечи стояли в разноцветных подсвечниках и походили то ли на букеты в обертках, то ли на длинные тонкие пальцы в кольцах. Несколько десятков свечей стояли на центральном алтаре. На нем лежало тело.

Ты оказалась на похоронах. Ты знала их героиню: ты сама убила ее.

Ты сидела на скамье в часовне, где лежало нетронутое временем тело Цитеры из Первого дома. Чтобы пережить неловкость, ты устремилась мыслями куда-нибудь подальше отсюда.

Ты убрала руки поглубже в перламутровые рукава и сгорбилась, чтобы снежно-радужная ткань закрыла лицо. Даже легкое прикосновение меча к спине заставляло комок расти в груди, а сердце — дико колотиться, как будто оно пыталось сбежать. Но по крайней мере шанс ненароком сблевать заставлял тебя оставаться в сознании. Так низко ты еще не пала. Это были всего лишь четвертые похороны из всех, где ты бывала и где при этом была лично ответственна за появление трупа.

Труп, лежащий на алтаре, засыпали толстым

слоем розовых бутонов. Розовато-белых, похожих цветом на полежавшую кость. Сноп роз лежал в ее руках, розы украшали ее бледные кудри, льнули к ее ногам. Милые мертвые губы изогнулись в грустной усмешке. Когда-то ты бы опустилась на колени, на специальную подушечку, покрытую мягкой и нежной человеческой кожей, такой эластичной и приятной. Ты возблагодарила бы Гробницу за то, что тебе довелось увидеть смерть ликтора в таком месте — и выжить. Ты прижала бы ко рту четки, и одну бусину обхватила бы губами (костяшку пальца своей прапрабабки, воплощавшую Камень, Вселенную и Бога). Теперь ты прикидывала, вырубишься ли в течение ближайшей минуты или нет.

Перед алтарем стояла на коленях Мерсиморн. Сверкающий белый плащ спадал с ее плеч, и она плакала — слышно ничего не было, но плечи у нее тряслись так, будто каждый всхлип был взрывом. Она громко скрипела зубами — примерно с таким же звуком орехи грохотали бы в шлифовальной машине. Ты и представить себе не могла, чтобы святая радости плакала по иной причине, кроме злости или разочарования.

Рядом с Мерси преклонил колени бог. Рядом с богом стоял кто-то еще. Ты видела только затылок

— и очень светлые волосы. И все. Новый персонаж был высок — даже на коленях он казался выше императора и Мерси. На нем красовались радужные одежды Первого дома, и ты не могла его — или ее — почувствовать. Еще одна черная дыра рядом с другими двумя черными дырами прямо перед тобой.

Через мгновение эта новая фигура сказала высоким, но, кажется, все же мужским голосом:

— Я полностью расклеюсь психологически, если ты не прекратишь издавать эти ужасные звуки, Мерси.

— Я тебя убью, если ты немедленно не заткнешься, жалкая душонка! — огрызнулась святая радости.

— Прекратите, — велел бог Девяти домов, и они замолкли.

Скрежет зубовный слегка поутих. Ты переплела пальцы, скрытые перламутровыми рукавами, покрутила большими пальцами, чуть не ломая их. Ианта смотрела на тебя. Ты посмотрела на нее в ответ — глаза в свете свечей были не видны, но скорее всего они стали голубыми — и поразилась, насколько она измучена.

Она вся как-то потухла. Она лишилась чего-то с тех пор, как ты видела ее последний раз, когда она

орала на полу шаттла. Ее взгляд метнулся к щели в твоем плаще, и ты съежилась еще сильнее, чтобы щель закрылась. Она нервно вздернула бровь, будто удивляясь.

— Где мы? — прошептала ты одними губами. Она не ответила.

Через мгновение император заговорил тоном человека, произносящего тост на званом ужине:

— Когда она впервые оказалась в доме Ханаанском, я решил, что произошла ошибка. Вы знаете, что я был на Родосе, хотел увидеть тамошнее чудо, но я не хотел смотреть на женщину, чтобы не оказаться заинтересованной стороной. Узнав, что она некромантка, я дал согласие. Она стала моей ученицей. Ей было под тридцать, насколько я помню. И я знал, что она больна, но не представлял, насколько все плохо, пока Лавдей не ввела ее. Выглядела она так, будто хотела забить нас всех до смерти, и еле могла идти… я хотел поцеловать ее в знак приветствия, а она сказала: «Господи, я не смогу поцеловать тебя в ответ. У меня получилось идеально накрасить губы, и я не хочу смазать помаду».

Странный ликтор коротко засмеялся, потом откинул голову, и ты впервые увидела его вполоборота. Он был очень бледен сероватой, влажной

бледностью, подчеркивавшей все выступы черепа. Тонкие нетерпеливые морщинки пролегли под набрякшими глазами и глубоко врезались в кожу у рта. Он выглядел старше, чем выглядел твой отец в год, когда умер. Лицо было надменным, длинным и породистым, а нос — огромным и горбатым. Сейчас ликтор смотрел на императора с выражением невыносимого страдания.

— На самом деле не получилось. Помада была у нее на зубах.

Мерсиморн пробормотала достаточно громко, чтобы это услышали все:

— Конечно, Августин, ты не мог этого не заметить.

А Августин добавил высоким, хорошо поставленным голосом:

— Да, я вспоминаю… Господи! Как летит время! Жуткое было дело. Ее прислали живую, и никто из нас, кроме тебя, ничего не мог сделать. Она принадлежала к первому поколению или ко второму?

— Второму, — ответил бог, — самое начало второго. Мы экспериментировали с Шестой установкой. Некоторые Дома были еще пусты.

— Нет, — вмешалась Мерсиморн, — установка уже работала, потому что Валанси и Анастасия

уже были с нами.

Император щелкнул пальцами, как будто она запустила какую-то вспышку нейронов.

— Да, ты права. Мы все ее тогда встретили. Все шестнадцать… и она вела себя так, как будто ее на свадьбе приветствовала целая куча нудных кузенов. Я с трудом держал лицо. Когда вы видели ее в последний раз?

Вопрос прозвучал внезапно. Оба ликтора замолкли на мгновение, а потом тот, кого назвали Августином, ответил:

— Недавно. Десять лет назад. Я сказал, что она становится отшельницей, и она повела себя так, будто я полный идиот… но она была в добром расположении духа.

— Цитера очень хорошо умела создавать нужное впечатление, — сказала Мерсиморн.

— Тебе виднее, — рассеянно ответил Августин.

Этот диалог не успел развиться, потому что император надавил:

— А ты, Мерси?

Ты снова услышала скрежетание зубов. Потом святая радости сказала бесцветным голосом:

— Почти двадцать лет назад. Она слишком много смеялась.

Все трое замолчали, стоя на коленях у алтаря.

Лежавшее перед ними тело уже не могло засмеяться. Августин спросил:

— А кто-нибудь помнит ее имя? Настоящее имя Дома? Оно вообще существовало?

— Гептан? — предположил император, но Августин не согласился.

— Нет, это Лавдей. Мы забыли! Очень странно. Кто вообще мог подумать, что такое можно забыть?

Мерсиморн встала. Заправила волосы за уши, открыв обманчиво безмятежное овальное лицо, и обошла алтарь. Завела руки за спину, будто боялась до чего-нибудь дотронуться. Посмотрела в мертвое лицо Цитеры с напряжением, которое по-своему было хуже нежности. Как будто она хотела чего-то от трупа, как будто могла добиться чего-то одной силой желания.

— Зовите ее Цитерой Гептан. Она хотела, чтобы ее так называли. Тогда это казалось мне невыносимым и мерзким, и сейчас мне это кажется невыносимым и мерзким, но она так говорила… Я только один раз видела, как она плакала, — добавила Мерси торопливо, — на следующий день. Когда мы объединили все наши исследования. Когда она стала ликтором. Я сказала, что альтернативы не будет, а она сказала…

Тут она осеклась. К счастью, она не посмотрела в твою сторону. Августин смотрел в пол, скромно скрестив руки, как будто пытался выразить уважение, а император смотрел на Мерси. Ты видела только его затылок и перламутровые листики вперемешку с детскими пальцами в волосах. Свечи бездумно освещали всех.

— И что же она сказала? — спросил он.

Ликтор какое-то время молчала. Потом кашлянула и ответила:

— Она сказала, что у нас был выбор. Что мы могли остановиться.

Князь Неумирающий спрятал лицо в ладони. Стилус выпал из его кармана и покатился по полированным черно-костяным плиткам. Впервые он походил на смертного. Человеческая сущность показалась — и исчезла, как будто пробежала тень.

Августин вдруг заметил невпопад:

— Чего же тут мерзкого? Я бы сказал, что ей повезло. «Ци-те-ра Лав-дей», очень легко произнести. В моем имени возникла бы аллитерация, которой я бы не вынес.

— Я бы так сказала, — продолжила Мерси, как будто Августин не произнес ни слова, — я никогда не плакала по Лавдей Гептан. В своей жизни

она совершила один хороший поступок, и она это знала.

— И все же скажи про нее хорошо, — велел император, не отнимая рук от лица, — ради бога. Про них обеих.

Августин протянул руку и сжал плечо человека, который стал богом, и бога, который стал человеком, но все еще взывал к самому себе. Потом ликтор поднялся с кряхтением, как будто ему больно, и подошел к изножью алтаря. Теперь ты разглядела, что он был высок и не особенно внушителен, но в линиях его лица было что-то, далекое от реальности. Как будто однажды он смотрел на нечто ужасное, и оно навсегда запечатлелось на его щеках и лбу. Он откинул в сторону полу радужного плаща и заткнул большие пальцы за ремень элегантных брюк. Белый плащ красивыми складками лег на плечи.

— Цитера была великолепна, — просто сказал он. — За десять тысяч лет я не слышал от нее дурного слова, разве что в шутку. Она любила нас беззаветно. Всех нас. Это говорит одновременно о ее терпении и о ее огромном сердце. Она была достойным ликтором и любимой дланью. И если Лавдей даровала ее нам, то господь благословит Лавдей.

Мерсиморн опустила руку на алтарь, рядом с маленькими тугими розами. Ей пришлось сильно напрячься. Голос ее зазвучал странно:

— Она бывала жуткой маленькой дурочкой. Но обычно она была очень милой маленькой дурочкой, и она не заслужила такой смерти.

Она медленно перевела взгляд, в котором бушевал сонный ураган, на скамьи, то есть на вас с Иантой, и дернулась.

— Дети проснулись.

Принц Милосердный вывернул шею и увидел, что вы, дети, действительно проснулись. Он встал — вот он, ужас из ужасов — и двинулся к вам по проходу. Он смотрел на вас обеих, будто рад был вас видеть, как будто рад был видеть даже Ианту. Дикие первобытные глаза с белым кольцом вокруг радужки будто бы смягчились. Он протянул вам руки. Ты не могла ему отказать, у тебя не было такой возможности, твое тело отреагировало задолго до твоего разума. Плоть твоей плоти принадлежала богу. Держа твою руку в шуйце, а руку Ианты в деснице — Ианта протянула ему левую руку, а не бесполезную правую, он сказал:

— Добро пожаловать домой. Подходите ближе. Мы прощаемся… мы привыкли прощаться.

Он подвел вас с Иантой к алтарю, как на закла-

ние. Вы опустились на колени на черно-бежевые плитки, где раньше стояли другие ликторы. Мерсиморн не удостоила вас взглядом, а вот странный ликтор, которого звали Августином, поглядел на вас. Повесив внушительный нос, он спросил:

— И кто из девочек ее прикончил?

— Это не имеет значения! — резко ответил император.

— Я не ставлю это им в вину, это невозможно. Поверьте, если уж она сделала выбор, ее бы никто не остановил. Ненавижу гадать… обе! Как забавен этот старый мир, — одобрительно заметил он.

Ликтор отошел от засыпанного цветами тела Цитеры и присел в трансепте рядом с Иантой.

— Меня зовут Августин из Первого дома, святой терпения, ликтор Великого Воскрешения, первый палец на руке, служащей Царю Неумирающему. За все свои грехи я буду вашим старшим братом. А вы кто такие, мои голубки?

— Я Ианта Тридентариус, принцесса Иды, — безжизненно ответила Ианта, и ты подхватила так же машинально:

— Я Харрохак Нонагесимус, Преподобная дочь.

Августин засмеялся тихим изящным смехом, не имеющим никакого отношения к веселью.

Пожал вам обеим руки — это сбило тебя с толку, поскольку ты всегда считала рукопожатие недостойным. Сказал:

— Больше нет. Твой покорный слуга, Ианта из Первого дома — ты же вознеслась первой, да? Тогда ты восьмая святая. Твой покорный слуга, Харрохак из Первого дома, девятая святая. Глядя на тебя, я понимаю, что это правильно. Ты верна Дому и только Дому. У вас за спиной ваша старшая сестра.

— Мы встречались, — нетерпеливо сказала Мерси, — нам обязательно заниматься этим прямо сейчас?

— Полагаю, она не удосужилась представиться, так что это сделаю я. Мерсиморн из Первого дома, святая радости. Можете в это поверить? Она — ликтор Великого Воскрешения, второй палец на двух руках, сложенных в молении Принцу Милосердному. И она ваша единственная сестра — вторая лежит тут же, но, увы, она абсолютно мертва. А я — последний из ваших братьев, кроме…

Он осекся, как будто ожидая, что бог закончит его фразу, но тот промолчал. Тогда Августин закончил сам:

— Учитель, как думаешь, он знает о ракетных

ударах?

— Он никогда особенно не интересовался сегодняшним днем, — сказал император.

— Но он интересуется сам знаешь чем, и я просто думал, что если он услышит и сложит два и два…

— У него есть задание, — отрезал бог. — Он святой долга, и это имя ему подходит.

— Ну да, — согласился Августин. — Не то что святые радости и терпения. Ты прав. Просто, когда я вернулся и его не увидел… как-то я занервничал, честно говоря. Не могу избавиться от ощущения, что что-то не так.

— Мы не могли бы все-таки заняться похоронами? — спросила Мерси. — Пережить шесть похорон хуже, чем умереть самой. Кстати, план моих похорон лежит в верхнем ящике моего стола, и я расписала его поминутно. Они займут всего двадцать четыре минуты, и это лучше всего.

— Могу себе представить, — нервно сказал ее брат-ликтор.

Этот мучительный разговор прекратился, когда двери в задней части часовни распахнулись. Живые поспешно обернулись туда. Вошла следующая ужасная глава твоей жизни.

Вошел. Мужчина. Пропавший ликтор — такой

же непроницаемый для тебя, как все собравшиеся, хуже замороженного трупа Цитеры из Первого дома. В отличие от прочих ликторов, по-некромантски вялых и тощих, он состоял из одних мышц. Мускулов и костей. Он походил на ходячее сплетение жил. Вид у него был напряженный, как будто какой-то идиот поднимал скелета и обернул кости мышечными волокнами, чтобы они могли двигаться. В его теле не было ни капли жира, под кожей выделялись напряженные мышцы, и единственным изгибом был провал под ребрами.

Лицо императора прояснилось.

— Как раз вовремя, — сказал он с нескрываемым облегчением.

Мантия ликтора не окутывала тело вновь прибывшего, а свисала с плеч. Она была потрепана, изорвана по подолу и не слишком чиста. Он прошел по центральному проходу так быстро, что ты не разглядела его глаз. Успела заметить только бурое лицо, кожа которого слишком плотно облепляла череп, грубые полустертые черты и напряженную височную мышцу. Череп был неровный, шишковатый, плохо выбритый. Короткая щетина отблескивала тусклой ржавчиной, будто на голове лежала кровавая тень.

Император встал и раскинул руки для объятия. Мускулистый человек коротко обнял его в ответ — бог успел положить руку ему на спину, а сам он облапил бога за плечи. Потом он высвободился и устремил взгляд на тело, лежавшее между Мерси и Августином.

— Она мертва? — спросил он. Когда император кивнул, он на мгновение закрыл глаза. Потом открыл их и глухо сказал:

— Ну вот. Седьмой номер близко.

При этом заявлении Августин вдруг тяжело оперся на алтарь, как будто мог упасть. Как пьяный. Губы Мерси побелели, как снег. Они превратились в олицетворение трагедии, в литографию, сделанную за мгновение до того, как кровь окатит всю сцену, как участники начнут рвать на себе волосы.

Император обратил свои жуткие глаза на незнакомца. Они походили на мертвые планеты в глубинах космоса, а белые кольца в них — на самую смерть. Он больше не был человеком. Он снова стал бессмертным.

— Он не может двигаться так быстро, — сказал он, — и никогда не мог. Ты видел Вестника или псевдозверя. Давайте не будем пугать детей. Приходите в мои покои — втроем, там все и обсудим.

Новоприбывший не двинулся.

— Седьмой номер, — сказал он. — Бежать или сражаться?

— Но мы рассчитали, что это будут пять лет. Всего год тому назад, — сказала Мерси.

— Он нас догнал. Разум уже в Реке. Если мы нырнем, мы наткнемся на него, куда бы мы ни направились. Тело будет здесь всего через десять месяцев. И Вестники. Очень много Вестников. Бежать или сражаться?

— Надо подумать…

— Некогда думать. — Незнакомец перебил Августина. — Бежать? Вдвоем берем императора и направляемся к ближайшей стеле. Один остается его отвлекать, а потом уводит. Или сражаться. Будем стоять до конца. Джон, я служу тебе. Скажи мне остаться и умереть, и я останусь.

Ты уже слышала это имя в шаттле, но тогда не обратила на него внимания. В какой-то омерзительный момент ты осознала, что, говоря «Джон», он обращается к Князю Воскрешающему. Что бог откликается на такое банальное короткое имя. И что он смотрит на свитого из жил человека с отчаянием, какого ты раньше в нем не замечала.

— Мы будем сражаться, — сказал он, — мы сделали этот выбор много лет назад. Найти новых

сторонников и сражаться. Пять лет, десять месяцев… конец все равно один.

— Остаемся? — спросил незнакомец.

— Да, остаемся, — ответил бог и добавил тихо: — Спасибо, что вернулся домой, Ортус из Первого дома.

Что-то скапливалось у тебя в ушах, и теперь вдруг потекло тяжелыми горячими каплями наружу. Ты коснулась уха, и пальцы стали мокрыми. Это была кровь. Ианта смотрела на тебя сквозь бесцветную челку, ее побелевшие губы плотно сжались. Ты молча сложилась пополам и довольно сильно ударилась головой о плитку. Потеряла сознание. Учитывая обстоятельства, заметили это не скоро.

10

В гневе был Нонцус, громом гремел его голос.

Черное море ревело над вратами гробницы Алгола,

Пылали глаза его светом, исходящим от трупных костров.

Рекон…

— Стоп, — сказала Харрохак сзади.

Это не слишком понравилось публике. Обшитая стальными панелями двухэтажная библиотека дома Ханаанского была, кажется, одним из самых странных помещений здесь. Она единственная в верхней части здания походила просто на рабочее пространство. Как будто ты входил в современную комнату, чтобы найти в ней древний артефакт. На обшитом панелями полу валялись старые потертые коврики, по стенам стояли металлические полки. Когда Ортус декламировал, его голос звенел, как Второй колокол, только еще противнее.

— Нет, Преподобная дочь, — запротестовал кудрявый придурок из Пятого дома, чьи одежды

были дороже, чем все, что приобретал Девятый дом лет за десять, — пожалуйста. Нониус собирается навалять повстанцам. В школе нас такому не учили. Поэзия Пятого дома звучит примерно как «пылает желтый серный газ/звенит тугая плазма/ля-ля-ля-ля-ля-ля угас/в багровом жаре спазма». К этому моменту я обычно уже впадал в кому и не знаю, что там будет дальше. Еще одну строфу, пожалуйста.

Харрохак по собственному опыту знала, что в ближайшей строфе никто никому не наваляет. Матфий Нониус никогда не сражался в «Нониаде» (точнее, в «Деяниях и свершениях Матфия Нониуса Старшего»), предварительно не поговорив как следует. Обычно он тратил минимум пятьдесят строк на то, чтобы унизить оппонентов словесно, прежде чем приступить к физическому уничтожению, и еще строчек двести или около того, чтобы копаться в чужих кишках. Эта часть не была исключением. Сам факт того, что Ортус принялся читать «Нониаду» на публике, вынести было непросто. Она столько времени страдала от нее сама, потому что знала о его тайных мечтаниях. Он надеялся, что в один прекрасный день его стихи так глубоко тронут Харроу, что она избавит его от обязанностей первого рыцаря и назначит

костяным скальдом Девятого дома. Публичная декламация была оскорблением.

Он стоял, огромный и черный, среди блестящих стальных полок. Некромант и рыцарь Пятого дома сидели за столом, заваленным книгами, обрывками вытертой бумаги, аккуратно заправленной в плексигласовые чехлы, мятыми побуревшими листками и ручками. Некромантка выглядела вполне довольной, рыцарь смотрел куда-то в сторону. Некромантка — та женщина, которая так обрадовалась идее независимого исследования, взрослая дама с аккуратной улыбкой, не вызывала у Харрохак теплых чувств. Даже она слышала, кто такая Абигейл Пент.

— Госпожа, — сказал Ортус и печально добавил: — Простите меня. Нониус — особая фигура среди жрецов и отшельников нашего Дома, — пояснил он другим. — Возможно, я неправ, перекладывая в стихи наши сакральные тайны.

— Я не знала, что Нониус стал персонажем культа, — заметила Пент.

— Он и не стал, — коротко сказала Харрохак, но все же не смогла не пояснить: — По крайней мере эта идея чудовищно устарела.

— Герои уходят в прошлое, — добавил Ортус грустно.

Она его не убила, хотя была близка. Сэр Магнус Куинн, сверкнув белозубой улыбкой, сказал:

— Ты уже использовала это пространство, Преподобная дочь? В настоящий момент мы считаем, что оно полезнее похода вниз. Боюсь, что мы заняли самый большой стол — моя жена обнаружила копию «Нового некроманта» с примечаниями, а мой единственный вклад расположен в мужской уборной. Я нашел там нечто, очень напоминающее древнюю теоретическую эпиграмму. Вот поэтому мы и привлекли Ортуса из Девятого дома.

— Эпиграмму?

Он замялся. Пент мягко пояснила:

— Магнус развлекается. Это нечто вроде диалога между магами школ плоти, духа и кости, примерно с такой концовкой: «Да, но кость увеличивается, когда я ее трогаю». А значит, этой шутке не меньше лет, чем Девяти домам.

Харрохак хотела было ретироваться, но некромантка Пятого дома спросила без перехода:

— Тебя интересуют материалы ликторов?

Это было предложение диалога, прощупывание или что-то совсем другое. Попытку влезть в дела Девятого дома необходимо было пресечь. А вот идея диалога ее заинтересовала.

— Если ты спрашиваешь, имеются ли такие в нашем Доме, — медленно сказала Харроу. — Я не стану отвечать на этот вопрос.

— Как жаль! Я понимаю, — ответила Пент, которую, видимо, не смущали отказы или священная раскраска. — Но вообще я хотела тебя заинтересовать. В этой библиотеке куча всего. Книги, конечно, интересные… но следы ликторов… уиии!

Абигейл Пент не походила на женщин, которые говорят «уии!». Это вышло совсем по-детски. В любой другой день Харрохак не выдержала бы «уии» сразу после шуточек про кости и ушла бы. Но она понимала, что такое самодовольство — не добродетель. Еще она понимала, что скелетов, которые она может поднять, и ее лабораторного журнала недостаточно, чтобы вызнать все тайны дома Ханаанского. Она очень устала. Ей что-то предлагали. Следя, чтобы не предложить взамен себя, она приняла предложенное.

Харроу наклонилась над столом, чтобы посмотреть, что лежит перед адепткой Пятого дома. Ее взгляду предстало забавное сочетание высокого и низкого: деформированная авторучка с тонкой струйкой чернил в плексигласовом корпусе — модель куда более древняя, чем та, что с чер-

нильным стержнем. Аккуратно разложенные обрывки бумаги, как будто кто-то пытался сложить конфетти после праздника. Прядь волос. Открытая книга с ясно различимой надписью в уголке: «Хрень какая-то».

— Книга относится к более позднему периоду, как я понимаю, — сказала Абигейл. — Но примечания бесценны.

Она сумела собрать из обрывков пол-листочка со следующим текстом:

«Порезать кубиками и поджарить на сливочном или растительном масле до хруста. Мелко нарезать соленья и добавить в сковородку, а потом снять с огня.

М. вчера сказал, что Найджелла ест, как ребенок, так что я…»

— Это всего лишь доказывает, что древность сама по себе ничего не стоит, — сказала Харрохак.

— Не соглашусь. Если у меня будет вот это, — улыбнулась Абигейл, — немного крови, полная уверенность и, может быть, еще пара экземпляров, я смогу призвать призрак автора. Уиии.

— Она сможет, правда, — сказал Магнус, приняв старательную гримасу Харроу за недоверие. На самом деле она мысленно чертыхалась и

одновременно чувствовала себя холодной и задумчивой. — Хотя я вообще-то просил ее этого не делать.

— Тебе понадобится что-то, чтобы накормить его, — сказала Харрохак. Не Магнусу.

— Да.

— Такой древний призрак… кормление…

— Это будет беспрецедентный случай, — сказала Пент. Она говорила слишком много и слишком быстро: — Я имею в виду, что этот самый ликтор вообще-то необязательно мертв. Это первое, что стоит учесть. Я говорю с мертвыми, и у меня лучше всего получается, когда они уже мертвы. Если они в Реке, независимо от глубины, я могу только надеяться, что горсть мелких останков и горячая кровь моего сердца выманят их на поверхность. Никто еще не пытался призвать ликтора. Я даже не знаю, куда они уходят. Ликторы входят в Реку? Ликторы умирают так же, как мы? Я не знаю, где они ждут. Я не знаю, как направить их. Но мне та-а-ак хочется попробовать.

Харроу ждала, спрятав руки в рукава. Ортус, стоявший у нее за спиной, в полушаге, сказал:

— Твоя неутомимость пред лицом древней смерти…

— Прекрати флиртовать с моей женой, — велел

Магнус (Харрохак благополучно забыла, что он муж Абигейл, и сочла саму концепцию кокетства с чужим рыцарем невыносимо отвратительной).

Увидев лицо Ортуса — Харроу могла только воображать это зрелище, Магнус торопливо сказал:

— Шутка. Шутка. Я бы никогда не заподозрил тебя в подобном, Девятый.

— Я бы предложила тебе кое-что, — сказала Абигейл Пент.

Она обращалась к Харрохак. Харроу смотрела, как ловкие руки — очень сильные по меркам некроманта, красивой формы, с очень ровными ногтями — взяли со стола сложенный листок. Пент передала его своей коллеге из Девятого дома, как будто ей совершенно не жаль было расставаться с такой драгоценностью. Она чуть заметно улыбалась.

— Исследованиями лучше заниматься в команде, — сказала она. — Если ты расскажешь мне что-нибудь интересное об этой бумаге, я буду очень тебе благодарна. Если скажешь что-нибудь скучное, я все равно буду благодарна. Адепты костяной магии известны своим вниманием к деталям.

Харрохак Нонагесимус происходила из Девятого дома. Если бы в ее распоряжении оказались

ресурсы Абигейл Пент, она оставила бы их себе. Умирая, она бы сложила это все в сундук и закопала, чтобы ценности не попали в загребущие лапы других ученых еще тысячу лет. Она приняла подарок рукой в перчатке, повертела — это оказалась просто бумага, она обладала танергией бумаги. Прикоснувшись к ней голой рукой, Харроу почувствовала бы, как суетятся бактерии, пожирающие волокна.

— Я… перед тобой в долгу, Пятая.

— Ортус, — говорил Магнус. — А что случилось с Нониусом после встречи с заколдованными мечниками? Они сражались?

Харрохак сама удивилась тому, как быстро ответила за своего рыцаря:

— Он положил семерых примерно в семи же строках. Потом подошел командир мечников, с двумя клинками. Мне кажется, что эффективность дополнительных мечей несколько преувеличена. Остальные разошлись, чтобы позволить Нониусу сразиться с командиром. Нониус выиграл легко, хотя на это ушло примерно восемь страниц. Остальных он убил гораздо менее подробно, строчки за четыре.

Она с удивлением поняла, что Магнус смотрит на нее, а не на Ортуса. Ей было неуютно от того,

как он поджимал губы, от его добродушного и глуповатого выражения лица, от вида кудрявых, тщательно причесанных волос и небольшого подбородка. А хуже всего были глаза — совершенно непонятного цвета и очень внимательно смотрящие на нее.

— Все происходит именно так? — спросил он.

— Прости?

— Преподобная дочь, это из-за древних традиций Запертой гробницы энергия твоего духа такая разнообразная? — весело спросила Абигейл. — Я насчитала не менее ста пятидесяти отпечатков, но на самом деле их больше. Это слабые следы, а не полноценные призраки, а значит, их духом манипулировали, чтобы они оставили на тебе какой-то след… Это совершенно очаровательно, но не значит ли это…

Только долгие годы самоограничений помогли ей не убить эту женщину здесь и сейчас или хотя бы не попытаться это сделать. С любым другим призывателем призраков, если учесть сложность и губительную медленность их заклинаний, Харрохак покончила бы одним решительным ударом. Абигейл Пент вызывала у нее сомнения. Эти сомнения заставили ее развернуться и убежать — точнее, совершить тактическое

отступление, как она твердила самой себе. Ортус сорвался на рысцу, чтобы догнать ее. Рапира побрякивала у бедра. Она услышала их разговор, потому что очень хорошо умела подслушивать тихие, приглушенные голоса. Магнус говорил:

— Дорогая, не нужно было…

А Абигейл мягко отвечала:

— Это невероятно любопытно, учитывая обстоятельства… — и все.

Харрохак миновала автоматические двери библиотеки — насколько она понимала, это были единственные автоматические двери за пределами глубокого подвала, освещенного тусклыми светодиодами и забитого металлическими решетками и ревущими кондиционерами. Сложно было не заметить, как ее трясет. Она тихо произнесла:

— Мы должны избегать Пент и Куинна любой ценой. Ради Девятого дома, ради святости Запертой гробницы. Ты меня понимаешь?

— Да, госпожа Харрохак, — сказал Ортус.

— Если я решу, что они представляют угрозу, или если они попробуют причинить нам вред — или при появлении любой пригодной отговорки, если честно, — я призову возмездие Гробницы. Я убью Пент на месте, если потребуется, а

ты поклянешься, что в этом не было греха или неоправданной вражды Домов. Независимо от обстоятельств.

Пауза.

— Да, госпожа Харрохак, — сказал Ортус.

От этого спокойного согласия она разозлилась еще больше. Она не стала разбираться почему.

— А еще должен быть либо «Но-ни-ус», три слога, либо «Но-нюс», два, — быть жестокой было приятно, — а не выбирать более удобный вариант для каждой строфы. Это непрофессионально.

Ее рыцарь внезапно остановился, как вьючное животное, готовящееся к прыжку.

— Да, госпожа Харрохак. Мне льстит ваше внимание к моему труду. Это осознанная архаичность. Она подчеркивает, что произведение должно исполняться вслух.

— Ради бога, Ортус, прекрати вести себя так, как будто я тебя бью. Я решаю наши проблемы, хотя ты мне совсем не помогаешь.

— Я не хочу расстраивать свою госпожу. Пусть невидящий взгляд Запертой гробницы упадет на меня и увидит, что я закрываю ее недвижимой эгидой рыцарской любви. Но ради вас я не стану менять свой голос.

Она разозлилась. Харрохак знала, что неспра-

ведлива к нему, знала, что бесится на ровном месте. Она испугалась и не могла успокоиться, а теперь использовала любые средства, честные и не очень, чтобы прийти в себя. Пугаясь, она вновь становилась ребенком, а быть ребенком она боялась сильнее всего на свете. Почти.

— У меня есть право поправлять тебя. Мы у врат Гробницы, даже сейчас. Я несу ее с собой, и ее законы нерушимы.

— Да не покинем мы ее, — согласился Ортус. — Моя госпожа, я выполню любой ваш приказ. Я с радостью снесу все ваши упреки. Я буду смотреть, как вы убиваете того, кого считаете нужным убить, и я сотру кровь с вашего лица… но когда я ложусь спать, я — взрослый человек, и я могу испытывать любые чувства по любому поводу. Нет закона, запрещающего это, и это всегда помогало мне против вас, моей госпожи, против матери, против капитана Агламены. Ваше распоряжение будет выполнено, моя госпожа.

Затем он поклонился ей — очень корректным поклоном фехтовальщика Девятого дома. Краска на его лице была идеальна, хотя грустный череп потихоньку растекался, вид у него был строгий, а выражение лица по-могильному бесстрастное. И как раз тогда, когда его госпожа могла бы испы-

тать некоторую эмпатию по отношению к нему, он ее от этого уберег, высказав свою позицию. Это была самая масштабная пассивная агрессия, когда-либо случавшаяся в Девятом доме.

— Хотелось бы также заметить, что синицеза весьма характерна для некоторых лучших образцов ранней поэзии Девятого дома. Уверен, что только ваши исследования помешали вам в полном объеме оценить классику.

Харрохак посмотрела на него, решила, что этот взгляд будет ее последней репликой, и утащила его в нишу. Ниша была мелкая, но все же скрывала их от посторонних глаз. Пальцы у нее немного тряслись, так что она спрятала их в рукава, чтобы было не так заметно. Она вытащила безобидный листок бумаги, который дала ей для изучения Абигейл Пент, и развернула.

Когда она увидела, что было на листке, ее глаза будто замерцали. Прерывистые красные строки почти парили над страницей, буквы теснились и жались друг к другу.

ВСЕ ТВОИ ЯЙЦА УМЕРЛИ ТЫ МНЕ СОВРАЛА. ЕСЛИ БЫ Я САМА СДЕЛАЛА ИМПЛАНТАЦИЮ, ТВОИ ЗОМБИ И ТЫ ПОСЛАЛИ БЫ ЕГО ЗА МНОЙ И ОН БЫЛ БЫ У МЕНЯ ЕСЛИ БЫ МЕНЯ НЕ СКОМПРОМЕТИРОВАЛИ И ОН БЫ МЕНЯ НЕ

ПОЖАЛЕЛ! ОН МЕНЯ ПОЖАЛЕЛ! ОН МЕНЯ УВИДЕЛ И ПОЖАЛЕЛ И ТЕПЕРЬ ВЫ ОБА БУДЕТЕ СТРАДАТЬ ПОКА НЕ ЗАБУДЕТЕ ЧТО ОЗНАЧАЕТ САМО ЭТО СЛОВО

Они были совершенно одни. Харрохак постаралась собраться, чтобы пальцы больше не дрожали, и сделала знак, которому научила Ортуса. Он означал вопрос: «Что я вижу?»

Он немедленно взял листок из дрожащих пальцев и посмотрел на него.

— Если ты зайдешь ко мне, я приготовлю тебе ту вкусную картошку, — вслух с выражением прочитал он. — А что такое картошка?

— Твой ближайший родственник из мира овощей, — ответила Харрохак, которая никогда в жизни не видела ни одной картофелины.

— Очень остроумно, — сказал рыцарь без малейшей злобы и с явным одобрением. — Я всегда восхищался вашей способностью придумывать ответы, госпожа. Очень часто мне что-то говорят, а я придумываю идеальный ответ — настолько идеальный, что услышавший его должен пасть духом и устыдиться оттого, что ему пришлось услышать подобное. Но к этому моменту обычно проходит уже несколько часов, и я успеваю лечь в постель. К тому же я ненавижу конфликты

любого рода.

Харрохак посмотрела на него:

— Гробница милосердна, Нигенад. Нечего так широко себя рекламировать, — прорычала она, не до конца понимая причины своего негодования. — Вся жизнь рыцаря — конфликт. Надо быть воином, а не губкой в форме человека. Если бы на дуэлях мерились пассивной агрессией, я бы уже была ликтором! И тебе хватает смелости называть себя сыном Дрербура? Не отвечай, я знаю, что ты вообще никем себя не называешь. Ради любви господней, Ортус! Мне нужен рыцарь, у которого есть хребет!

— Да, — сказал Ортус. — Хорошо, что я им так и не стал.

Несколько часов спустя, когда Харроу уже легла, ее мозг наконец-то позволил ответу всплыть на поверхность. «Какого черта ты вообще имеешь в виду?» Не больно-то остроумно.

11

Кто-то отнес тебя в постель. Ты не представляла в чью, как и где вообще происходит дело. Ты вообще не пришла в себя. Ночью или уже ранним утром твой господь нашел тебя в маленькой часовне.

Ты склонилась над трупом, подняв руки и обхватив ими рукоять. Твой двуручный меч второй раз пронзил грудь Цитеры. Розы, залитые старой, прокисшей кровью, валялись на полу. Ты не могла вспомнить, как попала сюда.

Так и прошла твоя первая ночь в Митреуме.

Акт второй

12

Шесть месяцев до убийства императора

По последним подсчетам, ты убила уже двенадцать планет, но первый быстрый разрез яремной вены все еще казался тебе самым сложным. Ты чувствовала, что твое собственное дыхание влагой оседает на лице, скрытом мятым защитным костюмом, защищающим в основном от пыли, а сейчас и вовсе не нужным. Ты оценила угол. Помедлила.

Твоя невольная наставница приняла колебание за предвкушение. Она сидела напротив в своем хрустящем оранжевом костюме. Тройной свет заката трех звезд красил ее лицо под мягким капюшоном в рыжий цвет. Тонкий слой песка и пыли стих и с шуршанием падал с костюма.

— Не надо ждать таймер, Харрохак, — сказала она. Несколько слоев амальгамированного пластика и термальных волокон приглушали ее голос. Она уже сидела в позе погружения: колени подняты, спина согнута, руки лежат на бедрах.

— Я уверена, что тебе больше не нужен таймер. Кроме того, через полчаса температура тут

упадет до абсолютного нуля, так что поторопись. Иначе материалы для похорон придется собирать совочком.

Мерси произнесла это с немалым удовольствием. Мысленно ты заявила: «Иди ты в зад, сама выбрала этот климат, ты, жалкий, ипохондрический полусгнивший труп, утыканный гвоздями».

Вслух же сказала:

— Разумеется, старшая сестра.

Мерсиморн смотрела, как ты обнажаешь меч. Не рапиру, которую бог попросил тебя носить и которую ты таскала на поясе как уступку его крайнему оптимизму, а двуручник, который висел у тебя за спиной. Здесь в дело вступил твой экзоскелет: длинные перекрывающие друг друга пластины, идущие от позвоночника к ребрам и от локтя к запястью, рудиментарные аподемы, позволяющие тебе поднимать клинок, слишком тяжелый для твоего тела. Всякие там мускулы, вроде тех, что теперь виднелись на плечах и спине Ианты, особенно когда она была мокра от пота, — не для тебя. Для тебя — надежная кость, внешний скелет.

Святая радости сказала только:

— Не люблю драму, но продолжай и постарайся

не учинить тектонический сдвиг.

Ты никогда в жизни не учинила ни одного сдвига, поэтому силой одного только гнева ты подняла рукоять высоко над головой. Ты опустила закрытый костью клинок в тальк — ты не хотела, чтобы он обретал остроту. Ни за что. И, используя меч как инструмент направления энергии, послала копье танергии прямо в сердце планеты.

Планета не вздрогнула, не завыла, не замерла, не задергалась в некромантических зубьях. Ты начала расширять поток в стороны, как тебя учили. Широкая коса танергии взрезала мантию, вошла в талергический сгусток камня, в древние воспоминания о днях, когда только сформировался первый шар пыли.

С подобной планетой было очень непросто, поэтому Мерсиморн ее выбрала. Да еще потому, что надеялась, что ты превратишься в мерзлый труп. Реакцию танергии нужно было предусмотреть заранее и придумать, что с ней делать.

Душа планеты скрывалась в ее песках и минералах. Это была тонкая сеть миниатюрных созданий, бактерий, жалких ошметков жизни. Ты даже не понимала толком, что искать — впервые. Ты чувствовала планету примерно так же, как

песок, сыпавшийся на костюм снаружи.

Ты рухнула на сиденье и приняла ту же позу, что и Мерсиморн: ноги плотно упираются в песок, спина согнута. Это помогало избежать боли в спине после окончания дела. Ты прижала носки ботинок к стоящему вертикально клинку и почувствовала: планета поняла, что умирает.

Водопад вышел идеальным, как и все твои водопады. Танергия металась по душе, как пламя свечи, прикоснувшееся к листку бумаги. Живой поток камня начал умирать, смерть расходилась дрожащими концентрическими кругами: танергия жрала талергию, как саранча — пшеницу.

Когда душа оторвалась, новый всплеск танергии раздул пламя, зажженное тобой. Ты гордилась точностью своего удара: вместо того чтобы нервно наблюдать за происходящим, как ты делала уже полдюжины раз, ты закрыла глаза и вошла в Реку, когда призрак планетоида начал освобождаться.

Учитель описывал спуск мага кости или плоти в Реку как попытки скульптора создать статую из чаши воды, а мага духа — как попытки пловца проплыть сквозь глыбу мрамора. Ты любила бога как своего царя и любила бога как обещание искупления, любила его, как ты не знала что,

потому что ты любила слишком редко. Но его аналогии и метафоры ты ненавидела от всей души.

Скульптором ты там была или пловцом, но этот шаг всегда давался тебе сложнее всего остального. В глубине души ты смутно его побаивалась. Твоя однокашница, вторая будущая некросвятая, хвалилась, что может сделать это почти мгновенно, что это так же просто, как закрыть глаза. Это казалось тебе подозрительным. Вырвать собственный разум из тела и направить вниз, вниз и еще дальше вниз, пока под ногами не окажутся острые, как бритва, камни серого невообразимого берега, а над головой — серое неприметное небо.

Потом нужно сделать шаг в ледяную воду, и еще один, и еще, зайти по пояс и только тогда открыть глаза. Ты видела, как бьется душа планеты. Призраки расступались, как будто опасались этого бурного водоворота. Малый зверь. Не Зверь Воскрешения, конечно: этому новорожденному призраку потребуется тысяча лет злобы и усилий, чтобы хоть немного приблизиться к истинному Зверю. По крайней мере, так тебе говорили. Настоящего Зверя ты еще ни разу не видела. Двуручный меч был у тебя в руках, но теперь он стал легким, как прощение.

Ты выпрямилась над бурлящими серыми во-

дами и двинулась к водовороту сквозь грязную кровавую пену. Не оглядываясь, ты чувствовала, что Мерсиморн из Первого дома стоит на берегу и следит за тобой критическим взором, что подол ее переливчатых ханаанских одежд промок. Вероятно, она кривилась, глядя, как растет пятно. В Реке ее ураганные глаза прояснялись, в них появлялись красновато-серые вихри, в которые было больно смотреть. Ты радовалась, что Мерси увидит, как ты научилась управлять духом — навык, который ты мучительно совершенствовала. А еще ты радовалась, что она стоит достаточно далеко, чтобы не отвлекать тебя от дергающейся, извивающейся души, жуткой мешанины органического и неорганического, миража духа.

Ты видела окровавленные, смятые каменные лица, видела шестиногое создание с волосатыми паучьими лапками, утыканными измазанными глиной шипами. Это создание было серым, кроваво-серым, склизким, песочно-серым, живым и одновременно каменным. И оно бросилось вперед.

Мерсиморн завопила с берега, хотя ветер и шорох волн приглушали ее голос.

— Уходит!

Ты вложила меч в ножны и нырнула. Лучше

держаться рядом с тварью, чем иметь дело с назойливыми призраками. Вода, грязная и маслянистая, расступилась — пахла она кровью, а на вкус была как сточные воды. Ты вскрыла тыльную сторону запястья и создала иглы из дистальных костей, а их уже обратила в длинные зазубренные гарпуны. Ты твердила, что боль — вовсе не боль, что это не твое запястье и не твои кости, а просто создание твоего воображения. Ты сплела воображаемые сухожилия в жилистые веревки. Подняла первый гарпун. Прицелилась. Бросила.

Первый гарпун отскочил от дрожащей массы минералов и мышц, но все же успел отколоть несколько кусочков кристальных внутренностей. За ним последовал другой. Третий прошел сквозь песочно-роговичную массу и всплыл в облаке кипящего пыльного жира. Четвертый и пятый попали в цель. Ты скользнула вперед и вцепилась в душу планеты, когда она завопила и унеслась. Она тащила тебя по Реке, вода заливалась в ментальные пазухи и омывала мысленные миндалины, твой разум тошнило водой где-то в кильватере протозверя.

Ты плыла за ним, хватаясь за скользкие веревки из твоих собственных мышц и коллагена и

создавала из осколков своих собственных гарпунов конструкт за конструктом. Вместе со своей командой скелетов ты воткнула один гарпун в бедро и подтянулась, оседлав призрака, хватаясь за фальшивые камни, сдиравшие плоть с ладоней, хватаясь за ложноножки насекомого, за комки плоти и глины.

Конструкты лезли сами по себе. Нескольких псевдо-Зверь сбросил в воду, но остальные лезли дальше, спокойно и бесстрастно. Тяжело дыша, ты ползла за ними. Ты создала дротик, привязанный к предплечью одной руки влажной веревкой из сухожилий, а в другой держала двуручный меч. Это выглядело бы круто, если бы не было так смешно. Зверь дернулся — маленькое животное-призрак, ничего еще не умеющее, кроме как рваться из пасти преследователя. Ты вонзила меч в его душу, пронзив мантию, и вода сомкнулась над тобой. Безумные грязные волны захлестнули тебя с головой.

«Я его прикончу», — подумала ты. Скелеты — ты сделала их ноги острыми кольями, которые втыкались во все мягкое и прилипали ко всему твердому — рвали проклятую тварь лишенными плоти руками. Ты тыкала в кипящий камень и мышцы дротиком, пытаясь соскрести верхний

слой и открыть мозг. Тварь была слишком юна и слаба, чтобы иметь череп. Собрав всю свою ненависть, свой страх и свое спокойствие, ты изо всех сил ткнула дротиком, завидев морщинистое полушарие, провернула острие и разорвала пополам то, что было уже мертво.

Меньше чем через шестьдесят секунд ты лежала на поверхности планетоида, полумертвая от холода, пытаясь направить кровь в конечности и расширить сосуды. Выход из Реки давался тебе проще всего и был приятен. Коварно убитое небесное тело отреагировало не слишком бурно — ты гордилась тем, что нападала бесшумно, но песчаная буря замерла, будто ее перехватили в воздухе. Частицы, оказавшиеся высоко в атмосфере, дождем падали вниз. Становилось все темнее, все три солнца садились разом, а Мерси зажгла маленький фонарик на своем вечном планшете и что-то писала. Вокруг ручки, планшета и падающего песка будто бы возникли крошечные нимбы.

Поток света озарял мертвую красоту Тела. Она всегда была рядом, когда ты наносила удар. Она всегда встречала тебя после возвращения с бойни. Она здорово мешала, болтаясь на краю поля зрения. Если ты вдруг паниковала и била прямо

сквозь нее, она просто смотрела на тебя безжизненным непонятным взглядом.

— Что ж, отняли еще немного еды у Седьмого номера, — сказала святая радости и добавила: — Восемь минут тридцать четыре секунды.

Мерси всегда лгала, если от нее этого не ждали, и никогда не лгала, если это было ожидаемо, и постоянно сочетала правду с ложью, чтобы еще сильнее всех запутать.

— Не очень хорошо, Харрохак.

Ты сглотнула огромную лужу ледяной слюны. Было темно и холодно. Внутри шлема заледеневшие пряди волос примерзли к шее, промокнув от пота. Снова придется стричься. Ты ответила, не сумев сдержать раздражение:

— Это на две минуты меньше моего предыдущего времени, старшая сестра.

— Да, — ответила ликтор, и ты представила ее глаза за темным плексигласом защитной маски. Она старательно провела еще одну линию на своем графике. — Ты быстро прогрессируешь. Но ты могла уложить его за четыре минуты, детка, и это тоже было бы не идеально.

Язык застывал у тебя во рту:

— Потому что он так отличается от настоящего Зверя Воскрешения?

— Нет, — ответила святая радости, и ее голос приобрел остроту бритвенного клинка, отравленного осознанием собственной правоты, — потому что тебе на него нужно не больше двух минут. Даже одной. А сводится все это, сестренка, к тому, что ты заработала гипотермию, а я — нет!

Всю дорогу до Митреума, сидя в крошечном шаттле, ты размышляла об этом. Ты очень старалась сопротивляться неизбежному, но при входе в Реку твое умение обращаться с мертвой плотью исчезало. Мерси еще ни разу не пришлось просить недобрые силы о милосердии, но ты была крайне уязвима, как бы ты ни старалась. Конструкты рассыпались, даже те, что были сделаны из вечного пепла. Заклинания рассеивались. Теоремы не получались. Кость, с которой ты работала, держала форму даже после удаления всех внешних стимуляторов, но понадобилось очень много утомительных проб и ошибок, чтобы сделать экзоскелет прочным — иначе ты просыпалась бы в луже коллагена. Когда твой мозг вернется к твоей плоти, твое искусство тоже восстановится, как будто кто-то повернет клапан, а до тех пор…

В этом и состоял секрет ликторов. Когда душа нормального ликтора входила в Реку, мертвая

пустая энергия, которая когда-то была рыцарем, удерживала жизнь в теле. Пустая оболочка нормального ликтора с механической точностью реагировала на угрозы земные и сверхъестественные. Она могла нормализовать собственную температуру, отфильтровать яды и токсины, могла, разумеется, сражаться, как дрессированный тигр. Конечности ликтора помнили все, чему учили его украденное второе «я», и могли использовать эти навыки четко и безжалостно, пока не возвращался ликтор и не забирал контроль.

Тело нормального ликтора могло присмотреть за тобой. Но это уже было очевидно всем: ты не была обычным ликтором.

13

Выражение «Необычный ликтор» было любимым эвфемизмом бога. Твои названые братья и сестры предпочитали иные термины (святой терпения очень любил вариант «диетический ликтор». Иногда ты планировала смерть Августина, и ей предстояло быть довольно долгой). Но тебя странно успокаивал тот факт, что ты остаешься в нормальном спектре, а не занимаешь неправильное положение в двоичной системе. В том же спектре оставалась и Ианта из Первого дома. В тот вечер, когда ты успешно вернулась в объятия Митреума, ты нашла ее в захламленных покоях предшественницы. Ианта мрачно ела суп.

Ее изысканные ханаанские одежды свисали с крючка — ты заметила, что подол промок — а на ней красовались странные юбка с блузкой, выкопанные в гардеробе. Все свои одежды Валанси тщательно вышила по внутренним швам. Юбки и блузки были очень хорошо скроены — но для человека другого роста и телосложения. Ианту они обтягивали в тех местах, где должны были быть свободными, и висели там, где должны

были обтягивать. Шмотки походили на саван, а сама Ианта выглядела так, будто выкопалась из могилы через пятьдесят лет после похорон.

Это конкретное одеяние, атласное, глубокого рубинового цвета, полностью открывало одно плечо. Плечо правой руки, которую Цитера из Первого дома снесла повыше локтя и на место которой присобачили чью-то чужую конечность. На локтевом суставе виднелся синеватый шов, а под ним тяжело висела рука, толстая, распухшая и бесполезная. Это удивляло, потому что ты не замечала никаких пороков и проблем. Рука была очень тщательно приделана на место оригинальной, но Ианта совершенно прекратила ею пользоваться, и разница становилась заметнее с каждым днем.

Не замечая твоего критического взгляда, она нервно почесала шов, раздирая его до красных царапин.

— Пятнадцать десять, — сказала твоя сестра-ликтор, увидев тебя.

— Восемь тридцать четыре, — ответила ты.

— Бог мой! Бедная тварь. Восемь тридцать четыре… как жаль, что это не имеет никакого значения.

Она была в дурном настроении, раз надела эту

тряпку, открывающую руку. Ты тоже не очень-то радовалась.

— Давай-ка проясним, — сказала ты. — Это не имеет значения, потому что, хоть ты и справилась на три минуты быстрее, чем в прошлый раз, все равно не сможешь всерьез соперничать со мной на этом поле, или это не имеет значения, потому что я умру от лапы Седьмого номера?

— Какая ты оптимистка. С чего ты взяла, что вообще доживешь до встречи с ним? — спросила она, сверкая голубыми глазами. Маленькие маслянистые крапинки в них из-за близости платья казались почти розовыми. Веки у нее покраснели, и ты подумала, что она плакала.

— Я вообще не понимаю, как ты добралась сюда из стыковочного отсека, не умерев по дороге, Харри.

— Я не откликаюсь на это прозвище.

— Закрой дверь и станешь Нонагесимус.

Существовало несколько вполне научных причин, по которым ты закрыла дверь, причем изнутри, а не хлопнула ей, удаляясь. В ее покоях было довольно безопасно и для тебя тоже, потому что она обвесила их заклинаниями, действуя с параноидальной осторожностью беглого убийцы — то есть примерно в два раза менее бдительно,

чем ты.

Ее встречи со Зверями давали тебе больше материала для размышлений, чем свои собственные, потому что Августин объяснял ей гораздо больше, чем он или Мерси объясняли тебе.

Но, ради зашитого рта, эти хреновы комнаты были невыносимы. Конфетно-милые, покрытые бело-золотыми полосками, освещенные хрустальными люстрами. Кровать не уступала размером некоторым кельям Девятого дома. Ты возненавидела это место с первого взгляда, а Ианта немедленно в него влюбилась. Тебя тошнило от покрытой патиной неуклюжей мебели, от завитков, филиграни и украшений, от куч вышивки, постоянных занавесочек, складок ткани, прикрывающих другие складки ткани на плюшевом диване, который затрещал, когда ты на него села. Но хуже всего были картины. Портреты обнаженных людей в томных позах, в натуральную величину, в основном маслом. Моделей было всего две. Картины писались с большим энтузиазмом. Дуэт позировал в компании самых разных предметов, как вероятных, так и нет. Один раз у тебя хватило глупости порекомендовать Ианте снять их, и она тут же побежала в ванную, вытащила оттуда еще одну картину и гордо повесила

над ярко раскрашенным комодом. Ты не была ханжой. Просто эти картины создавали ощущение, что ты пришла в гости к людям, которые постоянно смеются над собственными шутками.

Несмотря на жуткую обнаженку и на избыток кружев, а также на Ианту, ты довольно часто заглядывала в эту берлогу. Ты испытывала жалкое удовольствие от звуков имени Нонагесимус, потому что уже несколько месяцев была Харрохак из Первого дома. Как сказал бог, ты можешь быть девятой святой, но никогда больше не будешь Девятой. За исключением моментов, когда ты закрывала дверь в комнаты Ианты.

— Вся беда в том, что ты больше не амбидекстр, Тридентариус, — сказала ты, тоже даря ей болезненное удовольствие от собственного имени. — Это не математика, это не так работает. Ты стараешься сражаться, держа меч не в той руке. Я вообще не сражаюсь мечом. Я слишком часто слышу, что полувзведенное оружие хуже вовсе не взведенного.

Хотя ты сказала «вообще не взведенный», Ианта только злобно хлюпнула супом — раздался звук, будто в трубочку пытались пропихнуть заварной крем.

— Еще предложи мне перестать дышать, — ска-

зала она.

— Я предлагала несколько раз, — заметила ты.

— Ты не понимаешь. Это просто инстинкт. Даже если я пытаюсь драться на расстоянии. Я на что-нибудь отвлекаюсь, в дело вмешивается Бабс, и рука не подчиняется…

— Нельзя перекладывать вину на свою сгоревшую душу. Это все психологическая реакция.

— Иди на хер, — рявкнула она.

Упоминание Бабса означало очень плохой день. Она очень редко вспоминала своего рыцаря.

— Августин настроен критически, как я понимаю.

— Августин сказал, что они могли бы задушить меня вместе с тобой.

Ты только удивилась тому, что еще способна на что-то обижаться. Ианта съела ложку супа и сказала, скривив землистое лицо:

— Он говорит то же самое, что и ты. Психологическая реакция… говорит, что я ради собственного удовольствия упорствую в том, что мне причинен вред.

Ты очень устала и так и не отогрелась. Ты положила меч на пол и уселась в кресло с высокой спинкой, украшенное рюшечками в лимонно-желтую полоску. Комнаты Ианты были намного

роскошнее твоих и гораздо интереснее, потому что много веков в них жила давно погибшая ликтор. При этом она бывала здесь достаточно часто, чтобы отделать комнаты по своему вкусу. Тебе казалось, что она все еще сидит в креслах, лежит в постели, умывается у раковины с насосом. Хорошо, что в твоих комнатах не было привидений, кроме твоих собственных.

— Все с рукой в порядке, — сказала ты.

— Вот только она не моя, — зло ответила Ианта.

— Ну отрежь ее.

— Идея в самый раз для Девятой…

— Ну, задействуй свои хваленые ликторские способности, — предложила ты. — Посмотри, отрастет ли она заново.

— Нет. — Ианта восприняла тебя всерьез. — Учитель сказал, что ликторы не могут выжить после отсечения головы и что на месте потерянной конечности останется культя. И я понимаю, что, если попытаюсь отрастить себе новую руку, что-то обязательно упущу. Неидеальная рука не будет работать, а мне это не нужно.

Бывшая принцесса Иды произнесла это без всякого раздражения, смиренным, но мрачноватым тоном человека, которому надоело так хорошо

себя понимать.

— Тогда пусть этим займется святая радости, — предложила ты. — В смысле физиологического совершенства на нее можно положиться.

— Ты долбанулась, — сообщила Ианта, не поднимая глаз от супа.

— Лично я бы не позволила нашей старшей сестре растить мне руки, — сказала ты, — но если ты мечтаешь о совершенстве…

— Хрень.

— Ну, учитель, — тебе стало скучно.

— Он сказал, что было бы чудесно, если бы я справилась сама. Мы не его миленькие малышки, для которых он готов на все. Я не привлекаю любящих и балующих папиков.

Ты мысленно ощетинилась, но адекватного ответа не придумала. Ты массировала собственные пальцы — они все еще горели и оставались красными. Разрушение клеток было почти незаметным, так что ты восстанавливала их слой за слоем, чтобы ничего не пропустить. Никаких гладких шрамов, остающихся после регенерации ликтора, — ты все делала сама. К богу ты бы тоже обращаться не стала, хотя он мог исцелить тебя в одно ослепительное, тошнотворное мгновение, от самых костей и до кожи. Или неуклюже погла-

дить по плечу. Или посмотреть на тебя с гордой, но тревожной улыбкой, которую ты ненавидела и о которой мечтала.

— Ну тогда не знаю, что тебе сказать, — решила ты, — разве что, если уж ты постоянно спрашиваешь моего мнения, хотя бы сделай вид, что оно тебе интересно.

Ианта отодвинула пустую миску и села прямо. Ворованные глаза сузились от внезапного прилива вдохновения. Бледные тусклые волосы спадали на лицо, которое должно было быть красивым, и на плечи, которые должны были быть изящными, но в целом она выглядела как восковая фигура в розовом кукольном платьице. Тебе никогда не позволяли играть в куклы, но, оглядываясь назад, ты не могла себе представить, что могла бы пойти на это добровольно.

— Ты же можешь это сделать, — мягко сказала она, глядя на костяной воротник, торчащий из-под рубашки, верхнюю часть твоего самодельного экзоскелета. — Ты справишься, Харрохак. Может быть, я даже это тебе позволю, учитывая, что мы — товарищи по оружию. И подруги.

Ты встала довольно резко, и экзоскелет заскрипел, когда ты наклонилась за двуручником.

— Я не такое уж совершенство, когда дело до-

ходит до плоти, — сказала ты. — Я не утверждаю, что я далека от него… но ты хочешь того, что я дать не могу. Я не готова это давать. Честно говоря, твоя просьба отвратительна. Там суп еще остался?

— Ой, целая кастрюля, — сказала Ианта, которую, кажется, совершенно не оскорбил твой отказ. По Ианте никогда ничего не было понятно. — Это я его варила, он омерзительный.

Существовала ли на свете менее подходящая друг другу пара, чем ты и она, чем дочь таинственного Дрербура и дочь гордой Иды? Эта связь родилась не из взаимного восхищения. Во всяком случае, чем чаще ты видела Ианту, тем с меньшей вероятностью могла принять ее за красотку. Она сделала из себя богато украшенный торт, весь покрытый толстым слоем глазури, помадки и шоколада, так что докопаться до теста было совершенно невозможно. Как некромант она была гениальна, хотя, с твоей точки зрения, слишком уж полагалась на хитрости и обходные пути. Она отличалась невероятно тонким умом. Она не боялась испытаний. Она тоже была одержима тем, что могло лежать за Рекой, и, хотя это немного и отдавало лицемерием с твоей стороны, она была ненормальной маньячкой.

Но маньячкой, которая достигла ликторства. Маньячкой, которую ты теперь должна была именовать сестрой, хотя тебе казалось, что ей называть кого-то сестрой еще противнее и больнее, чем тебе. Маньячкой, которую твое мертвое «я» уважало достаточно, чтобы работать вместе с ней. Маньячкой, которая нашла тебя, когда ты была не в себе, когда ты опозорилась, когда ты воткнула клинок в грудь мертвой женщины — и тогда она просто сказала: «Вот бы ты ей руки отрубила». Возможно, в мире существовали более приятные партнеры, но твоя тебя, по крайней мере, еще не убила.

14

Митреум, престол Первого Возрождения! Святилище императора Девяти домов, место упокоения священных костей и оссуарий стойких! Космическая станция, запрятанная в сорока миллиардах световых лет от вечного света Доминика, освещенная танергетическим светом звезд, спрятанная посреди околозвездного диска, древняя жемчужина, усыпанная мертвыми камнями.

Твой новый дом болтался в центре поля астероидов, состоящего из концентрических кругов и похожего на ювелирную игрушку. Были в нем жилые помещения — внешнее кольцо — внутреннее кольцо препараторских, пара лабораторий, библиотека, размерами превышавшая Дрербур, и кладовая, где еда хранилась целую вечность, не тронутая тлением. Другие ликторы жаловались, что тысячелетия придают пище, сохраненной при помощи некромантии, странный привкус, но ты его не чувствовала. Еще тут была станция восстановления воды и подсобные помещения. Часовня и комнаты бога располагались в центре. Все остальное место было отведено мертвым. Везде лежали кости мертвых, тела мертвых, му-

мифицированные головы мертвых, руки мертвых — костяные или с мясом, законсервированные немедленно после того, как их оторвало от тел, пепел мертвых, волосы мертвых, ногти мертвых, сложенная кожа мертвых и глаза мертвых, ссыпанные в длинные красивые хрустальные контейнеры, залитые альдегидом. Ликтор, сидящий на краю каменного кольца, окружающего Митреум, никогда бы не подумал, что он спрятан: он походил на огромный танергетический маяк, пылающий сгусток смерти, огромные буквы, написанные в космосе: это кладбище. Здесь могилы.

Первые месяцы твоего ликторства прошли в гулких сводчатых стерильно-чистых комнатах, выделенных тебе. Они были окрашены в нейтральные серо-бело-черные цвета, очень тщательно убраны и по возможности освобождены от костей. В отличие от комнат Ианты, их раньше никто не использовал. Они предназначались ликтору, который никогда не спал в своей постели, никогда не вешал одежду в шкаф и не умывался у раковины. Ты жила среди праха своих предков и дышала этим прахом, носила их одежду и пользовалась их вещами, так что совершенно новые комнаты оказались новым

и заманчивым опытом. Ты сложила одежду в ящики, где раньше никогда не было одежды, аккуратно расставила свои немногочисленные мелочи на бюро и начала получать некоторое удовольствие от ежевечернего возвращения в такое место. Ты так и не успокоилась и чувствовала себя совершенно беспомощной, но мелочи тебя почему-то радовали.

В убежище Первого владыки мертвых не было слуг. Ни единого конструкта. Вы все готовили сами — по крайней мере, Мерсиморн готовила, Августин готовил, и даже сам бог готовил, насчет остальных ты не знала. Августин снизошел до того, чтобы научить чему-то Ианту, или хотя бы попытаться, но ты не собиралась связывать свое будущее с кулинарией. Ты так редко ела ради удовольствия, что никак не могла представить, каково это — быть нормальным человеком, который способен сделать себе бутерброд. Ты родилась в Девятом доме, хотя и вознеслась до Первого, так что холодные перекусы тебя вполне устраивали. Продукты можно было взять на складе и съесть прямо так, усевшись на одной из огромных стальных, ужасно старомодных кухонь с хромированными столешницами, квадратными плитами и конфорками, откуда вырывалось

газовое пламя, стоило повернуть ручку. Часто ты заставала там императора Девяти домов — он сидел за плексигласовым столом и пил горячий кофе из щербатой кружки.

Теперь он вел себя как учитель. Его личная гостиная, скромная небольшая комната с несколькими потертыми креслами и низким столиком, стала для тебя родом домашнего святилища, а остальные его покои — аналогом запретной гробницы. Тебя традиционно влекло к запретным гробницам, но эта отталкивала даже тебя. Двери были постоянно закрыты, и ты почему-то не испытывала ни малейшего желания увидеть, как они открываются. Он часто призывал тебя для теоретического занятия или приглашал выпить чашку чая, который ты все так же ненавидела, но предпочла бы заживо содрать с себя кожу, чем в этом признаться, или вы просто сидели в тишине. Была у него такая привычка — позвать тебя поговорить, а потом не сказать ни слова, просто сидеть и смотреть, как астероиды скользят по своей изящной орбите вокруг танергетической звезды.

Однажды ты застала его над разложенными на столе листками — отчетами месячной давности. Он явно смутился. Бог смутился.

— Я все еще думаю об этом, — признался он. — Восемнадцать тысяч… радиационные ракеты… Августин говорит, что глупо даже думать об этом, пока мы не совладаем с Седьмым номером, но как по мне, если я с ним не справлюсь, то на остальное будет наплевать. А если мы выиграем, то это окажется важнее всего.

Если бог говорил о неудаче, это всегда было «я», как будто все остальные ни за что не отвечали. Ты сидела, одетая в свои роскошные белые одежды, пыталась оценить вкус черного чая с молоком и делала вид, что ты можешь в любой момент взять твердое печенье и окунуть в чай, как сделал он, — бог безупречных челюстей всегда угощал тебя печеньем. Ты спросила:

— Кто это сделал, господи?

— Мы думаем, что КЭ, — рассеянно сказал он, заметил твое непонимание и добавил: — Это аббревиатура, обозначающая группу маньяков. Культ, который попался нам на глаза около пяти тысяч лет назад. Мы наткнулись на них во время одного из прыжков в глубокий космос. Наткнулись… а они ищут нас все это время. Они ненавидят Девять домов.

— Я никогда о них не слышала.

— Ты могла слышать какое-то другое имя…

или знать их как безымянных повстанцев. Они предпочитают делать вид, что это какая-то естественная реакция, а не единая сплоченная группа. На самом деле их существование зависит от тайной центральной организации. Она отправляет своих агентов к людям, которых мы встречаем за пределами Девяти домов, на населенные планеты, которыми мы управляем, и исподволь обращает их против нас. Но я о них знаю, и ликторы о них знают. Они стали гораздо активнее примерно за двадцать пять лет до твоего рождения. Они обрели харизматичного разговорчивого лидера, которая не собиралась оставаться в тени. Начались конфликты, но мы победили. Клетка за клеткой, кость за костью.

Ты сидела тихо, задумчиво разглядывая печенье и воображая, что сможешь съесть его когда-нибудь в следующем тысячелетии. Учитель свел брови и уставился на тебя угольно-черными, нефтяными глазами. Сказал:

— Думаю, это они стоят за появлением Цитеры в доме Ханаанском. И это волнует меня куда больше, чем старые ядерные заряды, которые они где-то хранят.

— Цитера планировала заманить тебя обратно в Девять домов, — сказала ты. — Чтобы Зверь

Воскрешения убил тебя, да?

— «Заманить» — довольно громкое слово. Я полагаю, что это было преступление страсти. Я не говорю, что у нее не было иных причин. Просто мне кажется, что некоторые из них были ужасающе просты. Я мог бы достучаться до нее, будь у меня время, — сказал бог. — Время, вечно время. Она очень много работала и очень мало любила. Если нужно было что-то сделать, она всегда вызывалась, а поскольку она вела себя так, будто в ней уже появились ростки эгоизма, проще всего было согласиться, не понимая, сколько раз она уже говорила «я сделаю». Не понимая, что она сводит себя в могилу.

— Трагический изъян Седьмого дома, — сказала ты, — фатальная тяга ко всему, что исполнено внешнего блеска и великолепия.

— Я понимаю, что Дома застыли и стали… архетипами, — сказал он, опустил печенье в чай и быстро съел, пока мокрая часть не свалилась в кружку. Ты не понимала, как можно это есть и пить.

— Но до нее добрались они, Харроу. Я знаю это, но не понимаю, как они вообще оказались в одном помещении. КЭ ненавидят некромантов и некромантию, это их фундаментальный прин-

цип. А уж Цитера… она должна была быть их главным страхом. Ликтор. Моя рука.

Ты обнаружила, что, если отхлебнуть чаю и подержать его во рту, он остынет, а холодный он чуть лучше на вкус. К сожалению, пока ты исследовала эту возможность, император Девяти домов откинулся на спинку кресла, вытер рот ладонью, серьезно посмотрел на тебя и спросил:

— Харроу, сколько у тебя родных? Насколько мне известно, твои родители умерли.

Ты поспешно проглотила чай. Откуда он это узнал? Узнал тайну, которую ты ценой самой себя пыталась скрыть от других Домов и даже от собственного Дома. Ты не знала. Ты посмотрела в его доброе открытое лицо и сказала с освежающей откровенностью, неизбежной в разговоре с богом.

— После смерти родителей я осталась одна. Я единственный ребенок. До моего рождения у матери было несколько выкидышей, я не знаю сколько.

— Как ты родилась? — Он не отводил от тебя взгляда.

— Я не понимаю. — Ты все прекрасно поняла.

— Харрохак, — сказал он. — Ты ликтор. Ты создаешь слишком много света или слишком много

тьмы, чтобы я мог посмотреть на тебя и увидеть все в подробностях. Но все же кое-что я могу предположить: ты оставалась в сознании во время первого путешествия по Реке, и ты творила там некромантию. Поверь мне, я видел только одного человека, который был способен на некромантию в свой первый раз. И имей в виду, что она была взрослой некроманткой, которая основала Шестой дом. Ты достигла невероятно многого. Я могу понять твою личность и твою историю, и я понимаю, как природный талант мог стать… тобой. Но это не совпадает с тем, что я вижу, когда вижу тебя ясно. Откуда ты взялась?

Ты поставила чашку на стол, отложила нетронутое печенье и сказала, как будто это признание вырвали пытками:

— Мои родители отравили газом сорок четыре младенца, восемьдесят одного ребенка постарше и шестьдесят пять подростков. И использовали этот взрыв танергии, чтобы зачать меня. Мама использовала возникшую силу, чтобы изменить свою яйцеклетку на хромосомном уровне, чтобы взрыв танергии не повредил эмбриону. Поэтому я стала некроманткой.

Император девяти воскрешений очень долго смотрел на тебя, а потом очень тихо выматерился.

Тебе показалось, что ты все поняла, но он сказал:

— Все было… совсем по-другому, пока мы не открыли научные принципы.

— Я уверена, что они не опирались на предварительные исследования. Они все это придумали сами.

— Я не совсем об этом, — немного испуганно отозвался бог, — но сконцентрировать такое количество танергии с такой точностью… это как использовать ядерный взрыв, чтобы запитать швейную машинку. Яйцеклетка должна была быть уничтожена на субатомном уровне. Ты понимаешь, что они сделали?

— И очень хорошо. Они все мне объяснили, когда я была ребенком. Я могу изобразить теорему и все расчеты, если ты дашь мне листок.

— Нет, я не о механике процесса. Концептуально — понимаешь? В сущности, твои родители совершили нечто, очень похожее на воскрешение. Они сделали почти невозможное. Я знаю, потому что делал то же самое, и знаю, какую цену пришлось за это заплатить. Талергическая модификация эмбриона уже достаточно сложна, но сделать то же самое с танергией…

Ты жалобно пожала плечами:

— Мои родители не знали магии плоти. Зато

они были величайшими некромантами в истории Девятого дома.

— Несомненно, — согласился император. — Но, Харрохак, даже если тебя создали два гения, ты и сама остаешься невероятной. Уникальной теоремой. Чудом природы.

Ты посмотрела на него и сказала:

— Я только что призналась, что я — результат учиненного моими родителями геноцида.

Император поставил на стол кружку, прикончил печенье и сделал то ужасное, что иногда себе позволял: протянул руку и коротко, несмело коснулся твоего плеча, очень быстро и легко, как будто пытался обжечь тебя. Твоя мать водила твоими руками над раздутыми трупами. Твой отец придерживал за уголки огромные гримуары, и его рукав задевал пальцы тебя шестилетней, когда он учил тебя переворачивать их страницы. Оба они вручили тебе грубую веревку из чем-то покрытого волокна. Ты помнила давление их ладоней, ты помнила их попытки нежности. Когда император касался тебя, твое тело откликалось, невольно вспоминая все редкие и жуткие прикосновения матери и отца.

— Я стану пастырем двум сотням твоих мертвецов, — сказал бог. — Я возьму на себя бремя и

стану его оплакивать и лелеять способами, которые тебе пока недоступны. И я вспомню твоих родителей, которые совершили богопротивное деяние над моим народом и над своим. Я буду помнить это, пока вселенная не сожмется и не сотрет то, что они сделали, и не уничтожит это несмываемое пятно. Я признаю перед тобой и вечностью, что я, император Девяти домов и Первый владыка мертвых, принимаю их грех на себя. Это мое преступление, Харрохак. И я клянусь исправить его.

Жаркая красная волна зародилась над воротником экзоскелета, поднялась к горлу, залила лицо под краской. Ты чувствовала, что горишь, как печка.

— Господи, не надо…

— Учитель.

— Учитель, сжалься надо мной. Не говори никому!

Детская мольба. Никому не говори. И это она говорит богу! На мгновение он изменился. Он разозлился, и ты поняла, что это из-за твоей невероятной глупости, безответственности твоих слов. Чудовищные, нечеловеческие глаза прищурились, губы сжались и стали твердыми, как камни планетоида, который ты недавно уни-

чтожила. На мгновение ты поняла, насколько он древен, ощутила, какое расстояние разделяет вас, и это было невозможно вынести. Ты была жалким насекомым, оказавшимся перед лесным пожаром. Одинокой клеткой, противостоящей сердцу.

— Харрохак, никто не имеет права этого знать! — резко сказал он. — Никто не смеет тебя винить. Никто не может судить. То, что случилось, уже случилось, и прошлого не вернуть. Они не поймут, и они не должны понимать. Я запрещаю тебе жить в страхе. Никто не узнает.

Ночью, лежа в постели, ты не плакала. Ты очень устала и просто не сумела заплакать. Бог вел себя даже осторожнее и заботливее, чем раньше, а он всегда был осторожен и заботлив. Иногда ты ловила его взгляд — он будто пытался разглядеть что-то в твоем лице, но это не имело отношения к поступку твоих родителей. Ты клялась себе, что расскажешь ему о Гробнице, ты обнаружила, что готова к этому. Ты никому еще не рассказывала о Гробнице, но ему бы рассказала — рассказала, если бы он спросил. Нет, это уловка. Ты расскажешь ему все сама и с радостью примешь любое наказание, которое он сочтет нужным.

Прежде чем уйти — чай уже остыл, так что пить

его больше не пришлось, — ты спросила:

— А как расшифровывается КЭ?

— Кровь Эдема, — медленно ответил он.

— Кто такой Эдем?

— Они бросили его умирать, — устало сказал бог. — Во сколько раз острей зубов змеиных, etc etera… Харроу, если ты запоминаешь хоть что-то из моих слов, запомни следующее: если ты повернешься к чему-то спиной, то потеряешь право действовать так, как будто это по-прежнему тебе принадлежит.

На тот момент это показалось тебе идеально логичным.

15

Еще одним утешением стала Тело. Она держалась рядом в последующие месяцы, она ходила за тобой в старых, заляпанных кровью сияющих одеждах Первого дома, и ты дергалась, когда ее видела. Но ты каждый раз успокаивалась, когда она шла по твоим стерильным пустым комнатам или опускалась на колени перед мумифицированным собранием мертвецов где-нибудь в коридоре или апсиде Митреума. Величайшим ее даром стали сны: ложась спать полностью одетой, ты видела Тело во сне с поразительной, неестественной регулярностью. Честно говоря, ты не видела во сне ничего другого.

Во сне ты возвращалась в свою старую кровать в святилище Дрербура — детскую кровать, которая стала тебе немного коротка. Ты молилась у ее изножья, и жуткие пратетушки больше не подгоняли тебя. Вместо них напротив тебя стояла Тело, аккуратно сложив руки на древней шали, которую твоя мать всегда клала на постель. Электрический свет подчеркивал рельефные мышцы ее предплечий и мозоли на мертвых ладонях. Глаза у нее были закрыты, мокрые, замерзшие

ресницы почти касались щек, побелевших от времени.

— Я боюсь, — говорила ты.

Она отвечала тихо, и от звуков ее голоса тебя словно било электричеством и каждый волосок вставал дыбом.

— Чего, Харрохак?

— Сегодня я боюсь умереть.

— Это всего лишь страх неудачи, — как-то сказала она. — Ты не боишься смерти. Ты умеешь терпеть боль. Ты боишься, что сам факт твоей жизни навесил на тебя огромный долг, который твоя смерть не уплатит. Ты считаешь смерть ошибкой.

Ты горько ответила:

— А что же это?

Мертвое тело Запертой гробницы, смерть императора, дева с мечом и цепями, девочка, застывшая во льду, женщина холодной скалы, существо за камнем, который нельзя было откатить, — она ответила смущенно… раньше ты не слышала от нее такого тона.

— Я не знаю. Я умерла один раз… нет, два, — больше она ничего не сказала.

В другой раз ты сказала:

— Я боюсь себя. Боюсь сойти с ума.

Или:

— Я все еще боюсь Цитеры из Первого дома.

И:

— Я боюсь бога.

И еще:

— У меня глаза Ортуса? Или мои собственные? Я никогда на них толком не смотрела. Возлюбленная, как выглядят мои глаза?

К сожалению, в тот раз она ответила. Иногда она не отвечала. Иногда она говорила с тобой то об одном, то о другом, иногда не отвечала ни слова. Но на этот раз та, что была жестоко погребена, сказала совершенно спокойно:

— Она просила не говорить тебе.

Ты проснулась, лежа на полу перед раковиной, и кричала, пока не сорвала себе горло. Потом посмотрела на свои налитые кровью глаза в зеркало и попыталась вспомнить глаза Ортуса Нигенада — и не заметила никакой разницы, потому что у вас обоих глаза были беспросветно черными, того цвета, который Ианта называла цветом черной розы, потому что Ианта была ужасно фамильярна, во-первых, и оказалась ужасной извращенкой, во-вторых. Ты попыталась представить грустный, усталый взгляд Ортуса в зеркале. Не вышло. Тебе стало легче — и одновременно

еще страшнее.

16

За первые несколько недель ты придумала новый шифр на основе предыдущего, но с несколькими математическими изменениями — просто на случай, если Ианта получила слишком много данных, посмотрев на конверты. Ты начала записывать свои мысли и наблюдения о ликторах: довольно жалкий компендиум мнений и фактов, в основном бесполезных, но дарующих надежду на то, что ты сможешь когда-нибудь изучить их и обрести мудрость. Ты всегда любила делать заметки. Тебя печалила потеря дневника из дома Ханаанского, но твои вещи прошли контроль Ианты, так что обратно ты получила только немного ритуальной краски и старую одежду. Спросив о дневнике, ты услышала довольно туманный ответ: якобы он был сожжен по твоему собственному распоряжению.

Раздел об Ианте был очень коротким:

ИАНТА (НЕКОГДА ТРИДЕНТАРИУС) ИЗ ПЕРВОГО ДОМА

Доверия не заслуживает. Считает меня безумной.

Первое следовало понять раньше, а второе было полностью твоей виной. Началось все с гробницы Цитеры.

Император уложил тело Цитеры из Первого дома в маленький склеп у центрального жилого атриума. Близковато. Атриум представлял собой шахту, из которой расходились коридоры, ведущие в остальные кольца станции. Пол его покрывала изысканная мозаика из костей рук, прикрытых стеклом, и все они были раскрашены в цвета Домов. Больше всего было красно-белых переходов Второго дома и бело-синих — Четвертого. Вокруг мозаики лежала коричневая каменная плитка, шаги на которой стучали особенно громко. Заслуживающих внимания окон тут не было, сильный электрический свет лился из круглых отверстий в потолке, а в центре висела изящная люстра из белых кристаллов. Потолок поддерживали массивные, окованные сталью колонны — по три с каждой стороны. Под дымчатым стеклом колонн виднелось безумное сплетение проводов. Провода переплетались с костями, некоторые медные жилки были изолированы блестящим скользким жиром вместо плекса, они воняли сырой талергией, и ты никак не могла понять, зачем они нужны. Довольно

часто из мягкого желтого жира торчали целые кости. Ты предположила, что это не памятник.

В восточной стене комнаты были устроены девять декоративных арок. Ты успела тщательно изучить каждую из них. Стены арок до середины покрывали те же коричневые плитки, что лежали на полу, а потом начиналось стекло совершенно другого цвета. В центре каждого двухцветного углубления висело крепление для меча. Некоторые из креплений были пусты, в других лежали рапиры. Одну из них ты рассматривала особенно часто: черную рапиру с гардой, плетенной из черной проволоки. На конце каждой проволочки красовался собачий зуб, а конец — яблоко! — был сделан из мягкой, потертой черной кости.

Боковая комната, куда положили Цитеру, была отделана не так красиво. Дверь никогда не закрывали, и можно было увидеть тело на носилках. Вокруг горели свечи, которые не гасли и не таяли, и лежали толстенькие розовые бутончики, которые не распускались и не гнили. В этих двух чудесах прослеживалась рука божественного императора. Ты довольно часто видела его там, он вел с телом тихие разговоры, какие обычно ведут со спящими детьми. Иногда туда заходил Августин, а один раз зашла Мерси. Другого ты никогда

не видела. Ты и сама часто заходила туда, хотя это было глупо, и ты уже натворила достаточно глупостей. Что-то тебя тревожило. Ты думала, что это безумие и паранойя, но вдруг все-таки нет. Твой мозг утверждал, что руки, скрещенные над пробитой грудью, сдвинулись с места. Твой мозг утверждал, что губы приоткрылись. Когда ты поделилась с учителем своими тревогами — маленькая идиотка, — он скривился и потер лоб ладонью.

— Никто ее не трогает, Харроу. И я не трогаю.

— Я знаю, просто…

— Августин не станет этого делать — из-за любви. Мерси тоже не станет, из-за суеверия. А Ортус… — Он осторожно посмотрел на тебя, как делал всегда, когда упоминал другого. Ему было неловко произносить это имя. — Ортус не станет этого делать из уважения, поверь мне. Он даже подумать о таком не может. И это совершенно не в стиле Ианты.

— Но я думала…

— Я думаю, что тебе, наверное, не стоит туда заходить, — предложил он сочувственно.

Ты горела, ты плавилась от стыда и негодования, тебя полностью охватило это пламя. Теперь ты решительно проходила мимо двери, за кото-

рой покоилось тело Цитеры из Первого дома, но зато входила в нее в своих кошмарах. Смотрела, не понимая, галлюцинация ли это, как ледяные пальцы складывались в заклинательские жесты, как голые ступни дергались, будто труп ударили током.

Твоя ошибка заключалась в том, что в тот раз ты остановилась у этой двери, привлеченная приглушенными криками на пределе слышимости. Ты измучилась так, что забыла всякий стыд, поэтому ты повернулась к Ианте и спросила:

— Ты слышишь какие-то звуки в погребальной часовне?

— Ты специально говоришь таким зловещим тоном или оно само выходит?

— Отвечай на вопрос, Тридентариус!

Ты не называла ее по фамилии за пределами запертой комнаты, поэтому она странно посмотрела на тебя и сказала:

— Нет, — а потом, будто вдохновившись выражением твоего лица, добавила тихо: — Нет, безумица моя.

И ты не стала спрашивать снова.

Ты еще многое могла бы написать: ее глаза не становились сиреневыми после погружения в Реку. Рука — все еще ее слабое место. Она плачет

по ночам. Анемии у нее быть не может, потому что она питается в основном красным мясом и яблоками. Регулярно недосыпает. Завидует моим отношениям с учителем. Слишком много знает.

Посвященные другим разделы были несколько подробнее:

АВГУСТИН (НЕКОГДА КВИНК) ИЗ ПЕРВОГО ДОМА

СВЯТОЙ ТЕРПЕНИЯ (ПОЧЕМУ?)

Узнать имя оказалось нетрудно. Ты просто застигла его за вечерней чашкой чая с сигаретой — святой терпения был однообразен в своих привычках, как дождевой червяк, совершенно не боялся огня или необходимости заново отращивать вкусовые сосочки — и спросила прямо.

— О, наконец-то у меня завелся биограф, — сказал он, с удовольствием потирая руки. — Я давно этого ждал, Харрохак. А-В-Г-У-С-Т-И-Н, Августин, рост — шесть футов, внешность можно описать как привлекательную, но мрачную, глаза очень противные, а если ты следуешь традиции бедной малышки Цит…

Она всегда была для него «бедной малышкой Цит». Он улыбался и смотрел прямо на тебя:

— Тогда — Августин Альфред. Альфред был

ростом пять футов десять дюймов, запиши для потомства. Он был моей второй половиной. И это тоже запиши, людям такое нравится.

Ты с отвращением вздрогнула от этой верности традициям Пятого дома.

— Ты и твой рыцарь были… женаты?

Он и глазом не моргнул при слове «женаты». И не передразнил тебя писклявым голосом, как сделала бы Ианта — кстати, ты планировала за это в один прекрасный день вырвать ее белесое сердце из бесцветной грудной клетки и сожрать, капая кровью, у нее на глазах. Правда, идею «сожрать, капая кровью», ты не продумала, хотя должна была. А он просто рассмеялся, захлебываясь и шлепая себя по бедрам, как всегда смеялся святой терпения. Так никогда не смеются, когда происходит что-нибудь по-настоящему смешное. Когда взрыв демонстративного хохота угас, Августин сказал:

— Господи, сестренка! Он был моим братом!

Убил собственного брата.

Августин из Первого дома казался немного пластиковым — сильнее всех, кого ты встречала в жизни. Снаружи он был идеально раскрашен, в старинном стиле Пятого дома. Хорошие манеры,

политес и показная небрежность. Внутри же не было ничего, кроме холодного презрения. Как будто десять тысяч лет окружили его плотным панцирем, а внутри оставили пустое место. Ничто не трогало Августина. Он был искрометен и очарователен, но ты считала его скучным и развязным, особенно в те омерзительные моменты, когда бог приглашал вас поесть всех вместе. Но он, казалось, не имел настоящих эмоций, реакций, мнений. Его губы произносили что-то, лицо принимало одно из множества глупых выражений, а в глазах стояла пустота. Пепельный, вот хорошее слово. Зола при первом взгляде тоже кажется твердой, а по факту оказывается противной грязью.

В плохих отношениях с Мерсиморн.

Ты записала эту преуменьшенную в сотни раз оценку в первые пару недель, когда тебе показалось, что нервная Мерси легко теряет терпение при виде глуповатого и веселого Августина. Если Мерсиморн говорила, он обязательно корчил специальную гримасу, которая как будто говорила всем присутствующим: «По крайней мере, мы страдаем все вместе». Ианта постоянно смеялась над этой гримасой, потому что он очень

смешно кривил рот. Но и это было ненастоящим, нарисованным. Пластик просто принимал другую форму. Ты неоднократно замечала, как они проходят друг мимо друга в коридорах, как будто ничего не замечая. Но потом ты подсмотрела совсем другую встречу, спрятавшись в нише. Они остановились. Когда Мерси попыталась пройти слева, Августин немедленно подался влево, мешая ей. Мерси шагнула вправо — Августин передвинулся направо. Мерси напряженно сказала:

— Пусти, говнюк.

Августин ответил что-то, чего ты не расслышала, но потом произнес:

— …Старые хреновые трюки былых времен.

— Не сторож ты мне, болтливый идиот!

— А Джон в курсе, дитя мое? — улыбнулся святой терпения.

Мерси ощетинилась, радужные складки ее плаща заметно задрожали.

— Что за гнусные намеки?

— Я ни на что не намекаю. Джон зна…

— Как ты смеешь звать его так, когда…

— Мерсиморн! — весело сказал Августин. — Девочка моя, я не поддамся на твои устаревшие фокусы. Смотри: мне тебя убить, пока ты не на-

влекла на нас беду, или не надо?

Со своего наблюдательного пункта ты видела, что лицо святой радости стало пустым белым овалом. Ураганные глаза будто кипели, а губы дрожали. Лицо Августина ты не видела.

— Не смей мне угрожать.

— А то что? Пожалуешься папочке? — Его голос не изменился. — Боже, Мерсиморн, ты ко мне даже подойти не сможешь. Нет, я тебя не боюсь. Ты не очень красивая и к тому же еще не очень умная, когда до этого доходит. Я дам тебе три рекомендации. Во-первых, меньше приближайся ко мне. Во-вторых, прекрати бродить вокруг тела Цит. В-третьих, хватит играть в свою довольно опасную игру. Ты уже обещала это сделать.

— Я не собираюсь тебя слушаться! — Голос звучал так, как будто она сейчас расплачется.

— Не делай такое лицо. Я знаю тебя, как знаю собственную душу. Ты думаешь: «Если я сейчас брошусь, сумею ли я дотянуться до его шеи»? Хейхо, а вот и моя трахея! Ничего бы не изменилось, даже если бы тебе хватило скорости.

— Как будто ты можешь…

— Если ты меня убьешь, он тебя скорее всего не простит, — сказал Августин.

Легкий доверительный тон куда-то делся. Те-

перь он говорил скучно и невыразительно.

— А вот если я убью тебя… растопчу, хотя ты этого и не заслуживаешь, то лет буквально через сто Джон уже скажет: «Я понимаю, старик, почему ты это сделал, прости» — и все будет нормально. Ты использовала свой шанс слишком много раз.

— Да как ты…

— Тебя никто не любит, Мерси, — сказал Августин. — Ты — вторая святая. Он испытывает к тебе сентиментальные чувства. Но не забывай, пожалуйста, что он потратил последние десять тысяч лет на поиск и уничтожение неких существ из соображений чисто символического возмездия, насколько я могу судить. Джон не настолько сентиментален, как ты думаешь. Записать это тебе, чтобы ты перечитывала по вечерам? Ты. Ему. Не. Нужна. Хуже того, ты стала помехой. Я не стал бы предлагать себя как замену А. Л. Ему больше не нужен страх, а ведь даже она была рассудительнее тебя.

Ты ожидала ответа, но его не последовало. Ты посмотрела на святую радости — и вжалась в свою нишу, чтобы не стать жертвой ее раздражения. В коридоре было тихо. Потом Августин заговорил:

— Держись от меня подальше, радость. Я страш-

но устал смотреть на твою рожу.

И его каблуки зацокали по коридору. Мерсиморн сдавленно крикнула вслед:

— Но я даже не трогала Цитеру!

Потом ты больше не видела их рядом, исключая ужины вместе с Первым владыкой мертвых. Тогда они садились как можно дальше друг от друга.

Благоволит Ианте.

Это тебя страшно раздражало. Ты никогда не была ничьей любимицей и не планировала начинать. Но сама мысль о том, что принцесса Иды сумела кому-то понравиться, была отвратительна. Однако с самого начала Августин тянулся к ней, и она пользовалась всем арсеналом своих кокетливых ужимок и улыбочек — выглядели они так, будто она месяц скиталась по пустыне, а потом выбралась прямиком на арену цирка.

Она часто торчала рядом с ним, полностью поглощенная теми перлами мудрости, что ронял со своих губ святой терпения, пила горячий чай в нечеловеческих количествах, делала все то же выражение лица, которое совершенно не подходило к ее запавшим глазам и белым губам, и, хотя и не так спокойно, выслушивала его поучения в

длинном тренировочном зале с полированным деревянным полом. Дерево было такое новое, что ты стеснялась по нему ходить. Только в эти моменты они и пререкались, поскольку так называемый святой терпения лишался его, как только Ианта бралась за рапиру.

Он курил свои гадкие сигареты и следил, как она движется. Она немедленно начинала скучать и лениться.

— Мне казалось, что идея в том, чтобы предоставить это другим, старший брат, — не раз говорила она.

Он немедленно выходил из себя. На твой неискушенный взгляд, она была в идеальной форме. Ее движения были изящны. Она никогда не роняла клинок и не возилась с ним подолгу, хотя это могло служить разве что подтверждением слабости твоих стандартов. Но что-то в том жесте, каким она клала правую руку на рукоять, ему не нравилось.

— Отпусти, — однажды сказал он.

— Метафорически, конечно.

— Младшая сестренка, — сердечно сказал он, — какой-то милый мальчик потратил свою жизнь, учась обращаться с этим мечом для тебя. А теперь ты пытаешься ему помешать, а твои умения в

этой жаркой и жуткой вселенной ни хрена не стоят. Не держи рапиру, будто она воняет. Или как будто она банан, который ты пытаешься раздавить. Император всемогущий, Ианта! Я же видел, что ты умеешь это делать, зачем ты стараешься делать плохо?

На это она ответила грубостью, отшвырнула рапиру и убежала. Августин задумчиво прикончил сигарету, а ты посмотрела на рапиру, которую тебе вручили. Император просил тебя научиться с нею обращаться, так что ты выделила на это какое-то время, хотя получалась, разумеется, полная хрень.

— Она все может, понимаешь ли, — сказал он в воздух, — просто ей надо прекратить себя жалеть.

— Наверное, унижать ее — не лучшее средство, — предположила ты.

— Харрохак. — Он улыбнулся и стряхнул пепел в череп давно мертвого героя Когорты. — Если мнение Ианты для меня значит примерно столько же, сколько пердеж по сравнению с ураганом, сообразишь, насколько я ценю твое?

Так далеко от Дрербура, от своей общины, от стариков и мирян, вспыхивавших, когда им дозволялось поцеловать твои четки. Ты чувствовала,

что у тебя есть важная информация, но не собиралась так бездумно раскрывать секреты Ианты.

— Это твоя беда, — сказала ты.

— Ты как Анастасия.

В лучшем мире нелюбовь Августина заставила бы Мерсиморн лучше к тебе относиться. Она испытывала настоящее отвращение к Ианте, но вовсе не становилась менее едкой, резкой и презрительной по отношению к тебе. Разумеется, большая часть твоего обучения пала на ее плечи: Августин был занят, и больше никого не оставалось. Она неоднократно высказывалась в том смысле, что Августин нарочно заграбастал «не безрукого младенца» и оставил ей что похуже.

Однажды, устав, ты спросила у Ианты:

— Тебе не противно вот так за ним таскаться? Носить его вещи? Улыбаться, скаля зубы?

— У меня идеально белые зубы, и я стараюсь их чистить, так что не вижу никакой проблемы.

— Ты прикуриваешь его сигареты и воркуешь: «Ах, как здорово, старший братик»!

— Мне хочется тоже обзавестись этой привычкой. Сигареты! На космической станции! Это настоящая власть!

— Ты когда-нибудь думаешь с утра что-то вроде «и как принцесса Иды стала пресмыкающимся

слизняком?»?

Она улыбнулась тебе, продемонстрировав белые, тщательно вычищенные зубы. Глаза, которые когда-то были спокойными и лавандовыми, теперь стали синими с бурыми пятнами и насмешливыми.

— Почти каждый день, — ответила она. — Ради бога, Харрохак, улыбаться и выслушивать его истории о последних десяти тысячах лет несложно. Особенно сейчас, когда это может помешать ему бросить меня на съедение Зверю Воскрешения. Я двадцать лет разгребала аферы Короны и привыкла, что стыд — это привилегия. Мы с тобой просто щенки. У меня сломана лапа, а у тебя вообще нет трех лап, но ты настаиваешь, что все сделаешь сама. Да поможет нам бог, потому что мы окружены волками.

Ианта закончила эту поразительную речь и почесала тебя под подбородком. Ты была так возмущена и сбита с толку, что даже не увернулась.

— Покажи свою лучшую сторону, Харри. Это может спасти тебе жизнь.

Маг духа.

И еще одно преуменьшение. Назвать Августина магом духа было все равно что сказать, что в

Митреуме есть парочка костей. Ты не завидовала его умению. Магия духа никогда не была твоей сильной стороной. Он обладал способностями ликтора и тысячелетним опытом, для него рутиной было то, о существовании чего ты еле догадывалась. Мертвая Харрохак из твоих писем велела тебе учиться, то же велел и бог, который наставлял вас с Иантой, чтобы вы брали уроки у эксперта Митреума по Зверям Воскрешения.

— Это не моя основная специализация, — объяснил Августин. — Но поскольку наш последний эксперт исчез в кишках, преследуемый отрядом привидений, я остался единственным выжившим адептом магии духа.

— Он скромничает, — сказал бог. — Барьеры между нами и Рекой создал Августин. Если бы он захотел, он бы погрузил в Реку полгорода.

— Какая до великолепия бесполезная идея, — радостно сказал Августин. — Надо туда почаще бросать все и всех, чтобы ни у кого не было шанса вернуться за мной. Нет, господи, я не Кассиопея, я маг духа общей направленности, и я доволен своим уделом.

— Выходит, мы говорим о привидениях, пограничных пространствах и аде, — сказала Ианта. Ианте все хотелось свести к пограничным про-

странствам и аду, как будто ее покоев было недостаточно. Но ты не могла отрицать, что тебя это все тоже интересует.

Святой терпения наживку не заглотил.

— Господи, просто так в ад я не полезу. Но призраки и духи — тоже хорошая тема для начала. Можно сказать, что я люблю отслеживать следы энергии в поисках источника. Призраки в этом смысле очень забавны. Звери Воскрешения питаются как призраки: они находят талергические планеты и жрут их целиком. Вскрывают, как моллюсков, и выпивают душу. Потом они обращают всю остаточную талергию в то, что мы зовем корпусом или ульем, а танергию — мертвого моллюска — в броню. О передаче танергии лучше спросить святого долга. — Тебе это реальным не казалось. — Если посмотреть на призрака с этой точки зрения, вы увидите массу танергии, которую он собрал. Обычно призраки обитают в местах, связанных с ними при жизни. Лучше всего в собственном трупе или скелете, ну или на планете, если мы говорим о Звере Воскрешения. Генетика и привычка формируют крепкую связь, и получается лучшее вместилище для души. К сожалению, апопневматический шок заставляет большинство из нас слепо рваться прочь от места

смерти. И Зверей Воскрешения тоже. В рукаве и призраков, и Зверей есть козырь — они способны жить в любом месте, с которым у них есть связь. В любом, которое танергетически родственно их смерти.

Ианта предположила — ну что за дешевая тупая показуха!

— Похоронный инвентарь. Вещи из гробниц. Любые предметы, которые долго принадлежали им при жизни и контактировали с талергией и танергией. В случае убийства — его орудие.

— Бери выше, — сказал Августин. — Даже то, что касалось орудия убийства, хотя в этом случае связь будет очень слабой, пригодной только для очень кровожадного призрака.

— А могут ли они использовать танергию, которую сгенерировали после смерти? Танергию, непосредственно связанную с ним? В смысле то, что они убивают.

— Ты абсолютно права, — согласился святой терпения, и тебя не взбесило то, что она заслужила одобрение. Дело не в том, что ты не сумела прийти к тому же выводу. Просто ты почему-то ничего не сказала.

— Именно так и действуют Звери Воскрешения, удаляясь от системы Доминика. Они добавляют к

своему корпусу все, что успели убить. Они поедают планеты, всасывают танергию и встраивают в себя кусочки планет, становясь все больше и омерзительнее. Обычный призрак не убивает людей и не приклеивает их к себе, чему лично я очень рад. В последний раз, когда мы видели Седьмой номер, он превышал в диаметре пятьдесят тысяч километров.

— Именно поэтому вас отправили укреплять периметр, — заметил бог, когда Августин задумался о пятидесяти тысячах километров. — Мы можем замедлить Седьмой номер, если лишим его еды. Если мы уничтожим планету разом, устроив талергическую смерть, Зверь Воскрешения ее проигнорирует.

(«Именно поэтому мы готовили талергические планеты для некромантии, — объяснил тебе бог гораздо позже, уже после того, как Мерси начала учить тебя уничтожать планетоиды. — Ни один адепт не способен на серьезную работу, если он вынужден пользоваться остаточной энергией. Даже мастер Девятого дома мало что сделает с парой обломков кости.

Так что в самом начале мы поручали одному ликтору незаметно начать танергетическую реакцию. Не убить целую планету, понимаешь

ли, а просто пустить кровь. — Он сделал жест, очевидно означающий «пустить кровь», и у тебя немедленно заболела голова.

— Потом через час или два мы отправляли вниз целую команду адептов и знали, что у них будет необходимая энергия. Теперь мы не можем себе позволить использовать ликторов, так что первый удар выпадает на долю солдат Когорты, и они отлично справляются со своей работой. Но старый способ был аккуратнее и добрее.)

— Если Зверь Воскрешения настолько велик, — сказала Ианта. — Очевидно, главная проблема в том, что нас затянет в гравитационный колодец.

— Да, но он почти никогда не перемещается в физическом обличье. Именно поэтому так сложно отслеживать Зверей. Сразу после выхода из разрушенной галактики становится проще. Обычно они путешествуют по Реке в виде проекций. Кас называла это «перископной разведкой». А если уж они обретают тело, то стараются не подходить слишком близко. Тут-то появляются Вестники. В отличие от обычных призраков, Звери Воскрешения научились создавать внешние органы. И именно они атакуют Митреум. Мы прозвали их ульем, а внутри улья находятся Вестники. Они выглядят как отдельные твари, но на

самом деле это часть Зверя, как паутина — часть паука или палец — часть руки.

Урок происходил за обеденным столом, где сидели ты, бог и Ианта. Все еще пахло завтраком, и такое отсутствие церемоний тебя не радовало. Августин склонился над столом и карандашом, позаимствованным у бога, тщательно рисовал на листке схему. В схеме ты ничего не понимала.

— Ты называешь их тварями, — сказала ты, — это как-то…

— Неопределенно? А я не могу их описать, сестренка. Когда мы первый раз наткнулись на орудия Зверя Воскрешения — и мы на них просто смотрели, они даже не приблизились к нам… Тогда я увидел, как ликтор, который до того никогда даже не вскрикивал, вопит, как ребенок с коликами. А еще двое, мир их праху, просто заблевали там все.

— Вестники и корпус у разных Зверей разные, — добавил бог. — Это куски трупов, которые центр перемолол вместе. Некоторые ликторы видят инсектоидов. Они чудовищны и смертоносны, и их часто бывают сотни или даже тысячи.

Когда-то давно ты начала бы задавать вопросы. Добротные, интересные, злые вопросы, сложные, которые продемонстрировали бы, что ты тоже

кое-что знаешь и что на тебя можно положиться — ты отправишься туда, куда тебя направили вслепую. На этот раз ты предпочла хранить благословенное молчание.

— И это только половина проблемы, — сказал император, подтверждая твои опасения. — Они опасны, конечно. Если тебя сожрут Вестники, я не смогу тебя вернуть. Но с ними даже ты легко справишься, если у тебя будет клинок и возможность им воспользоваться… или некромантия. Но раз ты ликтор, твоя некромантия, разумеется, нужна в других местах.

— Джон, ты хочешь сам провести этот урок? — терпеливо спросил Августин.

— Нет, прости. Продолжай.

— Я хотел сказать, что мне нравится твой подвох. Я что-то не подумал напугать их до смерти. Они будут жрать вас живьем, начиная с ног.

— Извини! Продолжай!

Коротко улыбнувшись богу, Августин указал на схему.

— Та часть Зверя Воскрешения, которую мы можем уничтожить, находится в Реке, дамы. Самая важная часть призрака — там, где находится его душа, а самая важная часть Зверя — вот здесь. Вы покинете свои тела, которые равно будут вас

защищать, потому что ваши старые добрые рыцари засели в ваших нейронах и миндалевидном теле как раз на такой случай, и они будут сражаться гораздо лучше вас, потому что не боятся Вестников. Я прожил на этом свете очень долго, но при виде Вестника с ума схожу от страха. А моему рыцарю плевать. Став ликтором, я убрал ту его часть, которая испытывала эмоции. Это главное мое преимущество. Ваши тела не смогут и не станут использовать некромантию без вас. Сила не течет в обе стороны.

— Но если мы будем в Реке, то привидения… — начала Ианта.

— Вы — проекция. Они не могут причинить вам вред, — пояснил Царь Неумирающий. — И вообще вы их даже не заметите, ни одно привидение не приблизится к Зверю.

Он откинулся на спинку кресла. Бог держался спокойно и расслабленно, прямо, если не считать чуть сгорбленных плеч, он был живым и подвижным. Он всегда казался более живым, чем все вокруг него, и все же был далек от самого понятия жизни. Затмение в форме человека.

— И вот с этим мы сражаемся, — просто сказал он. — Примерно так же, как со всем остальным.

— Вы накладываете заклинания, — пояснил

Августин, — ломаете все, что может указать на вас. Иссушаете его ложную плоть. Как и мы, он имеет тело в Реке, и оно уязвимо так же, как мы. Нужно схватить его душу как следует и порвать эту хрень на кусочки. А потом, если удалось его вымотать, надо изгнать всю тварь целиком. Это просто призрак… призрак ада.

— Побежденного Зверя можно столкнуть в бездну, — сказал император. — В бездну, откуда он не сможет вернуться.

— Как мы надеемся, — подхватил Августин, — боже, на это — вся наша надежда.

17

Мерсиморн (ранее???) из Первого дома, святая радости (ирония?) Не откровенничает.

Когда ты прямо спросила Мерсиморн об имени ее дома, она уставилась на тебя с отвращением и удивлением, как на какашку, которая вдруг пустилась в пляс, и сказала:

— Вали.

К сожалению, Августин тоже не отличался особой откровенностью. Он не назвал имя Мерси, не вспомнил бы его, даже если бы мог, и вообще скорее всего немедленно забыл эту информацию ради чего-нибудь более важного — то есть буквально ради чего угодно.

В плохих отношениях с Августином.

— Может, у нее и вовсе нет имени, — сказал он, откладывая в сторону древнюю газету. — Не забывай, что наши святые воскрешения происходили не все сразу, и ушло несколько поколений, чтобы собрать нашу веселую компанию. Мы с Альфредом появились достаточно рано, чтобы застать двор Кониортоса в Пятом доме, но ликторы вроде Цит родились еще через много лет. И всю свою

жизнь она страдала из-за дурацких теорий Седьмого дома о ценности наследственного рака… Мерси старше всех, кроме меня, и она колотилась в Восьмой дом еще до того, как на Воскрешении краска высохла.

Задиристый рыцарь.

Когда ты спросила бога, почему она — святая радости, он просто ответил:

— На самом деле эти титулы описывают рыцаря, Харрохак, а вовсе не ликтора. Альфред был терпелив, Пирра — верна долгу, Кристабель всегда радовалась. Мерси первая скажет тебе, что Кристабель Окт была прекрасна. — Он подумал. — Пожалуй, не упоминай ее имя при Августине.

Мерси вовсе не собиралась говорить, что Кристабель Окт была прекрасна. Услышав имя своего рыцаря, она застыла, как будто ее ударили. Потом святая радости повернулась к тебе, задыхаясь от гнева, и прохрипела, кривя губы:

— Не смей называть меня этим именем, бесполезная девчонка! Дерзкий эмбрион!

Что ж, это само по себе заслуживало внимания.

А вот Августин сказал горячо:

— Она была великолепна. Искрометна. Обожала детей и животных. Прекрасно обращалась с клинком. Правда, интеллектом она уступала среднему бутерброду или апельсину и в придачу была жуткой сукой. В Восьмом доме никогда не было ничего подобного.

Анатом.

Как еще можно было назвать силу Мерси? Ты, как ликтор, могла читать танергетическую и талергическую карту человеческого тела, как книгу. Правда, книгу с картинками, с закладочками, раскрывающуюся на самых интересных местах. А вот глядя на Ианту, ты не видела ничего. При попытке всмотреться в это ничто глаза начинали гореть, а мозг трястись. Конечно, иммунитета к теоремам у нее не было, но без ликторского зрения использовать их становилось куда сложнее. Ты могла бы прижать руку к груди Ианты, если бы захотела — а ты, конечно, не хотела — и постепенно понять, что происходит под грудиной. Но это потребовало бы усилий, близкого контакта и необходимости знать, что такое грудина.

Мерсиморн из Первого дома это знала. Она знала, что такое перикардиальный жир, какие секреты скрывают мягкие ткани средостения,

какой формы вилочковая железа. Ты могла положить ладонь Ианте на грудь — могла-могла — и потратить несколько драгоценных секунд, чтобы найти кость и то, что скрывается за ней. Мерсиморн могла найти шишковидную железу, едва коснувшись черепа. И дело было не в особых ликторских силах, свойственных только ей, не в крутых некромантических теоремах. Бог объяснил, что за десять тысяч лет она просто механически выучила устройство тела. Она изучала мерки и их диапазон, а в тех редких случаях, когда ей нужно было уточнить, где что-то находится или как оно работает, ее предположения оказывались точными — благодаря десяти тысячам лет опыта. Император говорил, что если Мерси чего-то не знает о теле, то это знать не то что необязательно… если она чего-то не знает о теле, значит, этого просто не существует.

За ужином ты спросила у Августина, почему, если вопрос только в запоминании, он не сделал то же самое. Ианта закашлялась с полным ртом вареных кусочков теста в красном соусе.

— Господи, да я не помню, что ел на прошлой неделе! — ответил он. — И к тому же анатомия имеет слишком узкую область применения.

Мерсиморн открыла рот — ураган в глазах обе-

щал обрушиться на берег — и сказала:

— Область применения!

А Августин лениво продолжил:

— Это может понадобиться, только чтобы убить ликтора, Харрохак. А все остальные никогда не проявляли к этому интереса.

Это слегка испортило ужин.

* * *

О последнем ликторе из этого трио ты могла бы написать многое. Информации было в достатке, ты тщательно запомнила ее и повторяла про себя день за днем, полагая, что это может спасти тебе жизнь. В каком-то смысле со святым долга ты сблизилась сильнее, чем с Августином или Мерсиморн.

Дело в том, что жизнь в Митреуме оказалась очень комфортной. Ты ни в чем не нуждалась. Хватало еды, тепла, воды, и ты не могла этого не ценить, потому что выросла в Дрербуре и постоянно думала, хватит ли тебе еды, тепла и воды, чтобы сохранить все уменьшающееся население. Ты жила в прекрасном памятнике тем, кто отдал Девяти домам свою храбрость, свои способности и самую жизнь, лучшим из лучших, чьи заслуги ныне подтверждались тем, что кости покоились

в самом святом храме самой святой системы в самой святой части космоса. Доме бога. Храме Девяти воскрешений. У Первого владыки мертвых.

Объективно говоря, в твоей жизни было всего две проблемы. Во-первых, ты не была нормальным ликтором. Вторая проблема оказалась еще проще.

ОРТУС??? (В ПРОШЛОМ????) ИЗ ПЕРВОГО ДОМА, СВЯТОЙ РАДОСТИ

Хочет меня убить.

18

Телом занялся Ортус Нигенад. Вместе с Магнусом Куинном они обмыли его и уложили. Харрохак удивило, что Ортус это умеет — да еще и вызвался добровольно. В маленьком помещении у кухни, служившем одновременно моргом и кладовой, дыхание повисало в воздухе облачками. Она обнаружила, что с интересом смотрит на это все: как что-то закапывают в глаза, как подвязывают челюсть платком и завязывают его на темном затылке, как застегивают сияющие пуговицы уже не белого мундира Когорты. Харроу сомневалась в целесообразности происходящего, но Абигейл сказала, что раз пули достали из ран, надо, чтобы капитан Дейтерос выглядела достойно. В этом Харроу тоже сомневалась: тело было в очень плохом состоянии.

Пуль оказалось восемь. Харроу на листочке прикинула траектории и мощность выстрелов, которые так раздолбали осевой скелет. Леди Пент помогала. Густые темные волосы она забрала наверх и сдвинула на лоб очки, заменив их другой парой. Теперь она листала древнюю книгу с глянцевыми страницами, не забыв надеть перчатки,

чтобы защитить старую бумагу от пота. Харроу поклялась избегать Пент любой ценой, но труп сделал это невозможным.

— Первая пуля попала прямо в сердце, — сказала Харрохак, — скорее всего выстрел был смертельным. Вторая ударила в ключицу. Третья прошла сквозь желудок и застряла в позвоночнике, ну и так далее. Важнее всего первая. Она уничтожила оба предсердия.

— И зачем было продолжать стрелять? — спросила Абигейл, откровенно удивляясь, и перевернула страницу.

— Паника, — предположил ее муж, отходя от трупа. Ортус все еще стирал засохшую кровь с раны на виске, но все же добавил:

— Или гнев. Я часто слышал, что он не проходит даже после убийства.

— Ага, вот оно. Взгляни, Преподобная дочь.

Харроу встала и подошла к адептке Пятого дома. Перегнулась через плечо. Ей показывали изображение пули. Харроу взяла со стола наименее деформированную и поднесла ее к странице, чтобы сравнить. И тут увидела рисунок на соседней странице: длинный приклад, толстый ствол, нагромождение каких-то курков, механизмов и выступов, о которых она не имела ни малейше-

го понятия. «Карабин», — гласила подпись. На мгновение она пожалела Юдифь Дейтерос. Быть убитой из такой древней, вытащенной из могилы штуки! Как пасть от рук призрака. Посмотрев на чертеж, она сразу обнаружила проблему.

— Это оружие может выпустить всего шесть пуль, а потом его надо пополнять…

— Перезарядить, — подсказала Абигейл.

— …А тут стреляли восемь раз.

— И должны были понять, что у бедной Юдифи не было никаких шансов уже после первого попадания. Так что перезаряжать карабин было как минимум странно. Кто-нибудь вытянул из лейтенанта что-нибудь осмысленное?

— Она ждет снаружи, — грустно сказал Магнус. — Я предлагал побыть с ней, но она меня выгнала. Я не очень хорошо знаю Диас и не стал давить… неприятное дело.

Когда леди Пент отправилась на кухню, Харрохак пошла вместе с ней. Лейтенант Диас не сидела на стуле и даже не стояла, прислонившись к стене, как поступил любой человек, которому пришлось бы ждать целый час, пока они возились с телом. Она стояла навытяжку. Белый мундир казался еще белее и строже по сравнению с лохмотьями капитанского. Алый шейный

платок тоже выглядел еще более алым — к тому моменту, как они нашли Юдифь Дейтерос, ее кровь уже побурела и засохла. Ортус стер ее губкой и теперь пытался просушить губку на плите. При их приближении Диас встала еще прямее. Смотрела она на Харрохак, а не на Абигейл.

Она сказала с необычным для нее бешенством:

— Почему меня здесь держат?

— Просто ради ответов на пару вопросов, лейтенант Диас, — отозвалась Пент.

— Я хочу знать… хочу знать…

— Гораздо важнее то, что ты уже знаешь, — сказала Абигейл. — Пожалуйста, если получится, расскажи, что ты видела там, внизу.

Марта Диас уставилась на нее. На лице Марты не было горя, только огромный, непередаваемый ужас, странное предвкушение, оживлявшее заученную маску Когорты.

— Я была в камере, когда это случилось. Сражалась с конструктом. Камера отделена от соседней комнаты, где… осталась капитан. — Последовала короткая пауза (Харрохак подумала, была ли это пауза в память о Юдифи). — Выстрела я не слышала. Цель исчезла, камера открылась, когда я вышла, вторая дверь тоже открылась, и капитан была там. И никаких… признаков жизни.

— Сколько времени прошло от открытия камеры до того, как ты подошла к ней?

— От пяти до десяти секунд, — ответила лейтенант Диас. — Если подумать, дверь, наверное, открылась, когда она умерла.

— Ты слышала остальные выстрелы? — спросила Харрохак.

— Нет. Тестовая камера звукоизолирована, — механическим тоном продолжила Диас. — Я оставила капитана Дейтерос. Вышла в коридор. В самом конце я увидела Спящего.

— Опиши его, если можешь, — попросила Пент и добавила: — Не спеши. Я понимаю, что это тяжело.

— Я просто хочу узнать… — огрызнулась лейтенант.

— Я тебе все обязательно расскажу. Как выглядит Спящий?

— Вы все видели его сквозь стекло, — ответила Диас.

Это было не совсем правдой. Ортус отказался подойти к стеклянному саркофагу в центральном зале, к сонному телу внутри его и вообще дрожал от звуков собственного дыхания. Харрохак не побоялась рассмотреть смерть, которую обещал Учитель, смерть, заключенную в ледяном мут-

ном стекле. Она с удивлением обнаружила, что Спящий одет в аварийный костюм. То же теперь говорила и Диас:

— Дыхательная маска на лице, оранжевый защитный костюм, кислородный капюшон.

— Все это очень легко подделать, — сказала Харрохак. — Кто угодно мог одеться Спящим.

— У него было оружие, — возразила Диас. — Я такого раньше не видела, и в саркофаге тоже. Я крикнула, но он не остановился… Я пошла за ним в центральный атриум. Саркофаг Спящего был открыт и пуст. Существо залезло внутрь и закрыло за собой крышку.

— И ты убежала и подняла тревогу, — поторопила ее Абигейл, — так?

Лейтенант Второго дома посмотрела на Абигейл, как будто та спросила, не отошла ли она за мороженым.

— Я пошла в комнату смерти и взяла там кусок трубы, — спокойно сказала она. — Я била по саркофагу. Ударила несколько раз. С минуту била, наверное. На стекле видна кровь — это моя. Я била кулаками, ногами, рукоятью рапиры. Но это не стекло и не плекс.

— Ты могла нас всех убить, — сказала Харроу. Вкус лицемерия был знаком ей так давно, что она

его почти не почувствовала.

— Ради дыхания императора, Диас! — губы леди Пент побелели, но она была чуть более тактична. — Он же не… проснулся?

— Нет.

Харроу наконец заметила, что к ним подошел Ортус, который якобы принес залитый кровью шейный платок Юдифи Дейтерос. Он оторвался от своего торжественного занятия, чтобы послушать с тем отрешенным видом, с которым он всегда слушал чужие разговоры. Возможны были небольшие различия — в зависимости от говорящего. Например, Харроу он всегда слушал со счастливым видом человека, удалившегося в чертоги разума, если только она не говорила что-то, напрямую его касающееся. В этом случае он мгновенно становился очень грустным.

Взгляд лейтенанта, тревожный и дикий — как будто внутри у нее прятался десяток змей, — остановился на Ортусе и грязном платке в его руках. Харроу сделала шаг вперед, пытаясь встать между рыцарем Второго дома и своим собственным. Но оказалось, что защищала она не того рыцаря.

Ее рыцарь прочистил горло. О боже, только не это.

Завидна судьба твоя, о бесстрашная наша сест-

ра, бросишься ты в ледяной серый холод Реки. Пасть на войне во славу Домов — не этой ли смерти жаждем все мы? Я еще задержусь, удержи дальний берег для нас, только кровью можно за кровь отплатить…

Книга одиннадцатая. Одно мгновение, глядя на выражение лица лейтенанта, Харроу подумала, что та может взяться за практичную рапиру Когорты и убить Ортуса прямо на месте. Хотя его жуткие стихи явно не заслуживали такой чести, но вот манера декламировать их публично и без запроса заслуживала мгновенной смерти. Она даже сжала в пальцах лежащий в кармане обломок коленной чашечки. А потом руки Диас задрожали, она опустила взгляд и тихо сказала:

— Я больше не могу на это надеяться…

— Лейтенант, — осторожно начала Абигейл Пент, но Диас говорила тихо и быстро, обращаясь к Харрохак:

— Это правда так и происходит? Ты точно знаешь, что для нее нет никакой надежды?

— Восемь пуль на большой скорости прошли сквозь ее тело, — ответила Харроу и добавила, потому что знала, что многих это успокаивает: — Она умерла очень быстро, от раны в сердце.

— Нет, — ответила лейтенант, и Харроу на-

конец заметила, как она подавлена. Пальцы ее танцевали на рукояти рапиры, с которой свисала аккуратная алая лента. — Не так… не знаю, почему я спросила… нет…

— Вы столкнулись с монстром, который может убить еще многих, и куда менее достойных, чем капитан Дейтерос, — сказал Ортус. Харроу пожалела, что не связала его торжественным обетом молчания. Бродил бы немой и устрашающей горой, как его отец. Но на такое пошел бы только крайне покорный и крайне глупый рыцарь.

— Себя я отношу к последним. Вы не заметили ничего, что дало бы нам шанс на спасение?

— Ортус из Девятого дома прав, лейтенант, — сказала Абигейл. — Может быть, есть какие-то мелочи, что-то, что ты можешь нам рассказать… мы уже очень многое узнали, пусть цена и оказалась слишком высока.

Лейтенант снова выпрямилась. Губы ее сжались в тонкую линию. Лицо не выражало ничего, кроме привычного стоицизма Второго дома. Харрохак это восхищало.

— Во-первых, — резко сказала она, — Спящий может покидать саркофаг. Во-вторых, Спящий может миновать некромантические чары. В-третьих, Учитель велел нам его не будить. Я не знаю,

из-за чего это случилось. Не из-за шума.

— Не факт, — заметила Пент, которая не терпела безапелляционных утверждений.

— В-четвертых, у него есть винтовка.

— Такая, из старых сказок, — предположил Ортус.

— Что-то вроде того. Больше фактов у меня нет. Гадать я не стану. И еще одно… но в этом я уверена не до конца. Я успела заглянуть внутрь, пока крышка не закрылась и не помутнела. В саркофаге есть что-то еще. На этом лежит Спящий.

Лейтенант закрыла глаза, но не шевельнулась. Открыла глаза и сказала:

— Не знаю, имеет ли это значение, но это стандартный меч пехотинца, — и уточнила, как всегда делали в Когорте: — Двуручный.

19

Десять месяцев до убийства императора

В первый раз, когда святой долга попытался тебя убить, ты этого не предвидела. Если бы ты была на йоту менее параноидальна, на каплю менее встревожена, ты могла бы обрадовать Ианту Тридентариус возможностью открыть конверт с надписью «В случае смерти Харрохак Нонагесимус». Ты могла только надеяться, что письмо содержит одну-единственную фразу вроде: «Получи как можно больше удовольствия от созерцания моего трупа, сучка». Но это писало твое предыдущее «я», так что ты особенно не гадала.

Прошло всего несколько дней после твоего появления в Митреуме. После того, как ты опозорилась с телом Цитеры, ты не ходила обедать вместе со всеми и просто искала еду в странном помещении, которое все звали кухней. Это была длинная, чистая голая комната. Электрические лампы отбрасывали длинные тени на кастрюли и сковородки, которые были старше Дрербура, но не состарились ни на день. К тому моменту

ты еще не придумала свой экзоскелет, но уже сделала прототип — кожаный чехол, прикрывающий нижнюю часть спины, и почти везде ходила в нем, как будто страдала сколиозом. Ты съела порцию мутного тушеного мяса, оставленного на плите. Есть хотелось очень. Ты еще не знала того, что император расскажет тебе позже: что ликторы прекрасно могут обходиться без пищи, но вот без воды протянут недолго. («Кир наполовину мумифицировался, пока мы этого не поняли», — он охотно пустился в воспоминания.)

Твоя ошибка заключалась в том, что ты не унесла еду в свои комнаты. Комната Ианты в тот момент еще не рассматривалась. В ту первую неделю ты еще чувствовала себя отупевшей, ты устала, ты была голодна, так что ты присела за стол, чтобы съесть еле теплый ужин, и успела проглотить примерно пять ложек, прежде чем клинок вышел у тебя из груди.

Целился он явно в легочный клапан, но на пути оказались третье и четвертое ребра. Эту ошибку нападающий запомнил надолго. Они всегда тебе помогали, вот и в этот раз выстрелили, как пружины. Толстые прутья реберных хрящей рванулись из груди и зафиксировали клинок, ребра стали челюстями, а грудина — упором. Кровь

хлынула в унылое рагу, и рапира застряла. Ты дернулась назад. Кости фаланг высунулись из-под кожи, как крошечные ножи, и ты, от страха не придумав ничего сложного, вслепую вцепилась в мускулистые, лишенные жира бедра стоявшего сзади человека.

Когти рвали плоть бедер и таза, но ты быстро узнала, что Ортус из Первого дома не реагирует на боль. Он двинулся, потащив тебя за собой, стянув с табурета, прочь от миски с кровью, и ты отпустила его рапиру, растворив кость. Он отшатнулся назад, а ты бросилась вперед, перекатилась через стол, разлив еду, разбросав кастрюли и вызвав страшный шум.

Там, где рапира задела ребро, откололся кусочек кости. Ты вырвала его из груди и из почти живой кости выросли бедра, вплавленные в коленные чашечки, в таз, в скелет из возрождающегося пепла. Ты оторвала одно из ребер конструкта, пока он не бросился на некросвятого, и ребро оказалось огромным и очень удачным. Пузырящийся мозг легко отделился от прочной кости, как будто был создан именно для этого. Центр для создания формы, оболочка для силы. Ты сжала ладонь, и кость треснула. Тебя подбросил вверх костяной поток, двадцать пар рук вырвались из

липких осколков и вросли в пол, окружив тебя бронированной изгородью.

Удивительно, как просто это получилось. Ты едва подумала об этом — и все уже было готово, а энергии понадобилось ничтожное количество. Но кровь вытекала очень быстро, и что-то случилось с довольно важными мышцами, так что у тебя особо не было времени — нужно было остановить кровотечение, а остальное оставить на потом.

Только теперь ты на него посмотрела по-настоящему. Дурацкая идея. Почему ты не убежала? Ты решила на него посмотреть, как будто надеялась чему-нибудь научиться? Кто-то, настроенный чуть менее критически, указал бы, что ты только что получила двенадцать дюймов стали в грудь, и твоим мышцам пришлось выталкивать клинок прочь из собственной грудной клетки, но ты не видела смысла оправдываться. Он в очередной раз напугал тебя. Ветхий, усталый ликтор, кожа которого словно прилипла к черепу, натянувшись до предела на ничего не выражавшем лице. Казалось, Ортус из Первого дома не нуждается в еде или даже в воде. Его смуглая кожа казалась обгоревшей или еще как-то окислившейся, и короткая щетина ржавого цвета впечатления не

улучшала. На мгновение ты замерла, не понимая, происходит ли все это наяву. Это дорого тебе обошлось.

Из протоскелетной пыли ты подняла пять полноценных конструктов: тебя, усталой и голодной, хватило только на это. Они, как огромные пауки, расползлись по столу и двинулись на него. Святой долга вскинул на плечо свое чертово копье. Ты наконец-то испугалась по-настоящему. Копье в качестве второго оружия. Копье. Он использовал тупой конец меча — ты так и не научилась называть его яблоком — и разбил череп первого конструкта в пыль. Бил он с невероятной силой. Ты попыталась собрать скелета обратно, не выходя из своей клетки, слепить позвоночник, набросать сверху пепла, но челюсть второго скелета уже отлетела в сторону. Третьего он обезглавил копьем, перебив шейный позвонок, так что во все стороны полетели костяные осколки. Ну а потом твой убийца потерял терпение. Он высосал танергию из двух оставшихся скелетов — ощущение было такое, будто тебя ударили в лицо. Они рассыпались облачками костяной пыли.

Тут ты наконец решила убежать. Это оказалось еще глупее. Гнездо из костяных рук развернулось, готовясь протискиваться в дверной проем. Ты

сжала его в плотную, упругую, гибкую сетку. Это было красиво и обеспечивало относительную мобильность, но пришлось пожертвовать прочностью. Он бросил копье обыденным жестом, и сеть мягко прогнулась от удара. Острие его копья вошло в твою толстую кишку. Звук был такой, будто гвоздь вбили в сосиску. Кровь хлынула струей, как газировка из бутылки. Ты свалилась в дверной проем, а вокруг раскатились кусочки костей, твой костяной чехол ударил тебя по спине, ты перевернулась и осталась лежать, истекая кровью, у ног…

— Ортус! — сказала Мерсиморн. Она не казалась испуганной, но явно рассердилась. В глазах у тебя двоилось, но ты почувствовала запах поджаренного тоста.

— Что ты делаешь?

Ты кое-как перевалилась на бок. Мир на краю поля зрения уже начал чернеть. Тогда ты еще не умела так хорошо себя исцелять. Ты услышала:

— Она что, умерла? Стой на месте, дебил! И чтобы я руки твои видела! О чем ты вообще думал? Он с ума сойдет от злости! Ты мудак!

Тебя страшно бесило то, что в смерти ты станешь кем-то вроде мелкой дичи, которую домашнее животное притащило в дом. Святой долга

сказал лишенным выражения тусклым голосом:

— Я не собираюсь тебе отвечать.

Копье вытащили. Ты навсегда запомнила это ощущение. Быстрые легкие пальцы отстучали симфонию по твоей спине, остановили поток крови, срастили плоть, прекратили циркуляторный шок. Только тогда ты начала немного понимать, на что на самом деле способна Мерсиморн. Еще одним пальцем она коснулась твоей брови — и гипофиз немедленно изверг из себя струю нейропептидов, заменивших адреналин, растекшийся по телу.

Она говорила:

— Нечестно пытаться их убить, пока у нас могут быть из-за этого проблемы. Они распрекрасно умрут сами, жаба ты чертова. Ей вообще двенадцать лет.

Это было очень далеко от истины, даже учитывая твою ложь, ну и ладно. Он что-то пробурчал. Она резко ответила:

— Достаточно быстро для любого. Смотри! Вот посмотри! Она даже вылечиться не может! Говорили же ему, что ее интеграция замедлилась… что она не может даже стоять. И я не буду здесь убирать, давай сам. Фу. У нее тут кости в ране.

— Вестники будут здесь через восемь меся-

цев, — сказал Ортус из Первого дома.

— Я в курсе, спасибо, — ответила Мерси. — Пошел бы лучше взорвал парочку планет, чтобы дать нам передышку.

— А теперь ты учишь меня делать мою работу, — сказал Ортус из Первого дома.

— Господи, как я тебя ненавижу. И всегда ненавидела, унылая однообразная ты херня, — от всей души сказала Мерсиморн, и ты почувствовала, как ее палец касается твоей поясницы. Твой желудочно-кишечный тракт, разорванный копьем, вспыхнул глубоко в теле, тебе стало тепло и появилась боль. Ты ее почти не чувствовала, так тебя накачали гормонами. Это было самое прекрасное ощущение с момента отъезда в дом Ханаанский. Потом она сказала уже спокойнее:

— Я знаю, что ты делаешь. Не то чтобы я тебя не понимала, но если ты хочешь утопить этих котят, сделал бы это поприличнее. Ну, выкинул бы ее в открытый шлюз, что ли…

Она многозначительно замолчала. Святой долга сказал с каменным лицом:

— Я делаю такие вещи лично.

— Я не хочу быть жестокой, — зло сказала она, — но именно из-за этого возникли все проблемы девятнадцать лет назад.

Послышались тяжелые шаги. Тебя перекатили на спину, и из-за костяного чехла на спине ты теперь качалась из стороны в сторону, как черепаха с шишкой на панцире. Когда мир снова стал четким, к тебе вернулось спокойствие. Довольно неприятно было смотреть, как Мерсиморн постукивает пальцами тебе по груди и по животу, кривя губы, как будто она прибирает за тобой рвоту. Но прилив окситоцина делал свое дело, и тебе было уже плевать на других ликторов, на попытку убийства и вообще на все. И поэтому ты могла спокойно и бесстрашно смотреть в глаза Ортусу.

Лицо Ортуса, слишком плотно натянутое на череп, длинное, с застывшим на нем мрачным выражением, совсем не сочеталось с его блестящими зелеными глазами, мягкого, сочного зеленого цвета, не такого резкого, как цвет молодых побегов или листьев. Скорее они были зелеными, как поверхность реки.

Ликтор склонилась над тобой и предупредила:

— Ничего не делай. Мне придется с тобой драться, а ты не представляешь, насколько мне этого не хочется. Господи, зачем я сюда полезла, — захныкала она, — надо было идти мимо. Ненавижу нести ответственность.

— Мне нужен этот меч, — сказал Ортус из Первого дома.

— Что?

— Отдай мне ее чертов меч.

— У тебя и так до хрена гигантского оружия. Почему ты такой жадный?

Даже перевозбужденный гипофиз не справился с приливом страха, который будто резанул тебя по сердцу. Ты попыталась приподняться на локтях, но рухнула обратно.

— Нет, — хрипло сказала ты, — мое.

Мерсиморн потеряла терпение почти по профессиональной причине.

— Просто вали отсюда, — раздраженно велела она Ортусу, — оставь девочку в покое.

Не успела ты почувствовать благодарность к ней, как она продолжила:

— В следующий раз сделай это ночью! Пока я сплю! Если я увижу, что ты ее ранил, мне придется вмешаться, или учитель с ума сойдет!

Святой долга посмотрел на тебя, распростертую в луже крови, но уже зарастившую две раны, которые он нанес тебе в такой короткий промежуток времени. Он поднял копье и встряхнул его, как простыню, и оно само собой сложилось, став длиной и толщиной примерно в ручку молотка.

Эту короткую толстую ручку и острие копья он заткнул себе за пояс, сунул рапиру в ножны, развернулся и вышел.

Его сестра-святая завопила вслед:

— Эй, я серьезно! Приберись здесь!

Но он уже ушел. Она встала и разгладила свое чудесное перламутровое платье. Кровь скатилась с него бурым порошком и рассыпалась. Сказала, жалобно кривя лицо:

— Да что за хрень тут происходит? Что ты ему сказала, раз он попытался тебя убить?

— Ничего. — Милосердный поток гормонов начал стихать, но ты все еще чувствовала себя невероятно спокойной. — Я пришла поесть. Не заметила, что он вошел. Почувствовала только, как он ударил меня копьем.

— А, значит, он просто хочет тебя убить, — с сомнением протянула она. — Ну, удачи. Хотя нет. Он — охотничий пес учителя. Если он считает, что ты несешь угрозу, тебе стоит уладить свои дела заранее.

Ты смотрела в потолок, на костяную резьбу вокруг панелей обшивки и на длинные полосы электрического света.

— Но почему Ортус из Первого дома хочет меня убить?

— Кто? — непонимающе переспросила Мерсиморн.

20

Ты не оставила никаких указаний насчет своих похорон. Не из-за переизбытка оптимизма — хотя ты была уверена, что прикончит тебя не клинок и не копье Ортуса из Первого дома. Просто ты считала саму идею похорон слишком жалкой. Ну и что можно там сказать или сделать? Какой эпитафии удостоить твои жалкие кости? (Может, что-то вроде «Здесь лежит самая невыносимая ведьма на свете»?)

За последующие месяцы святой долга пытался убить тебя, по твоим подсчетам, четырнадцать раз, а причин ты так и не поняла. Часто тебя спасало чужое вмешательство. Иногда это были два других ликтора. Один раз — подлое вмешательство Ианты, которая закатала тебя в жир и выпинала в безопасное место. И до сих пор смеялась, вспоминая об этом. Один раз тебя спас даже бог. Он вошел, когда острая как бритва рапира с алой рукоятью, рапира твоего старшего брата, пронзила твой таз. Лезвие было такое острое, что ты не понимала, как это возможно. Бог уложил тебя на широкий обеденный стол из темного дерева, мир побелел, вошел в твои ноздри, в пазухи,

прошел по всему телу, и твои кожа и плоть срослись. Даже боль в спине исчезла. Тело шипело, соединяясь, возрождаясь в горячем белом свете Первого владыки мертвых.

— Ортус, сжалься, — сказал он.

— Такова моя жалость, господи, — отозвался святой долга.

— Она под твоей защитой, она не груша для битья.

— Это тяжелая ноша.

Ты лежала, распростершись на столе, ошеломленная и обалдевшая, и слышала, как император Девяти домов сказал:

— Я не стану с тобой спорить, это нелепо. Убирайся.

Если ты и предполагала, что вмешательство господа может стать окончательным, может привести к заключению какого-то мира, этого не случилось. Было довольно… сложно поднимать эту тему, раз сам бог ее не поднимал. Что бы ты сказала? (Один из твоих перстов регулярно пытается убить меня, ты не против?) Когда ты наконец подошла к нему с этим вопросом, он дернулся так, что ты об этом пожалела.

Император осторожно ответил:

— Он заключил договор с силой, над которой я

не властен. Договор о том, что он будет защищать меня от всех опасностей. Ему было явлено, что ты — такая опасность. Прости меня, Харрохак. Я вынуждаю тебя сходиться с ним лицом к лицу раз за разом, зная, что твоя жизнь в опасности…

Потом он замолчал и через некоторое время спросил:

— Если я дам тебе рапиру, ты будешь ее носить?

— Зачем, учитель? Я не умею ею пользоваться, потому процесс превращения в ликтора прошел неправильно.

— На всякий случай. — Ты впервые заметила, какой он несчастный.

— Ты сказала, что что-то пошло не так, — продолжил твой учитель, наклоняясь вперед и кладя руки на колени, так что стали видны обтрепанные манжеты. — Я в это не верю, Харрохак. Правда не верю. Я только один раз видел людей, которые поняли ситуацию… совсем неверно. И надеюсь, что больше никто не повторит судьбу Анастасии и Самаэля.

Таким образом ты случайно навела его на мысль об Анастасии. В Девятом доме невозможно было не наткнуться на Анастаса, Анастасию, Анаста́сия или Анастасиуса… ну или хотя бы на

их могилы — в последние годы. Анастасией звали мифическую первую хранительницу Гробницы и праматерь Дома, и ей были посвящены минимум два стихотворения Нигенада («давным-давно, в святые времена Анастасии…»). Так же назывался древний монумент, где покоились священные останки хранителей Гробницы и павших в бою воинов. Ты даже расстроилась, узнав, что она и правда существовала и что комнаты, где ты жила — пустые, бесцветные и тихие, — были предназначены для нее.

Поскольку ты часто сидела тихо и неподвижно, памятником самой себе, напротив императора Девяти Воскрешений, чувствуя боль и удовольствие от его речей, он не ожидал, что ты что-то скажешь. Сказал сам:

— Из всех нас только Анастасия не поняла идею. Провела слишком много исследований. Так типично для нее. Она увидела какие-то обходные пути, которых на самом деле просто не существовало. Произнесла Восьмеричное слово, и оно не… сработало. Когда мы… все убрали, она спросила меня, могу ли я ее убить. Разумеется, я отказался. Она могла дать еще очень многое. Позднее я попросил ее о глобальном и жутком поступке. У меня был труп, и нужна была могила для него. Ты

можешь знать об этом теле, Харрохак, и уж точно знаешь о его Гробнице.

В этот момент Тело стояла у занавешенного окна, выходившего на поле медленно вращающихся астероидов. Перламутровое платье спадало с ее хрупких голых плеч, влажных, как будто она прихватила из своей гробницы лед. Ты смотрела, как капля воды стекает вниз по ее позвоночнику.

— Гробница, которая должна навсегда оставаться замкнутой, — сказала ты, и эти слова показались тебе очень странными. — Камень, который не должен откатиться от входа. Однажды погребенное должно вечно покоиться с миром, закрыв глаза и упокоив свою душу. Каждый день я молилась, чтобы оно жило, я молилась, чтобы оно спало.

Твой голос не послушался мозга, мозг не послушался сердца, которое вздрогнуло в маслянистой жирной грязи твоей души, и ты спросила:

— Господи, кого ты похоронил?

Учитель потер висок большим пальцем. Потер второй висок. Взял печенье, опустил в остывающий чай, съел, поболтал чай в чашке и поставил ее на стол.

— Я похоронил чудовище, — сказал он.

У плексигласового окна, за самыми обычными белыми кружевными занавесками, погребенное чудовище повернулось так, что его осветил свет мертвых звезд. Мягкость ее щек… густые черные ресницы, прикрывающие золотистые глаза… ямочка над верхней губой, как след от поцелуя… ты не понимала, что тебя трясет, пока бог не взял тебя за руку, чтобы ты не пролила чай себе на колени. Потом беспомощно протянул тебе печенье.

— Съешь, ничего страшного, — тихо сказал он, — а лучше два, тебе не помешает небольшой запас жира. Ты любишь поэзию, Харрохак?

— Не слишком! — нервно сказала ты.

— Поэзия — прекраснейшая тень, которую цивилизация может бросить на вечность. Ешь, тебе полезно. Я сделаю вид, что буду читать с планшета, но на самом деле я помню это наизусть уже десять тысяч лет. Моя любимая часть…

Той ночью Тело снизошла до того, чтобы обнять тебя. Ты почти чувствовала, как длинные руки обвиваются вокруг твоей шеи, вокруг талии. Ты почти чувствовала прикосновение красивого лба к своему лбу, ты дрожала от близости длинного, стройного мертвого тела, ты почти ощутила прикосновение прохладного бедра к твоей ноге. Прошло почти восемь недель в Митреуме. Меч,

который ты выкупала в собственной артериальной крови, был облачен в кость и висел у тебя за спиной. Ты больше не помнила, как это — не бояться. Ты — тебе не повезло иметь хорошую память на стихи — все еще слышала тихий, успокаивающий, такой простой голос учителя. Строки метались в твоей голове.

И сиянье луны навевает мне сны

О прекрасной Аннабель Ли.

Если всходит звезда, в ней мерцает всегда

Взор прекрасной Аннабель Ли [2].

* * *

ИМПЕРАТОР
ДЕВЯТИ ДОМОВ, КНЯЗЬ НЕУМИРАЮЩИЙ (В ПРОШЛОМ??? ДЖОН???)

Кто такая А.Л.?

---

[2] Примечания: 2
Пер. А. Оленича-Гнененко.

21

Дождь начал лить над домом Ханаанским однажды утром, и так и не прекратился. Первые несколько часов это был обычный несильный поток воды, к которому Харрохак уже начала привыкать за время пребывания в доме Ханаанском. Теперь она разве что немного нервничала, но больше не теряла покой и сон. Около полудня над волнами, окружавшими башню, начал сгущаться туман. Он поднялся до нижних уровней дома и поднимался все выше. Он оказался ужасно холодным, а от дождя воняло кровью и смазкой для моторов. На вкус он был неописуем. Учитель и другие жрецы раскопали огромные колючие круги из промасленной ткани на металлическом каркасе, и Харрохак и всем остальным пришлось держать их над головой даже в главном атриуме, где текли стены и потолок.

Поначалу она решила довериться капюшону и вуали и позволить дождю течь, куда ему заблагорассудится. Скоро она вынуждена была признать, что высушить одежду будет очень трудно. Ортус проводил примерно половину времени, выкручивая черную ткань над ванной. Харроу неохотно

согласилась, чтобы он стоял рядом с ней с одним из этих жутких… зонтов. Теперь она постоянно слышала бесящее, неритмичное кап… кап… кап… по непромокаемой ткани. Этот фоновый шум переносился очень трудно, потому создавал плодородную почву для слуховых галлюцинаций. Теперь к симфонии хлопающих дверей и визга привидений у нее в голове добавился тонкий вой, больше всего похожий на мяуканье новорожденного младенца.

— Раньше такого не было, — пожаловался Учитель за едой, тревожно, как будто говорил не с кандидатами в ликторы, а с отзывчивыми строительными инспекторами. — До сезона дождей еще несколько месяцев. Сейчас должно быть на десять градусов теплее. Мне надо было внести внутрь все травы и поставить под лампу. А туман… наверное, я все-таки умру, — заключил он. Впрочем, он надеялся на это по три раза на дню.

Харроу полагала, что это некрасиво и бестактно, особенно после того, как они нашли вторую порцию тел.

Свидетелей не оказалось, допрашивать было некого. Просто закутанные в серое фигуры Камиллы Гект и Паламеда Секстуса лежали на грязных стальных плитах морга. Положили их так, будто

автор композиции хотел, чтобы их разглядывали исключительно из научного интереса. Поначалу только предполагали, что это Гект и Секстус: они были одеты в серые одежды библиотекарей, у одного в руке была старая потертая рапира — видимо, другой Шестой дом предложить не мог, а на пальцах другого чернели пятна от чернил. Лица были снесены выстрелами в упор.

Неприятно. Харрохак удивило собственное спокойствие, но она решила, что благодарна за него. Странный, почти могильный покой снизошел на нее, когда Абигейл впервые повела ее взглянуть на тела и быстро прошла мимо безмолвного саркофага Спящего, высоко держа фонарь. Харроу восхищалась ею, тишиной и плавностью ее движений. Она никогда не видела Секстуса и Гект вблизи, и у нее создалось впечатление, что им всего недоставало: яркости, громкости, резкости. Ортус оплакивал их, но Ортусу вообще стоило родиться плакальщиком. И мать у него была такая же. Они оба обожали похороны — в этом им повезло, поскольку похороны были одним из немногих богатств ее Дома. Когда, следуя указаниям леди Пент, они потащили лишенные лиц тела вверх по лестнице, ей пришлось смотреть, как Ортус бесшумно плачет, роняя огромные

слезы, и как священная краска у него на лице идет пятнами.

Чтобы опознать тела, муж-рыцарь Абигейл напугал единственного мага плоти, которого смог найти. Это оказалось непросто: близняшки Тридентариус, жемчужина дня и ночной рок, были так неуловимы, что Харроу и вспомнить не могла, когда последний раз их видела. Места в холодном морге наверху было мало, а температура все падала и падала, так что лишенные лиц тела положили на прорезиненные простыни в столовой. Туда рыцарь Седьмого дома привел свою адептку.

Наверняка она видела их в первый день — смазанный, залитый солнцем день, когда Учитель раздал им кольца и ключи и рассказал о чудовищном гиперсомнике в подвале, но Харроу здорово испугалась их появления. Да и мудрено было бы не испугаться! Рыцарь оказался бронзовокожим, мощным, огромным мускулистым мужчиной в зеленом, цвета морской волны килте и тисненой коже. И этот громадный персонаж вез кресло-каталку по широким проходам между столами. В кресле сидело почти мертвое на вид существо и держало над собой крошечный кружевной зонтик. Одето оно было в подобающее случаю

широкое белое платье и в нелепый вязанный крючком шарфик из колючей белой шерсти.

Харрохак слишком давно знала Ортуса, чтобы не заметить, как он скривил губы и как из его глаз исчезла самоубийственная сентиментальность: его передернуло от презрения. Она полагала, что Ортус считает презрение чересчур выматывающей эмоцией. Светлые, цвета коричневого сахара волосы призрака с зонтиком были коротко подстрижены и завиты мелкими кудряшками. Было в ее облике, хоть и изможденном, голодном и почти детском, определенное изящество, а отдав зонтик своему рыцарю, она даже встала. Тонкая трубочка высовывалась из ее носа и уходила под воротник платья. Харрохак никогда раньше такого не видела: это был тонкий, затвердевший цилиндрик из слизистой ткани.

— Здорово, да? — сказала она Харроу вместо приветствия. Голос у нее был нежный, хорошо поставленный, но она самую малость задыхалась. — Легочный дренаж. Доходит до самых легких.

— Никогда такого не видела, — призналась Харроу.

— Да и не могла! — восторженно заявила некромантка Седьмого дома. — Он это придумал в свои

пятнадцать.

Харрохак была не настолько глупа, чтобы верить, но жест женщины оказался совершенно недвусмысленным. Обтянутая тонкой пергаментной кожей рука указала на один из трупов — тот, что без рапиры. Ее больше не удивляло, что отношения между отпрысками всех Девяти домов казались интимными — вплоть до кровосмесительства — просто близкими, ну или враждебными. Она не чувствовала себя обделенной, только немного смутилась, когда Абигейл спросила:

— Дульси, ты уверена, что это он?

— Дай мне минутку, — сказала, очевидно, Дульси, хотя Харроу не хотелось понимать, почему кто-то согласен отзываться на такое имечко, если его не пытают водой. — Я взяла пробу с дверной ручки, и у меня есть два отпечатка, и если они совпадут, это будет уже кое-что.

Грубо поименованная Дульси села обратно в кресло, и рыцарь подвез ее к одному телу, затем к другому. Харрохак наблюдала за ее работой. Она осторожно соскоблила немного кожи с коченеющих рук, сделала маленький надрез на каждом бедре, расстегнув обе пары брюк, не краснея и не кривясь, поковырялась под ногтями («Бактери-

альная талергия, вы же понимаете») и наконец вздохнула.

— Слева Кам, справа Пал, — сказала она, подтверждая свое желание наводнить мир диминутивами. — Это Спящий?

— Вероятно, — сказала Харрохак, а тупица муж Абигейл заявил:

— Чертовски на это надеюсь!

— Магнус! — одернула его Абигейл.

— Ну, если это не Спящий, значит, мы имеем двух маньяков с древним оружием и любовью уничтожать лица, дорогая, — пояснил Магнус.

Вряд ли это был маньяк. Если судить по первой смерти, то — да. В Дейтерос проделали сильно больше дырок, чем было необходимо. А это была просто-напросто казнь, хотя и жуткая. Теперь уже сложно было понять, как выглядели лица Секстуса и Гект, поскольку их разбрызгало по задней стене морга. Судя по тому, что Харроу удалось восстановить, и по предположительному времени смерти, оба представителя Шестого дома мирно стояли спиной к стене, на расстоянии вытянутой руки друг от друга, когда им снесли лица с очень маленькой дистанции. Сначала одно, потом, немного подождав, второе.

Харроу сказала:

— Пуля вышла из задней части черепа, и мы не смогли извлечь ее из стены. Детали позволяют предположить сходство. Бывают разумные сомнения, а бывает ненужная осторожность. Я утверждаю, что Шестых убила та же сущность, что и Дейтерос.

— С этим я соглашусь, — тяжело подтвердил Ортус. — Спящий, который не спит. Возможно, его стоит называть… Пробудившийся. (Она внимательно посмотрела на своего рыцаря, надеясь увидеть какие-то признаки чувства юмора, но, как обычно, ничего не нашла.)

— Он лежит в непроницаемом саркофаге. Он убивает оружием из легенд. Что мы можем сделать против потустороннего убийцы?

Женщина с жутким именем Дульси поглаживала мягкий влажный локон очень темных волос рядом с остатками уха Камиллы Гект.

— Единственное, что тебе остается, когда ты сталкиваешься со слишком сильным противником, — сражаться, как загнанный зверь.

— Согласен, — сказал ее рыцарь, похожий на бронзовую статую. — Лучше сделать первый ход. Что такое непроницаемый? Что такое саркофаг?

Харроу с удивлением услышала, как взрослый мужчина рядом с ней бормочет: «Прилагательное

и существительное».

— Я хочу сказать, что у нас достаточно хороших рыцарей для того, чтобы напасть первыми.

— И умереть, — задумчиво предположил Ортус.

— Лучше не умирать так, как погибли Дейтерос, Секстус и Камилла из Шестого дома, — возразил рыцарь. — Если ты считаешь врага неуязвимым жрецом тени, ты уже проиграл.

Потом эта бронзовая статуя кашлянула и добавила:

Я верю в свою греховную плоть,
И мне дела нет до звезд.

Рыцарь Харроу обернулся, услышав произнесенные вслух стихи. Выглядел он как человек, залезший на ворота, чтобы оценить стоящих внизу врагов, и увидевший, что они многочисленны и ужасны. Если бы рыцарь Седьмого дома оказался Спящим, жутким и противоестественным образом надругался бы над матерью Ортуса и назвал Матфия Нониуса кучей говна, Ортус и то отреагировал бы проще.

— Такой судьбы ты желаешь своей хозяйке? Увидеть своего рыцаря, нафаршированного дробью, перед неоткрывающимся ящиком?

— Интересный пример лицемерия со стороны черного рыцаря Девятой гробницы, — заявила его настолько же скучная противоположность.

— Ладно, джентльмены, — сказал Магнус Куинн со слегка вымученной улыбкой. — Протесилай, верно? Точно? Хорошо. При всем уважении, я не согласен ни с одним из вас. Девятый, ты слишком хорош, чтобы сдаться и просто ждать очередной смерти. Седьмой, последний, раз, когда мне пришлось сражаться с неоткрывающимся ящиком, был мой день рождения, и моя жена слишком туго завязала ленточку. Давайте отложим все, насколько это возможно. Герцогиня Септимус, Преподобная дочь, лейтенант Диас. Пока мы едины, мы непобедимы или как-то так.

— Не знаю, что я смогу сделать, — призналась Дульси, которая скорее всего была герцогиней Септимус и которая сморщила нос, как только ей на макушку упала первая капля дождя. Лоснящийся Протесилай раскрыл зонтик у нее над головой.

— Я не… я не могла себя проверить… на Родосе мало шансов на это… приехав сюда, я полагала, что это будет мой шанс что-то совершить.

Она закончила эту бессмысленную речь и сгребла в горсть свои девственно-белые юбки.

Харроу прямо заявила:

— Первый порыв был верен. У тебя в груди трубка, и ты еле можешь ходить.

— Мне стало намного лучше после приезда сюда. — Дульси принялась защищаться: — Я кашляла пару раз, но скорее напоказ, да, Про?

– Оттепель – это еще не весна,

Наши цветы не раскрылись… —

процитировал ее рыцарь.

Харрохак постаралась не заметить жаркую жажду убийства, вспыхнувшую в глазах ее собственного рыцаря, хотя это по крайней мере немного оживило его грустные мягкие черты. Наверное, и правда довольно больно смотреть, что единственной ценной и любимой чертой твоей личности обладает человек, похожий на героя эпических баллад. Смотреть на Абигейл Пент было интереснее — обыденным движением стройной руки она взяла за предплечье покойного Паламеда Секстуса и принялась изучать тело.

— Никаких следов обороны, — бормотала она, — и у Юдифи так же… интересно…

Вдруг поднялся ветер. Он дико завизжал над стеклянной, увитой лозами крышей, и сразу за ним пришел дождь, пулеметно забарабанил по

стеклу. Абигейл вздрогнула. Потом выпрямилась, хлопнула в ладоши, как будто привлекая внимание целого класса непослушных мелких детей.

— Это наша общая проблема, — заявила она. Очень по-Пятому. В Девятом доме не считали, что надо вписываться в чужие проблемы, а если это вдруг случалось, то полагалось как можно скорее отвалить подальше, чтобы тебя не задело по касательной.

— Кажется, я начинаю подозревать, где кроется опасность. По крайней мере у меня есть совершенно беспочвенное предположение, а любой ученый знает, что с этого начинается работа. Дульси… леди Дульсинея, не могла бы ты позвать Сайласа Октакисерона? Он мне ничем не обязан, но к тебе может и прислушаться.

— Хорошо, — согласилась женщина в кресле и осторожно вытерла нос своим вязаным шарфиком, стараясь не задеть дренаж. — Мне не нравится твоя просьба, но я не буду говорить, что знаменитая Абигейл Пент попросила меня о чем-то, а я ей отказала. А еще ты хорошо обошлась с Кам и Палом. Я пойду.

— Магнус, позови лейтенанта…

— Для тебя — все, что угодно, даже это, — торопливо вставил он.

— …И Преподобную дочь, если сможешь… и, когда сумеешь, Коронабет Тридентариус. И ее сестру, конечно, — добавила она, хотя Харрохак показалось, что это дополнение слегка запоздало, — с рыцарем. Если сможешь, конечно. Я не смогла проверить… я заберу все, что осталось. Попросите всех уйти из лаборатории и собраться вместе. И выясните, где не течет потолок, — в порыве вдохновения добавила она, — чтобы мы могли положить там матрасы. Потому что, скажу вам честно, нас заливает.

Рыцарям пришлось унести лишенное лица тело Камиллы Гект обратно в ледяной морг — Абигейл вытащила все у нее из карманов и теперь разглядывала рыцарские причиндалы как головоломку. Интубированная некромантка плоти подкатила к мрачным останкам тощего юноши из Шестого дома. От шеи и ниже он выглядел совершенно нормально.

— Вот так оно и бывает, леди Пент? — серьезно спросила она.

Абигейл взяла потертый кожаный ремешок, наверное, от часов, и сказала мягко:

— Нет-нет…

— А может… будет лучше? Ты знаешь?

Харроу не показалось, что на такой вопрос

можно ответить. Она вообще не поняла, о чем разговор. Но Седьмые любили красивые вопросы, не имеющие ответов. Эта уклончивая реплика тоже осталась без него. Абигейл как раз сняла очки, чтобы внимательно рассмотреть кусочек воска с многочисленными вмятинами и обрывок штопальной нити. Харроу не могла оторвать взгляда от содержимого карманов главного стража: лоскуток мягкой ткани, каким протирают очки, ручка, маленькая складная увеличительная линза, мятый листочек. Когда рыцари вернулись, чтобы унести стража (он оказался легче своего рыцаря, его несли вдвоем Магнус и Протесилай из Седьмого дома, Ортус просто маячил где-то рядом), прикованная к креслу девушка тоскливо вздохнула.

— Прощай, — крикнула она вдруг вслед трупу, — прощай, Паламед, моя первая нить, прощай, Камилла, вторая нить… Ведь если станет преодолевать кто-либо одного, то двое устоят против него: и нитка, втрое скрученная, не скоро порвется…

Харрохак вдруг почувствовала что-то, что не смогла определить в точности и чему не знала названия. В доме Ханаанском ее способность чувствовать почему-то притупилась, оставив только

чувство отдаленной тоски и смутное желание. Так бывает, когда листаешь страницы книги в поисках фразы, которую хорошо помнишь, но не можешь найти. Харроу сосредоточилась на том, что держала в руках, стараясь не слушать прощания незнакомых людей.

Листок был свернут так туго, что походил скорее на толстенькую таблетку. Она сняла перчатки и кончиками ногтей — для скорости она их обкусывала, но это никогда не помогало — попыталась подцепить один мятый уголок. Она страшно удивилась, когда на нее надвинулась глубокая тень: ее первый рыцарь положил руку в черной перчатке на ее обнаженную ладонь.

— Госпожа моя Харрохак, — прошептал Ортус, — возможно… вам не следует… вдруг…

— Ты много себе позволяешь, — рявкнула она.

— Я часто так думаю, — грустно сказал он и отошел.

Когда она вышла в коридор, дождь уже протек сквозь дыры в крыше и в стенах, и везде были маслянистые вонючие лужицы. Ортус шел на полшага впереди нее. У Харроу почти получилось развернуть листок. Наконец она разгладила его, весь покрытый складками и морщинками, и прочитала:

«ЕГО Я УБЬЮ БЫСТРО, ПОТОМУ ЧТО ОНА ПРОСИЛА,
И ПОТОМУ ЧТО ЭТОГО ОН ЗАСЛУЖИВАЕТ, ЧЕСТНО ГОВОРЯ, НО ВАС ДВОИХ, ЧЕРТОВО МУМИФИЦИРОВАННОЕ ГОВНО, Я БУДУ ЖЕЧЬ МЕДЛЕННО И МУЧИТЕЛЬНО, ПОКА НИ СЛЕДА ОТ ВАС НЕ ОСТАНЕТСЯ В ТЕНИ МОЕГО ДАВНО УТРАЧЕННОГО РОДНОГО СОЛНЦА».

— Это рисунок буквы S, — торжественно произнес голос у нее из-за плеча, и она поняла, что остановилась посреди коридора. — Буква состоит из шести коротких штрихов, расположенных вертикально по три. В верхней и нижней части изображены треугольники, и вместе с несколькими диагональными штрихами они образуют каллиграфическую S.

— Нигенад, — сказала Харроу, не оборачиваясь, — я тебя не спрашивала.

— Трое мертвы, госпожа моя Харрохак, — ответил ее рыцарь. — Высокопоставленный некромант Когорты. Двое отпрысков таинственного Шестого дома, которые мудры и быстро учатся, пусть и не так искусны в бою. Надлежит ли мне действовать только по вашему приказу, если на меня нападет Спящий?

— А что ты планируешь сделать, кроме как

лечь и умереть? — осведомилась она, ожидая вспышки гнева, мечтая о вспышке гнева, надеясь хотя бы на имитацию гнева. — Ортус, что, по-твоему, ты можешь сделать? У тебя есть план или ты просто остановишь пули своим телом?

— Это будет весьма в духе нашей семьи, — задумчиво заметил Ортус. — Мой отец умер просто потому, что его об этом попросили ваши родители. Он покончил с собой, когда они протянули ему веревку, хотя дома его ждали жена и, если он был готов признать этот факт, сын.

Харроу опустила листок — скорее инстинктивно, чем специально. Обернулась и посмотрела Ортусу прямо в лицо, насколько это было возможно с учетом зонтика у него над головой, капюшона, промокшего и облепившего череп, несмотря на все зонтики, ну и нарисованного черепа, превратившегося в меланхоличное серо-черное пятно. Она смотрела в его мятое, нелепое лицо, в черные глаза сына Дрербура. На самом деле они были не совсем черные, как она всегда считала: в тени она наконец разглядела оттенок темной земли, похожий на удобрения на свежевспаханном поле. Лицо вдруг показалось ей не просто взрослым, а почти древним. Ей захотелось впасть в панику, почувствовать удар ледяных

ножей отчаяния.

— Ты знал. Ты все это время знал, что Мортус из Девятого дома умер по их приказу.

Лицо Ортуса изменилось. Оно вдруг, во второй уже раз, превратилось в заляпанную краской, черноглазую маску презрения. Он смотрел на нее так, будто считал невероятно скучной. Будто вовсе не знал, кто она такая. От этого презрения двери у нее в голове вдруг начали захлопываться с невыносимым грохотом. Он смотрел на нее, как на вопящего младенца, как будто она не произнесла несколько слов, а открыла рот и наблевала на него.

— Харроу, — коротко сказал он, — не только вы способны сложить два и два, чтобы получить четыре.

Она могла бы ответить, но ветер ударил в разбитое окно и принес с собой дождь. Завеса мутной воды хлынула сквозь скалящуюся стеклянную пасть. Вода принесла с собой горсть блестящих буро-стальных предметов, которые кучкой упали на гнилой ковер дома Ханаанского. Когда вода растеклась, они с Ортусом уставились на шприцы из жесткого плексигласа с рисками на боку и большими ржавыми иглами.

— Не хотите спросить, вижу ли их я? — скромно

спросил Ортус после долгой, заполненной шумом дождя паузы.

22

Ночью, после того как ты убила свою тринадцатую планету, тебе приснилось, что ты сидишь за накрытым столом напротив Тела. Это было гораздо приятнее обычных мучительных ужинов, все участники которых были облачены в полупрозрачные перламутровые одежды дома Ханаанского, которые окружали Мерсиморн звездным сиянием, делали Августина почти бесплотным, Ианте придавали желтушный оттенок, а тебя превращали в тухлый пастернак. Каждый ужин становился испытанием. Если ты ела слишком мало, император Девяти домов мягко говорил, пока Ианта прятала ухмылку:

— Съешь еще пару ложек, Харрохак, пожалуйста.

Во сне ты была одета в плотные темные одежды Девятого дома, а за столом кроме тебя сидела только чудовищная покойница из Запертой гробницы в мешковатой черной рубашке и брюках, явно снятых с какого-то очень неопрятного кающегося. Ваши лица покрывала священная краска, и вы говорили, к счастью, очень мало, хотя значило это очень много. И никто не застав-

лял тебя есть.

А потом Тело взглянула на тебя непостижимыми глазами и сказала:

— Харрохак, вставай.

— Что?

— Просыпайся немедленно.

Ты открыла глаза и увидела потолок, который давно покойная Анастасия так и не увидела. Ты лежала на ее белье, на котором она так и не поспала. Толстые черные шторы закрывали плексовые окна и бросали на потолок глухие темные тени. Ты еле различала собственную руку перед лицом. Ты отбросила одеяло и сразу закоченела в своей ночной рубашке, которая была просто коротка, когда ты приехала в дом Ханаанский, а теперь представляла собой печальное зрелище. Экзоскелет громко заскрипел в черной тишине, когда ты взяла меч в костяных ножнах, лежавший в твоей постели вместо любовника. Ты закинула спеленатый клинок на плечо, обхватив ладонями нижнюю часть рукояти, ну то есть яблоко, и не стала брать рапиру, выданную тебе императором.

В коридоре было посветлее. В приглушенном свете желтых панелей по памятникам Митреума метались искривленные, скелетообразные тени.

В часы сна их обычно переключали на светло-голубой, так что видны оставались одни очертания. Но по меркам уроженки Дрербура проход был залит ярким светом. Поэтому ты разглядела ее так ясно.

Она стояла у поворота коридора, метрах в пятнадцати от тебя. Тень ее в холодном желтом свете казалась очень странной, мягкая белизна ее сорочки походила на столб света в зеленоватой воде. В ее русых волосах еще остались лепестки роз, а глаза в темноте было не разглядеть, но ты помнила их кошмарную синеву.

Цитера посмотрела на тебя, повернулась к тебе и двинулась с места.

Что это была за походка! Шаркающая, скользящая, странная походка. При каждом шаге она выбрасывала вперед себя руки, ноги не гнулись ни в бедрах, ни в коленях, правая рука двигалась одновременно с правой ногой, странно и жутко. Застывшие мертвые пальцы сомкнулись на костяной руке, обернутой в золотую фольгу и украшенной многочисленными аметистовыми глазками, рука рухнула на пол и Цитера споткнулась об нее, но лицо так и осталось повернуто к тебе. Взгляд немигающих глаз был прикован к твоему лицу, а тело распласталось на полу и

дергалось. Потом труп пополз вперед, как червяк, отталкиваясь от пола ногами, цепляясь за плитки пальцами, разбрасывая по сторонам священные кости павших верных и не замечая их. Казалось, что где-то в ее плоти спрятан магнит, магнит, полярность которого была противоположна твоему телу.

Создание подползло ближе. Ты была священным ликтором, Харрохак из Первого дома, девятой некросвятой на службе Царя Неумирающего, наследницей тяжело давшейся тебе силы, которая горела внутри тебя, как реактор. Ты, не хвалясь, могла назвать себя одним из самых могущественных некромантов вселенной. Посмотрев на эти жалкие, дрожащие руки, ты бросилась бежать.

Ты спряталась в своей комнате и тщательно заперла дверь. Поковырялась у себя во рту, соскребла немного крови ногтями, прикусила язык, сплюнула красноватой слюной на дверь, торопливо нарисовала несколько завитков кровавого оберега и на всякий случай подперла дверь стулом. Рухнула на пол, чувствуя, как сердце выламывает ребра изнутри.

Тишина. Весь шум издавало твое собственное тело, твое рваное дыхание, мечущаяся по артери-

ям кровь, сжатые зубы. А вокруг было очень тихо и очень темно.

А потом от двери, от зачарованной двери, которая должна была взорваться заклинаниями при первом прикосновении чужой магии, от этой двери послышался тихий противный звук, будто кто-то скреб ногтями по стали. Ручка повернулась, ударилась об спинку стула, замерла.

Снова глухая гадкая тишина. Отчаянный скрежет. А потом ничего.

Ты не знала, сколько времени пролежала на прохладной стеклянной плитке, уткнувшись лбом в красное пятно на чистом черном стекле, сжав руку на грубом ворсе ковра. Ты только отметила, когда настройки системы обеспечения изменились и панели вокруг комнаты начали излучать слабый свет, призванный имитировать восход солнца. Ты замерзла до полусмерти, дрожала в своем экзоскелете, а заусенцы впивались тебе в кожу.

В какой-то момент ты механически встала и легла обратно в постель. Больше ты ничего не могла сделать.

* * *

Кажется, ты не спала. Подумав, что уже достаточно поздно, ты надела свои перламутровые одежды и постучала в дверь Ианты. Оказалось, что поздно еще недостаточно, она открыла очень нескоро, выглядела сонной, была наряжена в обескураживающе короткое одеяние из фиолетового шифона, а волосы неопрятно свисали на шею и плечи.

— Септимус ходит, — сразу же сказала ты.

Она не сразу поняла, кого ты имеешь в виду, потому что это имя никогда не принадлежало Цитере. Через несколько секунд в чужих голубых глазах мелькнуло понимание, потом угрюмое утреннее раздражение и наконец всепобеждающая скука. Ты поняла, что Ианта тебе не поможет.

— Скажи, пусть вернет мою руку, — сказала она и захлопнула перед тобой дверь.

Акт третий

23

Четыре месяца до убийства императора

Ты знала, что если погрузить руку в холодную воду, то можно не заметить, что вода нагревается, пока не станет слишком поздно. Но вот атмосферу грызущего беспокойства, окутавшую Митреум, ты заметила, только когда ее не ощутил бы только полный идиот. Это стало заметным на бесконечных ужинах. Августин намекал, что для них следует «переодеваться» — ты понимала это как необходимость натянуть ритуальный перламутровый плащ, Ианта нацепляла под свой какие-то шмотки, на которые и смотреть-то не стоило, и закалывала светлые волосы повыше, а бог не надевал рубашки с почти истлевшими воротниками. Теперь ликторы ели, глядя в стол. Иногда Мерсиморн открывала карту ближайшего участка космоса, вычисляла местоположение каких-то объектов, из-за которых старшие хмурились, и они обсуждали что-то, не включая в разговор тебя или Ианту. Частенько вы вдвоем ужинали в полной тишине, пока, как горько заметила Ианта, взрослые разговаривали.

Теперь ты часто заставала Августина одного в тренировочном зале. Он не занимался ничем таким понятным и очевидным, как тренировки. Просто заходил, смотрел, думал, не взяться ли за рапиру, передумывал и уходил. Августин тренировался последние десять тысяч лет. Ты вообще не представляла, что он понимал под тренировками. Там же торчала и Ианта, повторявшая упражнения медленно, неуклюже, непослушными руками. Все это плохо вязалось с ее высокомерием. На лице ее вечно была написана очень изящная покорность судьбе, что-то вроде: вы же понимаете, что на самом деле я не собираюсь этим заниматься?

Ты рисковала заходить туда сама только в часы сна, когда в зале никто не мог оказаться. Ты раздевалась до рубашки, экзоскелета и штанов, оставалась босиком, держала перед собой свой двуручник, поднимала его — и опускала, и так повторяла много-много скучных раз, пытаясь почувствовать себя нормальной, пытаясь понять, в чем дело. Ты очень старалась, но твои попытки разбили бы сердце любой нормальной мечнице. Даже если руки теперь лучше тебя слушались, даже если ты уже могла поднять меч и нанести медленный удар, это все равно не спасло бы в бою

с Вестником, тварью, которую ни один из твоих учителей не мог даже описать.

— Представь себе, — задумчиво сказал Августин, когда ты спросила. — Представь себе самую страшную на свете пчелу, только с кровью, как будто ты всегда знала, что в пчелах очень много разной крови. Минимум три разных типа, если подумать.

— Последний раз, когда я сражалась с Вестником, я делала это с закрытыми глазами, — в свою очередь сказала Мерсиморн и закончила гордо, как будто это была невесть какая шутка. — А когда я их открыла, они вытекли!

— Знаешь, я довольно мало видел Вестников, — сказал бог, когда ты наконец пришла к нему с этим вопросом. — Когда они появляются, меня запирают в запечатанном святилище в сердце Митреума, чтобы их нечистота меня не коснулась. Несмотря на звукоизоляцию, я их слышу… всегда слышу.

— Господи… — начала ты.

— Учитель.

— Святая радости будет сражаться, когда мы все окажемся в Реке. И святой долга, и святой терпения. И Ианта. Четверо ликторов, за которых сражаются великие мечники, их рыцари.

Учитель, неужели я непременно умру? Я буду бездействовать, да, но ведь их хватит, чтобы защитить наши тела, пока мы уничтожим мозг.

— Ианте далеко до великого мечника.

Ты сама не знала, почему защищаешь ее.

— В день сражения она себя покажет. Она притворяется.

— Мы не можем позволить себе притворство, — сказал он, но слегка улыбнулся усталым ртом. — Ианта из Первого дома не перестает меня удивлять. Если бы я собирался дать четвертый эпитет, я бы назвал ее святой благоговения.

Ты подумала, что этот титул плохо подходит Набериусу, хотя ты с трудом могла вспомнить принца Иды. Лицо, глаза и почти ничего больше. Как будто твой мозг закрыл толстой коркой все, что с тобой случилось. Но ты продолжала настаивать:

— Господи, я вовсе не обязательно умру.

На этот раз он не стал тебя поправлять. В черных, как нефть, невероятных глазах промелькнуло что-то, чего ты не могла понять. Бог сказал:

— Харроу, я могу сказать только, что я живу надеждой. И что тебе следует продолжать носить рапиру.

И ты продолжала носить рапиру. Поздней но-

чью, когда ты босая, измученная, с тяжестью на сердце и стертыми до крови пальцами возвращалась в свои покои, истекая потом и чувствуя странную боль в руках, ты прошла через атриум с колоннами из плоти, ведущий в жилое кольцо, и заметила, что автоматическая дверь в гробницу Цитеры закрыта. Она никогда не закрывалась. Она зияла, как открытая рана, от нее вечно пахло этими вечными розами. А теперь она закрылась.

Ты встала перед дверью и словно бы услышала тихий приказ своего императора… не делать этого. Строго говоря, он был прав. Ты даже не осознала свои страхи достаточно, чтобы им противостоять. Ты даже не понимала, реальны ли они. Когда ты была ребенком и застывала, думая, что что-то видела или слышала, Крукс обычно говорил:

— Ты видела то, что видела, госпожа. Ты влияешь только на свою реакцию.

Итак, ты видела восставший труп. Теперь ты должна была как-то на это отреагировать. Стальная дверь оказалась так близко перед твоим лицом, что туманилась от дыхания.

Стремительным движением ты ее открыла.

И увидела Ортуса из Первого дома, точнее его спину. Он был облачен исключительно в

мягкие фланелевые пижамные штаны, так что твоему взгляду предстали канаты мышц на плечах и шишковатые выступающие позвонки. Обмякший труп Цитеры принял вертикальное положение, ее пальцы безвольно лежали на его предплечье, из-за его головы виднелось ее лицо цвета мертвого голубя, розовые бутоны ссыпались к его ногам желтоватой кучей. Ладонью он придерживал ее шею, как сломанный цветочный стебель. Прикосновение пальцев к выцветшей коже было таким нежным, что не оставляло следов. Ты очень хорошо знала, на что способны его руки в бою, и не представляла, что они умеют быть и нежными. Они будто принадлежали другому человеку. Он…

Багровая волна залила твою шею. У тебя запылали уши. Ликтор, который так часто пытался тебя убить, не обернулся, хотя за долю секунды ты уже успела сделать свой экзоскелет вдвое толще и заодно прикрыла сердце прочным слоем чешуи.

Ортус напрягся так, что его лопатки чуть не прорвали кожу изнутри. Он весь съежился. Ты застыла, несмотря на охватившую тебя адреналиновую лихорадку, ты ожидала одного из его чудовищных смертельных ударов, и совсем не готова оказалась к внезапному тенору, которым

он спокойно сказал, по-прежнему стоя к тебе открытой, уязвимой спиной.

— Закрой дверь и уходи.

Ты закрыла дверь и ушла.

— Я застала святого долга в муках могильной похоти, — сообщила ты Ианте примерно через минуту. Она тоже еще не спала, сидела в постели, включив свет, и что-то писала в маленьком дневнике.

— Господи, — отреагировала принцесса Иды. Она выглядела очарованной. В свете лампы мешки у нее под глазами особенно выделялись. Два яблочных огрызка, окутанные вечным ароматом гнили, лежали у ее постели: попытки остановить разложение становились все более успешны.

— Классический порок. Самый старый грех.

— Всех магов плоти, — холодно сказала ты, — надо утопить в кипящей крови.

— Не говори только, что в Девятом доме никогда…

— Никогда.

— Какая же ты наивная…

— Нет.

— Ладно, неважно. Он что, правда?..

Тут она сделала неприятный жест, который ты не сразу поняла.

— Ну, ты понимаешь. Совершал некролангию? Занимался любовью, которая не может назвать своего имени?

Ты рассказала ей, что видела, и она отреагировала весьма пренебрежительно.

— Да кто же этого не делал, — сказала она и снова открыла дневник. Ты успела заметить, что там есть довольно сложные вычисления. — Скучно. Ты слишком рано вошла. По крайней мере теперь ты знаешь, кто ее двигает, так сказать.

Она мерзко пошевелила бровями, а потом, очевидно, утратив всякий интерес, вернулась к своим цифрам.

— Спокойной ночи, Харрохак.

Но от тебя было не так просто отделаться. У тебя под рубашкой стыл пот, а тело прилипало к экзоскелету. Ты сказала:

— Бесчинства дурного человека не могут заставить Цитеру ходить.

Ианта закрыла тетрадь и прижалась светлым затылком к изголовью.

— Дурной человек, — пробурчала она. — Я бы сходила на свидание со святым долга, например. Нонагесимус, сейчас не время отвлекать взрослых ликторов от занятий, которые через десять тысяч лет при настолько ограниченном коли-

честве партнеров наверняка кажутся вполне нормальными. Слышала бы ты кое-что из того, что говорил мне Августин, господи! И уж точно не время всем демонстрировать, что ты не просто неудачный эксперимент, а еще и безумный неудачный эксперимент.

— А тебе не стоит демонстрировать полное отсутствие воображения, — ответила ты. — Тридентариус, мое положение не настолько шатко, чтобы я игнорировала вещи, случающиеся у меня на глазах.

— Ну да, но они правда случаются?

— Не делай вид, что ты знаешь, о чем говоришь.

— Твое положение именно что настолько шатко, милая, — сказала Ианта и протянула длинную левую руку, чтобы положить дневник на правую тумбочку. — Ты знаешь, что учитель спрашивал Мерсиморн, можно ли запереть тебя в той камере, когда мы отправимся за Зверем? Мерсиморн сказала, что нет, что по ряду причин оттуда выпустили кислород, но если лично он хочет убить тебя удушьем…

— А ты знаешь, что учитель полагает, что тебе далеко до хорошего мечника? — спросила ты и добавила, увидев ее лицо. — Не люблю использо-

вать сплетни в качестве оскорблений, но, видимо, это твой основной аргумент ведения дискуссии.

Рот Ианты сжался в пурпурную щель, и ты заметила, что кожа у края губ надорвана:

— Он так и сказал?

— Не секрет, что я умру, — ответила ты. Ты не собиралась с этим смиряться. Ты раньше никогда не умирала. — Я скорее всего выбываю. Но его слова я повторяю в точности.

Она посмотрела куда-то вдаль, потом остановила взгляд на огромном изображении довольно покойной и очень легкомысленно одетой ликтора.

— Ну и мудак этот бог, — прошептала она.

Ты рассердилась так, что это тебя саму удивило. Сила собственного гнева пугала. Ты потянула из-за спины двуручный меч. Запястья приняли не самое правильное положение, но попытка была неплоха. Матовая, кальцифицированная поверхность клинка будто всасывала свет, отбрасывая странную тень на пуховое одеяло.

— Не смей богохульствовать в моем присутствии.

— Не размахивай передо мной этой штукой. Ты не умеешь с ней обращаться.

— Его дал мне бог.

— А ты никогда не задумывалась почему?

Эти шесть слов перевернули твой разум. Ты почувствовала липкий жар в носовых пазухах, которого не случалось очень давно, потому что ты давно так не выкладывалась: подступало носовое кровотечение.

— Ну и почему же? — ровно спросила ты.

— Не могу сказать, — рявкнула она. — Ты сама заколдовала мне челюсть, гребаная весталка! Да-да, я почувствовала! Так что если я не хочу заниматься челюстно-лицевой хирургией в домашних условиях, мне придется молчать. И я вообще-то думала рискнуть, но не представляю, насколько далеко распространяется твое проклятие, потому что я не черная мерзкая маленькая костяная мерзавка. А теперь спрячь свой меч, потому что ты не рискнешь сойтись со мной лицом к лицу.

— Ты очень сильно неправа.

— Я удушу тебя твоим собственным висцеральным жиром раньше, чем ты поднимешь одного жалкого скелета.

— Попробуй, — сказала ты. — Попробуй, Ианта.

Вы смотрели друг на друга. Ты стояла у изножья ее кровати, держа меч как можно ровнее. Его вес причинял привычную, почти приятную боль.

Она сидела, одетая в лохмотья ночной рубашки, а глаза ее походили цветом на заледеневшую землю.

Ты знала, как это будет: ей хватило ума оставить у постели два драгоценных канделябра, украшенных топазами и нежными пятнышками отполированных плюсневых костей. Именно из них вырастут два костяных щупальца и воткнутся ей в череп с двух сторон. Ты могла провести пальцем по клинку, собирая костяную материю, вскормленную кровью твоего собственного сердца, как масло. Ты могла превратить эту материю в толстые колышки фаланг и воткнуть ей в ладони, воткнуть в щель между большой берцовой и малой берцовой костями. К этому моменту ты сядешь на нее сверху и, используя все, чему научилась, глядя на Мерсиморн из Первого дома, сломаешь ей позвоночник, как палач петлей.

Ианта посмотрела на тебя. В бледности ее кожи и тенях ее губ была смерть. Ее и твоя.

Потом Ианта перевернулась и накрыла голову подушкой в атласной наволочке.

— Давай, убей меня, — сказала она сквозь подушку. — До тренировки с Августином меньше пяти часов, а я еще не сплю. Лучше смерть.

Ты сделала единственный возможный шаг.

Убрала меч в ножны, вернулась к себе и легла, чувствуя себя побежденной.

24

Ни для тебя, ни для кого-то другого в этом клаустрофобно-душном классе, который представлял из себя Митреум, не было секретом то, что фехтовальные тренировки Ианты уже никого не интересовали. Святой терпения ею больше не занимался. Ее неуклюжестью можно было бы пренебречь, если бы она не сохранялась, даже когда Ианта была в Реке, если бы ее сомнения не стопорили бездумную руку Набериуса Терна. Ты видела, как меняется осанка погрузившейся в Реку Ианты, как тело перестает держаться прямо, по-мальчишески развернув плечи, как правая рука выпускает рапиру. Психологический блок, конечно же, но блок, прочно загнанный в мертвую душу, остававшуюся на страже тела, когда разум отправлялся в путешествие.

На нее давили сильнее, чем на тебя. Тебя мерили менее критической меркой, потому что считали тебя уже мертвой.

Твой восемнадцатый день рождения никто не заметил, включая тебя саму. Накануне, ложась спать, ты тревожно подумала, что еще один год прошел. Ты рассматривала этот факт, как и все-

гда: как мемориал двум сотням людей, которые умерли, извиваясь, дергаясь и задыхаясь, пока их нейромедиаторы заливали ядом. Ты молча просила их ничего не делать, как и всегда. О прощении ты никогда не просила. Потом ты заснула. Большинство людей на твоем месте украшали бы торт или что-то вроде того.

Вскоре после окончания семнадцатого года твоей жизни ты призналась себе в том, что подозревала уже довольно давно: Ортус из Первого дома должен был умереть.

Его традиционное для Девятого дома имя перестало тебя волновать, когда ты узнала об Анастасии. Казалось разумным, что прародительница, положившая начало традиции выбора имен, решила почтить своих братьев-ликторов, потому что тогда их имена еще не скрывала завеса священной тайны. Просто банальное и неприятное совпадение. Как будто его звали так же, как умершую много лет назад собачку.

Смерть святого долга превратилась из возможности в неизбежность, когда ты осознала его истинную силу.

Узкая прихожая твоих покоев была настоящей мечтой некроманта: ее ничего не стоило зачаровать, причем очень подробно и тщательно.

Ты целиком покрыла ее паутинно-тонким слоем возрождающегося праха и вделала в стены косточки всех видов. Вошедшему вырвало бы руки из плеч, а кости в ногах нарушителя закипели бы, и кипящая кость поднималась бы все выше, как горючий гель. Дальше пришлось бы миновать ураган из четырех тысяч девятисот восьмидесяти семи острых гибких игл, сделанных из твоей собственной височной кости, быстрых, неразрушимых, резких.

Конечно, такой защитой ограничился бы только полный идиот. Были ведь еще и окна. Если бы ты решила залезть в чью-то комнату, то надела бы защитный костюм — а ведь настоящие ликторы в этом не нуждались! — вылезла бы за внешнюю часть обитаемого кольца и нашла бы неизбежную брешь в защите комнаты. В твоих комнатах такой бреши не было. Ты внимательно изучила планы и несколько часов строила лестницу из скелетов, размазывала собственную кровь и плевала в щели над стеновыми панелями. Ты выбралась в стыковочный отсек, открыла шлюз, выкинула туда мешок с костями и отправилась к себе, пока кости двигались параллельным путем, грохоча по корпусу. Ты привела их к своим окнам и защитила ими плекс

снаружи. Ты спустила кости в слив раковины и сияющей белой гробницы ванны. У тебя начинала болеть от напряжения голова, когда к тебе заходила всего-навсего Ианта Тридентариус и заклинания начинали реагировать на нее. Если она и заметила мелкую костяную пудру, которой ты обсыпала всю ее одежду, чтобы платья светились танергией, она не сказала ни слова. Это заставило тебя заподозрить, что она все знала и втайне поступала с тобой еще хуже. Ты не нашла ни одной из ее ловушек и поэтому нервничала.

Разумеется, безопасными твои комнаты все равно считаться не могли. Ты спала с мечом в руках. Ты часто внезапно вскакивала, чтобы проверить, как быстро ты сможешь начать действовать. Ты не сумела правильно поглотить рыцаря, и тебе приходилось полагаться на саму себя и работать в девять раз тяжелее. Но ты думала, что хотя бы знаешь свои уязвимые места.

Тебе было восемнадцать, и ты стала ликтором Первого дома, но где-то в глубине души ты угрюмо цеплялась за традиции Девятого. Несмотря на все требования мертвой Харроу, которая хотела сделать из тебя генералиста, ты полагалась в первую очередь на магию кости. Твои охранные заклинания были костяными и немногокровны-

ми. Не то чтобы ты не принимала во внимание магов духа — ты вполне разумно подготовилась ко всему, к любым понятным и непонятным сценариям, но все же по сути своей твоя магия оставалась магией некроманта Девятого дома.

Это стало твоей ошибкой.

Ты лежала в ванне, когда это случилось. В причудливых ванных комнатах Митреума не было ультразвуковых очистителей, можно было только вымыться в воде, к чему ты постепенно привыкла. Ианта открыто наслаждалась этой возможностью и постоянно твердила, что ты пускаешь слишком холодную воду, но ты так и не смогла поверить, что горячая вода безопасна. Ты лежала в нескольких сантиметрах воды чуть холоднее температуры крови, в экзоскелете и под защитой многочисленных костяных заклинаний, и по какой-то темной причине считала себя в безопасности.

Центральный оберег ванной располагался рядом со светильником, из-за которого плитка на потолке стала хрупкой и местами разошлась. Ты ничего не замечала, пока не увидела мелкие серые ошметки в воде, не набрала их в горсть, все еще полагая, что это мыло или что ты сама почему-то оказалась невероятно грязной. Даже

увидев подергивание умирающей измельченной кости, сыплющейся с заклинания, ты не могла понять, что происходит.

Молотая кость лежала в твоих руках, неподвижная, инертная. Только попытавшись слепить ее вместе, ты поняла, что она мертва так, как были мертвы лишь самые древние кости в самой старинной части Дрербура, кости, остаточная танергия которых полностью вытекла за десять тысяч лет, как вытекает вода из ведра, и оставила только кальциевую пыль, не отзывающуюся на призывы некроманта. Если бы кости, погребенные в Митреуме, ощутили бы на себе всю силу времени, если бы тление не было остановлено нежным прикосновением Князя Неумирающего, самые-самые древние из них стали бы похожи на то, что лежало у тебя в ладони.

Прошло примерно пять секунд от этого костяного пятнышка до осознания: твои заклинания разрушены. Затем ты услышала треск в прихожей, и дверь твоей ванной разлетелась на куски.

Ты непроизвольно окружила себя толстым коконом из скрепленной сухожилиями кости. Трюк вышел бы отличный, если бы он сработал. Ничто не реагировало. Экзоскелет свалился с тела, как будто ему стало за тебя стыдно. Костяные

гвоздики в ушах были глухи. Осколки кости, распиханные по нишам в ванной, не отвечали, когда ты тянулась за ними. Все кости в доступном тебе пространстве словно заснули и не двигались. Ты осталась голой, куда более голой, чем если бы с тебя просто сняли одежду. Впрочем, разделась ты сама. А святой долга стоял в дверях с копьем и рапирой, глядя на тебя спокойными зелеными глазами, как будто твои заклинания вовсе ничего не значили.

Он отвел руку и швырнул копье тебе в сердце. Ты с такой силой рванулась вправо, что ванна покачнулась и упала на бок, толстый фарфор треснул и раскололся и прохладная вода растеклась по полу, достав до носков его сапог. Меч, который ты положила поперек ванны, рухнул на пол. Костяные ножны отслаивались от него, как карамель с засахаренного яблока. Ты вцепилась в меч, но он подошел и пнул клинок в сторону.

Ты распростерлась в луже мыльной воды и грязной костяной пыли у ног своего убийцы. До копья, которое он метнул, и до меча, которым ты не умела пользоваться, было не дотянуться. Твои многослойные ловушки и планы на случай непредвиденных обстоятельств оказались никчемными. Ты была совершенно голая и мокрая.

Наверное, жизнь тебе спасло отчаяние. На протяжении всей своей некромантской карьеры ты готовилась к работе в космосе, то есть училась сражаться на расстоянии. Ликтор должен был это предвидеть. Он и раньше видел, как ты это делаешь. Но он не понял, что ты бросишься на него, вооружившись единственной оставшейся у тебя костью, своей собственной. Огромные шипы выросли из костей запястья, проросли из ладони, и ты кинулась вперед, стала бить его по груди, по лицу, по руке, держащей рапиру с алой лентой. Ты сделала длиннее изогнутые окровавленные когти из трапециевидных костей, вонзила их в ткань его потрепанной рубашки, глубоко в грудные мышцы, и тут он ударил тебя затылком о дверной косяк. Череп врезался в стальную раму, но Ортус упал назад, увлекая тебя за собой. Когда он перевалился через порог и оказался в спальне, у тебя была доля секунды, чтобы заметить свои заклинания, лежавшие у двери кучками и обломками, высохший на пороге прах.

Он бросил рапиру, чтобы вырвать твои когти из своей груди, и ты поняла, что он сделал. Он сжал окровавленные кости в пальцах, и кровь засохла и посыпалась вниз, пока он высасывал танергию. Он не пытался поглотить ее или обернуть про-

тив тебя, он просто уничтожал ее с невероятной легкостью, как будто сливал воду из кувшина в канализацию. Иглы живой кости, только что выросшие из твоего тела, за мгновения истлели и стали хрупкими. Он обломал их, вырвал из твоих ладоней и отшвырнул в сторону.

Ты обалдела. Ты пришла в ужас. Рапира снова оказалась в его руке, мягко поднявшись по струйке крови, стекавшей с предплечья. Он стоял слишком близко, чтобы пускать в ход клинок, поэтому просто ударил тебя рукоятью в лицо. Щека вмялась внутрь, ты почувствовала, как треснула челюсть, как пара зубов покатилась по рту, как кривые маленькие игральные кости. От удара ты отлетела назад, он подошел ближе и ударил вниз и вперед, попав тебе куда-то ниже ребер. Ты плюнула ему в лицо. Кровяной сгусток не долетел и плюхнулся на пол.

А вот зубы на мгновение зависли в воздухе, а потом раскрылись идеальными четырехугольными цветами острой эмали. Каждый из зубов нацелился в один из травянисто-зеленых глаз. Ты отправила зубы в полет, как пули. Они рванулись, а ты упала на бок, потеряв равновесие. Ты ощутила, как ломается затылок, почувствовала, как льется кровь из плечевых артерий, запани-

ковала.

Ты ударилась в стену и не видела, что было дальше. Но он этого тоже не увидел. С неприятным хлюпаньем зубы вошли в глаза.

Ортус не закричал от боли. Когда-то ты могла бы зауважать его за это. Он просто развернулся, держа в руке рапиру и таща за собой копье, и выбежал наружу через истерзанную переднюю дверь, через грязную, засыпанную лохмотьями заклинаний прихожую. Ты осталась лежать на полу у ванной — вся в мыле и крови, полумертвая и ничего не понимающая.

Травмы были излечимы. Артерии можно было перевязать, а потом соединить. Плоть сшить, кожу зарастить, дентин легко было восстановить, как и эмаль, хотя скорее всего челюсть пришлось бы переделывать несколько раз, чтобы добиться правильного прикуса. Сломанные кости черепа не повредили мозг, а кровь можно остановить. Вот только покой пропал навеки.

Святой долга мог пройти сквозь твои заклинания в любой момент. Святой долга был танергетическим вампиром. Святой долга был Немезидой для любого адепта костяной магии. Ты больше никогда не сможешь спать спокойно.

В этот момент кто-то, очевидно, привлеченный

шумом, на цыпочках подошел к твоей входной двери и заглянул внутрь. Тебе не нужно было ощущать ее присутствие, чтобы понять, что это именно она: ты знала звук ее шагов.

— Харроу? — спросила Ианта откуда-то от двери. Потом она, очевидно, остановилась, увидев тебя голой, окровавленной, ободранной, несчастной, с мыльной пеной на ногах. Тебе показалось, что ты чувствуешь ее запах: пот, мускус, ветивер.

Ты ясно видела свое вероятное будущее. До этого момента ты не осознавала опасности.

Если бы Ианта Тридентариус опустилась рядом с тобой на колени — со сладеньким презрением или с отточенной снисходительностью Третьего дома, ты бы рассказала ей о своих жалких страхах, ты бы заползла ей на колени и бесстыдно завыла, ты бы, как червяк, поползла бы за любыми крохами утешения, которые она могла бы дать тебе. Всю свою жалкую, унизительную жажду сочувствия ты бы вывалила на свою сестру-ликтора, зная, что от этой дерзости ты никогда не оправишься. Ианта станет твоим концом, таким же верным, как молот кислородной машины в детстве. Ты потянулась к ней так же бездумно, как мор поражает людей, ты предлагала себя ей,

как некроз предлагает себя ране.

Так что, наверное, слова принцессы Иды после многозначительной паузы оказались только к лучшему.

— Вау! Я совершенно не так себе это представляла! — И ты услышала торопливые шаги — она отступила прочь по коридору, по которому пришла. Потом и они затихли.

Ты лежала на холодной черной плитке, глядя на разводы на потолке, где когда-то располагались твои заклинания, несчастная и отчаявшаяся, почти мертвая и не способная излечить себя. Где-то в голове звенел и звенел Второй колокол, не вызванивая ни одну из священных композиций Девятого дома, и ни один звонарь Гробницы никогда бы такого не сделал.

Ты вслух сказала, еле шевеля распухшими губами:

— Святой долга должен умереть.

— Да, — отозвалась Тело с кровати.

25

Твой смертный обет никак не повлиял на всеобщую серьезность, царившую в Митреуме. Ты пережила апокалипсис, но больше ничего не изменилось. Все были слишком заняты, чтобы обращать на тебя внимание. В следующий раз, когда ты заговорила с учителем — сердце билось аж в горле, а чай ты пить упрямо отказывалась — он даже не упомянул этот случай. Конечно, он знал. Конечно, он знал вообще все. Ты была слишком горда, чтобы просить его о спасении, но оказалась слишком глупа, чтобы не ляпнуть, пытаясь отвлечься от паники:

— Господи, я видела, как святой долга целовал тело Цитеры из Первого дома.

Кусочек печенья упал в чай. Он посмотрел на него с неподдельным ужасом, а потом с таким же ужасом посмотрел на тебя и снова на печенье.

— Харроу… Харрохак… мне неприятно спрашивать, но ты уверена?

Даже бог тебе не доверял.

— Клянусь Запертой гробницей, учитель.

— Не стал бы я ею клясться в этом случае, — пробормотал он и взял свою мятую ложку, чтобы

выловить раскисший комочек имбирного печенья. Снова посмотрел на тебя. Под глазами у него виднелись темные круги, он не надел короны из детских пальчиков и перламутровых листьев, и, кажется, не причесался. Он пригладил волосы ладонью, будто услышав твои неодобрительные мысли.

— Что же, — сказал он наконец, — неудачно вышло.

— Это разве не грех? — Ты знала, что в этот момент похожа на предательницу, ну или на болтливую сплетницу. Но на самом деле ты хотела сказать: «Господи, я лежала в ванне, а он выпил танергию из моих оберегов, и я разорвала его глазные яблоки, пока он меня не убил. Я не спала сорок восемь часов. Я спросила у Мерсиморн, как лучше всего стимулировать выработку естественного кортизола, чтобы не спать. Она ответила, и теперь я боюсь, что испортила себе гипоталамус».

— Ты разве не считаешь, что это странно?

— Странно тут разве что то, что Ортус раньше проявлял интерес только к Пирре и к преступникам, за которыми охотился, — ответил император Девяти домов. — Когда он выкинул командира эдемитов из шлюза, то походил на жениха на

свадьбе. Впрочем, это не очень романтично. Харроу, за десять тысяч лет я хорошо изучил этого человека, и он не нуждается в любви. Я видел, как шестеро других ликторов заводят бесконечные бесполезные романы друг с другом, потому что невозможно столько времени быть одному, но только не он. Он неприступен. Я не верю, что он сделал что-то с Цитерой. Она всем нравилась, и ему тоже, но расстояние между симпатией и… уестествлением трупа очень велико.

Ты, чувствуя себя слегка пьяной и невыносимо жалкой, смотрела на свое несъеденное печенье.

— Наверное, мы кажемся тебе бандой развратных бессмертных преступников, — тихо сказал он.

Ты ничего не ответила. Он надавил:

— Харроу, сделай что-нибудь нормальное. Научись готовить. Почитай книгу. Конечно, надо идти вперед и готовиться… вся наша жизнь вращается вокруг подготовки… но и отдыхать тоже надо. Когда ты спала последний раз?

Ты впервые подумала, что бог тебя не понимает.

Что никому нет до тебя дела, что никто не уделяет тебе ни капли внимания, включая святого долга, который был таким же нормальным,

двухглазым и целым, как обычно. Ты не тешила себя надеждой, что смогла причинить какой-то серьезный вред. Единственным подтверждением произошедшего остался запах сырости от ковров.

Так что ты отправилась к Ианте и спросила ее, как варить суп.

— Ой, это просто, — весело сказала принцесса Иды. Хотя Августин все чаще критиковал ее, она не выказывала ни малейших признаков гнева, хотя его вполне можно было ожидать. С каждой неудачей она становилась все беззаботнее.

— Режешь лук, обжигаешь его на дне кастрюльки, кидаешь пару овощей, а потом немного мяса. Вкуса никакого не будет, поэтому положи пару ложек соли, тогда будет вкус пары ложек соли.

Во исполнение приказа императора ты приготовила суп. Раньше ты никогда не видела, как готовят. Тебе не понравилось. В ящике кухонного стола нашлись технические руководства на эту тему, и ты предпочла следовать им, а не рассуждениям Ианты на тему соли. К вечеру третьего дня после неудачного купания ты не спала уже восемьдесят шесть часов, но прочитала книгу и трижды сварила суп. В часы сна ты лежала под кроватью в темноте, тяжело дыша и глядя на

голые стальные ребра рамы. Ты молилась покойнице из Запертой гробницы или твердила про себя «Господи, господи, господи», пока слова не теряли всякий смысл, не сливались одно с другим и не присоединялись к симфонии звуков, кипевшей у тебя между ушами. Ты ждала нападения, но его все не было.

На третий же день после прихода Ортуса напряжение в Митреуме стало тяжелым и ощутимым, будто бы в рассоле выпали кристаллы. Ты не имела к этому никакого отношения. Просто Августин поставил Ианту на счетчик.

— Еще пять дней, — сказал он. Ты знала, потому что он сообщил это за завтраком, прямо перед тобой и Мерси. — У тебя осталось пять дней, курочка моя. Если ты к этому времени не отпустишь свою руку и не научишься ею действовать, я перестану тратить время на твое обучение. Я не занимаюсь благотворительностью. Иначе я учил бы Харроу.

В другой жизни ты бы заледенела от ярости или просто сильно бы огорчилась. Сейчас ты просто смотрела на нож, вилку и ложку, пытаясь вспомнить, зачем все это нужно. Ложка с выемкой на конце, вероятно, предназначалась для переноски жидкостей. Ты увидела в ней отражение Ианты, которая оперлась бесцветным подбородком об

руку и наклонила голову, как будто слушала не очень интересную сказку на ночь.

— Как скажешь, брат.

Все стали особенно раздражительны и бесились — кроме Ианты и кроме тебя. Ты ходила по Митреуму с мечом за спиной, не убирая руку далеко от конца — яблока — рапиры. И варила суп.

Через два дня после ультиматума Августина измученный бог, очевидно впечатленный твоим новообретенным талантом к варке супов или соскучившись по социальному взаимодействию, попросил тебя приготовить ужин для всех. Ты нашла еще несколько книг с рецептами, потратила некоторое время на калибровку мер и весов и поиски наиболее подходящих ингредиентов в огромных кладовых и впервые за долгое время заперлась в ванной, чтобы сделать то, что должна была сделать. Сто двадцать шесть часов. Боли ты больше не чувствовала. Иногда челюсть тряслась сама по себе, но это было почти музыкально.

В тот вечер ты готовила суп намного тщательнее, чем обычно. В рецепте говорилось, что варить его надо долго. Ты бродила по кухне, шарахаясь от ламп, помещение постепенно затягивало паром, поднимался сладкий запах. Когда звонок сообщил, что время вышло, ты уже почти

кричала. Ты не сразу смогла выключить плиту. Минуту поколебавшись, ты попробовала результат своих трудов: ты терпеть не могла сильные вкусы, да и вообще не очень разбиралась в том, что такое вкус. Особенного вкуса у супа не было, но ты не добавила упомянутую Иантой соль.

Ты перелила его в большую супницу. Когда все расселись за столом, император сам стал разливать суп по тарелкам, как он всегда делал: в первые дни в Митреуме тебя страшно пугало то, что бог Девяти домов ставит перед тобой тарелки, но он всегда так себя вел. Он был тобой доволен. Он улыбнулся грустной, усталой улыбкой и осторожно положил руку тебе на плечо, наполняя твою тарелку.

— Я это и имел в виду, Харрохак. Готовь еду. Читай книги. Мелочи важны…

До отведенного Ианте срока оставалось два дня, и все ликторы ели без особого удовольствия. Ты смотрела, как Ианта глотает суп, и возилась со столовыми приборами. Выглядел суп неплохо, и ты даже смутно им гордилась: густой, полупрозрачный, золотисто-белый, необгоревший лук слоистыми белыми клиньями, конфетно-оранжевая консервированная морковка. Ты очень внимательно прочитала все об овощах, пытаясь

преодолеть свое отвращение к цвету. Ты не хотела ничего, что могло бы полностью раствориться в супе за время готовки.

— Соли маловато, — решила Ианта.

— Воды многовато, но попытка неплохая, — сказал Августин преувеличенно весело. — Бульон должен подольше повариться и выпариться, Харроу.

(Ты выпаривала его несколько часов, а потом в ужасе долила воды.)

— Не пойми меня неправильно, сестренка. Стряпня нового человека через десять тысяч лет — в любом случае волнующее событие. Можно я дам тебе список своих любимых блюд, чтобы ты могла их все неправильно приготовить?

Святой долга ел суп равнодушно, механически. Ты успела заметить, что ему не нравятся кое-какие овощи, поэтому положила их все. Из-за этого ему приходилось есть в основном жижу. Бог съел немного супа, отложил ложку и запил водой. Ничего не сказал. Следующие шестьдесят секунд раздавалось только немного виноватое хлюпанье.

— Если мы собираемся и дальше устраивать эти жуткие совместные ужины, давайте хотя бы разговаривать, — злобно сказала Мерси. Она

выискивала в тарелке кусочки какого-то корнеплода и изящно ела их вилкой. — Смысл сидеть тут и есть посредственную еду молча? Это я и одна могу.

Ты спросила, помолчав секунду, чтобы подобрать слова получше:

— Она посредственная, старшая сестра? Я следовала рецепту.

— Кассиопеи? Да, уж она готовить умела, — сказал Августин, и гранитные глаза на длинном остром лице стали влажными. — Правда, если подумать, это не всегда хорошо заканчивалось. Джон, помнишь, как она оттяпала себе половину пальца, выковыривая мякоть из кокоса? И никому не сказала, пока мы все не съели. Вот тебе урок, Харроу: признавайся раньше, чем мы найдем палец в супе.

Ты вздрогнула и попыталась улыбнуться, кажется, этого от тебя и ждали. Ианта посмотрела на тебя и сильно передернулась.

— А что это за мясо в бульоне? Оно все так разварилось.

Ты закрыла глаза и попыталась вспомнить. Было очень сложно. Очень хотелось спать. Ты столько всего делала разом, что последние остатки концентрации тебя покинули. На секунду

или две ты забыла слово, которое вертелось на кончике языка, и выстроила его заново, одну стромальную клетку за другой.

— Костный мозг, — сказала ты.

Святого долга разорвало — из его живота выскочил твой конструкт. Да, суп был водянистый и невкусный, но вот как способ доставки гелеобразной взрывчатки, костного мозга, разваренного так, что его никто не заметил… в этом смысле суп был идеален. Полдюжины рук схватили его и принялись рвать на куски, поблескивая в мягком электрическом свете. Ты выдохнула наконец, и костяные косы уничтожили внутренности, легкие, сердце.

Потом ты нацелилась выше, к мозгу.

— Хватит, — сказал бог.

Мир замедлился. Августин и Мерсиморн замерли, наполовину поднявшись со стульев. Ианта остановилась, не успев поднять левую руку и заслонить лицо. Ты застыла на стуле, кости вдруг стали очень жесткими и неподвижными, а плоть туго облепила их. Осколки и брызги, летящие от святого долга, не остановились. Они заливали стол розовым водопадом, дробно стучали по тарелкам, по скатерти и по полированной темной поверхности дерева. То, что осталось от него

— то ли человек, то ли груда плоти, — замерло и бесстыдно засветилось ярко-белым светом, когда сила бога вспыхнула, слепя глаза.

Император Девяти домов, первый воскресший, сидел во главе стола, его простецкое лицо покрывала кровь, а в глазах стояла смерть света.

Первый владыка мертвых сказал очень спокойно:

— Уже десять тысяч лет, Харроу, я не ел человеческих существ, и мне не хотелось этого делать. А теперь расскажи, что это было.

Тело тебя не слушалось, но губы зашевелились:

— Я преобразовала скопление стволовых клеток костного мозга в сезамовидную кость, а из нее подняла конструкт.

— Харрохак. Ты не смогла бы почувствовать чужой костный мозг в теле ликтора. Я не уверен, что с этим хотя бы Мерси справилась бы, даже если бы обнимала Ортуса все это время.

— Но это не чужие клетки.

— Что?

— Я положила в суп свою большую берцовую кость, — объяснила ты.

Бог на мгновение прикрыл глаза и оттолкнул тарелку на долю дюйма. Ты смотрела через стол

на него, на белые, далекие лица твоих номинальных учителей, на застывшее лицо Ианты, похожее на слоновую кость, на ее порозовевшие волосы, на космос за окном, где, казалось, замерли даже астероиды.

— Ты должна понимать, Харроу, что я не позволю вам убивать друг друга у меня на глазах.

— Он напал на меня в моей комнате. Он выпил мои заклинания.

— С точки зрения святого долга это комплимент.

— Господи, он охотится на меня. Я погибну.

— Харроу…

— Я говорю не как Харрохак из Первого дома, — произнесли твои губы. — Я пришла как проситель. Я не могу так жить. Господи, чем я разгневала тебя, что ты защищаешь его. А не меня? Я понимаю, что я — лишь заостренная веточка рядом с лучшим из твоих клинков, но почему ты не даешь веточке жить? Я не могу жить так, не могу. Мне некуда пойти. Мне не к кому прийти. Я — ошибка.

Вы смотрели друг на друга через длинный, залитый кровью стол.

— Харрохак, когда ты спала последний раз? — спросил бог.

Ты вложила в свои слова все достоинство Запертой гробницы, холод камня, который откатили от входа, и костей, которые покоились там, и тихой соленой воды, плескавшейся перед белым склепом твоего священного монстра. Ты сказала:

— Шесть дней назад.

Император Девяти домов встал.

Чары, чем бы они ни были, рассеялись с той же скоростью, с какой закатывается белое солнце. Ты обмякла на стуле. Конструкт, весело выбиравшийся из святого долга, рассыпался розовой пылью. Осколок, который ты вела по шейным позвонкам к основанию черепа и мозгу, просто исчез: был уничтожен или удален, ты не поняла. Комок внутренностей Ортуса из Первого дома, раскинувшийся перед ним на столе, растаял в мягком тумане. Воздух вырвался из всех легких разом. Ортус схватился руками за живот.

Император не дал никому времени что-то сделать. Он сказал ровно:

— Ужин окончен. Давайте выйдем из-за стола. Ианта, отведи свою сестру в постель.

Стулья задвигались, раздался хруст дерева и визг плитки.

— Господи… — начал Августин.

— Идите, — сказал бог.

Все вокруг стало нереальным. Ианта, сжав побелевшие губы, стащила тебя со стула. Кожа, которой она касалась, на самом деле была тонкой хрупкой сеткой, охраняющей твою плоть. Плоть состояла из десяти тысяч пауков. Она закинула твою руку себе на плечи, как будто ты была инвалидом. Может, так оно и было. Ноги не гнулись. Самая старшая сестра, заметно позеленевшая и выбиравшая сгустки крови из длинных волос цвета перезрелой розы, тоже встала, но император велел:

— Останься, — и она замерла.

Тебе и в голову не пришло драться с Иантой, пока она уводила тебя прочь. Ты бы покорно пошла на бойню без ошейника или поводка. У тебя за спиной Принц милосердный говорил таким зловещим тоном, какого ты еще не слышала:

— Шесть дней без сна. И она может поднять целого скелета из растворенного костного мозга. И что ты еще пропустила, Мерсиморн?

Ты уже добралась до двери, когда услышала раздраженный ответ:

— Но это безумие! Ей всего девять!

* * *

Святые долга и терпения вышли в коридор. Если бы любой из них решил тебя убить, ты бы ничего не сделала. Ты смотрела на них, хотя Ианта тянула тебя прочь. На Августина, который будто увидел привидение какого-то неприятного человека, и на Ортуса.

Ианта попыталась развернуть тебя, но ты все равно смотрела на святых, пока она тащила тебя по коридору. Ты увидела, как Августин достал сигарету, поджег ее маленькой серебряной зажигалкой, которую носил в нагрудном кармане, и молча протянул своему брату ликтору. Ортус вел себя невозмутимо. На одежде не осталось следов крови. Ни одного обрывка кишки на старой рубашке или перламутровом плаще, свисавшем с плеча. И никаких эмоций на лице: ни удивления, которое чуть раньше приподняло его тяжелые веки, ни гнева, ни даже неудовольствия.

Он посмотрел тебе в глаза. Ты не отвела взгляд.

И святой долга поднял зажженную сигарету, явно салютуя тебе.

26

Как-то днем взгляд Харрохак привлекли дождь, заливающий посадочную площадку, и черные фигуры в тумане. Они стояли на самом краю террасы. Она натянула капюшон поглубже, вышла под дождь — костяные щепки она зажала в кулаке, чтобы они не отсырели от дождя или пота, — и подошла ближе. Одна из черных фигур выступала из серого вонючего тумана, как полуденное солнце из облаков, она была крупна и величественна. Это была Коронабет Тридентариус.

Она смотрела в другую сторону, и буйство ее волос, наполовину забранных в пучок, наполовину промокших насквозь, под дождем казалось темным янтарем. Она не спорила и не кричала. Она была спокойна, как статуя, и бдительна, как сторожевой пес.

Человек рядом с ней оказался значительно более мелким и хрупким, а его стерильная мантия от воды стала бледно-серой. Косица, заколотая на голове, тоже казалась белой, а промокшая от дождя кольчуга влажно блестела в тумане. Своим черепашьим шагом Харрохак успела преодолеть половину расстояния, когда услышала, как

Сайлас Октакисерон говорит, перекрывая шум дождевых капель:

— И где-то там всю кровь твоего рода ждет малая доля страданий, что выпали на мою долю.

Он ударил. Старшая принцесса Иды свалилась с края посадочной площадки с лебединым изяществом. Она просто соскользнула в бездну, не дрогнув и не изменив позы. Просто — горела золотая звезда, и вдруг исчезла. О том, чтобы помочь ей, не было и речи. Некромант Восьмого дома стоял, ветер трепал его мокрый алебастровый плащ, косичка развалилась на прядки. Он даже не посмотрел через край.

Но он смотрел на Харрохак.

— Защищайся, Октакисерон, — сказала она. — У черных весталок есть только один ответ на убийство.

— У черных весталок есть только один ответ вообще на все, — последовал ответ, произнесенный удивительно глубоким, но каким-то каркающим голосом. Их разделяло расстояние примерно в пять человеческих тел, и глаза на его белом, ошеломленном лице были тусклы. — Если звучит вопрос «почему», черные весталки отвечают «потому». Ты явилась за мной, ночная шавка, осколок рабовладельческого строя, ты сделала то,

что сделала, а теперь велишь мне защищаться. Что я могу ответить?

— Мне насрать на тайны и загадки белого стекла, — сказала она. — Но ты только что убил одну из Тридентариус.

— Убил? — переспросил Сайлас.

Он посмотрел на клубящийся туман, застилавший неспокойное море, куда, должно быть, еще не успела упасть Тридентариус. Вблизи Харроу разглядела его неприглядный вид: одежда помята, пуговицы не застегнуты. Туман и дождь здорово его потрепали.

Харроу вытащила руки из карманов и уронила косточки на землю. Из каждого обломочка — в затылке что-то щелкало при распределении танергии, щелк, щелк, щелк — она подняла полноценного аппендикулярного скелета, торопливо растя кости, чтобы они не успели смешаться с водой. Теперь они тускло поблескивали, как мрамор. Сайлас Октакисерон смотрел на пять скелетов, скривив губы.

— На подоле у нее была нечистота, но она не помышляла о будущности своей, — пробормотал он.

— Ради бога, Октакисерон, подними руки, — сказала она. — Или мне придется убить безоруж-

ного.

— Так оно и происходит? — спросил Сайлас.

Он отвернулся. Она поняла, что он хочет сделать, и ее скелеты заскользили вперед по мокрому бетону площадки. Но без толку: Сайлас Октакисерон бесстрашно бросился в пустоту вслед за рухнувшим телом Коронабет Тридентариус. На мгновение он словно завис на сыром ветру, как грязная белая птица, а потом исчез.

Она протолкалась сквозь строй скелетов и подошла к краю: они придерживали ее за руки из соображений безопасности. Посмотрела вниз, в нетронутую бездну соленого, зловонного тумана. Никаких следов некромантов. Далеко внизу ревел океан. Харроу показалось, что она услышала хлюпанье, с каким тело прошло бы сквозь плотное облако. Пульс ритмично стучал в ушах, и ей вдруг показалось, что она увидела струю водянистой крови, как будто ранили сам туман. Но красное пятно исчезло почти сразу.

27

Потом наступил провал. Следующее, что ты осознала, — что ты смотришь в темные недра комнаты, освещенной только маленькой желтой лужицей света, разлитой вокруг ночника, и что простыни скользкие и прохладные. Впервые в жизни у тебя не получилось запаниковать с целью вызвать прилив адреналина. Это устройство сломалось. Ты слишком много дней вырабатывала сплошной кортизол, и теперь гипофиз отправился в несанкционированный отпуск куда-то подальше. Так что тебе оставалось только лежать, ничего не понимая, в незнакомом месте.

Хотя не в таком и незнакомом. Через несколько долгих глупых секунд ты осознала, что тебя уложили отдохнуть в бело-золотой конфетной кровати Ианты, под ее прохладное атласное одеяло, на белье, сплошь вышитом шелковыми цветами сирени. Ты снова попыталась запаниковать, вжалась в матрас и жалобно вскрикнула.

— Лежи, — сказала принцесса Иды.

Она стояла у окна. Аметисты, украшавшие рукоять ее рапиры, сверкали и переливались в темноте, левую руку она завела за спину, ноги

расставила на ширину плеч, а правую руку с клинком вытянула перед собой. Она совершала размеренные механические движения: острие клинка вверх, острие клинка вниз, поворот запястья.

Ты попыталась сесть. Голова болела так, как будто кто-то насовал тебе в череп крошечных крючочков и тыкал ими прямо в мозг каждый раз, когда ты двигалась.

— Лежи, я сказала. Ты вообще с ума сошла, — добавила она без особых эмоций. — Поверить не могу, что я съела целую миску вареной монашки. Надо было два пальца в рот сунуть.

Принцесса Иды была не похожа сама на себя: это была какая-то очень далекая и отстраненная Ианта, будто рука, вырванная из плеча, или зуб, вынутый из челюсти. Голова у тебя весила целую тонну. На мгновение тебе показалось, что вы снова вернулись на «Эребус», во времена, когда ты будто состояла из ваты и черного тумана.

Она переменила стойку. Рапира медленно опустилась слева, медленно поставила блок справа, сверкнула сталью и поднялась наверх, указывая кончиком в потолок. Потом снова налево, потом вверх, чтобы перехватить воображаемый удар, направленный в голову и плечи. Защитная стой-

ка, которую тебе стоило бы выучить, но ты этого не сделала.

Ианта тренировалась в ночной рубашке, жуткой конструкции из золотистого кружева длиной в пол, в которой ее длинное тощее тело походило на пронизанную зелеными прожилками мумию. Даже ты была в состоянии понять, что двигается она неловко и скованно.

Ты довольно долго пыталась выговорить:

— Августин…

Она сразу же нетерпеливо ответила:

— Ты еще не спишь? Ну да. Можно было бы надеяться, что твоя маленькая выходка за ужином даст мне отсрочку, но этого не произошло.

— Святой долга, — слабо прошептала ты. — Ортус умеет высасывать заклинания.

Ианта ответила что-то очень грубое. Потом добавила:

— Так вот почему ты перестала спать. Что ж, если он решит напасть на тебя, пока ты здесь, можешь быть уверена, что я обрадуюсь такому аду.

— Но…

— Спи, Харри.

Ты была очень слаба. Ты чувствовала даже не усталость, а полное истощение, дурманную, неясную слабость. Опустив голову на подушку

Ианты, ты почувствовала тонкий запах гниющих яблок с ее прикроватной тумбочки, а потом и ее собственный запах, который уже казался совсем знакомым. Именно животное стремление к знакомому взяло над тобой верх. Ты закрыла глаза и заснула.

* * *

Ты не знала, сколько проспала. Не знала, в какой день проснулась, утром или вечером. Свет дневных ламп просачивался сквозь полог кровати с балдахином теплыми белыми лучами. Лимонно-желтый свет подчеркивал обнаженные тела на картинах, украшавших стены. Ты будто проспала сотню лет. Атласное одеяло под ладонью казалось прохладным, и в постели Ианты тебе было комфортно.

Поначалу ты почти ничего не чувствовала, но потом постепенно ощутила тяжесть рядом с собой. Ты повернулась на бок, вдруг страшно испугавшись, что ты увидишь хозяйку кровати. Рядом с тобой на одеяле лежал твой меч, и костяные ножны переливались тускло-серым в имитированном солнечном свете. Как ни посмотри, это было приятнее, чем проснуться рядом с Иантой «Люблю свою сестру и убивать» Триден-

тариус.

Потом ты услышала дыхание. Этот звук прочистил тебе мозг и душу, ты отбросила одеяло и подползла к краю кровати. И увидела Ианту на полу.

Она лежала на животе на кремово-золотом коврике, брошенном поверх пушистого ковра цвета темного меда. Вокруг нее все увеличивалось кровавое пятно. Лужа крови походила на ее тень. Длинные волосы вуалью закрыли лицо и плечи, она с трудом стонала сквозь зубы и дышала тяжело и рвано, как умирающее животное. Пока ты безмолвно наблюдала за ней, лежа на ее же матрасе, она приподнялась на локтях, обеими руками стиснула багровое лезвие своего трезубого кинжала и яростно вонзила его в отвратительный шов на своей правой руке.

Ианта била снова и снова. Рана продолжала заживать. Кожа срасталась, как только лезвие выходило из нее. Кровь слипалась вокруг шва зубцами или иголочками, Ианта попыталась разорвать этот шов, но локоть подогнулся, и она плюхнулась на мокрый ковер. Выронила кинжал из бесчувственных пальцев. Шлепнула ладонью по почти незаметному шву, раз, другой. Потом тихо горестно застонала и легла на бок, свернув-

шись клубком.

Разум твой был ясен. Мысли казались теплыми и чистыми, словно их пропустили сквозь ультразвуковой очиститель. Почти не дрожа, ты опустилась на колени рядом с ней. Перекатила ее на спину — она посмотрела на тебя испуганными глазами, сине-карими, с сиреневыми вкраплениями. Губы уродливо скривились от презрения к себе. Ты видела это выражение миллионы раз — в зеркале. Но никогда — у нее.

— Харроу, — с трудом сказала она, вся дрожа.

— Ну ты и дура, — сказала ты.

— Как мне не хватало твоих нежных слов. — Губы Ианты стали почти фиолетовыми от боли. — И твоего сладкого сочувствия.

Ты слишком сосредоточилась на задаче, чтобы думать о ее лицемерии.

— Надо оторвать разом, — сказала ты.

— Что…

— Найди что-нибудь, что сможешь зажать в зубах.

Она смотрела на тебя разноцветными глазами. Она раскинулась перед тобой в своей отвратительной цветочной ночной рубашке, теперь покрытой алыми, золотыми и розовыми пятнами и похожей на печенку. Через мгновение она кив-

нула, оторвала окровавленную полосу желтого кружева от подола, свернула в тугой цилиндр и сжала в зубах. Зубы были очень белые, язык — влажный и красный.

Ты выпрямилась, стоя на коленях, слегка покачиваясь из стороны в сторону, и увидела ее настоящую: изысканное скопление кожи и плоти, с драгоценной паренхимой где-то посередине. Когда ты положила руки ей на ребра, то увидела ее скелет, как будто она застенчиво разделась для тебя, как будто в оранжевом свету дневных ламп она сняла все капилляры и железы с нежного подъема лопаток. Ты увидела изгиб ее ключиц, мягко склоняющийся, как поникший колокольчик.

Это оказалось очень просто. Ты выспалась, и теперь все было просто. Как будто ты долгое время передвигалась в стальном скафандре, а теперь освободилась. Как и перед любой сложной работой, ты помолилась вслух: молилась, чтобы камень не откатили от входа, чтобы однажды погребенное покоилось с миром, закрыв глаза и успокоив свою душу, молилась женщине, которую ты любила, чтобы она помогла тебе раздеть женщину, которую ты не любила, но чьими костями ты не могла не восхищаться. Ты сжала ее

бедра коленями и вытащила из ладони длинный костяной стержень — Ианта дернулась, но всего один раз — и заточила его край до полупрозрачной, немыслимой остроты.

Одним ударом ты отхватила руку: пробила связки у лопатки, перерезала плечевую кость. Ианта заорала сквозь зажатое в зубах кружево. Кровь потоком залила тебя спереди, мгновенно промочила одежду и стекла в пупок. Ты сразу же прижгла плоть, пережала сосуды, дотянувшись туда, где раньше была кость. Потом ты закрыла рану пористой костью, чтобы тебе было над чем работать, повернула плечо руками. Ианта задергалась от твоих прикосновений, но крики сменились хищным хныканьем.

Это должна была быть ее собственная рука. Не так и сложно. Ты вытянула тонкие перепончатые нити красного костного мозга из обломка кости, торчащего из плеча, а потом из мелкой остеобластической пыли, из спутанной костяной сетки вокруг губки, из костного мозга ты сделала новую руку. Плечевая кость оказалась плевым делом, и ты с искренним удовольствием вставила ее в гнездо лучевой кости, в раздвоенные объятия локтевой. Суставную головку ты лепила, затаив дыхание, и наконец прикрыла ее влажной белой

костью.

Рука почти что помогала тебе. Скелет вспоминал сам себя. Тебе не нужно было так уж подробно знать строение костей запястья любовницы — длинный зуб полулунной кости, выступающую трапециевидную кость — не нужно было и знать, как изгибается дистальная фаланга, как лежит тело кости. Новая кость охотно выскакивала навстречу твоим пальцам, как будто влюбленный тянул к тебе руку после долгой разлуки. Ты скорее направляла эти кости, а не создавала. А потом настало время творчества, и ты предупредила:

— Будет больно.

Ианта дернулась вверх.

Ты знала свои пределы. Ты инстинктом поняла, что сделать с ее телом, и это было не совсем то, чего она хотела, но ты полагала, что этого хватит. Ты обвила кость сухожилиями — только самыми необходимыми для движения. Ты вделала нервы в сверкающую надкостницу, там, где раньше не было никаких нервов. Неполный комплект, но должно хватить. Кость будет взаимодействовать с костью, а нервы — с мозгом. Когда ты провела пальцами по гладкой, уже оживленной плечевой кости, Ианта почти выплюнула свой комок кружев. Ты вжала ладонь в плечо и оживила его. Она

ритмично всхлипывала под тобой.

То, что получилось, не было рукой. Это был конструкт, лишенный плоти скелет. Сев рядом, ты почувствовала приятную усталость и прохладу высыхающего пота, как будто ты пробежала длинную дистанцию. Ты смотрела, как Ианта вынимает изо рта пропитанный слюной обрывок ночной рубашки, как, дрожа, поднимает новую руку к свету. В теплом отсвете электрических ламп обнаженные кости переливались золотом.

Старая рука лежала на полу, брошенная и мертвая, и будто жалела себя. Ты сказала:

— С плотью возиться не стала.

— Но я что-то чувствую, — недоверчиво сказала Ианта.

— Большая часть нервных узлов находится в локте.

— Но почему…

— Ты успела выяснить, что процесс регенерации у ликторов замкнут на нервные волокна?

— Но ты же…

— У меня нет всего, что тебе нужно. И мне пришлось придумать замену. Я смотрела и думала. Сначала я предположила, что смогу восстановить все самостоятельно… но вопрос не в нервах, даже если они передают какие-то сигналы о восстанов-

лении функционирования. Я подумала, что, если почувствую достаточно боли, что-нибудь сможет прийти мне на помощь. Этого не случилось.

Она растопырила пальцы правой руки, потом сжала их в пробный кулак.

— Тебе понадобится какая-то ткань или хрящи на ладони, чтобы держать рапиру. Рассматривай это как перчатку.

Ианта, вся покрытая подсыхающей кровью, откатилась в сторону. Ты смотрела, как она встает перед украшенной аметистами рапирой в ножнах, как она медленно вытаскивает ее с мягким металлическим звоном, от которого у тебя заныли зубы. Ты смотрела, как ее паутинная, костяная рука с желтой подушечкой жира — ты бы выбрала что-нибудь другое, но у нее были свои предпочтения — поднимает рапиру. Этой руке держать клинок было гораздо проще, чем той, что уже лежала на полу. Ианта закрыла глаза.

Выпад. Рука повиновалась. Движение вышло четким, плавным, отточенным. Она разрезала воздух перед собой, крутанула рапиру в руке. Все движения выходили правильно. Ее тело больше не принадлежало ей, ты удивлялась, но больше не видела ленивой Ианты в этих блоках и выпадах. Это был рыцарь, который с колыбели знал,

что уготовила ему судьба, и впервые взял в руки рапиру тоже в колыбели.

Надо было переодеться или смыть кровь. Но твоя сестра-ликтор просто набросила на плечи перламутровый белый плащ, который заискрился, как снег на рассвете, пристегнула рапиру к поясу, сунула нож-трезубец в специальные ножны на бедре, указала на тебя рукой и велела:

— Я вернусь через пятнадцать минут, никуда не уходи.

Ты все еще чувствовала себя усталой и напуганной. Уход Ианты напомнил, насколько ты уязвима на самом деле. Но Ианта не слушала твоих протестов. И в пятнадцать минут не уложилась. Ты снова забралась в постель, натянула на себя одеяло. Очень медленно, но уверенно, твой пульс вернулся к нормальным показателям.

Прошло добрых двадцать пять минут, пока дверь не открылась. Ты сжалась, готовясь к бою, но это оказалась всего лишь Ианта. Новая Ианта. Она представляла собой печальное зрелище. Ты гордилась ее правой рукой как художник, но немедленно узнала эту жуткую границу, бескровную плоть и бескровную кость, неожиданную и жестокую наготу. Ночная рубашка из желтого кружева засохла жесткой бурой коркой, такая же

корка местами осталась на волосах, на висках виднелись рыжие пятна.

Но на лице ее было написано неприкрытое облегчение. Это было лицо гордого ребенка, который впервые поднял скелет, способный сделать пару шагов и не рассыпаться. Она ослепительно сияла, ее вылинявшая кожа приобрела сливочный цвет, а лицо из посмертной маски стало живым. Глаза снова поголубели, хоть в них и остались осколки бурого. Впервые в жизни ты подумала, что она очень похожа на сестру.

Она все еще сжимала в костяной руке прекрасную рапиру Третьего дома, наставив на тебя клинок. Сказала, не пряча волнение:

— Полное говно. Сломается же.

— Не спеши, Тридентариус. Это живой прах.

— Выпад получился не таким сильным.

— И он не помог?

Она медленно прочертила клинком сверкающую арку и сказала не без веселья в голосе:

— Набериус всегда мне помогал.

— Что сказал Августин из Первого дома? — спросила ты.

— А ничего, — ответила она и рассмеялась жемчужным смехом. Плюхнулась на кровать и выпалила: — Почти ничего! Он опустил меня в

Реку, два раунда простоял против моего тела. Оно работает, Нонагесимус. Работает! Он сказал, что выглядит ужасно и что он сделает позолоту…

— Какая вульгарность, — заметила ты.

— …Но я могу сражаться так же, как сражалась, когда стала ликтором, до утраты руки. Я настоящая, у меня получается! Харри, я ликтор!

Ее ликование было заразительно. Она не причинила тебе боли. Ты не была ликтором.

— Можешь поблагодарить меня, когда захочешь, — сообщила ты.

Ианта вдруг бросилась на кровать рядом с тобой. Уронила рапиру куда-то на одеяло и в первый раз коснулась сухим дистальным кончиком своего нового указательного пальца твоей щеки. Ты чувствовала себя уязвимой, но не отшатнулась. Она похлопала тебя по скуле, по кончику носа и наконец прижала обнаженный палец к твоей нижней губе.

— Поблагодарить? — сказала она. — Харроу, тебе нравилось вот это.

Гладкий коготок на твоей губе казался прохладным. Ее лицо оказалось совсем рядом с твоим. Кружевная ночная рубашка была разорвана спереди. Принцесса Иды сказала:

— Я уже знаю, как отблагодарю тебя, — и со-

всем сбила тебя с толку. Ты, глупый младенец, была ошарашена. Ты очень устала, смущалась и кайфовала, потому что сотворила нечто почти идеальное, совершила небольшое чудо собственного изобретения и несколько минут снова побыла Харрохак Нонагесимус, величайшей некроманткой, рожденной священными глубинами Дрербура.

Ианта отняла палец от твоих губ, посмотрела на тебя и улыбнулась сияющей уверенной улыбкой:

— Я помогу тебе убить святого долга.

28

Несколько дней спустя бесконечный дождь и липкий туман неожиданно обратились льдом. Харрохак проснулась в незнакомой пристройке, где теперь спала. Кожа от холода покраснела и потрескалась. Покои Второго дома оказались наименее сырыми из всех доступных — в основном потому, что они располагались в южной части дома Ханаанского, в самом низу. Лейтенант Диас пригласила всех перебраться к ней, без всякого, впрочем, энтузиазма. Импровизированные постели и тюфяки разложили по полу гостиной, сломанную мебель затолкали по углам и расставили вдоль стен, и лежали теперь рядом, как жертвы побоища.

Компания была разношерстная: Абигейл Пент с мужем заняли ломаную кровать с балдахином, где раньше спала покойная Юдифь Дейтерос. Протесилай из Седьмого дома лежал рядом со своей интубированной адепткой, которая устроилась в куче ковриков, плащей и своей запасной одежды и спала, как здоровый младенец. Диас, которая вовсе перестала спать, все время точила свою рапиру, будто хотела огранить ее до девятнадцати

граней. Ортус, ну и сама Харрохак. Ортус кинул свой тюфяк между всеми присутствующими и дверью.

— Я стану заслоном, — зловеще сказал он, хотя Харрохак заметила, что это просто было самое теплое и сухое место.

Вот и все. Больше никого не было. Когда она спросила о детях из Четвертого дома, Пент лукаво ответила, что уже перевезла их. Харроу поняла невысказанное и решила, что возразить ей нечего: пусть они остаются в запасе, а остальная группа представляет собой более крупную и интересную цель.

Дыхание вырывалось изо рта искрящимся облачком, пальцы горели, хотя она спала в перчатках. Солнце еле пробивалось сквозь кружевной, перистый, мозаичный туман на стекле, сквозь стекло на стекле. Да это же лед! Харроу вдруг заскучала по Дрербуру. Туман снаружи казался таким густым, будто дом Ханаанский в одночасье вознесся в небеса, прямо в толстое влажное покрывало облаков и тумана, имевшее цвет грязной овечьей шерсти. Харроу не видела ни моря, ни неба. Она подумала, что дождь приутих, но потом поняла, что вместо его угрюмого шороха раздается тихий стук, что каждая капля

превратилась в ледяной шарик. Ветер швырял их в окно, и казалось, будто стреляют дробью.

Рассвело совсем недавно. Она спала, не смывая раскраски, и во рту стоял вкус черного пигмента. Харроу прикрыла рот вуалью, будто это могло помочь, и тихонько встала. Остальные еще спали в своих ледяных кроватях, как в могилах. Ортус высился прямо перед ней черной, слабо посвистывающей горой. Справа лежал Протесилай Эбдома с мечом на груди, походивший на памятник солдату, при создании которого скульптор несколько переусердствовал с мышцами. Справа от него устроилась его некромантка, короткие желтоватые кудряшки которой падали на детские щеки. Слева от Харроу лежала Диас — с открытыми глазами и рапирой поперек одеяла. Перчатки на стальной рукояти казались очень белыми, особенно по контрасту с обнаженной сепией кожи на запястьях.

Дверь в комнату Пент тихо повернулась на петлях, и показался ее добродушный, кудрявый и отвратительно глупый рыцарь в тапочках и двух куртках поверх пижамы. Завидев Харрохак, он прижал палец к губам и жестом позвал ее в комнату. Внутри сидела, свернувшись на широченном подоконнике, Абигейл Пент. Истлевшие

доски слегка прогибались под ее весом. Она зачарованно смотрела, как падает град. Пахло чем-то жженым, вроде шоколада и пыли. Маленький электрический обогреватель дул еле теплым воздухом по полу, его вентиляторы жарко хрипели. Замерзшие пальцы Харроу почувствовали, что согревает он примерно ни хрена.

— Мерзко, как на улице, — тихо сказала Пент. — Кофе будешь?

Наверное, от него и пахло шоколадом. Харроу взяла кружку, в основном чтобы погреть пальцы.

— Давление падает с дикой скоростью… хотя тебе, наверное, нормально, после Дрербура-то. Удалось поспать?

— Я не обращаю внимания на окружающую среду, — только и сказала Харроу, — могло быть и хуже.

В ее келье и правда частенько бывало хуже.

— Только послушайте, — прошептал рыцарь Пент, держа в руках кофейник, истекавший паром. — Вот это дело. Мы еще сделаем из тебя Пятую, Преподобная дочь. Все неплохо, не могу пожаловаться, в Реке будет хуже.

— Герцогиня Септимус пока держится, — сказала Абигейл, не обращая внимания на ледяные

пульки, пролетавшие рядом с ее головой. — Я пыталась уступить ей кровать… она так расстроилась, что храмовников нет. Я сказала ей, что вряд ли мы зазовем к себе мастера Октакисерона. Она не призналась, что он ей сказал, только сообщила, что он «был ужасен».

— Мелкий самодовольный сучонок, — сказал Магнус. — Был бы он моим сыном, я бы с ним поговорил. Неудивительно, что он куда-то заныкался.

— Надеюсь, твой сын будет другим, — заметила его жена, слегка улыбнувшись.

— Протесилай должен был его поколотить.

— Странно, — сказала Абигейл, игнорируя призывы своего мужа к насилию. — Восьмые обычно не прячутся.

Харроу решила, что нужно сказать правду. Решение далось просто. Она придерживала эту информацию только потому, что вечно болтавшая женщина не любила тишину Гробницы. К тому же Харроу не была уверена, что то, что она видела, случилось на самом деле. Но уже прошла почти неделя, и ее страшно утомило движение бровей Магнуса Куинна, когда он произнес слово «поколотить».

— Сайлас Октакисерон не прячется, — сказала

она, — он мертв.

Оба уставились на нее. Очки некромантки Пятого дома запотели от холода, так что ее спокойный карий взгляд будто затянуло мутной пленкой катаракты.

— Прости?

— И Коронабет Тридентариус тоже, — добавила Харроу. — Судьба остальных из Третьего дома мне неизвестна.

— Оба… — начал Магнус, но жена быстро его перебила:

— Спящий…

— Нет, — сказала Харрохак.

Она рассказала Пятому дому о том, что видела, умолчав только о кровавом пятне в тумане.

Магнус и Абигейл обменялись очень долгим взглядом. Магнус выглядел встревоженным, а его жена — собранной и странно смиренной. После этого взгляда рыцарь покорно отхлебнул кофе.

— Надо было сделать его приоритетом, — сказала леди Пент.

— Не уверен, — возразил Магнус.

— Но его больше нет… не говоря уж о Третьей. Преподобная дочь, ты говоришь, что прошла уже почти неделя? Почти неделя, и ты молчала?

В голосе Пент звучали обвинительные нотки.

Харрохак это не особенно понравилось, но это ее и не задело. Просто она почувствовала себя маленькой, пустой и твердой, как град, барабанивший по стеклу. Обогреватель выплюнул очередную бесполезную волну тепла, пахнущего пылью.

— Мне следовало убедиться, — объяснила она.

— В чем? — спросил Магнус.

Это не требовало ответа, так что Харрохак его и не дала. Она просто сжимала в руках кофе и смотрела со всем достоинством Девятого дома, зная, что краска на ее лице слегка смазалась, но все равно представляет собой весьма неприятное черно-белое зрелище. Переглядеть Магнуса Куинна было не очень сложно, он сдался примерно через пять секунд, посмотрел в окно и очень тяжело вздохнул.

— Он нам не нужен, — бодро решил Магнус.

— Нам нужны все, — сказала Абигейл.

— Да не было в нем ничего особенного.

— Потеря Тридентариус страшнее, — жестко сказала Харрохак и подумала, что Абигейл отвечает как-то рассеянно.

— Да-да, — говорила она, — я согласна. Просто… не ожидала. Если ее нет, вероятно… Преподобная дочь, не окажешь ли ты мне огромную услугу?

— Это зависит от услуги.

— Прочитай мне вот это, — попросила леди Пент.

Она поставила пустую чашку на холодный подоконник и вытащила из кармана небольшой мешочек. Расстегнула клапан и осторожно достала листок пожелтевшей бумаги. Развернула его, еле касаясь кончиками ногтей, очень медленно и нежно. Харроу встала, но рыцарь каким-то образом успел преградить ей путь к двери. Пот вдруг скопился над коленями, защекотал за ушами…

— Я хотела бы привлечь к этому вопросу своего рыца… — сказала Харрохак.

— Тебе нужен Ортус из Девятого дома, чтобы прочитать несколько слов? — спросил Магнус Куинн с широкой улыбкой — решительной, несгибаемой и вежливой. Как вызов на дуэль. Она попалась. Ну и дура. Она потеряла всякий страх перед Пятым домом и теперь была загнана в угол, как умеют только Пятые. Они все время улыбаются и ведут себя так, будто все это — шутка. Харроу сделала невозмутимое лицо, медленно сглотнула, чтобы не булькать от ужаса.

— Очень мелкий текст… — тянула она.

— Правда? — спросила Пент.

Некромантка Пятого дома не отпускала листок. Харрохак посмотрела на алые буквы, написанные

так яростно и в такой спешке, что перо местами прорывало бумагу.

Я ПОМНЮ ПЕРВЫЙ РАЗ, КОГДА ТЫ ПОЦЕЛОВАЛА МЕНЯ. ТЫ ПРОСИЛА ПРОЩЕНИЯ. ТЫ ИЗВИНЯЛАСЬ, ТЫ СКАЗАЛА: «МОЖЕШЬ МЕНЯ БИТЬ, НО Я ХОЧУ ПОЦЕЛОВАТЬ ТЕБЯ ПЕРЕД СМЕРТЬЮ», И Я СПРОСИЛ ПОЧЕМУ, И ТЫ СКАЗАЛА, ЧТО НИКОГДА НЕ ВСТРЕЧАЛА НИКОГО, КТО ТАК ХОТЕЛ БЫ ВЗОЙТИ НА КОСТЕР РАДИ ТОГО, ВО ЧТО ВЕРИТ, И ПОЛЮБИЛА С ПЕРВОГО ВЗГЛЯДА, И ПОПРОСИЛА О ТОМ, О ЧЕМ СЕЙЧАС ПРОШУ ТЕБЯ. Я ПОЦЕЛОВАЛА ЕГО И ПОТОМ ПОЦЕЛУЮ ТЕБЯ, ЕЩЕ НЕ ПОНЯВ, ЧТО ТЫ ТАКОЕ, И ВСЕ ВТРОЕМ МЫ БУДЕМ ЖАЛЕТЬ ОБ ЭТОМ, НО ДАЖЕ В РАЮ Я БУДУ ПОМНИТЬ ТВОИ ГУБЫ, А ТЫ, ГОРЯ В АДУ, ВСПОМНИШЬ МОИ.

Харроу прочла эту скучищу ровным и монотонным тоном. К слову «мои» голос постепенно замер. Рыцарь смотрел на листок, некромантка — на Харроу.

— Прочитай ты, — сказала она, зная, что ее голос по-прежнему остается ровным и твердым, как град.

Абигейл поднесла листок поближе к глазам. Обращалась она с ним осторожно, как с величайшей драгоценностью.

— Стыдно сказать, но меня по-прежнему возбуждают змеи, — прочитала она.

Все помолчали. Пригоршня града ударилась в стекло так, будто мечтала попасть внутрь. По краям окна нарастала светло-голубая изморозь, а там, где сидела Абигейл, осталось маленькое окошечко от дыхания. Все трое рассеянно смотрели в быстро несущийся туман за окном, который не трепал ветер и не пробивал град. Постепенно помимо града появились маленькие частички пепла, как будто к и без того не самой приятной погоде присоединилось извержение далекого вулкана.

— Есть некоторая разница, — сказала Харроу.

— Пожалуй, — признала Абигейл.

— Но как… — начал Магнус.

— Я сумасшедшая, — перебила она, — всю жизнь, с самого детства. У меня слуховые галлюцинации. Я вижу то, чего не существует. Ортус скрывает большую часть этого, но, как вы уже поняли — и воспользовались этим — нужно всего лишь убрать его, чтобы я стала уязвима. Я не рассказала вам о смерти Сайласа Октакисерона, потому что не была уверена, что говорю правду. Я безумна.

Абигейл Пент сняла очки и сунула их в верх-

ний карман халата. Потянулась к руке Харроу, но Харрохак отдернула руку. Абигейл моргнула с сочувственным видом и убрала свою.

— Ты хорошо это скрывала. Если захочешь, можешь рассказать мне что-нибудь еще, я с удовольствием послушаю. Но, Харрохак, это идеально сочетается с одной моей теорией… если ты считаешь, что все это время ты видишь только результат собственных фрустраций, тебе не кажется, что ты можешь быть…

— Ну вот, — устало сказал ее муж, — снова призрачная версия.

— Магнус! Одержима духом, — торжествующе закончила его жена. — Харрохак Нонагесимус, я полагаю, тебе стоит всерьез рассмотреть идею своей одержимости.

29

Августин постоянно улыбался теперь, когда Ианта из Первого дома справилась с последним препятствием. Его открытый восторг во многом помог снять красное зудящее напряжение, охватившее Митреум. Тебе его откровенное облегчение казалось снисходительным, но твоей сестре-ликтору — нет. Ну или она очень хорошо притворялась. Ты пошла смотреть на поединок между ними, проходивший в тренировочном зале, села и стала смотреть, держа в руках рапиру. Поединок был очень официальный даже по меркам Девятого дома, со множеством устаревших раскланиваний и дуэльных правил, давно забытых в других местах. Ианта была святой Третьего дома, а Августин — реликвией Пятого, никто из них не сделал ни шагу, не подстелив себе под ноги маленький коврик и не представившись публике: тысяче пустоглазых черепов и тебе.

А после церемонии пришло время клинков. Ты почти ничего не помнила о Набериусе Терне — ни о его жизни, ни о его смерти, но, насколько ты смогла сообразить, он был последним рыцарем во всей беззвездной вселенной, который счел

бы, что его правой руке лучше лишиться плоти. Но Ианта исцелилась. Ты по-детски — но еле-еле — надеялась, что Ианта сочтет твое рабство оконченным, что спасения ее жизни хватит, чтобы разомкнуть ошейник долга у тебя на шее.

— Можно подумать, — сказала она, — что, когда я просила, ты знала, о чем я прошу, Нонагесимус.

Святой терпения сдержал свое обещание и позолотил ей руку. Теперь ты часто замечала, что Ианта любуется металлически блестящими пальцами и мягким золотым сиянием трехгранной кости. Ваша старшая сестра, раздражительность и беспокойство которой только усилились от радости Августина, поймала тебя в коридоре и спросила:

— Ты действительно придумала эту жуткую конструкцию?

— Да.

— Это в самом деле самосинтезирующаяся кость?

— Да, — ответила ты, — хотя этот процесс с трудом можно назвать синтезом, потому что конструкт просто постоянно растет, заполняя заранее заданные контуры скелета. Это доказывает, что топологическим резонансом можно управлять.

Глаза Мерсиморн превратились в ураганные

щели, обрамленные короткими густыми ресницами. Она плотно закуталась в радужный ханаанский плащ, будто сильно мерзла, и зачесала назад персиковые волосы так, что они стали походить на апостольник.

— Ясно, — сказала она, — ясно-ясно. Сколько будет дважды два?

— Четыре…

— Самая маленькая кость в теле?

— Слуховая косточка, но…

— Как зовут святого долга?

— Ортус из Первого дома, — ответила ты, но слишком медленно.

Она протянула руку и постучала тебя по виску. То, что Мерсиморн из Первого дома могла вложить в простое прикосновение, легко убило бы тебя быстрее, чем святой долга с его бросками и копьем. Но она громко сказала:

— Ортус, — и поспешно повторила это имя, так что два слова слились в одно.

У тебя ныл затылок, а в носовых пазухах поселилась холодная ноющая боль, которую ты иногда чувствовала в сухой атмосфере Митреума. Ты отшатнулась, пальцы сами взлетели к костяным шипикам в ушах, но она не нападала. Ты очень хорошо знала свое тело, но сейчас твои железы

не заработали, сосуды не сузились, в кровь не поступили никакие химикаты.

Изменилась только Мерси. Ее безмятежное овальное лицо приобрело примерно то же выражение, которое ты видела сквозь тонкую пленку внутренностей в тот день, когда накормила ликторов своим костным мозгом. Она тихо и почти растерянно посмотрела на тебя и сказала:

— Я не могу понять, то ли ты гений, какой рождается раз в тысячу лет, то ли безумная дебилка, то ли и то, и другое. Дети вместо кулаков! Младенцы вместо перстов! Фу! Дрянь какая! Я живу в худшем из возможных миров.

Не говоря больше ни слова, Мерсиморн удалилась в противоположном направлении. Туго натянутый плащ в свете ламп переливался радужными пятнами.

Когда ты рассказала об этом разговоре Ианте, она не проявила особого интереса. Тебе казалось, что это большой недостаток твоей сестры-святой: она заранее определила, что именно достойно ее внимания, а все остальное просто отбрасывала.

(«А ты слишком много думаешь, — сказала она в ответ на это обвинение. — Ты находишь дурные предзнаменования даже в пожелании доброго утра».)

— Она безумна, — сказала Ианта. — Августин говорит, что она сошла с ума миллион лет назад и с тех пор, как сломанные часы, показывает верное время два раза в сутки, случайно. Ну ее.

Ты терпеть не могла все предложения, начинающиеся с «Августин говорит».

— Она коснулась моей головы, — сказала ты. — Она что-то меняла или искала, и я не представляю что.

— Твой мозг? — предположила Ианта.

Позднее вы лежали вместе в ее роскошной постели, так далеко, что если бы ты протянула руку, то дотронулась бы до нее только кончиками пальцев. Ты вынуждена была признать, что только здесь чувствовала себя в безопасности и могла спать, раз уж твои обереги ничего не стоили. Издевательства, которые ты вынуждена была терпеть, потому что нуждалась в ней, казались мучительными. Но унижение постепенно становилось для тебя максимально естественным.

Но спать рядом было… неудобно. Это она придумала. Ты предпочла бы лечь на ковер, если бы не думала, что это сделает тебя еще более беззащитной перед святым долга: так тебя стало бы гораздо проще увидеть из окна, если бы он решил напасть из космоса. Травма не позволила тебе

взять подушку и спать в ванне. Так что теперь ты лежала на спине под чужим одеялом, наряженная в шмотки с чужого плеча. Ианта выдала тебе ночную рубашку цвета нарциссов, извлеченную из какого-то древнего ящика артефактов, принадлежавшего давно покойному рыцарю ликтора.

В этой рубашке ты стала похожа на воспаление печени. Ты угрюмо смотрела на висевшую напротив кровати картину: изящная женщина, окутанная водопадом золотисто-рыжих волос и мечтательно улыбающаяся. Без одежды, но с рапирой в руках и, по совершенно непонятной тебе причине, с дыней.

В первую ночь в ее постели ты положила между вами меч в костяных ножнах. Тебе сразу стало легче, но она подняла тебя на смех.

— Успокойся, — сказала она. — Харроу, я тебя не на оргию позвала.

Лежа, ты наблюдала голую и непристойно красивую женщину во всей красе. Ты пробормотала:

— Я тебе верю… хотя многие не поверили бы.

— Именно поэтому я с тобой вожусь, Харрохак, — заметила она. — Потому что подозреваю, что у тебя есть чувство юмора.

— Я не настолько легковерна, чтобы счесть это единственной причиной.

— Ну конечно, мне кое-что от тебя нужно. Но ничего личного. Пойми меня, Харри. Я всегда сначала выбираю самый разумный вариант. Сжигаю все мосты, которые нужно сжечь… Пытаюсь попасть внутрь раньше всех остальных. Это первое, чем я восхитилась в тебе, тогда, когда… хотя я обещала не говорить об этом. Я умею видеть всю картину целиком. И живая ты — часть моего большого плана.

В тишине и темноте, лежа в постели, вы обе смотрели на картину перед собой.

— Ты же знаешь, что это все автопортреты? — угрюмо спросила она. — Кир из Первого дома и его рыцарь постоянно рисовали себя и друг друга в голом виде, развешивали везде эти картины и дарили их другим на день рождения. Августин сказал, что Кир их все привез из дома Ханаанского.

— А почему ты их не уберешь?

— В будущем мне понадобится такая энергия, — сказала Ианта.

Вы лежали, освещенные тусклыми голубоватыми огнями, загоравшимися в часы сна. Лежали достаточно далеко, чтобы вас нельзя было назвать лежащими вместе. Но ты все равно ее чувствовала. Ее волосы цвета топленого молока,

ее недовольный рот, золотистый атлас ее ночной рубашки, из-за которого рука казалась совсем золотой, а вены — зелеными.

— Святого долга можно убить, — сказала она. — Ты показала, что можешь его убить, хоть ты и ненастоящий ликтор. Так что, если бы это была моя проблема, он бы уже был мертв.

Ты ни на мгновение в это не поверила.

— Настоящая проблема — учитель. Я не уверена, что ты сможешь убить Ортуса достаточно быстро, чтобы учитель не успел выскочить из стены с криком «только не в мою смену» и не возродил его.

— И что ты предлагаешь? — спросила ты. — Отвлечь бога?

— Именно это я и предлагаю. — Услышав звук, который ты издала, она быстро продолжила: — Да-да. Августин говорит, что это сделает. Я попросила его мне помочь, и он согласился.

— Августин согласился? Августин согласился убить своего брата-ликтора?

— На этой станции очень интересная расстановка сил, — сказала твоя сестра-ликтор, с которой у тебя тоже была интересная расстановка сил. — Я рассказала ему все… не делай такое лицо, Харри, а то оно навсегда таким останется. И он сказал,

что Ортус гуляет на слишком длинном поводке, и Августин не знает, чем он таким занят, но его охота за тобой выглядит глупо, потому что тебя все равно сожрут Вестники. Прости, это цитата.

— Благодарю за сочувствие, — ровным голосом сказала ты.

— В любом случае он сказал, что троих ликторов хватит, чтобы справиться с номером Седьмым, раз уж я смогу занять место Ортуса, поскольку я больше не «проблемная»… видишь, Нонагесимус, мне тоже достается. Поэтому он даст тебе час после ужина.

— Когда?

— Завтра.

— Как?

— Не сказал. Но это Августин из Первого дома, дитя мое. Самый первый и старший ликтор. Эти трое — все самые старые и последние. Поэтому их зовут терпением, радостью и долгом… три добродетели. Если Августин собирается отвлечь бога, значит, он отвлечет бога. Он очень стар и, как ни ужасно это признавать, невероятно быстр… сложен… и коварен. Так или иначе, я займусь им, он займется учителем, а ты — долгом.

— Ты правда… договорилась?

— Сразись с ним и победи, Харри. Считай это

благодарностью за руку. Ты, кажется, удивлена.

Ты удивилась больше, чем она, когда поняла, что шепчешь:

— Гордый воин Третьего дома… стань сестрою моей.

С ее стороны кровати послышался шорох, и ты увидела, что Ианта приподнялась, опираясь металлически блестящей рукой об одеяло.

— Это что, стихи? — спросила она.

— Сомневаюсь, — ответила ты, и она легла. Ты продолжила: — Я принимаю твою помощь. Вынуждена признать, что не справлюсь с этим одна.

— Обожаю твои вынужденные признания. Жаль было бы, если бы ты отказалась. Я уже все организовала.

Вы обе замолчали. Полог над кроватью загораживал фреску на богато украшенном потолке, и это тебя очень радовало. Одеяла у нее были мягче, чем в твоей комнате, а вот матрас казался слишком мягким. Ты в нем тонула, как в болоте. Ты не привыкла к такому количеству подушек, к скользкости атласа, не привыкла слышать чье-то тихое дыхание рядом с собой. На мгновение ты подумала, что Ианта заснула.

Потом она лениво сказала:

— За всю жизнь мы с Коронабет провели друг без друга три ночи. На второй раз она так плакала, что ее стошнило. Надеюсь, сейчас она спит спокойно. Если она плохо спит, у нее под глазами возникают такие мешки, что в них можно воду носить.

Наверное, она ждала ответа, но тебе не хотелось разговаривать о мертвых близнецах. Ты сказала только:

— Я всегда спала одна.

— Могла бы и не говорить.

— Я обручена с Запертой гробницей, Тридентариус, — чопорно ответила ты. — Я спала в своей келье.

— Вечно я забываю, что ты была самой настоящей монашкой… и что тебе шесть лет, если послушать Мерсиморн. А сколько тебе на самом деле, Харри?

— Восемнадцать, и терпение по поводу «Харри» у меня уже заканчивается.

— Восемнадцать, — повторила она тоном изможденной и усталой светской львицы. — Я помню свои восемнадцать…

— Тебе двадцать два.

— Это на целую жизнь больше восемнадцати.

Ты лежала в ее кровати, как мраморная скульп-

тура, чувствуя, что твое тело где-то далеко от тебя. Сон и ощущение безопасности притупили панику, но не прекратили ее до конца. Если Ианта протянула бы руку и коснулась тебя, ты бы, наверное, не поняла, кого она трогает. Ты так боялась, что она захочет тронуть тебя. Ты очень боялась, что к тебе прикоснется хоть кто-нибудь. Ты всегда боялась чужих прикосновений и не понимала, что твоя дрожь была заметна всем, кто когда-либо пробовал до тебя дотронуться.

Она не стала тебя трогать. Сонно спросила:

— Ты правда эти письма при себе таскаешь?

Поскольку ты удалилась в изгнание из своих комнат, письма были рассованы по пустотам в экзоскелете. Местоположение каждого ты затвердила так же, как многочисленные теоремы. Ты пыталась просто прятать их под одеждой, но из-за этого ты хрустела на ходу.

— Да, — ты не стала ничего уточнять.

Она напугала тебя, спросив:

— Ты жалеешь, Харрохак?

— О чем?

— Обо всем этом. О приезде в дом Ханаанский. О том, что стала ликтором. Попала в Митреум.

— Нет. — Ты не знала, правду ли говоришь.

— Да, думаю, что не жалеешь, — твердо сказала

она, — ты дальновиднее меня. Я? Я никогда ни о чем не жалею, это мое правило. Спокойной ночи.

Ты долго лежала в темноте и размышляла, так и не пожелав ей спокойной ночи в ответ. «Ты дальновиднее меня». Никогда еще с ее губ не срывались такие спокойные и простые комплименты. Вообще ты придавала комплиментам мало внимания: принимать их — тщеславно, а разбрасываться ими — снисходительно. Но этот отдавался у тебя в голове эхом. «Ты дальновиднее меня».

Ты посмотрела на рыцаря Кира из Первого дома и закрыла глаза. Подробности ее облика тебя не интересовали. Тебя поразила мысль, что эта женщина умерла в доме Ханаанском, когда работа была закончена, когда ликторская теорема была решена. Ее некромант специально притащил сюда эти омерзительные воспоминания. Он окружил себя картинами, которые рисовал сам, портретами самого себя и той, душа которой теперь питала его сердце. Тебе повезло — воспоминания о собственном рыцаре не терзали тебя, только порой отдавались в висках тупой болью или заставляли тебя раз за разом вспоминать какие-то строки.

Прямо сейчас тебя как раз мучили чужие слова. Ты повторила их про себя:

Гордый воин Третьего дома, стань сестрою моей.

Вместе помчимся мы смерти навстречу.

Вместе врага мы встретим, вместе омочим клинки

Во вражеской крови.

Смерть принесем мы нечистым, смерти поклонимся сами.

Станет она нам наградой на пыльной вороньей равнине.

Книга одиннадцать. Матфий Нониус и второй рыцарь Третьего дома собираются уничтожить целый легион — побоище описано во всех утомительных деталях. После этого тяжело раненную дочь Третьего дома понесут над пышущей танергией пустыней, а Нониус будет предаваться размышлениям о природе судьбы всю книгу двенадцать.

Ты заснула.

* * *

На следующий день Ианте под дверь подсунули конверт из плотной темно-коричневой бумаги, запечатанный воском. Когда Ианта его вскрыла, ты заглянула ей через плечо. Один лист — опять же настоящая бумага, окрашенная в глубокий кремовый цвет. Несколько строк, написанных безупречным почерком, темно-синими чернилами:

Августин из Первого дома, ликтор Великого воскрешения, основатель двора Кониортиса, первый святой на службе Царя Неумирающего

Просит своих младших сестер, Ианту из Первого дома, восьмую святую на службе Царя Неумирающего, и Харрохак из Первого дома, девятую святую на службе Царя Неумирающего, оказать ему честь своим присутствием.

Ужин будет подан через полчаса после вечерней церемонии.

Дресскод: официальное либо церемониальное платье.

Голова у тебя закружилась от утомительного узнавания.

— Нет, — сказала ты.

Ианта приглашающе похлопала тебя по плечу со своей обычной пародией на игривость. Наверное, примерно такие ощущения испытывает дичь, которую рвут живьем.

— Это и есть план, Харрохак. Просто расслабься и смотри, как работает мой учитель.

— Не понимаю я твоей веры в этого человека.

Все было плохо. Ты бы предпочла иметь чуть больше времени, чем несколько часов. Ты бы предпочла план, не включающий в себя официальных приглашений, дресс-кодов или ужинов. Последний ужин, на котором ты присутствовала, прошел слегка не по плану, и ты полагала, что снова полагаться на ужин будет безвкусно. Но ты забыла о своей соседке, для которой торжественный ужин был все равно что для тебя — утренняя молитва.

— У меня осталась моя парадная ряса, — сказала ты, разорив ее гардероб и перещупав все вещи, прежде чем отбросить их.

— Это больше не твоя работа. Нет. Нет.

— Технически я выполню все требования.

— Не в этот раз, дитя мое. Мне надоело появляться рядом с облизанной палочкой лакрицы, облаченной в палатку. Нет. Отвратительно. Этого бы даже Корона не надела. Нет. Нет.

— Тогда сойдут мои рубашка и штаны. Под ханаанским плащом.

— Еще хуже, — сказала Ианта и с трудом вытащила из чехла нечто, оказавшееся пышной тюлевой юбкой цвета полуночного неба, скривилась и кинула ее через всю комнату: — Нет. Да, но для другой, гораздо более интересной вечеринки. Нет. Нет. Иногда я думаю, что император Девяти домов благоволит тебе, потому что у вас совпадают вкусы в одежде. Боже, что это? Довольно рискованно…

Ты впала в отчаяние.

— Давай я сама выберу.

Ианта посмотрела на тебя. Ее сине-карие глаза казались нездешними.

— Харри, — нежно сказала она, — ты когда-нибудь читала дурацкие романчики, в которых героиня надевает что-нибудь чуть более жизнеутверждающее и немного красится, а потом отправляется на праздник, где все говорят: «Клянусь костями императора, да она красива!» или «Я как будто впервые ее увидел»… А если героиня некромантка, ее описывают как-нибудь вроде «хрупкость придавала ее неземной красоте еще большую эфемерность», через пятнадцать страниц после этого появляется слово «захныкал», а

еще через страницу — слово «сосок»?

— Нет! — решительно ответила ты.

— Тогда у нас нет общей точки отсчета. К счастью, сейчас у нас другие задачи. Даже сам император не смог бы придать Харрохак Нонагесимус сексуальный вид. Иногда я думаю, что ты похожа на погребальный венок. Хотя при правильном освещении… о, а вот это может и подойти. И цвет твой. Иди сюда.

Она держала в руках кучу черной ткани — но не такого черного цвета, к какому привыкли в Доме Запертой гробницы. Ты подошла, не скрывая ужаса. Ианта встряхнула эту звездную черноту и продемонстрировала тебе что-то вроде… гигантского носового платка. Это было не платье.

Когда ты указала на это, она ответила довольно резко:

— Валанси Тринит была моего роста, весом превосходила нас обеих, вместе взятых, и, судя по портретам, обладала телом, которое не сдавалось. А твое тело бродило все еще на линии старта. Давай, раздевайся.

Ты считала, что никогда в жизни не подчинишься, если тебя попросят раздеться. Обнажаться полностью ты не стала, осталась в нижней рубашке, которая была довольно длинной. Эк-

зоскелет немного прикрывал тебя — хотя явно недостаточно. Ты стояла, выпятив подбородок, ожидая потока глупых шуток, но она сказала только:

— Ты снимешь этот жуткий костяной корсет?

— Нет.

— А краску с лица смоешь?

— Нет.

— Не знаю, почему я задаю эти вопросы.

Она накинула шаль тебе на плечи, заколола, хмыкнула, сняла ее. Ты осталась сидеть на краю кровати и есть одно из яблок, над которыми она не успела поиздеваться. Ты посмотрела на нее, перечитала приглашение, пока Ианта нашла иголку с ниткой, и с удовольствием занялась шитьем — настоящий маг плоти.

— Надо же, совсем просто, — сказала она, вдевая нитку в иголку лишенной плоти рукой.

На обратной стороне листка было написано: «У меня в комнате, за десять минут до».

— Примерь, — наконец сказала она.

Шаль оказалась немногим больше твоей вуали. Она заколола ткань на одном плече, оставив обе руки мерзнуть. Материал был тонюсенький и скользкий. Когда ты вышла из-за блестящей ширмы, Ианта плотнее натянула на тебе черную

мерцающую материю. На самом деле даже не черную. Она была разбавлена глубоким химическим синим. Посмотрев в зеркало, ты увидела, что этот оттенок превратил твои глаза в чернейшие бездны. Над этим черно-синим полем с крошечными белыми искорками, вспыхивавшими внутри ткани, как горящие волокна внутри обгорелого трупа, твои глаза будто вовсе лишились цвета.

Ианта покрутила тебя, что-то подтягивая и подкалывая, и ты страдала только потому, что ее прикосновения были равнодушными и холодными. Ни живые пальцы, ни мертвые ни на мгновение не задержались. Как будто ты была сшитым из кусков плоти монстром. Ты бы впечатлилась ее работой, но она сразу отказалась от всех твоих комплиментов:

— Ерунда. Набериус мог вышить целое платье, ни разу не уколовшись. — Это сошло бы за сентиментальное воспоминание, если бы она не добавила: — Жаль, что, убив его, я не заполучила и это умение.

Твоя сестра-ликтор причесала тебе волосы и взбила их пальцами. Длины хватило. Ты совсем недавно побрила голову, но волосы испугались и быстро отросли. Страшно боясь, что это единственное, что тебе досталось из способностей к

регенерации, ты не стала их трогать. Ты не позволила Ианте воткнуть тебе в уши металлические серьги или жемчужины и вообще отказалась от любых украшений, кроме костяных, так что работы осталось немного. Когда она закончила, отражение в зеркале тебя не поразило. Оно вызвало неприятное унылое отвращение. Ты внезапно оказалась похожа на мать.

— Я собой горжусь, — объявила Ианта.

— Я похожа на идиотку, — мрачно сказала ты.

— Ты выглядишь достаточно прилично, чтобы я была довольна делом своих рук, но недостаточно привлекательно, чтобы меня охватила похоть и я изнасиловала тебя над тарелкой с орехами. Я прошла по тонкой грани и сделала это очень хорошо. Иди поправь краску, у тебя весь череп течет.

В качестве акта бессмысленного неповиновения ты выбрала облик священного черепа Жрицы, раздавленной новоположенным камнем, самого некрасивого черепа во всем каноне. Когда ты вернулась, она приглаживала волосы костяной щеткой, сидя за туалетным столиком. Она надела ахроматически-сиреневое платье — светлое, почти серое, как дым над костром из лавандовых кустов, сделанное из нескольких

слоев газовой ткани. Спина осталась открытой, и ты разглядела мелкие ямочки вдоль позвоночника — кожа рядом со светлой тканью стала голубоватой и нежной — и выступающие лопатки, казавшиеся очень хрупкими и какими-то особенно голыми.

— Застегни, — томно сказала она.

Ты послушалась, вырастив три скелетных руки из костяной отделки ее стула. Когда ее позвонки скрылись, ты обрадовалась.

Ианта набросила на плечи ханаанский плащ, но не стала вдевать руки в рукава. Ты обрадовалась даже той жалкой полупрозрачной защите, которую обеспечивало твое одеяние. Она легко затянула пояс с рапирой, ты повесила за спину двуручник. Идя за своей сообщницей по жилому коридору в сторону комнат Августина, ты всем телом ощутила предвкушение.

Так же, как твои комнаты ничуть не напоминали комнаты Ианты, покои Августина очень отличались и от твоих, и от ее. Мебель была из темного дерева. Книжные шкафы высотой от пола до потолка стояли вдоль большинства стен, пол закрывал мягкий ковер. Комната, где вы оказались, была обжитой и захламленной, везде валялись книги, стилусы, носки. Тут стояли вы-

чурные кожаные кресла со светлыми потертыми пятнами на сиденьях и подлокотниках, висели красивые картины в деревянных рамах, пахло полиролем и книжной пылью. Выглядело все это приятнее, чем ты ожидала, хотя ты не ожидала ничего. На широком гобеленовом диване в беспорядке лежали пухлые подушки с бахромой. На столе перед огромным окном, закрытым плотными шторами цвета примулы, стояли вазы из тончайшего, как яичная скорлупа, фарфора. В них были срезанные цветы — рыжие, алые и золотые. Ты и представить себе не могла, где он их раздобыл.

Святой терпения стоял у деревянного умывальника с зеркалом. Под плащом на нем был старинный костюм. Тебя впечатлила сама идея того, что кто-то может надеть исторический артефакт: черные брюки, черный пиджак, белая рубашка с высоким, сильно накрахмаленным воротничком. Августин зачесал волосы назад, и они лежали плотной блестящей шапочкой, из которой не выбивалась ни одна прядь. Он как раз завязывал пышным узлом смешной маленький черный галстук.

— Великолепно, моя голубка, — весело сказал он Ианте, целуя ей руки. Неподвижный взгляд

не позволял верить в добродушие святого. — Ты напоминаешь мне статую забытой богини, выловленную из воды. Краска с нее смылась, но мрамор остался цел.

— И все это покрыто мхом, плесенью и грязью, — продолжила она, позволяя расцеловать себя в обе щеки. — Видел бы ты мою сестру.

— Ты всегда так говоришь, — сказал Августин, посмотрел на тебя и, к счастью, не стал целовать. Только приподнял бровь и сказал: — И ворона может стать лебедем! Как в старые добрые времена… видели бы вы, какие вечеринки мы устраивали, когда еще осмеливались собираться. Мы праздновали, как перед концом света. Я всегда буду это помнить. Джон тогда чаще смеялся. Обычно над безумным Улиссом и над Кассиопеей, которая падала под стол, выпив один-единственный бокал. Ладно, детки. Рассказать вам, как пройдет эта игра?

— Почему ты помогаешь мне совершить убийство? — спросила ты.

Он посмотрел в зеркало, проверяя галстук, сдвинул его на волосок и выпрямился.

— У меня есть на то свои причины, милая девочка, — ответил он с ледяной жизнерадостностью, которая была его первой линией обороны. — Ко-

гда-то давно, если бы мой младший брат пожелал оставить эту юдоль слез, я не остановил бы его, но я давно понял, что Ортус больше никого не слушает. Он одержим своими навязчивыми идеями, и их не вынуть у него из головы. За последние жалкие сорок лет он причинил мне больше боли, чем я способен вынести. Я не собираюсь тебе мешать. Я полностью завладею вниманием учителя. Вы сможете сражаться. Харроу закончит свое кровавое дело… если она справится, в чем лично я сомневаюсь.

— Она сможет, — сказала Ианта, а потом все испортила словом «наверное».

Ликтор сказал:

— Ну, пусть попытается. Я однажды видел, как этот человек выступил против целого города. Город не выиграл. Он первым выйдет из-за стола и пойдет в тренировочный зал, такая уж у него привычка. Ты уйдешь по условному знаку.

Гадать не было смысла.

— Он уйдет? — спросила ты, а принцесса Иды спросила:

— Условный знак?

— Я не буду вам говорить какой. Если вы будете его ждать, наш император заподозрит неладное. Просто поверьте: если я захочу, чтобы Ортус

ушел, он с ума сойдет.

Шутка показалась тебе сомнительной.

В дверь коротко постучали. Ты немедленно прижалась к стене, чтобы тебя не увидели от открытой двери, а Ианта сомкнула костяные пальцы на сверкающей рукояти — яблоке — рапиры Третьего дома. Августин просто сказал:

— Входи, скрепочка.

Скрепочка вошла. Это оказалась святая радости.

Твоя бывшая учительница не обратила внимания на тебя, вжавшуюся в стену, и на твою сестру, бледные брови которой взлетели так высоко, что могли бы покинуть атмосферу. Мерсиморн нарядилась в длинное платье из абрикосового шелка и белый ханаанский плащ, который полностью открывал изящные худые плечи. Волосы она собрала в тугой сверкающий пучок, а на вас обеих она и не посмотрела.

— Ты охренел, — сказала она.

— Ни в малейшей степени, — приветливо ответил он. — Этого никогда не случается. Ты принимаешь мое предложение?

— Скажи мне, что ты…

— Сначала соглашайся.

— Я соглашусь, если ты поклянешься на ме-

че, — сказала Мерсиморн с готовностью.

Он поднял перед собой рапиру в ножнах. Ты увидела ярко начищенную конусообразную рукоять, кажется, медную, покрытую тонкими рисунками.

— Я клянусь мечом Альфреда Квинка, лучшего из людей и рыцарей, что не раскрою и не разглашу подробности твоего, гм, дела, что они не сорвутся с моих губ и с моих пальцев, даже если я буду уверен, что это станет моим концом.

Мерсиморн чуть-чуть расслабилась: это было еще не облегчение, а так, первое семя, из которого облегчение могло бы вырасти.

— Соглашайся.

— Ладно, принято, — сказала она и огляделась. — Ты знаешь, что здесь дети? Мне их убить или как?

— Не обращай внимания, — сказал Августин. — Лучше тебе не знать, зачем они здесь. Слушай, радость, ты нужна мне, чтобы совершить задуманное. Если ты не поможешь, я буду считать себя свободным от клятвы.

— Совершить! Задуманное! — презрительно сказала она. Ты разглядела короткие нитки персикового жемчуга у нее в ушах. Они затряслись, когда Мерсиморн сложила руки на груди. — Хо-

рош трепаться, расскажи мне план.

— Когда ты все услышишь, делай, что хочешь, но только выше шеи. Все остальные старые рубашки неглаженые.

— Хватит тянуть, рассказывай!

Он кашлянул и сказал:

— Обольщение Зевса, малое.

Ты разглядела во всех подробностях, как взгляд мечтательных глаз Мерсиморн становится пустым, как будто в них возникло око бури. Она размахнулась и ударила его в лицо. Удар вышел не таким и сильным, голова только слегка мотнулась назад, но он побелел, будто получил по лицу тараном. Он зажал рот, нагнулся над умывальником и выплюнул кучку зубов, которые застучали по раковине. Он поднес ладонь к окровавленным губам, закрыл глаза и через несколько мгновений выпрямился. Лицо немного посерело, но зубы отросли заново.

— Малое, — повторил он, когда снова смог говорить. Достал платок и вытер губы: — Малое. Сколько раз повторять?

— Ты сошел с ума, — неуверенно сказала она.

— По-твоему, я шучу, Мерсиморн?

Они смотрели друг на друга. Потом последовала беседа, похожая на ту, которую ты однажды

наблюдала между ней и богом. Обмен гримасами, жестами и словами, которые рождались на губах и сразу же замирали. В какой-то момент она сказала:

— Градиент?

— Радиальный, — ответил он, и снова они обменялись взглядами.

Этот разговор был более быстрым и еще менее связным, чем тот, который произошел между Мерсиморн и императором Девяти домов целую жизнь назад, перед уходом с «Эребуса». В конце концов она поднесла ладонь ко рту и почти простонала:

— Платье неподходящее.

— Отличное платье, ты похожа на дыньку.

— Но меня это бесит, — от души сказала она.

Августин посмотрел на нее безучастными глазами и ответил:

— Понимаю. Соберись, радость, это тебя не убьет.

Ты поймала взгляд Ианты. Она зачарованно внимала происходящему. Подняла брови, и ты поняла, что она имеет в виду. «Кто знает». На мгновение ты заволновалась — ведь еще через десять тысяч лет вы с ней тоже сможете вести такие споры, ты узнаешь, что означает ее ухмылка

и ее вздох, и вы сможете говорить без слов.

— Мерзость! — сказала Мерсиморн наконец, развернулась на каблуках и вышла. Распахнула двери, злобно выкрикнула:

— Белое вино! — и вышла на этой таинственной ноте.

— Что ж, все прошло намного лучше, чем я мог подумать, — заметил святой терпения, не глядя на окровавленные зубы в раковине, — пойдемте. В этот бой я хочу вести вас обеих под руки. Ианта, становись справа, я не буду трогать эту кость, не люблю тощих. Харрохак, ты же не выросла? Господи! Остаться подростком на целую вечность! Что бы вы ни увидели сегодня, — добавил он, становясь смертельно серьезным, — не вмешивайтесь.

Когда вы вышли в коридор, принцесса Иды произнесла одними губами, так, чтобы он не видел:

— Быстрый. Сложный. Коварный.

30

Как оказалось, Августин из Первого дома, святой терпения, основатель двора Кониортиса, гений Реки, проживший десять тысяч лет, старейший среди святых, быстрый, сложный и коварный, составил крайне продуманный план, чтобы помочь тебе в убийстве своего верного долгу брата. Продуманный план состоял в том, чтобы напоить всех до полусмерти.

Два часа спустя ты сидела среди руин. Перед тобой лежали остатки еды — ты съела больше, чем ты когда-либо съедала по собственному желанию. Тебе пришлось. Единственной альтернативой было беспамятство. Свечи освещали белоснежную скатерть и столовое серебро, которое святой терпения так тщательно разложил по столу, и тарелку с крошками, где когда-то лежали какие-то хитрые булочки. Их съели или куда-то убрали, ты не знала и тебе не было до этого дела.

Сияющие кости героев Когорты молчаливыми наблюдателями висели по стенам. Тебе чудилась усталость в их безглазых взглядах. Ты не понимала, как это случилось. Начался ужин так же, как и все остальные, хотя казался чуть более офи-

циальным. Пожалуй, стряпня Августина была довольно изысканной и щедрой — он имел привычку подавать блюда на стол по очереди, а не все разом. Тебя, привыкшую к столу Дрербура, это удивляло. Ты не смогла толком понять, что ешь. Примерно к третьей перемене ты осознала, что пора двигаться дальше, иначе придется страдать от последствий. Тебе не понравился вкус вина, которое подал Августин, и ты и представить не могла, что вина бывает так много. Он наполнял бокал, не успела ты его опустошить, так что ты ни разу не увидела дна.

Теперь, на дымящихся руинах ужина, он, святая радости, бог и Ианта сдвинули стулья и сидели у одного конца стола. Плащ Ианты из Первого дома валялся где-то на полу, локти она поставила на стол, щеки у нее порозовели, что придавало ей определенную прелесть, пусть и фальшивую. Августин снял пиджак и сидел в белой рубашке. Галстук развязался и безвольно висел под расстегнутым воротничком. Мерси выглядела хуже всех: узел волос распустился, бледные золотистые пряди падали в беспорядке. Она громко хихикала.

Бог сидел между ними. Рукава он закатал до локтя: была ли его рубашка чуть опрятнее или новее, чем обычно, ты сказать не могла. Корона

из костей и листьев упала с его головы и валялась где-то в салфетках, верхнюю пуговицу он расстегнул и все время вскакивал и наливал всем воды, повторяя все серьезнее:

— Пей воду, Харроу. — Как будто вода была величайшим и редчайшим благом, дарованным Девяти домам. Вокруг глаз, радужка которых была обведена белыми кругами, разбегались морщинки от улыбки.

Ты то и дело поглядывала через стол на человека, которого собиралась убить. Святой долга выпил не меньше Августина, но лицо его осталось каменным, и ни одной пуговицы он не расстегнул. Он уже несколько раз смотрел на тебя взглядом, выражавшим, как ты здорово боялась, сочувствие. Но ты сомневалась. Ты пила воду. Ты выпила очень много воды.

— За отсутствующих друзей, — вдруг сказал Августин и поднял свой бокал.

— За отсутствующих друзей, — повторили все, подняли бокалы и выпили. Сущая пытка. Ты не сомневалась, что это чертово правило придумали в Третьем или Пятом доме: если ты произносишь сентиментальный тост, то все обязаны выпить вместе с тобой. Ты еле пригубила. У тебя не было отсутствующих друзей.

— И за наших рыцарей, — сказала святая радости внезапно, когда все уже выпили.

Августин снова поднял бокал:

— Я выпью с удовольствием. За рыцарей… мы не заслуживали их. А они — нас, как я всегда говорю. За Альфреда, Кристабель, Пирру, Лавдей, Набериуса, за всех!

Ты заметила бесстрастный взгляд, который император бросил на набравшуюся святую, сидевшую справа, но она не рассердилась на тост. Просто сказала:

— За Кристабель, — и осушила бокал одним долгим, злобным глотком.

Когда бог на мгновение положил ладонь ей на руку, она вдруг сказала:

— Я не пьяная!

— Конечно нет.

Ты смотрела, как Ианта делает еще глоток бледной, яблочно-желтой жидкости. Она наклонилась к тебе и еле слышно прошептала:

— Лучший вечер в моей жизни.

— За минувшие годы я достаточно пил за Альфреда, так что позвольте мне выпить за Кристабель, — сказал святой терпения и выпил. Задумчиво покрутил в руках бокал. — За Кристабель.

— Ты никогда не любил Кристабель, еще до всего, — сказала Мерси уже не так злобно.

— Полная хрень, — ответил он немедленно с осторожной размеренностью человека, который лично выпил не меньше двух бутылок вина. — Ты знаешь, что я чувствую… ты знаешь, что, по моему мнению, она не лучшим образом влияла на Альфреда. Ты знаешь, что они выявляли худшее друг в друге. Полагаю, ты согласна.

— Они были очень похожи, — сказал бог.

— Нет, — ответил Августин, — не были, Джон. — Она была идиоткой и фанатиком, да-да, Мерси, а он… он жалел, что он не такой. Потребовалось совсем немного, чтобы сбить моего брата с пути.

— Никто не мог повести его туда, куда он не хотел идти, — сказал бог, и в его голосе появилась торжественность: — Тебе это известно.

— Господи, не говори так! — слегка улыбнулся ликтор. — Я прожил несколько тысяч лет с мыслью, что мог бы уговорить его на что угодно за пять минут.

Его сестра-святая промолчала. Посмотрела в свой бокал и вдруг заполнила неловкую паузу:

— Давайте выпьем за женщину, которая никогда не меняла своего мнения. За Пирру Две.

Все взгляды устремились на край стола, к свя-

тому долга. Твой взгляд тоже. Ты взяла бокал за ножку и посмотрела в лицо человека, который когда-то был некромантом женщины по имени Пирра. И увидела тот же невыносимо пустой взгляд, на который натолкнулась в собственной ванной и в часовне Митреума при первой вашей встрече.

— Августин, — сказал он ровно, но с ноткой предостережения.

— Да-да. Тебе не кажется, что это удивительно? После всех этих лет. Даже Мерси не может сказать о ней ничего плохого.

— Почему меня всегда считают такой критиканкой? — последовала неизбежная критика.

— За Пирру, женщину, ради которой я научился курить. За рыцаря, легенду, за каменную лисицу. Джон, прекрати тыкать меня в бок, каменной лисицей ее звал ты сам. Вот этими святыми губами.

— Уважительно! — возразил император.

— Сменим тему, — сказал Ортус.

— Хорошо, — согласился Августин, сделал еще глоток вина, чтобы подкрепиться, и тут Ианта предложила:

— Выпьем за врагов, старший брат.

— Точно! Отлично, — радостно согласился он. — Классика. Именно поэтому я взял тебя в уче-

ники, детка. За наших врагов, за врагов империи, за тех, кто покоится в безопасности Реки. Я не стану пить за живых врагов, но давайте выпьем за павших. Мы можем позволить себе быть великодушными. Выпьем за иссохшую Кровь Эдема.

Император и Мерси хором сказали:

— Они еще живы.

— Ладно, педанты чертовы. Я выпью за лучших из них, за тех, кто пал со всей определенностью, не за оставшихся фанатиков, безумцев и идиотов, которые полагают, что ядерная ракета сможет нас остановить. Командор никогда бы не удовольствовалась ядерной ракетой. Господи, какой же веселый танец мы с ней танцевали. Это чего-то да заслуживает. Пожалуй, это тост.

Через стол ты заметила, что святой долга сжал кулаки. Ты хорошо разбиралась в кулаках. Император принял твою сосредоточенность за непонимание.

— Это было до твоего рождения, Харрохак.

— Задолго до твоего рождения, — совиным голосом добавила Мерси, — потому что тебе три года.

— Это не та история, которую стоит рассказывать после… трех бокалов вина.

— И никаких не трех, — сказал человек слева.

— Четырех бокалов, — поправился бог, который был слегка неадекватен. — Это хороший урок для вас, девочки. Не стоит никого недооценивать. Четверть века назад эти фанатики узнали о Зверях Воскрешения. Работа была та еще, поскольку об этом знают только высшие эшелоны Когорты…

— Они и раньше о них знали, — сказал Ортус, — просто не знали, кто это такие.

— Но и когда узнали, их это не остановило. Они разыскали одного Зверя… пожертвовали половиной флота, пытаясь отделить одного Вестника от стаи… убили этого Вестника… давайте за это выпьем.

— За убийство Вестников, — произнесли два старших ликтора и выпили. Иантa тоже выпила. Ты смочила губы.

— Даже мертвый Вестник может свести некроманта с ума. Они разобрали его на куски. Сделали из него ножи, топоры, броню. Очень рачительно, конечно. Но у командора даже пули были из Вестника.

— Пули, — сказал Августин, — копья. Метательные ножи. Стреляет без промаха. Раз залепила мне прямо между глаз. Безумная от ярости и злая, как змея. Мы несколько раз чуть не потеряли

Ортуса. А, Ортус? Выпьем за командора Уэйк?

Бокалы зазвенели. Святой долга встал и произнес самую длинную речь, которую ты от него слышала.

— Пожалуй, нет. Прошу меня простить. Я устал.

Все настороженно смотрели ему вслед. Учитель молча встал из-за стола, как будто раздумывал, не отправиться ли вслед за ним. Когда дверь за ликтором закрылась, Мерсиморн прошипела сквозь зубы:

— Ну ты и говнюк, Августин.

— Да все в порядке, — вяло возразил тот.

— Это, по-твоему, в порядке…

— Внезапные всплески сочувствия несколько необычны для…

— Несложно вообразить, что это…

— Не надо, — велел бог и с трудом сел обратно, — хватит. Раз уж вы снова начали разговаривать, не надо. Я не видел, чтобы вы так мирно говорили друг с другом… несколько десятилетий. Не надо. Я отлично провел вечер. Харроу, ты не слишком много выпила?

Ты выпила невероятно много и умирала от желания очистить себе почки вручную.

— Нет, — ответила ты, а твоя соседка одновре-

менно с тобой произнесла:

— Да, сразу видно же.

— А тебя никто не спрашивал, — огрызнулась ты, но Ианта уже передвинула стул и живой рукой обняла тебя за голые плечи. Плечи стали не такие голые, и ты мгновенно согрелась. Это тебя взбесило. А она говорила:

— Тихо, тихо, Харри.

Бог подавил улыбку, услышав это дикое прозвище. Ты в очередной раз пообещала про себя убивать Ианту особенно мучительно.

— Позволь мне познакомить тебя с понятием сестринства. Я буду направо и налево рассказывать о твоих планах, мешать тебе на каждом шагу, а по утрам держать тебе волосы.

Ты не хотела, чтобы Ианта рассказывала о твоих планах, очень не хотела, чтобы она тебе мешала и совсем не хотела, чтобы она держала тебе волосы. Но бог весело сказал:

— Ну, за сестер.

Ликторы похватали первые попавшиеся бокалы, Ианта сунула тебе в руку твой. Все выпили.

— За сестер и за женщин, которых мы оставили, — сказал Августин.

Бог продолжал улыбаться, но глаза у него стали пустые.

— Мне тоже за это пить?

Впервые в жизни ты увидела святого терпения в замешательстве.

— Прошу прощения, Джон. Не хотел тебя задеть.

— Это меня уже не задевает. Ну, почти, — сказал бог, продолжая улыбаться.

Ликтор слева расчесывала волосы, тяжелой волной падавшие ей на плечи. Какого они были цвета? Цвета сердцевинки желтой розы, розоватого, красноватого, золотистого. Не очень-то и красиво. Как ни странно, в ее бокале еще оставалось вино.

— У меня есть тост получше. За императора Девяти домов, за Воскресителя, за моего бога.

— За императора Джона Гая, Первого владыку мертвых, — подхватил Августин и осушил стакан.

Это был единственный тост, к которому тебе захотелось присоединиться. Ты выпила, потому что следовала своим желаниям, и потому, что Ианта смотрела на тебя насмешливо, как будто жалела, что ты не пьешь. Пришлось выпить дважды.

— Я не стану пить за себя, — говорил учитель. — Я не лучший человек во вселенной, но я уж точно не нарцисс.

Святая радости сказала с нехарактерной для нее свирепостью:

— Ты — лучший человек во вселенной.

— Выпью за это, — сказал Августин.

Потом ты довольно долго не видела лица бога. Августин встал, налил вина себе, налил Мерсиморн. С тонким стеклянным звоном коснулся ее бокала своим — она следила за ним мутными, ничего не понимающими глазами. Они выпили молча, сидя по сторонам от императора Девяти домов.

Наконец она сказала:

— Кажется, я была бы рада увидеть здесь Цитеру.

— Нет, — сказал святой с другой стороны, — нам бы пришлось выслушивать ее любимые рассуждения о том, чей рыцарь был сексуальнее всех. Мой ответ не изменится ни за какие деньги. Пирра Две была горяча, как сам ад, пусть она и была меня старше на десять лет.

— Согласен, — сказал бог.

— Ну ты и кобель, Джон.

— Сущая бомба, — сказал бог, посмотрел Августину прямо в глаза, сделал глоток вина и сказал замогильным тоном: — Хотя твоя мать была еще красивее.

Глядя, как Августин бьет Князя неумирающего по руке, а тот игриво пихает его в ответ, ты лишилась изрядной части благоговения. Часть твоего мозга временно перешла в атеизм. Ты не думала, что все будет именно так. Когда в Дрербур пришло письмо, ты решила, что ликторы проводят дни в молитвах, тренировках и в прекрасных некромантических бдениях. Ты не думала, что тебе придется надираться, расхаживать в кусочке материи размером с носовой платок и чувствовать, как пальцы Ианты Тридентариус лениво поглаживают тебя по шее. На один миг ты даже решила, что сильно ударилась головой, садясь в шаттл на Девятой, и что все последующее тебе просто привиделось.

— Я всегда считала, что Найджелла красивее, — раздраженно сказала Мерсиморн.

Оба мужчины немедленно с ней согласились.

— И ты права!

— Отличный вариант!

А потом Августин мрачно сказал:

— Только вот как было к ней подобраться, когда рядом постоянно ошивалась Касси.

Ты повернулась и прошептала Ианте на ухо, понимая, что твое отчаяние уже видно невооруженным глазом:

— Когда мы пойдем?

— Время еще не пришло, — промурлыкала она. Ты посмотрела в ее сверкающие глаза с бурыми пятнышками и панически подумала, что время может никогда не прийти.

Мерсиморн осушила очередной бокал. Учитель убрал пустой бокал, потом подумал и убрал ближайшую бутылку, потом еще подумал и убрал все бутылки, до которых она могла дотянуться. Мерси подперла мирное овальное личико стройной рукой и сказала:

— Все ты врешь, Августин. Ты все еще ненавидишь Кристабель. Ты ненавидел ее задолго до того, что она сделала.

Он как раз наливал себе вина. Ты не представляла, как можно выпить столько, сколько святой терпения, и остаться в сознании. Он поставил бутылку и сказал:

— Правда?

— Вам вовсе не обязательно об этом говорить, — сказал бог, — не сейчас. Не после пяти бокалов.

— Их было гораздо больше пяти. Нет. Все в порядке. Не суди. Пусть она снова это вытаскивает, — ответил Августин, и голос его слегка дрогнул. — Правда, Мерси? Господь свидетель, я так не считаю.

— Посмотри мне в глаза и повтори это.

Августин встал, не покачнувшись. Тщательно вытер губы салфеткой. Бог снова привстал, положил ладонь ему на плечо, посмотрел на Августина. Что бы между ними ни произошло, это произошло слишком быстро. Августин сел рядом со святой радости. Слегка наклонился, чтобы их глаза оказались на одном уровне. В свете свечей ликторы казались невероятно старыми — и одновременно были не старше Ианты. Сказал:

— Радость, что сделано, то сделано. Они мертвы. Виновные понесли наказание. Я не ненавижу Кристабель.

Лицо ее было спокойным, жестоким и неумолимым.

— Повтори.

— Я не ненавижу Кристабель, — тихо сказал он. — Боже, да я даже тебя не особо ненавижу!

На мгновение тебе показалось, что сейчас повторится произошедшее в его комнате, и что бога будут отвлекать зрелищем драки между двумя ликторами, которую ты тоже не хотела пропускать.

Но нет. Мерси дико посмотрела на него, неуклюже наклонилась и поцеловала его в губы.

В твоей голове тревожным крещендо взорвался

ужас. Она не просто коснулась его губами — он ответил немедленно и очень охотно. Ликторы целовались, как будто их охватила страсть — или как будто они передавали какой-то предмет изо рта в рот. Святые радости и терпения целовались с отчаянным пьяным бесстыдством, как будто много раз это делали.

Бог пытался что-то сказать. Августин оторвался от Мерсиморн со звуком, отдаленно напоминающим рев пылесоса, собирающего фарш, повернулся и — с небес не ударил гром, кожа его не стекла с его нечестивых костей, вселенная не треснула пополам — поцеловал императора Девяти домов.

Ты приклеилась к стулу. Ты покраснела от висков и до самых ребер, возмущение и унижение боролись в тебе. Ты застыла на месте, пока Августин медленно, вдумчиво и целеустремленно целовал бога в губы. Как будто этого было недостаточно, чтобы немедленно начался апокалипсис, Мерсиморн встала, пошатнувшись. Одна бретелька опасно соскользнула с ее плеча. Когда Августин оторвался от строгих губ императора, Мерси подошла ближе, сгребла бога за рубашку и тоже поцеловала.

Ианта привлекла твое внимание только со вто-

рой попытки. Наконец она с силой дернула тебя наверх и выволокла из комнаты — никто не обратил на вас внимания. Ты оглянулась, пока она открывала дверь. Бог поднял святую радости и усадил на край стола, а святой терпения целовал бога в шею. Это было ужасно. Ианта утащила тебя, будто вы бежали от пожара. Раньше ты никогда не видела, чтобы сразу три человека трогали друг друга. Раньше ты не видела, чтобы два человека трогали друг друга так.

Ианта закрыла дверь, когда Августин принялся расстегивать пуговицы на рубашке императора. Ты никогда в жизни не была ей так благодарна.

31

— Это был знак? — пропищала ты унизительно тонким голосом.

— Харри, — ответила Ианта, к счастью, тоже слегка шокированная. — Если три человека начинают целоваться, это всегда знак. Знак остальным выйти.

— Мне нехорошо, — сказала ты.

— Мне тоже, — сказала она с неожиданной горячностью. — Это выглядело отвратительно… по меньшей мере. Стариков надо расстреливать.

Притаившиеся у пола светильники излучали светло-голубой свет, призванный успокоить ваши циркадные ритмы и усыпить вас. Офицер Когорты с серыми шевронами на рукаве лежал в нише напротив. Лицо прикрывала тяжелая безглазая стальная маска. Вы обе дышали так, будто только что пробежали марафон, громко и тяжело. Волосы Ианты повисли вдоль спины длинными прядями цвета маргарина, тушь размазалась под глазами, а грудная клетка вздымалась, как от приступа астмы. Туфли на высоких каблуках она несла в золотой костяной руке, и рядом они выглядели очень странно. Тончайший лавандовый

газ украшало маленькое фиолетовое пятнышко, рот ярко алел: она искусала губы так, что они треснули и кровили. Ты с тревогой осознала, что вы обе порядочно пьяны.

Ианта провела языком по потрескавшимся губам и сказала:

— Полагаю, пора приступать.

— Благодарю за участие, Тридентариус, — сказала ты. А потом ты не успела ее остановить, она притянула тебя к себе живой рукой и наклонилась. Ты осознала неизбежность происходящего буквально за секунду до того, как она случилась. Возможно, в какой-то иной мрачной вселенной ты потянулась бы к ней, а в другой — взорвала бы ее сердце прямо в грудной клетке. В этой вселенной ты успела повернуть голову, и ее поцелуй пришелся тебе в челюсть. От вас обеих пахло алкоголем. Пятнышки крови испачкали твою щеку крошечными вспышками танергии, и она прижалась к тебе губами с неожиданной нежностью. Когда она подняла голову, ее взгляд был холодным и насмешливым, как будто твоя неготовность целоваться только вернее подтверждала, что ты неполноценна.

— Мои чувства похоронены в Запертой гробнице, — во рту у тебя пересохло.

— Ну и пусть лежат там, — недобро засмеялась она, — возможно, кто-нибудь их эксгумирует. Удачи, Харри. И постарайся не умереть.

Она удалилась, размахивая танцевальными туфлями в мертвой руке и что-то немелодично напевая себе под нос: длинная, бледная, как воск, фигура в светло-фиолетовом шифоне, долговязая, бесцветная, если не считать жирного металлического блеска костяной руки, которая переливалась под электрическим светом всеми цветами радуги. Ты слышала ее беззаботную песенку, даже когда сама Ианта скрылась из вида. А ты так и стояла у дверей столовой, не двигаясь.

Когда песенка замолкла, ты начала думать об убийстве.

Ты сбросила туфли и оставила их валяться на полу: спьяну это показалось тебе вполне разумным. Большая часть алкоголя уже всосалась в кровь, но кое-что еще булькало в тонком кишечнике. Молча шествуя по вымощенным плиткой коридорам, мимо колонн из сухожилий и проводов, ты постаралась вывести алкоголь через капилляры и поры, пока не промокла от пота. Вывести этанол через кожу проще всего. Туман в мозгу и теле постепенно высох. Тогда ты вытащила из экзоскелета две длинные нити из хрящей

и твердого кальция, растопила их и принялась лепить, как глину, пока не получила гладкий сероватый шар кости.

О незаметном нападении не могло быть и речи. Скрытность требует долгой подготовки, разведки, планирования, а на это тебе времени не дали. Только за десять минут до ужина ты узнала, что цель будет в тренировочном зале. Так что тебе пришлось разработать тактику, пригодную для любых обстоятельств. В теле гудели адреналин и остаточный алкоголь, ты вся чесалась и тебе было жарко, хотя ты насквозь промокла от постепенно остывающего пота. Ощущения были такие, как будто тебя забрызгало кровью. Тебя пытались убить больше раз, чем пальцев на руках и на ногах. Ты высидела долгий, мучительный ужин, закончившийся тем, что два старших ликтора принялись облизывать бога. Тебя чуть не поцеловали. Спокойствие, охватившее тебя, когда ты отправилась убивать Ортуса из Первого дома, было усталым спокойствием человека, который уже распрощался со своей гребаной жизнью.

Ты стояла перед автоматической дверью в черной раме, украшенной радужными бантиками и мозаичными бабочками тазовых костей и позвоночников. Ты никого не чувствовала внутри,

но ты никогда не чувствовала Ортуса. Ты нажала на обсидиановую панель, открывавшую дверь, быстрым движением ладони запустила туда костяной шар и закрыла двери, еще не успевшие распахнуться.

Ты все продумала. Святой долга был энергетическим вампиром. Это ты понимала. Отправь ты внутрь скелета, через пару секунд он превратился бы в инертную кучу костей на полу. Ты думала о сложном многослойном механизме, переплетающихся элементах из насыщенной танергией кости, выращенной в твоем собственном теле. Это дало бы тебе время, пока он поглощал бы всю энергию. Но потом ты вспомнила, с какой легкостью он крушил кости, выросшие из твоих запястий, и решила, что риск слишком велик. Ты не знала, насколько быстро он может работать, и не могла опираться на догадки.

Когда Ортус из Первого дома высушил шипы на твоих руках, ты это почувствовала. Ощутила резкий толчок, будто кто-то дернул рубильник. Он сжал надкостницу в руках и что-то сделал. А значит, это было осознанное действие, а не пассивная способность. Звучало логично — некромант, который автоматически уничтожает всю танергию в округе, стал бы сущей напастью

для своих товарищей. А если он делал это сознательно, значит, должен был хоть ненадолго сосредоточиться. Ты не собиралась давать ему такой шанс.

Твоя бомба разорвалась на тысячи костяных игл. Ты чувствовала их танергические импульсы сквозь стены. На тренировочный зал обрушился град костей. Каждый фрагмент в длину не превышал четырех сантиметров: вполне достаточно, чтобы убить, если учесть силу удара. Послышалось приглушенное гудение и треск, энергичное ЩЕЛК-ХРЯСЬ-ХЛОП, когда тысячи ракет ударились в пол, потолок, стены, в оконное стекло в фут толщиной. Ты вырвала из ушей два гвоздика, в порыве чистого оптимизма подняла шесть конструктов и распахнула двери.

Тренировочный зал стал дымящимися руинами. Деревянные полы превратились в иззубренный ковер, топорщащийся костяными шипами. Стеклянные лампы разбились, вольфрамовые нити жалко дрожали. Кости торчали везде, как реснички в полости, как шипы на стебле розы, как волоски на паучьих ногах. Острые, как бритвы, шипы бессильно рассыпались под твоими ногами, когда ты вбежала в разрушенный зал, одетая только в шаль и краску, цепляясь за дву-

ручный меч покрытыми коллагеном руками. Ты приготовилась ко всему.

Святого долга в зале не было.

— Твою мать, — сказала ты. — Бля, — сказала ты уже агрессивнее.

Удушающая петля разочарования обвилась вокруг сердца и немного тебя отвлекла. Ты вложила меч в ножны, висевшие на спине экзоскелета, и напомнила себе еще раз, что полагаться на других — все равно что изо всей силы бить хрупкой слезной костью по голове. Ты выключила свет и заизолировала концы проводов в толстом хрящевом колпачке, отключая пожарную сигнализацию. Потом выбралась из заваленных костями руин, страшно расстроенная и немного протрезвевшая.

Ортуса из Первого дома в тренировочном зале не было. Что ж. Он и раньше тебя удивлял. Было в Митреуме еще одно место, где ты видела его примерно в такое же время, когда он полагал, что никто его не найдет. Так что ты быстро и решительно направила свои стопы к внешнему кольцу, к жилому атриуму, к комнате, где покоилась одна из последних ликторов.

Святого долга там не было. Не было и тела Цитеры из Первого дома. След крови тянулся из

открытой двери, тускло поблескивал в электрическом свете. Он начинался у ложа, где раньше так беспокойно спала некромантическая святая. Твои сердце и мозг успокоились, когда ты попросила их замолчать, и несколько секунд ты простояла перед длинной полосой крови, почти не думая. Потом ты собралась и призвала на помощь все остатки здравого смысла, давно истерзанного безумием.

Ты присела. Кровь была свежая, мешанина насыщенного кислородом кармина и лишенного кислорода багрянца. Кровь из правого предсердия, выпущенная прямо из сердца. Ты встала и осторожно вошла в часовню, шлепая босыми ногами. За пустым алтарем виднелось на задней стене предательское алое пятно. Были следы крови и на нетленных лепестках пышных роз. На полу лежало копье Ортуса, скользкое и красное почти до половины длины.

Реконструировать эту картину ты смогла и без собирателей пыли из Шестого дома. Кто-то стоял за алтарем, спиной к стене. Копье пробило этому кому-то грудь и вышло из спины, потому что удар был мощным. Кровь выплеснулась из выходного отверстия, а потом полилась вперед, когда копье вытащили с той же невероятной силой. Судя по

тому, как досталось розам, злоумышленника залило кровью целиком. Потом жертву протащили мимо алтаря, в атриум, а потом куда-то дальше.

Оружие принадлежало Ортусу. А кровь?

Ты уже обагряла руки кровью небьющегося сердца Цитеры. Это была не она. Вот и версия: Ортус убил какое-то третье лицо, а потом, по ведомым ему одному причинам, решил скрыться, завладев этим телом и телом Цитеры. Объяснение, пожалуй, наиболее правдоподобное. Но не самое простое.

Ты двинулась по длинному, извилистому следу. Он тянулся по коридору, а потом резко заворачивал в отнорок, ведущий во внутреннее кольцо. Ты заставила экзоскелет бежать рысью. Замерзшие ноги, забрызганные еще теплой кровью, оставляли на полу быстро стынущие багряные отпечатки. Ты бежала по скудно освещенной галерее меж позолоченных и разукрашенных самоцветами скелетов героев Третьего и Седьмого домов, одетых в зеленые и золотые мантии некромантов, смотрящих на тебя аметистами, топазами и изумрудами, вделанными в глазницы. Ты поскользнулась на крови на повороте и вошла в низкую служебную дверь.

Ты миновала жилое кольцо и кольцо складов.

Теперь ты оказалась в инженерно-обеспечивающем кольце, где располагались силовые установки, система жизнеобеспечения и системы утилизации. Свет тут был совсем тусклым, число иллюминаторов сильно уменьшилось, помещения казались похожими на длинные трубы и вызывали легкую клаустрофобию. И здесь пространство не простаивало: за десять тысяч лет накопилось столько памятников, что даже в резких желтых тенях фильтрующих панелей, даже рядом с огромным, бурчащим водяным танком лежали инкрустированные кости девяти домов, вечно глядя на лампочки коммутатора и на эффекторы, которые всасывали, очищали и выплевали воздух. Лучше уж рассыпаться в прах в оссуарии Дрербура, чем до конца времен смотреть на эффекторы.

Кровь под ногами все еще не засохла до конца, хотя след становился все у́же. Почти черной лентой он тянулся мимо фильтровальных залов. Ты шла и шла по нему. По закапанной кровью короткой металлической лестнице ты спустилась в просторное помещение, не так сильно заставленное компьютерами и прочими механизмами. Здесь ты осознала, насколько огромен был Митреум. Высокие, узкие плексигласовые

окна виднелись где-то под потолком. Комья термопены покрывали маленький бункер без окон. Огромные клапаны в стенах вели в какие-то другие неизвестные помещения. Ты еще не знала, что на станции есть мусоросжигательная печь: ты полагала, что мусор перерабатывают, а не уничтожают. Механические руки болтались у тебя над головой, ожидая, пока появится мусор, который можно будет загрузить в люк в потолке бункера.

Посередине стены, над бункером, виднелась маленькая будка управления с прозрачным окном. Ты не понимала, как туда попасть — наверное, дверь располагалась с другой стороны.

Кровавый след оборвался у дверей печи. Как во сне, ты прошла по нему до самого конца. В дверцу была вделана толстенная плексовая панель, пожелтевшая от огня, и ты заглянула внутрь.

Ортус из Первого дома лежал на спине у задней стенки мусоросжигательной печи. Его грудь представляла собой аккуратную кровавую полость — копье ударило точно в сердце. Обычного человека, пусть даже опытного адепта, это убило бы на месте. Он лежал, прижав к груди подбородок. Больше в печи никого не было.

Вражда между тобой и святым долга закончи-

лась. Твой враг был убит без твоего участия. Ты почувствовала себя обманутой.

Святая радости и святой терпения были… заняты другим делом, включавшим в себя бога и еретический трехсторонний обмен слюной. Ианта ушла от тебя, приоткрыв искусанные губы и демонстрируя, как она одинока. Может быть, она, трезвея с каждым шагом, направилась к маленькой часовне, где Ортус склонился над мертвой женщиной? Может быть, его сердце пробили ради тебя? Оставила бы она столько крови, пришла бы она сюда?

Труп Ортуса тяжело задышал в мусоросжигательной печи и закашлялся, хотя ты не услышала ни звука.

Ты видела, как он, дрожа, поднял руку, чтобы прикрыть обнаженную багровую рану. Загрохотал, оживая, механизм печи. Ты развернулась и посмотрела вверх. В будке управления стояла Цитера, залитая ярким белым светом. Она тяжело навалилась на какую-то рукоять и смотрела на тебя мутными мертвыми глазами. Лицо мертвой женщины покрывала засохшая кровь, в грязных волосах виднелись цветочные лепестки.

Плоть была мертва, но живая, горячая, яркая ненависть горела на этом лице. Ты смотрела на

ходячий труп в тесной будке, почти видела излучаемый ею гнев. Ты замерла под ее взглядом, а она подалась вперед — двигалась она так, будто бросала вперед все конечности по очереди, как будто ее тело было тяжелей свинца, а каждый сустав хрустел под немыслимой тяжестью. Глядя тебе прямо в глаза, она щелкнула переключателем.

Клапаны застонали и дохнули жаром. Казалось, что заводится какой-то огромный двигатель. Потом Цитера развернулась и, вразнобой выбрасывая вперед конечности, убрела.

Ортус посмотрел на тебя из печи. Глаза его в полумраке казались очень темными. Ты не чувствовала всплеска некромантической силы, не видела попыток спасти себя: третий святой на службе Царя Неумирающего смотрел на тебя… беспомощно. Он лежал перед пламенем, и в груди его зияла дыра.

Ты подумала, что сможешь собрать пепел в коробочку и сохранить его. Представила, какой конструкт можно было бы поднять из этих кирпичиков, из костей священной десницы, человека, который в процессе священного перехода использовал чужую душу, чтобы зажечь свое яростное сердце. Ты подумала, что сможешь проспать целых шесть часов подряд, в своей

кровати, одна. Ты подумала, что докажешь свое психическое здоровье: Ианте, Мерси, богу. Ты решила следовать за Цитерой, босиком бежать по лестнице, в фильтрационные залы, догнать этого неуклюжего кадавра на ходу. Ты представила, что разрешишь загадку.

А потом ты нарастила на ладонях толстые слои хрящей, схватилась за ручку дверцы и дернула изо всех сил. Дверь не отреагировала. Живая кость рванулась из кончиков твоих пальцев длинными острыми когтями, и ты немедленно обломала их в кровь. Боль отвлекала, и ты заорала в голос, чтобы сосредоточиться. Осколки костей ты превратила в целую паутину из фаланг и плотных костей ладони, прижала эту паутину к дверце, обратила кости жидкостью, а жидкость — жидким прахом в микрометр толщиной, в очень — маленький — конструкт.

Ты влила эту жижу в микроскопический зазор между дверцей и стенкой. Механизм печи взревел где-то у тебя над головой, громко хлопнул — святой долга взглядом следил за полупрозрачной жидкостью, разлившейся у его ног. Ты сорвала дверцу с петель, отшвырнула ее через всю комнату в безумном, идиотическом, прекрасном порыве, и вошла прямо в лепестки химического

пламени. Сигнализация надрывалась наверху, как будто ее тоже поджаривали до смерти.

Когда ты увидела красновато-белую струю пламени, ты еще не знала, что ее жара хватит, чтобы расплавить сталь. Ты видела только то, что должна была сделать. Одна из рук с пальцами из жидкого праха распалась на два скелета, которые казались влажными — их покрывал живой прах. Ты послала их вперед, чтобы они вытащили Ортуса за ноги. Ты зацепила их позвоночники и превратила их в сплошную стену из твердой кости, в бурлящую лавину вонючего, жидкого, возобновляемого костного мозга, встающего против пламени тысячеслойным барьером, который все рос, рос и рос по мере того, как пламя пожирало и пожирало его. Ты содрала гребаную эмаль с собственных зубов и добавила ее к этому хлюпающему, обгорелому слою. Впервые с тех пор, как ты стала ликтором, ты поняла предел своих сил, столько костей ты швырнула в огонь. Этот предел был так далеко впереди, что ты не смогла его разглядеть.

Печь дрогнула. Сигнализация заходилась криком. Ты схватила Ортуса и потащила его по краю печи, пока масса раскаленной расплавленной кости неслась от дверцы. Ты утащила его прочь

от этой палящей, удушающей, убийственной волны, положила у стены.

Он был еле жив и не открывал глаз. Ты развела его руки в стороны и внимательнее посмотрела на разорванное сердце. Раны закрывались, но очень медленно, куда медленнее, чем ты ожидала. Синюшные губы дрожали от усилий, а сердце постепенно рубцевалось. Он был ликтором, и ему сравнялось десять тысяч лет. Ты не понимала.

Святой долга произнес хрипло и торжественно:

— Обереги из свежей крови. Каждую ночь.

— Что? — спросила ты, так удивившись, что даже не побоялась показаться идиоткой.

— Не могу высасывать талергию… свежую. Танергию легко. В смеси с талергией… сложнее. Не надо костяных оберегов. Кровь. Поняла? Обереги из свежей крови. Каждую ночь. Их мне не одолеть.

Говорил он отрывисто, хрипло, с трудом проталкивая в легкие воздух. Печь продолжала выплевывать раскаленную добела полужидкую кость, от которой пахло смертью. Святой долга не открывал глаз. Он упрямо закончил:

— Ты защитишься от нас.

Можно было бы задать много вопросов куда

умнее. Но тот, который пришел тебе в голову первым — кстати, он был не худшим, — оказался таков:

— Почему?

Он не ответил. Дернулся, повернул голову и влажно закашлялся. Потом потянулся вперед, уперся окровавленной ладонью тебе в голову, почти закрыв лицо, касаясь кончиками пальцев висков и щек, пытаясь то ли удушить, то ли благословить.

— Я знаю, что ты здесь, — прохрипел он. — Убей меня, если хочешь. Я увижу тебя слепыми глазами, услышу глухими ушами… как тень, проскользнувшую по стене, тень, убитую светом… стоп. Не здесь. Не сейчас. Забудь об этом, любовь моя. Я просто хочу правды… через столько лет.

Ортус опустил руку и с нажимом сказал:

— Просто объясни. Почему ты тогда взяла с собой…

Голос с другой стороны комнаты проревел:

— Харроу!

На лестнице стоял бог. Растрепанная Мерсиморн стояла рядом с ним. В паре шагов за ними виднелся Августин, еще более растрепанный, с помадой на воротнике. Ортус замолчал. Ты встала. Воздух опалил кончики волос, ударил тебя по

лицу. Император стоял на окровавленных ступенях и слушал вой сигнализации. Печь печально взвизгнула — кто-то шевельнулся в прозрачной будке — звякнула и затихла. В мгновенной белой вспышке расплавленная кость превратилась в мягкий порошок, а затем, у тебя на глазах, рассыпалась невидимым прахом.

— Почему я взяла с собой что? О чем ты? — настойчиво спросила ты.

Но Ортус уже открыл глаза, странные, нежно-зеленые глаза, и смотрел сквозь тебя и даже сквозь потолок, как будто он мог пронзить взглядом весь Митреум. Больше он не сказал ничего.

* * *

Насколько бог поверил в твою версию событий — насколько ты сама верила в эту историю, которую рассказывала, задыхаясь от адреналина и сожалений, от беспомощной, неуверенной ярости психа, который что-то видел, но мог от этого и отказаться — насколько бог тебе поверил, было неясно. Он очень устал. Рубашку он застегнул кое-как, перепутав пуговицы и петли. Ты ясно видела его неудовольствие, но не понимала причин.

Осмотрев мусоросжигательную печь, бог, Мерсиморн и Августин оставили вас с Ортусом в

фильтрационном зале. Ты редко доверяла инстинктам, но сейчас ты его не боялась. Он сидел на перевернутом ящике в той же позе, что и ты, худой, растерянный, побежденный. А ты просто злилась.

— Ты видел то, что видел, — говорила ты. — Ты должен был увидеть, как она тебя ударила. Удар был нанесен спереди, твоим собственным копьем.

— Я не знаю, — сказал Ортус.

— Ты был в сознании. Ты говорил со мной.

— Я не знаю.

— Мы разговаривали. Я хочу знать, что это значило.

— Я не помню.

Ты посмотрела в его ясные зеленые глаза. Выражение его лица не изменилось, как и голос. Ты не смогла сдержать недоверчивое презрение.

— Ты не помнишь?

Святой долга развернулся к тебе всем телом. Он держал в руках рапиру — но как метлу, а не как готовое к бою оружие. Он слегка свел брови, чуть-чуть нахмурился. Он посмотрел на тебя и сказал голосом, который ты хорошо знала со своих восьми лет.

— Я иногда… забываю.

Это был бесстрастный, стальной голос человека, который то ли защищался, то ли знал, что он в большой опасности. Голос человека, который признавался в своей главной слабости. Ты хорошо знала этот голос, потому что сама так говорила. «Поймите, что я сумасшедшая».

Позднее, когда Митреум обыскали, тела Цитеры на алтаре не оказалось. Бог сказал, что не чувствует ее на станции.

* * *

Позднее, вернувшись в свои комнаты — уже знакомые, почти приятные, опрятные и пустые, — ты взрезала себе вену и начала обновлять все костяные обереги кровью. На это ушло несколько часов. Ты не только полностью защитила окна снаружи, что потребовало сложной и тщательной дистанционной работы с конструктами. Ты нанесла дополнительный слой заклинаний вокруг внутренних окон и понадеялась, что этой наспех наложенной защиты хватит на одну спокойную ночь. Ты стояла в маленькой прихожей и покрывала свежую кровь тонким слоем костяной пыли, когда услышала шаги в коридоре.

Ты стояла очень тихо и слушала:

— Надеюсь, ты доволен.

— Ни капельки.

— Какой отвратительный, жалкий, гротескный фарс.

— Ну ради бога, откуда мне было знать про сигнализацию мусоросжигательной печи? Боже, это ведь ты ее не отключила.

— Как будто я специально.

— Если ты собиралась сделать что-то другое, то ты сильно рисковала переборщить. Никто никогда не поверит, что ты так напилась случайно.

— Иди в задницу. Я тебя чуть не ударила. Не смей больше никогда использовать ее. Втянул ее в это… и своего никчемного братика… оно того не стоило.

— Она должна гордиться, что принесла хоть какую-то пользу, потому что это первый раз в жизни. Чертовски горжусь своим невозмутимым лицом. Кристабель, все прощено! Спокойной ночи, Мерси. Я буду молчать, но если ты соберешься заключить сделку с дьяволом, посмотри сначала, что он тебе предлагает. Надеюсь, ты задохнешься раньше, чем я пожалею об этом. Надеюсь, ты знаешь, что однажды я вырву гнилой призрак Кристабель из твоего трупа и сожру ее. Куда ты дела Цитеру?

Шаги. Громкий голос:

— Я уже сказала тебе и повторю. Я никогда не трогала ее, ты, мерзкий, снисходительный сукин сын.

И все.

Ты спряталась в комнате.

По крайней мере ты смогла снять с себя шарфик, изображавший платье, и закутаться в собственную ночную рубашку. Причесаться, смыть с лица краску, смыть кровь от поцелуя Ианты и лечь, положив рядом с собой меч и оставив вечер позади.

Тело тихо сказала:

— Вода поднимается, и солнце восходит. Мы выдержим.

Акт четвертый

32

Два месяца до убийства императора

Четырнадцатая планета, которую тебя отправили убить, оказалась цветущим, пышущим талергией спутником маленькой горячей звезды. Она была пышная, живая, покрытая толстым ковром растительности, населенная многочисленными животными. Никто не хотел брать на себя ответственность за ее уничтожение. К сожалению, она стояла как раз на пути номера Седьмого, а для номера Седьмого, как выразился учитель, она была все равно что горячий пирожок. Ты была самой младшей. Планету оставили тебе — и Мерсиморн.

Тело Цитеры так и не нашли. В первые несколько дней ее еще искали, но по-настоящему тревожился разве что император. Ты знала, что Августин подозревает Мерсиморн, хотя не понимала почему. Ианта предполагала, что Ортус где-то ее припрятал, хотя ты сильно сомневалась («Ну, ты понимаешь, — говорила она, — по… сексуальным причинам»).

Она не винила тебя в том, что ты не смогла его

убить. Как ни странно, не винил тебя и святой терпения, который многословно извинился за то, что не принял во внимание сигнализацию. Ты не заметила никаких перемен в его отношениях с Мерси, разве что они стали злиться друг на друга чуть-чуть меньше. Или в его отношениях с богом, или в ее отношениях с богом. Никакого смущения, никакого молчания за завтраком или пауз в разговоре при случайных встречах, они обменивались рукопожатиями с той же теплотой — или с той же холодностью, — что и раньше. Полное отсутствие уместного стыда навело тебя на мысль, что это случалось между ними и раньше. При этой мысли тебе захотелось сделать себе лоботомию.

Несмотря на глубокое разочарование бога, святой долга пытался убить тебя уже дважды. Но, кажется, даже он от этого устал. И твои заклинания держались.

В начале последней экскурсии твоя наставница удивила тебя. Когда вы приземлились на поверхность планеты и выяснили, что ее атмосфера пригодна для дыхания («Все равно следи, чем дышишь, — сказала святая радости, — планеты грязные»), она протянула тебе мешок, канистру с водой и бипер и велела идти. На заросшем густым

лесом полюсе планеты посадить шаттл не вышло, так что тебе предстояла небольшая прогулка.

— Ты справишься сама, — сказала Мерсиморн раздраженно и зло, но она всегда говорила раздраженно и зло. За последние несколько недель она нисколько не успокоилась. Просто она отвлеклась, как будто ее глаза уже видели Реку.

— Я загляну на соседнюю луну. Там полно отраженной талергии. Рассчитай время. Не упусти ничего. Большая часть жизни тут в океане, но если я ошибаюсь, не давай никому себя съесть, пока будешь внизу.

— Сестра, как мне защитить себя, пока я буду в Реке?

— Ну, не я же у нас гениальная двухлетка! — рявкнула она. Ураганные глаза покраснели, и, говоря, она заламывала руки и смотрела вниз сквозь ресницы.

— Я вернусь примерно через шесть часов. Пока.

Впервые ты осталась одна на чужой планете. Земля под ногами воняла сыростью, в ней ползали маленькие червяки и жучки. Над головой шелестели и трещали листья всех оттенков зеленого: свежего и яркого зеленого, приглушенного, тускловатого зеленого, темного, серо-зеленого.

Жаркий и влажный воздух напоминал чье-то дыхание. Солнце обрушивало тебе на голову безжалостное ультрафиолетовое излучение. Ты щурилась на свету. От пота волосы быстро закурчавились. Ты страшно нуждалась в стрижке.

Два дня назад бог пригласил тебя в свою маленькую гостиную и предложил тебе стакан воды, продемонстрировавший, что он учится, и печенье, говорившее, что ему не чужд оптимизм. Император Девяти домов сказал:

— Харрохак, когда за мной закроется дверь, я хочу, чтобы ты была в этой комнате.

— Нет.

— Харроу, прогресса не происходит. Это нормально. Я понимаю. Но я хочу дать тебе время. Хочу, чтобы у тебя было будущее.

— Августин из Первого дома тренировал меня в Реке. Моя некромантия там несравненна, и так было с самого начала. Когда Зверь придет, я встречу его на его же территории.

Бог посмотрел на тебя, изогнул губы в чем-то похожем на улыбку и сказал:

— А ты еще упрямее меня. А я-то думал, что тут я монополист.

Часто ты ощущала его разочарование, как тиски, как давно продуманное в подробностях

прикосновение грубой веревки к шее. Так же часто взгляд его кошмарных черных глаз был подобен глотку прохладной воды в пустыне. Твоя любовь к богу походила на любовь к безупречному изгибу подвздошной кости. Твоя любовь к богу напоминала моменты безвременья, наступавшие сразу после пробуждения, когда ты не понимала, кто ты. Моменты, когда ты оказывалась в шкуре другой Харроу, Харроу, которая понимала все с кристальной ясностью. Чтить бога таким образом было легко. Когда-то ты думала, что твоя способность любить умерла, когда ты впервые увидела лик Гробницы, мертвый и неотразимый, воплощение вечной красоты. Хорошо, что что-то еще осталось.

Ты надвинула на голову капюшон перламутрового ханаанского плаща. Солнечный свет палил сквозь него, падал на лицо радужными лучами. Вопили птицы. Небольшие, так что ты их не боялась. Ты их почти жалела.

Очень неприятно было отнимать душу у такой планеты. Раньше тебе такого делать не приходилось, как не приходилось и убивать планеты в одиночку. Эти создания не умрут немедленно со смертью своей планеты. Они будут медленно меняться и наконец обратятся в танергических

мутантов, не способных к размножению. Смерть как раз для Девятого дома. Смерть, которая приходит ко всем планетам, лишенным души.

Почва в лесу была топкой и неровной, но первый час ты стоически шла вперед, попивая воду. Потом ты устала, и второй час провела в объятиях крупного, неповоротливого ходячего скелета. Тебе приходилось только отводить от лица ветки и листья — скелет рвался вперед, на ходу топча всплески талергии. С болью, похожей на ностальгию, ты подумала о Дрербуре и о доме, об огромном куполе, венчающем твой храм и кажущемся крошечной точкой с самого низкого уровня, о разреженной влажной атмосфере, о мертвой пустоте космоса за ней. Ты вспоминала шепот молитв в часовне, Второй колокол, гулко гудящий, звон его черного языка, пробуждающий весь Дрербур. Как будто какой-то древний звонарь перенапряг бицепсы, движимый священным рвением, и дергал, дергал и дергал за веревку.

Тело шла рядом с конструктом. Солнце не высушило растаявший лед на ее неровно покрашенных волосах. Влажная жара джунглей ничуть не мешала ей, а напряжение не раскрасило ни длинные тонкие мускулистые руки, ни стройные

изящные ноги, ни мертвые щеки. В последнее время она часто сопровождала тебя.

Ты видела все признаки своей смерти. Тебе оставалось жить несколько месяцев. А может, уже и несколько недель. Бог был прав: ты не изменилась, ты не решила свою проблему. Ты была одиноким, отставшим, смертным ликтором. Остальные ушли далеко вперед, за Зверем Воскрешения, который явился, чтобы покарать их смертные грехи и убить их Князя Милосердного.

И все же, в чужом лесу, среди папоротников, листьев, зеленых веток на фоне горизонта — небо было тоже зеленым, но постепенно становилось сдержанно синим — ты почти чувствовала, что снова можешь быть счастливой. Внутри тебя зияла дыра, но даже дыра в своей пустоте может быть полной.

Ты еще не знала, но к этому моменту оказалась примерно в километре от того, что уничтожит твою радость. В дыре могут еще и черви водиться.

33

К четвертому часу ты поняла, что за тобой следят. Смутное ощущение присутствия чего-то очень крупного пробилось сквозь толстый слой талергии, и ты возмутилась: Мерсиморн не смогла определить характер планеты. Очевидно, здесь обитали большие млекопитающие, и тебе придется придумывать способ как-то укрыться, чтобы тебя не сожрали, пока ты будешь терзать душу планеты. Раздражение превратилось в подозрение, когда ты осознала, что обладатель талергической метки идет за тобой. Осторожно, держась примерно в ста метрах позади, но явно идет. Это было несложно. Скелеты ступали очень тяжело. Ты оставляла след, по которому прошел бы слепой полудурок беззвездной ночью новолуния. Ты снова разозлилась, на этот раз на собственную глупость, и остановилась.

Ты встала на полянке и стала ждать своего преследователя. Покрыла небольшой пятачок жирной красной земли костью, чтобы стоять на костяной площадке, касаться ее острием меча и не волноваться, что какой-нибудь кольчатый червь вдруг обовьется вокруг твоих ног. Ты про-

слушала себя, чтобы убедиться, что никакое инородное тело из воздуха не вторглось в твою иммунную систему. Ты надвинула капюшон на лицо и стала ждать.

Сгусток талергии приближался. С глубоким, диким ужасом ты осознала, что это человек.

А потом на краю полянки появилась женщина в шляпе с козырьком, защищавшим ее темноглазое, резкое, будто ножницами вырезанное лицо от солнца. Женщина в серой мантии, полы которой она завязала вокруг пояса, чтобы они не волочились по грязи. На шее у нее висел мешок из грубого холста, в котором таилась ошеломляющая, гниющая масса танергии, такая неожиданная посреди этой громкой зеленой жизни. За спиной виднелись два меча в потертых ножнах, волосы цвета древних плит в заброшенном храме она заправила за уши.

Ты сказала чужим голосом:

— Я же видела твой труп своими глазами.

— Ну, — ровно ответила Камилла Гект, — никому об этом не рассказывай, иначе они тоже захотят его увидеть.

Ты оценивала ее с безопасного расстояния и вспоминала тело с раной вместо лица, лежащее на длинном куске пластика. Птичьи всхлипы

над головой слились в неясное бормотание, ты подняла руку к правому уху и увидела на ней кровь, такую темную, что она казалась почти черной. Камилла сделала шаг вперед, ты отступила, сохраняя прежнее расстояние, и она не стала подходить ближе. Ты смотрела на рыцаря Шестого дома и истекала кровью.

В голове развернулся список. Ты покопалась под одеждой, и экзоскелет выдал тебе одно из двадцати двух писем, надпись на котором ты очень хорошо помнила.

Отдать Камилле Гект, если ты ее встретишь.

Это тебя нисколько не смущало. Многие письма требовали исполнения совершенно невозможных условий. А теперь одно из невозможных условий стояло перед тобой. Ты отдала конверт огромному скелету, он пересек полянку, почти не проваливаясь во влажную землю, и передал письмо ранее покойной Гект.

Она взяла его, разорвала конверт, прочитала текст и заморгала. У тебя из ушей лилась кровь. Она посмотрела на письмо, на тебя и снова на письмо. Потом скомкала его и разорвала на куски.

— Ладно, — сказала она наконец, — у тебя из носа течет.

Ты вытерла лицо, подавила растущее раздражение и поинтересовалась:

— Стоит ли мне узнать его содержимое?

Гект прокашлялась — ты вздрогнула — и повторила наизусть:

— За услуги, ранее оказанные твоим Домом, я призываю в свидетели камень, который так и не откатили от входа, и подтверждаю, что буду считать твою жизнь неприкосновенной и окажу тебе помощь, если смогу. Спасибо.

— Я этого не писала, — в ужасе сказала ты.

— Писала черным по белому, Преподобная дочь.

Титул Преподобной дочери все еще звучал музыкой для твоих окровавленных ушей, но ты сказала, зная, что это прозвучало зло:

— Выходит, в прошлом я была весьма неразборчива.

— Полагаю, ты сочла, что в долгу перед нами, — сказала Камилла.

Ты довольно долго не видела никого, кроме ликторов. Ты бездумно потянулась к ней руками конструкта и поразилась скорости, с какой Гект выхватила свои длинные мечи из-за спины и бросилась на скелета со скоростью камня, выпущенного из пращи. Первый удар рукоятью

разбил грудную клетку — она тут же срослась обратно, потому что теперь ты делала скелетов только из регенерирующего праха. Она пнула его ногой, целясь в хрупкое место над коленом, и он пошатнулся и упал.

— Хватит, — сказала ты, но она опустила клинок на основание позвоночника, перерезала его, дернула позвоночник на себя… ты услышала, что повышаешь голос:

— Мне надо понять, что ты настоящая!

Она пнула скелет прочь. Две его удивленные части дергались, пытаясь соединиться, и медленно осознавали, что с ними случилось. Камилла Гект сунула мечи в ножны с той же скоростью и яростью, что доставала их, и сказала:

— Не делать резких движений!

— Я — Харрохак Нонагесимус, — сказала ты, — Девятая святая на службе Царя Неумирающего. Я его перст, я его кулак и его жесты. Я ликтор, Гект. Что ты можешь мне противопоставить?

— Ничего, — сказала Камилла и спокойно добавила: — Пока.

Ты молчала. Голова пульсировала от боли. Птицы орали очень громко, из леса доносились многочисленные запахи: влажного воздуха, влажной земли, всяких созданий, которые ползa-

ли по ней, перебирая бесчисленными ножками и подергивая своими щетинками. Ты села на свою костяную площадку, вытерла лицо и сказала:

— Я видела твое мертвое тело. Я сама его проверяла. А теперь ты здесь, в сорока миллиардах световых лет от Девяти домов, и говоришь мне, что это происходит на самом деле?

— Если ты собираешься тут сидеть и себя жалеть, то ты сильно изменилась, — заметила она. — Я собираюсь подойти поближе, ладно?

Ты с холодным предчувствием наблюдала, как приближается этот оживший труп. Она была не марионеткой, как твои родители, и не симулякром по рецепту Седьмого дома. Она вся пылала талергией — чистым горячим светом сильного и здорового человека. Мгновенные вспышки смертей, постоянно происходивших в ее теле — бактериальных, апоптических, аутофагических, — покрывали Гект кружевом танергии, которую ты видела так же ясно, как видела ее вздымавшуюся от дыхания грудь. Ты страшно испугалась, когда она присела рядом с тобой и оглядела тебя. Заглянула в левое ухо, потом в правое, посмотрела в глаза, оценила нос.

— Симпатичное интракраниальное кровоизлияние. Убивает большую часть неликторов.

— Что ты здесь делаешь? — спросила ты. — Как ты сюда попала? Эта планета вращается вокруг святилища императора, Гект, сюда могут попасть только некроманты, а ты вообще мертва.

— Вообще-то нет. — Потом она помолчала и добавила сухо: — Я пришла за тобой, Преподобная дочь.

— Ну, ты меня нашла. И зачем?

Камилла сняла с шеи мешок. Она держала его в руках и ты видела, что она колеблется, хотя она никогда не улыбалась. Большим пальцем она нежно погладила кожаный шнурок, перехвативший горловину, задержала на нем руку, а потом протянула мешок тебе. Ты приняла потертый мешочек размером примерно в две твои сложенные ладони молча, как будто это была шкатулка с драгоценностями. Ты поняла, что в нем, еще его не касаясь. Но ты не понимала почему.

Ты открыла мешок и извлекла его содержимое. Камилла смотрела на тебя темным, каменным взглядом. В мешке почти ничего не было. Ты держала одну-единственную вещь в руках и изучала.

Это был фрагмент человеческого черепа. Гребень надглазничной кости, криво обломанный кусок теменной, выпуклая скула, обломок, тя-

нущийся до верхней челюсти. Вот и все. Ничего особенного он из себя не представлял: череп мужчины чуть за двадцать, мертвого около восьми месяцев, но реконструкция была просто великолепной. Весь этот фрагмент собрали из крошечных осколков вручную, без участия мага кости. Самые мелкие кусочки были размером с кончик твоего ногтя. Он был кропотливо, тщательно и с большой любовью собран из обломков — причем, судя по некоторым следам, сразу после смерти этот череп взорвался. В местах склейки виднелись крошечные трещины. Ты вертела его в руках.

— Глаза, — сказала Камилла.

Тонкая струйка крови вытекла из правого слезного канала. Ты ее вытерла. Голова раскалывалась.

— Твой некромант, — сказала ты.

— Да, — ответила она после короткой паузы.

Это было невозможно. Когда ты последний раз видела череп Паламеда Секстуса, он был расколот на части пулей, выпущенной из огнестрельного оружия и уничтожившей его лицо. Ты вытерла левый глаз, прежде чем невозмутимый рыцарь успела сказать хоть слово.

— И чего ты от меня хочешь? — спросила ты.

— Страж все еще там. — Камилла встала.

Ты ждала, держа в руках этот результат мучительного труда. Она сказала:

— Он… привязан к черепу. Я хочу, чтобы ты это подтвердила. Вот и все.

Вот и все. Ты повертела череп в руках. Кость, мертвая уже шесть месяцев, все еще излучала танергию. Клочки плоти кто-то тщательно удалил, на черепе не было ни остатков волос, ни следов высохшего мозга изнутри. Ты попыталась вспомнить Паламеда Секстуса, и твои уши снова закровоточили. Ты лихорадочно просканировала свой мозг в поисках причины, ничего не нашла, но кровь потекла сильнее. Ты вытряхнула кровь из правого уха и сказала:

— Хорошая работа.

— Спасибо, что не стала смеяться. Он там, — повторила она упрямо, но сухо и спокойно. — Он призрак.

Ты слишком удивилась, чтобы смеяться, улыбаться или говорить: «Ты смеешься? Да, смешно».

— Нет, — сказала ты. — Призрак, привязанный к неподвижному объекту… призрак, привязанный к неподвижному объекту так долго… давно утратил бы связность и испарился. Он не мог

ходить, не мог говорить, не мог ничего чувствовать. Призраки не цепляются за остатки черепа в течение нескольких месяцев.

— Он мог.

— Я уверена, что он обладал… очень сильной личностью, но…

— Нет, я имею в виду, что он специально связал душу с телом, используя магию духа, — объяснила рыцарь. — Мы это запланировали. На случай его смерти. Я знаю, что он это сделал, потому что получила сообщение. Я только хочу убедиться, что это нужная часть черепа. Мы не думали, что будут… фрагменты. Если это не тот кусок, я буду искать другие.

Ты посмотрела ей в лицо. Камилла Гект всегда была очень закрытым, застегнутым на все пуговицы человеком. Выражением лица она не уступала камню перед Гробницей, неумолимому и ничего не выражающему. Но глаза ее… глаза были темными, как сухая земля, не серыми и не карими. Это были глаза зимы, за которой никогда не придет весна. Тебе показалось, что ты увидела тщательно скрываемую агонию.

Она сказала с выражением той же тусклой, пустой, алмазно-твердой боли:

— Офицеры Когорты… унесли его, и не знаем,

где положили его.

Твоей рукой двигала не жалость. Не жалость, а нескрываемое любопытство по отношению к человеку, который привязал бы свою душу к рассыпающемуся телу перед смертью. Ты устроилась поудобнее, подняв колени, и прикоснулась к теменной кости кончиком указательного пальца. Ты изучила весь череп, пытаясь найти хоть какие-то остатки души.

Ты не нашла ничего.

Не в первый раз ты пожалела, что совершенно не знакома с магией духа. Ты сама себя в этом обвиняла письменно: «Ты ни черта не понимаешь в магии плоти и духа». Теперь ты пожалела об этом по-настоящему. Ты не могла даже понять, не чувствуешь ли ты мертвого юношу потому, что его тут нет, или потому, что ты плохо училась.

— Если его призрак путешествовал по Реке, это свело бы его с ума, — сказала ты. — Если он на мгновение потерял сосредоточение, или если он не смог вынести заключение в собственных костях…

Камилла просто смотрела на тебя.

— Минутку, — сдалась ты.

Мозаика из девяноста шести частей, которую рыцарь звала черепом, не могла обеспечить

того, что ты собиралась сделать. Ты превратила конструкт обратно в компактный кусочек кости, сделала свой экзоскелет инертным. Если бы ты оставила их, они бы рассыпались. А лучше было не показывать свою уязвимость, уходя в Реку. Ты пересела на траву. Стебли ломались под тобой, и их запах вселял тревогу. Ты отчаянно старалась не думать о насекомых, ползающих и жужжащих прямо под тобой. Ты уперлась стопами в землю и согнула спину. Призрачные обереги уже были нарисованы у тебя на животе и на шее, хотя это и было чистой воды суеверие, рассчитанное на тот маловероятный аварийный случай, в котором тебе пришлось перемещать по Реке свое физическое тело. Разум без плоти не привлечет голодного призрака. Там могла собраться целая толпа, но никто не обратил бы на тебя внимания, не будь ты связана со своей вкусной чистой плотью. В любом случае ты собиралась только взглянуть. Ты вытащила из-за спины тяжелый меч, положила себе под ноги, взяла обломок черепа и вошла в Реку.

Ты хотела использовать череп, чтобы найти его хозяина. По-другому ты не смогла бы выделить одного призрака из миллиардов других, бредущих по темной воде, из бессчетных толп

призраков, из бесконечного их количества.

«Курочки мои, время и пространство в Реке работают по-другому, — предупреждал Августин. — Ставьте якоря, когда бросаете свои мясные одежды и входите в воду. Держитесь за что-то реальное, помните о своем теле, пусть оно станет вашей гаванью, если вы не хотите, чтобы вас утащили куда-нибудь, куда вам совсем не надо».

Ты использовала череп в качестве маяка. Вода, сомкнувшаяся над головой, показалась очень холодной, густой и скользкой, как масло. Августин погружал вас с Иантой в Реку, чтобы вы привыкли к этому, к диким, безумным, голодным созданиям, населяющим эти воды. Ты знала, чего ожидать. Ты оказалась бы в грязной воде, кишащей зубами, гниющими телами и кровавыми, невидящими глазами. Если тебе повезло бы, ты смогла бы увидеть сумасшедшего призрака черепа. Ты могла бы отдать свой долг, подтвердив, что он давно ушел и что Гект пора бы уже отказываться от своего первобытного горя, питаемого историей о привидении. Ты подготовилась к ледяному холоду и к панике привидений, разбегающихся от твоего тела, к безопасному вторжению хищников в твой разум, к мутной воде, вонючей

от старой крови…

…Ты стояла в какой-то комнате. С мокрого плаща на выскобленный деревянный пол капала вода.

В комнате размером с тюремную камеру помещались кровать и стол. На кровати валялись подушки и покрывала, стол был завален всякой ерундой, маленькими бумажными пакетами, а посередине стояла эмалированная миска в пятнах. К кровати придвинули старое чиненое кресло. Местами из сиденья лезли желтые пухлые комки. Над кроватью виднелось грязное маленькое окошко, стойко сопротивлявшееся всем попыткам себя помыть. Оно выходило на умирающий дворик, где среди безлистных черных деревьев зеленели только покрытые солью лозы. На полке валялись книги. Одна стояла, как свежий труп среди скелетов. Ты заметила название: «Брачный сезон некроманта».

— Исторический роман, — произнес кто-то у тебя за спиной, — Абелла Трин, очевидно, с Иды, не имеет никаких перспектив на брачном рынке, потому что она слишком худа, слишком хорошо владеет магией плоти, а свои густые каштановые волосы убирает в неприглядный пучок, что упоминается не меньше двух раз за главу.

Ты развернулась.

В дверях крошечной комнаты стоял юноша ростом выше тебя. Тусклая мантия болталась на истощенном теле. Он вертел в руках очки, и глаза без них казались голыми. Глаза были серые, изысканного цвета угля, выгоревшего почти до белизны, и прозрачные, как кварц.

— Несколько поклонников ищут ее расположения, — продолжил он, — хотя Абелла такая мерзкая, что я их не понимаю. Еще там есть порочная мечница, которая мне очень нравится, но автор ее недолюбливает, потому что она каждую ночь посещает оргии. Безупречное хобби, на мой взгляд. Абелла встречает безумно скучного вдовца с окраин Тизиса. Его святой муж словил гранату на войне. Пару раз серьезно не поняв друг друга, они, наконец, сходятся, а потом мы узнаем, что у них родился очаровательный младенец, который шепелявит фонетически невозможным образом и уже может создать почку. Редкая дрянь. — Он водрузил очки на крючковатый нос. — Давно не виделись, Преподобная дочь.

Потом он совершил нечто ужасное. Он сделал шаг вперед и изо всех сил обнял тебя. Схватился за тебя, как утопающий, который против собственной воли тащит спасителя на дно. Переплел

пальцы с твоими — ты не знала такого жеста, но его рука не была рукой призрака или миража. Он даже оторвал тебя от пола, так он был нетерпелив и жаден. Но потом он поставил тебя обратно и увидел твое лицо.

— Извините, — сказала ты с нажимом.

— Ох, прошу прощения, — ответил Паламед Секстус, — неверно оценил ситуацию. Давай считать это синдромом длительного нахождения в четырех стенах. Нонагесимус, а Камилла…

— Она отправила меня сюда, — ты выжала мокрый подол, — она жива и здорова.

Он вздохнул.

— Слава богу, — сказал он неверным голосом, — слава богу за эту сумасшедшую, упрямую, прекрасную девушку. Кстати. Харрохак, ты услада для усталых глаз.

Ты отчаянно охлопала свой экзоскелет, но, коснувшись кости, сразу поняла, что проку не будет. Писем с тобой не было: они не могли оказаться здесь, поскольку ты не знала их содержания. И в любом случае письма, адресованного Секстусу, не существовало. Предыдущая Харроу об этом не подумала. Ты прекрасно знала, что она видела Гект и Секстуса мертвыми, почему же она оставила указания на случай появления одной, но не

другого? Ответа на эту загадку ты не знала. В этой нелепой воображаемой комнате ты оказалась совсем одна.

— Проекция, — сказала ты, — проекция в Реке, так?

— Скорее на берегу, но это тоже не совсем точно, — быстро ответил он. — Я не смог как следует привязаться к телу, когда развалился на составные части. Так что я создал своего рода пузырь на берегу Реки и привязался к нему на клеточном уровне. Не одной толстой веревкой, а множеством ниточек. Чем-то вроде паутины. Если бы кто-то нашел хотя бы кусочек моего тела, пусть самый маленький и жалкий, к нему все равно тянулась бы пара ниточек. А на другом конце ждал бы я. Ну, на это я надеялся. Провести должные испытания я, понятно, не могу.

— Секстус, я бывала в Реке, множество раз, духовно и во плоти. Нельзя создать там пузырь.

— Пожалуй, это действительно не то слово, но…

— Нельзя ничего создать в Реке! Это измерение вечных перемен, вечного потока. Там нет никакого определенного пространства. С тем же успехом ты мог бы отгораживать время стеной из кирпичей!

— Да, ты права. Но самим нашим присутствием в Реке мы на краткие мгновения проявляем пространство из не-пространства. Представь, что ты выдыхаешь в воду — получаются пузыри. Вода не может оставаться там, где есть воздух. Как будто воздух временно устанавливает свои собственные правила на небольшом участке пространства. Если бы ты оказалась в таком пузыре, то смогла бы жить по воздушным правилам, например говорить или зажигать огонь. Вода отвергает воздух, а Река инстинктивно отвергает все, что лежит за ее пределами. В потустороннем не нужна эта сторона. Так что ты можешь установить там свои собственные правила… в очень скромных пределах. Я мог бы написать об этом минимум шесть отличных статей, Харроу. Еще столько работы впереди…

Ты еще раз быстро оглядела комнату и вдруг поняла, что она тебе знакома. Ты могла ее видеть. Да ты ее и видела.

— Это дом Ханаанский, — сказала ты.

— Это мгновение моей смерти, — согласился он, — я же сказал. Что пределы очень скромны. Я ощущаю себя, но я не способен на некромантию. Я ничего не могу сделать. У меня есть только застывший образ комнаты и, по неизвестным

причинам, одинокий любовный роман, который я прочитал уже примерно пятьдесят раз. Слава богу, в кармане у меня лежал карандаш. Я пишу продолжение на обрывке обоев.

— Сколько ты смог восстановить?

— Выгляни в коридор, — предложил он.

Ты осторожно вышла за дверь. То, что ты сочла выходом, оказалось всего лишь образом двери, за которым оставалось небольшое пространство — примерно фут в каждую сторону. Дальше начиналась невероятная, огромная белизна. Когда ты коснулась ее («Осторожно!» — предупредил Паламед), белизна оказалась плотной, хотя немного поддавалась под рукой и липла. Белизна была бездонна. Это была пустота, позволявшая себя коснуться.

Ты вернулась в комнату и забралась на кровать, чтобы выглянуть в окно. Там ты увидела то же самое: террасу с мертвыми растениями, клочок океана и камень. Дальше во все стороны простиралась бесконечная ужасная белизна. Окно не открывалось.

— Барьер начинается там, где заканчивается твое поле зрения, — решила ты. — Тут то, что ты видел.

— И оно не меняется. Море неподвижно. Ка-

жется, что оно движется, но это неправда. Как голографическая картинка, которую нужно перевернуть, чтобы увидеть другое изображение. Тут нет ничего, и это ничего не меняется.

Ты села на заваленную подушками кровать и посмотрела в его длинное, серьезное лицо. Ты пыталась вспомнить, видела ли ты его хоть раз до того, как в это самое лицо угодила пуля. Ты очень старалась. Когда ты закрыла глаза, под веками ничего не загорелось — так, небольшая краснота.

— Человеческий разум не может выжить в таких условиях, Секстус. Пребывание на одном месте убьет любого призрака, если у него нет очень специфической привязки. В конце концов он утратит сцепление, уйдет и вернется в Реку. Я не могу представить себе разум, который цеплялся бы за грань столько времени.

— А я могу, и это меня пугает, — тяжело сказал он. — Сколько времени прошло после моей смерти, Нонагесимус?

— Восемь месяцев, плюс-минус.

Он снял очки с толстыми стеклами и посмотрел на тебя бриллиантово-серыми жуткими глазами. Выглядел он невзрачно. Казалось, что его нос, подбородок и нижнюю челюсть объединили

шутки ради. Но красота его глаз придавала лицу определенную привлекательность, как будто они покрывали его черты слоем плесени.

— Восемь месяцев? — пробормотал он.

— У меня нет точных данных, но…

— Но почему? Как так вышло? Должно было быть не больше недели.

— Прошу простить мою неспешность, — сказала ты, чувствуя несправедливость его обвинения. — Но твой рыцарь принесла мне кости только что. Учитывая, что мне надо было задать ей несколько вопросов…

Брови его сошлись на переносице и стали напоминать мечи:

— Прежде всего, почему вы с Кам разделились?

— Ну, я не знала, что обязана…

— Я имею в виду, что она никогда не ушла бы от тебя, дай ты ей хотя бы тень шанса.

Ты потеряла терпение. Возможно, у тебя его никогда и не было. Дыру в душе только что заполнило любопытство.

— Страж Шестого дома, — вопросила ты, — почему ты ведешь себя так, будто я должна знать тебя? Почему ты ведешь себя так, будто твой рыцарь знает меня? Я — Харрохак из Первого дома, Преподобная дочь Дрербура прежде и во

веки веков. Я — девятая святая на службе Царя Неумирающего, одна из его кулаков и его жестов. Я не знала тебя в этой жизни и не буду знать в следующей.

Он застыл.

— Ты стала ликтором.

— В этом и была идея?

— Не для той Харрохак, которую я знал. Скажи, что ты все сделала правильно! — потребовал он. В его голосе замешательство боролось с интересом: — Скажи мне, что ты завершила работу. Только ты, одна из всех, могла до конца понять то, что я начал постигать. Твой рыцарь, Преподобная дочь…

— Стал топкой моего ликторства.

Мертвый страж замолчал. Он смотрел тебе в лицо, как будто хотел проникнуть взглядом сквозь дерму, фасцию и кости. Тихо сказал:

— Господь берет… берет и берет.

Над головами у вас раздался ужасный грохот. Казалось, что какой-то огромный механизм разминает свои несмазанные соединения и скрежещет, пробуждаясь к жизни. Потом грохот повторился — на этот раз дальше, и за окном вспыхнул яркий белый свет, заставивший тебя вспомнить об императоре. Гром — и удар мол-

нии. Прекрасные глаза Паламеда расширились, и он сказал:

— Но это невозможно! — и бросился к окну.

Ты тоже подошла. Потоки дождя колотились в окно, как птицы. Ты выглянула во двор сквозь грязное стекло: неподвижный свет за ним вдруг потускнел.

На террасе стояло существо в защитном костюме, закутанное в мятый оранжевый материал с ног до головы. Дыхательный аппарат загораживал лицо. В одной затянутой в перчатку руке оно держало огромную двустволку — ты ясно видела ее даже отсюда. Существо стояло, обратив на вас стекла защитных очков. Вокруг стонал ветер и гремел, удаляясь, гром.

— Что за… — начал Секстус.

Ты заговорила, и твой голос показался странным самой себе. Как будто раньше ты слышала это слово только во сне и никогда не произносила его вслух.

— Спящий!

Спящий смотрел на вас. Потом ветер принес с собой еще один поток дождя, и Спящий исчез. Вы с некромантом Шестого дома разом бросились в двери, захлопнули ее, вдвинули на место засов и навалились на нее всем своим весом. Невеликим,

прямо скажем.

— Девятая, — быстро сказал он, — это место питается одной-единственной теоремой, удерживается вместе хрупкой магией духа. Я не могу им манипулировать. Я ничего не могу здесь изменить, ни комнату, ни подушку, ни эту омерзительную книгу. Я ничего не могу изменить, но тот, кто пришел сюда, может поменять параметры. И ты принесла с собой что-то, что может их изменить. Уходи.

Вы замерли, услышав шаркающие шаги за дверью и тихий астматический хрип дыхательного аппарата. Потом еще сильнее навалились на дверь жалкими некромантскими плечами.

— Не будь дураком! — сказала ты.

— Уходи немедленно, Нонагесимус.

— Я не брошу тебя с тем, что сотворила сама, главный страж!

— Вот это больше похоже на прежнюю Харрохак. Но ты должна уйти! Я уверен, что он исчезнет вместе с тобой! Со мной все будет нормально! Только скажи, что из моих костей нашла Кам.

— Три дюйма правой теменной кости, всю правую скуловую и…

— Хорошо, теперь я знаю, на чем сосредоточиться. Можешь ли ты превратить эти кости во

что-то более полезное?

— Я ликтор, Паламед Секстус, — ледяным тоном сказала ты.

— Да, приношу свои соболезнования. Но я тебя понял. Что-нибудь, что способно к артикуляции, ладно?

— Но…

Удар в дверь отдался во всем твоем теле. В этом пузыре ты не владела никакой магией, как будто ты оказалась в глубоком космосе до того, как внутри тебя загорелась печь. Твоя некромантия умерла и застыла, как сама эта комната. Удивительно, как сильно это тебя напугало. Тут были только ты, представление твоего разума о твоем теле, призрак мертвеца и тварь, которая пришла за вами.

Вы оба прижались к двери, и она выдержала. При следующем ударе петли ее застонали. Паламед посмотрел на тебя и открыл рот, собираясь что-то сказать, но от третьего удара вы оба отлетели прочь, ударились головами, и ты услышала стальной щелчок взводящегося курка.

Секстус потирал висок и смотрел на тебя благоговейно, как будто увидел отблеск запредельного. Ты не поняла, почему он вдруг криво ухмыльнулся.

— Убить нас дважды. Позор господу, — сказал он, наклонился и быстро поцеловал тебя в лоб, встревожив тебя еще сильнее: — Харрохак, иди, ради бога.

Ты нырнула — и не услышала выстрела. Не в первый раз ты ощутила, что стоишь посередине того, что сама считаешь сценой, а потом оказывается, что это всего лишь картинка на мятом листке. Ты была не центральной фигурой детектива, а зрителем, наблюдающим, как шарлатан показывает фокусы. Ты увидела яркий свет или цвет и с ужасом поняла, что смотришь с другой стороны. Ты стояла в темном коридоре и не могла обернуться. А потом короткая вспышка света доказала, что это вовсе не коридор и вовсе не темный.

Но ты всегда слишком быстро начинала страдать о собственном невежестве. Ты не могла и предположить, что он видел меня.

34

Ты была мокра от пота, скопившегося под спящим экзоскелетом. Когда ты села, пытаясь отдышаться, хотя это было совершенно необязательно, то увидела над головой не полог листвы, а что-то белое, вроде простыни. Тебя перенесли. Ты лежала на спине, а не в позе эмбриона, которой тебя учили, меч лежал под твоей рукой, а под тобой оказалось тонкое одеяло, позволявшее чувствовать каждую травинку и неровность земли. Еще ты чувствовала, как жжет солнце, и слышала дикие крики птиц.

Камилла Гект сидела рядом с тобой и не вздрогнула, когда ты вдруг очнулась. Вы оказались на более просторной полянке, рядом валялись обломанные сучья. Часть из них прижимала края навеса, прикрывавшего вас от солнца. За навесом высилось металлическое брюхо шаттла.

Ты, как идиотка, задумалась о его странной форме и стиле постройки. Это был не шаттл Когорты — и не шаттл одного из Девяти домов, и не только потому, что его не украшала ни единая кость. Очень блестящая сталь словно бы шипела от жары, и над самым корпусом поднималось

трясущееся марево. Шаттл был потертый, обгоревший, ты не рискнула бы подняться на нем на десять футов над землей, не говоря уж о полете в атмосферу или в черную бездну космоса. Ширина и высота не превышали длины трех человеческих тел. От мысли о том, чтобы оказаться внутри его, тебя передернуло. Но ты не успела предаться отвращению и паранойе, потому что Камилла повторяла раз за разом:

— Ну что?

— Он там.

Рыцарь Шестого дома посмотрела на тебя и опустилась на землю длинным заученным движением. Она лежала на спине, невидяще глядя в небо, наполовину закрытое навесом, наполовину пылающее. Потом долго, судорожно вздохнула и резко села.

— Хорошо, — сказала она и коротко улыбнулась. Улыбка осветила ее лицо, как комета. Камилла вдруг стала удивительно похожа на своего адепта: — И что дальше?

Ты взяла в руки тщательно склеенные фрагменты черепа и понадеялась, что «он там» не превратилось в «он там был». Потом раздавила кости пальцами. Рыцарь потянулась было к тебе, но замерла. Ты мяла фрагменты в ладонях, пока

не смогла удалить клей, который, слава богу, имел химическую природу. Он легко мог оказаться кератиновым, и это было бы неприятно и сложновато. Клей сошел липкими маленькими комочками, которые ты выбросила. В руках у тебя осталась костяная масса, насыщенная танергией. Ты задержала взгляд на этом податливом материале, прежде чем начать лепить.

Из комка выскочили фаланги, потом дистальные кости, ряд костей запястья и наконец все запястье целиком. Ты не получала такого чистого животного удовольствия, как при возне с рукой Ианты, но это давалось тебе легко, а результат получался удовлетворительным.

— Я могла бы сделать полный скелет.

— Не надо, — быстро попросила Камилла. — У меня могут быть проблемы.

— Страж просил о возможности двигаться.

— Я не о нем, — сказала рыцарь.

Ты кинула в нее руку, и она рефлекторно перехватила кости в воздухе. Ты взялась за меч, встала и, пока она тебя не остановила, пошла к борту странного шаттла. Грузовой люк — или входной шлюз — был открыт и закреплен так, чтобы свежий воздух попадал внутрь. Ты стояла на примятой траве, моргая от яркого солнца, и

смотрела внутрь. Трое обитателей шаттла смотрели на тебя в ответ.

Во-первых, капитан Дейтерос, чей труп ты видела лежащим на столе и нашпигованным пулями. Она сняла белый мундир Когорты и облачилась в мешковатую, неопределенного цвета рубашку с длинными рукавами и темные штаны. Она походила на пустую оболочку стремительной адептки, которую ты видела в доме Ханаанском, и казалась менее здоровой, чем свой собственный труп. Она сильно похудела, хотя и раньше была хрупкой, как все некроманты, щеки провалились, а на коленях у нее лежали два костыля.

Рядом сидела другая женщина, тоже в мешковатой грязной рубашке, но она в ней выглядела по-королевски. Эту женщину ты последний раз видела падающей с огромной высоты. Лицо Коронабет чертами не отличалось от лица Ианты Тридентариус — сияющего лица с чистой кожей, волосы у нее блестели, а глаза были фиолетовыми, как сливы. Они обе сидели в задней части скудно обставленного шаттла, среди сырых двигателей, сильно воняющих нефтью, и распиханных по углам коробок, под тонкой металлической решеткой. Кронпринцесса Иды, пропавшая без вести и предположительно погибшая, заполняла

собой все пространство и походила на цветочный куст на мусорной куче. От нее веяло здоровьем. Она была настолько же сильна и крепка, насколько слабой казалась Дейтерос.

Третий смотревший на тебя человек не был живым. Этот огромный плакат в потрескавшейся раме служил единственным украшением маленького грязного шаттла. Неулыбчивое, непреклонное создание — вроде бы женщина — сфотографированное по плечи, пристально смотрело на тебя, будто бы прикидывая, сколько усилий понадобится, чтобы свернуть тебе шею. Она была затянута в черное, а на плечи падали крупные рыжие кудри. У тебя зачесались носовые пазухи — по ним поползли толстые струи крови.

Портрет напугал тебя. С тех пор, как ты стала ликтором, ты не видела ничего насколько же страшного. Ты даже обмочилась.

Ты никогда в жизни не видела этого лица.

— Девятая? — хрипло сказала капитан Второго дома.

Ты обтерла лицо и снова сунула руку под экзоскелет. Он выплюнул одно из двадцати двух писем — то, на котором было написано «Открыть при встрече с Юдифью Дейтерос».

Ты расшифровывала на ходу, не прилагая уси-

лий:

ГОСПОЖЕ ХАРРОХАК НОНАГЕСИМУС, ИЗВЕСТНОЙ ТАКЖЕ КАК ПРЕПОДОБНАЯ ДОЧЬ ПО ЕЕ ЖЕ СЛОВУ, НЫНЕ — ХАРРОХАК ИЗ ПЕРВОГО ДОМА, ОТ НЕЕ ЖЕ, НЫНЕ ПОКОЙНОЙ.

ПИСЬМО ДВЕНАДЦАТОЕ ИЗ ДВАДЦАТИ ЧЕТЫРЕХ

Если ты встретишь Юдифь Дейтерос, заставь ее замолчать. Если понадобится, убей.

Кости челюсти Дейтерос срослись. Ты приклеила нижние моляры к верхним, а язык — к небу.

— Н-н-нг? — спросила она.

На всякий случай ты вытащила и второе письмо, хотя оно писалось без использования шифра, и ты его уже читала.

ГОСПОЖЕ ХАРРОХАК НОНАГЕСИМУС, ИЗВЕСТНОЙ ТАКЖЕ КАК ПРЕПОДОБНАЯ ДОЧЬ ПО ЕЕ ЖЕ СЛОВУ, НЫНЕ — ХАРРОХАК ИЗ ПЕРВОГО ДОМА, ОТ НЕЕ ЖЕ, НЫНЕ ПОКОЙНОЙ.

ПИСЬМО ПЯТОЕ ИЗ ДВАДЦАТИ ЧЕТЫРЕХ

Защищай Коронабет Тридентариус любой ценой, даже если это будет опасно для твоей собственной жизни. Работа будет провалена, если ты поспособствуешь ее смерти прямо или косвенно. Если она заинтересуется работой, ты

можешь заставить ее замолчать, если это не причинит ей серьезной боли.

Дописано другим почерком:

P. S. Или вообще не причинит боли.

Твоим:

P.P.S. Я не могу гарантировать полное отсутствие боли.

Снова чужим:

P.P.P.S. Никакой боли быть не должно.

Твоим:

P.P.P.P.S. Мы сошлись на «минимальной боли, которая неизбежна при условии принятия всех доступных некроманту мер».

Чужим:

P.P.P.P.P.S. хохохохо.

Коронабет Тридентариус уже вскочила и обнажила рапиру, при виде которой ты застыла на месте. Ты слишком хорошо ее знала. Это была рапира Девятого дома, с клинком из черного металла, простой гардой и черной рукоятью. Коронабет стояла перед немой оболочкой, в ко-

торую превратилась Дейтерос, выставив рапиру перед собой и заведя левую руку за спину. Она так походила на Ианту, что ты совсем запуталась — но ты уже сделала с ней то же самое, приклеила язык к небу и склеила зубы, так что она смогла сказать только:

— Ммм!

Ты вытащила свой двуручный меч.

— Прекратите! — рыцарь Шестого дома дополнила эту дерьмовую сцену. Глаза ее превратились в узкие щелочки. — Я их уже предупредила.

— У меня это получается убедительнее.

— Черт, — коротко сказала Гект, — отпусти их. В чем у тебя измазан меч, и кто научил тебя так его держать?

— Я отказываюсь… что?

— Ты держишь руки слишком близко. Положи левую ладонь над яблоком, поднеси ближе к груди. Правую — на рукоять, повыше, к самой гарде. Еще чуть выше. Вот так лучше.

Ты повиновалась.

— Хорошо… хотя сил на удар у тебя все равно не хватит. Ладно, а теперь отпусти Коронабет и Юдифь.

Когда ты перехватила руки, держать меч стало гораздо проще.

— Что вы здесь делаете? — спросила ты. — Почему вы все живы? Как вы оказались на другом конце вселенной, в своем собственном шаттле, во многих звуковых годах от Девяти домов? Почему ваши тела не нашли в доме Ханаанском?

Жутко кривя склеенный рот, Дейтерос встала, зажав костыль под дрожащей рукой, и теперь брела к тебе, держась так прямо, что ты засомневалась в ее слабости. Она все еще оставалась капитаном Когорты. Она шла к тебе тихо, глядя темными холодными глазами. Ты держала в руках покрытый костью меч, хотя ни в коем случае не стала бы убивать ее мечом. Капитан прошла мимо явно недовольной Коронабет, на мгновение их глаза встретились, и Юдифь коротко покачала головой. Она остановилась в шаге от тебя. Сгребла в кулак полу твоего перламутрового плаща. Ты не дрогнула.

— Нн-н-н-н… м-м-м-п-ф… н-гаа, — выговорила она, как будто только одной силой отчаяния можно было разлепить склеенные губы. Камилла встала слева от нее, а Коронабет справа, но она замахнулась на них костылем. Хватка у нее была завидная. Когда она еще раз сказала:

— Н-х-х-р! — Ты освободила ее губы, язык и зубы. Ты всегда была слишком любопытна.

— Н-х-х-р… предупреди его, ликтор! За ним следят, черт побери, а я ничего не могу сделать! Я — узник войны! Если ты любишь его, скажи императору, что предатель уже… н-н-н-г-р-х!

К последнему н-г-р-х ты не имела никакого отношения. Коронабет невозмутимо зажала рот некромантки ладонью и потащила ее прочь — для человека ее габаритов это было несложно. У сестры Ианты были каменные глаза, и они с капитаном смотрели друг на друга враждебно, чтобы не сказать хуже. Униженную Юдифь утащили в недра шаттла, Коронабет пнула рычаг, закрывающий дверь, люк, визжа, пополз вниз, и тьма поглотила ее и яростное достоинство раненого солдата. И холодный взгляд слишком знакомого портрета тоже. Юдифь что-то показывала тебе жестами, но ты так и не выучила сигналов Когорты. Ты никогда не утруждала себя военными делами.

Камилла подобрала костыль и встревоженно сказала:

— Надо улетать. Нас не должно здесь быть.

— Ты дура? Думаешь, я вас отпущу, как…

— Я призываю в свидетели камень, который никогда не откатят от входа, — мгновенно сказала она. Она быстро училась. — Отпусти нас. Никому

не говори, что мы здесь были. Не задавай больше вопросов. Мы больше не на одной стороне, Девятая. Я перед тобой в долгу. Но все изменилось.

Теперь твой язык словно бы приклеился к небу. Бывшая рыцарь Шестого дома бесстрастно посмотрела на тебя и добавила:

— Я сожалею, если это вдруг поможет.

— Не поможет.

— Согласна.

— Позволь мне спросить одну вещь. Один-единственный вопрос. Ради всего, что я сделала для тебя и главного стража Шестого дома.

Камилла посмотрела на тебя рассеянно и наконец сказала:

— Спрашивай. Я не буду обещать, что отвечу.

— Кто забрал вас из дома Ханаанского? С кем ты, Гект?

— Вы зовете их Кровью Эдема.

* * *

Вечером Мерсиморн спустилась, чтобы забрать тебя с поверхности планеты, которую ты убила, почти не задумываясь. Ты ничего не чувствовала и ничего не говорила, что полностью устраивало твою наставницу, потому что и ей нечего было сказать тебе, кроме:

— От тебя пахнет грязью.

Она молча отвезла тебя обратно на Митреум. Ты смотрела на удаляющуюся планету через окно. Она совсем не изменилась, разве что огромные глыбы льда на экваторе чуть-чуть потрескались. Она была абсолютно мертва, и скачущие по ней животные еще не подозревали об отложенном смертном приговоре. Черви копошились в жалкой зловонной дыре в твоей душе.

35

— Мне очень жаль, Девятый, — сказала Абигейл тем же нерешительным, добрым и заботливым тоном, каким ты бы сказала кому-то, что его котенок никогда не вырастет в тигра. — Я не эксперт в области психометрии, а рапира такая старая, что тебе понадобились бы настоящий эксперт Шестого дома и дьявольская удача. Она принадлежала твоей прапрабабке девять поколений назад, так? И ее использовали недолго?

— Таков, — послышался тихий похоронный голос рыцаря Харрохак, который казался еще тише и похороннее из-за прикрывавшего лицо шарфа, — был характер уступки.

— Клинок меняли?

— Рукоять оригинальная, если не считать яблока, — пауза, — и части эфеса.

— Хорошо. Нет никакого шанса, что на нее… попадала кровь?

— Ее использовали. Она рассказывала, что балансу делали комплименты. Ее трогали, пожалуй, двадцать или тридцать секунд.

— В перчатках.

— Таков обычай.

— Ортус, — сказала она, — меня этому не учили. Я думаю, наши шансы очень невелики. Ну, примерно, как шансы на то, что Магнус наткнется на тайный вход в утраченные кладовые Императора Неумирающего. Это даже вероятнее, пожалуй, поскольку я прихожу к выводу, что они расположены вдоль лаборатории, а не… ладно, неважно. Сэр, мне очень жаль, но… Преподобная дочь, это ты?

Вряд ли кто-то другой мог стоять на пороге, не желая пересекать его, и слушать остаток разговора. Харрохак держалась невероятно тихо, даже ряса не шуршала, но некромантка Пятого дома, как выяснилось, очень хорошо слышала.

— Мы привыкли к Жанне и Исааку, сами понимаете, — сказала она, как будто это что-то объясняло.

Исчезнуть в коридоре или пойти в наступление и ответить «Нет»? Никакой надежды. Преподобная дочь скользнула в промороженную библиотеку, как будто ее увидели, когда она просто открыла дверь. Пятая и ее собственный рыцарь стояли перед полкой со старыми мятыми картами. Он держал свой древний ржавый клинок на ладонях, будто предлагая его некромантке с ласковым взглядом. Она втирала какое-то про-

зрачное вещество в неровную рукоять. Ортус, как всегда одетый в черное, печальный и грустно раскрашенный, решил повсюду таскать с собой свои плетеные, покрытые черной тканью корзины. Капюшон он беззаботно откинул назад, обнажая свежевыбритую голову. В таких условиях постоянное бритье приобретало отчетливый оттенок мученичества. Выглядел он так, будто решил вскрыть именинные подарки на день раньше, а его за этим застигли. Дыхание вырывалось из-под черного шарфа, прикрывавшего лицо, бледным облачком.

Гребаный туман превратился в мокрый снег, а снег чуть позже сменился льдом. Снег начал падать, как вулканический пепел, примерно через неделю после первого града. Он попадал в трещины в окна и бросался в лица всем, кто выходил в незащищенные залы и коридоры дома Ханаанского. Иногда снег бывал красным, и тогда лед, копящийся в трещинах пола и в стальных посадочных площадках, становился глубокого, неприятного багрового цвета. Свежие овощи погибли, и пришлось перейти на консервированную пищу. Конструкты в радужных набедренных повязках продолжали ловить рыбу в незамерзающем соленом море, но Учитель увидел их

улов и запретил его готовить — а также смотреть на него.

Но снег и кровавый лед оказались меньшими из изменений, пришедших в дом Ханаанский.

Ортус сунул рапиру в ножны — скорее осторожно, чем изящно, — и спросил:

— Как продвигаются приготовления, госпожа?

Абигейл сказала одновременно с ним:

— Харроу, не стоит передвигаться в одиночестве.

— Куинн и Диас сопровождали меня до конца коридора. Мы наложили все заклинания, — сказала она. Харроу не утруждала себя шарфами и постоянно жалела об этом. Губы у нее потрескались, краска на лице — тоже, как бы сильно она ни пудрилась. В результате священный череп напоминал старую фреску.

— Независимо от их эффективности, что-то они нам да скажут. Если Спящий заденет их при движении — одно, если не заденет — то другое.

— Вы не пытались передвигать саркофаг? — сказал ее рыцарь с крошечной долей надежды в голосе.

— Пыталась, разумеется, — сказала Харроу, и он передернулся и закрыл глаза, — без толку. Его невозможно сдвинуть с места. Диас попыталась

поддеть панели, чтобы прикинуть размер саркофага, но он больше всего похож на колонну. Не то чтобы я сильно надеялась просто выкинуть его в океан, но признаю, что я в некотором затруднении.

— Госпожа, вы могли разбудить его.

— И это тоже дало бы мне информацию.

— Я бы не хотел, чтобы вы так вольно обращались со своей собственной жизнью.

— Ты предпочел бы, чтобы я вольно обращалась с твоей? — Харрохак вовсе не хотела говорить гадости. Она вообще думала, что это его подбодрит. Но темные глаза Ортуса вдруг застыли, как будто их сковал заоконный холод, уголки рта опустились, и он тихо сказал:

— За этим я здесь.

— Ты ненавидишь лабораторию. Ты умираешь там от страха. Ты умолял не брать тебя туда.

— Да.

— Тогда не ной, когда все делается так, как ты хочешь, — отрезала Харроу, и оба рассердились. Она знала, что он зол — потому что разговор пошел не по его тщательно продуманному плану. Она знала, что зла сама — потому что каждый раз, когда она пыталась чуть-чуть смягчить остроту своего языка, он парировал ее уколы. Эти раз-

говоры были почти невозможны для Запертой гробницы, но после приезда в дом Ханаанский она начала их… ждать. Она не стала как-то замедлять этот поток, просто спросила:

— Мы договорились? Все ясно?

— Кристально, — грустно сказал ее рыцарь.

Абигейл делала вид, что очень занята, как умеют только в Пятом доме. Харрохак начинала понимать, что отпрыск Пятого дома сумеет вежливо сказаться занятым даже во время убийства. Или оргии. Теперь она коротко сказала:

— Хорошо, Харроу, что ты пришла. Мне хотелось бы обсудить, что будет дальше.

Она села за стол и отбросила густые, тщательно причесанные блестящие темные волосы за спину. Абигейл Пент выглядела бы достойно даже при землетрясении, пожаре или наводнении.

— Ты говоришь об органах, — предположила Харрохак.

— Да. Они… неприятны, — сказала Пент.

Снег прекратился. Розоватый потрескивающий лед лег на древние стекла, образовав вишневого цвета узоры, похожие на миниатюрные папоротники. В трещинах пола и среди мертвых трав за ними наросли скользкие толстые трубки свежего ярко-розового цвета с красными прожилками под

прозрачным верхним слоем. Время от времени в них плавали туда-сюда черные комья, похожие на испуганных рыб. Если кто-то вскрывал такую трубку, она изрыгала поток грязной воды, а потом рана затягивалась на глазах. Стало так холодно, что за несколько часов это вещество должно было замерзнуть, превратившись в бурое облако с туманной скользкой поверхностью.

Трубки были не одинаковы. То и дело они вспучивались или начинали падать завесой со стен или потолка, в их плоти прятались беловатые блестящие пузырьки. Выжившие обитатели дома Ханаанского, даже Харроу, единодушно согласились с Дульси Септимус, которая объявила эти штуки «абсолютно ужасными. Полным дерьмом».

Абигейл серьезно смотрела на Харроу. Руки она прятала в огромных шерстяных перчатках мужа.

— Преподобная дочь, мы рассчитываем на тебя.

На Харрохак и раньше рассчитывали, хотя обычно так поступали люди не моложе семидесяти. Руки в перчатках она не вынимала из карманов, сгибала и разгибала пальцы и ждала. Историк Пятого дома продолжила:

— Моя некромантическая специализация

необычна, мое общее образование довольно поверхностно. У меня нет особых амбиций в этой области. Я могу командовать скелетом, но не могу поднять его. Я могу сделать сухожилие, мускул или зарастить кожу, но я не представляю, как превратить их в оружие. Что же до герцогини Септимус…

Если честно, Дульсинея Септимус представляла собой медицинское чудо. По ее собственным словам, ее легкие представляли собой догорающие очаги воспаления — перед самой поездкой в Первый дом она подхватила очередную пневмонию. Холод должен был давно похоронить ее в глубоком алом снегу. Но на вид она была довольно здоровой, если не считать редких приступов кашля. Харрохак склонялась к тому, чтобы объявить ее ипохондричкой, каких свет не видывал, если бы сама Септимус не повторяла:

— Я всегда говорю, что воображать болезнь — самый верный способ заболеть.

Она с надеждой твердила это, пока рыцарь пытался напоить ее зловонной микстурой с ложки.

— Она давно должна выйти из строя, — сказала Абигейл. — Удивительно, что этого еще не произошло. Но магия плоти поддерживает ее изнутри. Она рассказывала, что главный страж

Шестого дома научил ее, хотя они были детьми… черт его знает, каким он был в девять лет… и что она забросила все остальные уроки после этого. Ты, лейтенант и Протесилай из Седьмого дома составляете нашу ударную силу.

Харрохак очень постаралась не смотреть на своего рыцаря и не видеть, как он воспринял это заявление. Он страстно возненавидел героического рыцаря Седьмого дома. Что ж, хорошо, что у него появилось хобби.

— Если температура упадет еще сильнее, — сказала она, — я могу стать… менее полезной. Я экспериментировала с нагреванием костного мозга, не дающим ему замерзать… насколько мне известно, я только что изобрела это искусство. Но это невероятно сложно, как ни тяжело мне это признавать.

— Черт, — тихо сказала некромантка Пятого дома, — черт, черт. Я об этом даже не подумала. То есть это чудесно, обязательно расскажешь мне все подробности, но… черт!

Харрохак сунула руки в перчатках под мышки и сказала:

— Это превентивная мера. Пока что я еще в строю, если температура не упадет.

— Тогда время работает против нас, — сказал

Ортус.

— Время всегда работает против нас, — ответила Абигейл.

— Время… время, — послышалось от двери, — время ничего не значит, в отличие от мастерства. Этот храм простоял десять тысяч лет, и лишь самые неуклюжие из лап времени смогли его задеть. Но его создатель был мастером, перед которым расступается даже Река. Время ничего не значит для вечного царя.

Это был Учитель. На белую шерстяную тунику с красивым радужным кушаком он накинул только короткий белый плащ, но больше ничто не защищало его от холода. Даже на ногах красовались сандалии. В руке он держал бутылку с жидкостью яблочного цвета и постоянно к ней прикладывался. От резкого запаха Харроу сморщила нос.

Все замолчали, а Учитель добавил:

— Я верю, что сейчас мы несем наказание за то, что они сделали. Дьявол склонилась перед богом, чтобы он надел поводок ей на шею… и ученики испугались! Я не могу их винить! Я сам был в ужасе! Но когда работа была сделана, когда я закончил, и они тоже, и новые ликторы узнали цену содеянному… они заставили его убить

тварь из соленого моря, пока она не причинила им вреда. Какая трагедия — оказаться в ящике и ждать там до конца времен. Это случилось со мной, но я был всего лишь человеком… или пятьюдесятью людьми… Преподобная дочь, твой Дом балансирует на острие ножа, охраняя подобный зверинец.

Он заметил ее взгляд, устремленный за бутылку, заморгал синими глазками, как сумасшедший, и сказал спокойно:

— Это сироп из чертополоха, дитя. Я не смог бы им напиться, даже если бы захотел. А я очень хотел.

— Ты говоришь загадками, старик, — сказал Ортус.

— Ну, давайте я скажу прямо. Вы поклоняетесь монстру в гробу и делаете вид, будто вы — хозяева его могилы. А теперь у нас тут тоже есть монстр в гробу, и очевидно, что это он нам хозяин. Дом Ханаанский никогда не менялся — ни цвет его не менялся, ни форма, ни времена года не сменялись. Я должен был понять. Мы отсчитывали лето и зиму, мы замеряли температуру, осадки и кислотность самого моря под нами. И града никогда не было, и снега, и уж точно никогда с потолка не свисали фимбрии. Позвольте старику

побыть пророком: Спящий набирает силу и вскоре проснется окончательно. И захватит все, что найдет. Я боюсь! Господи, как я боюсь!

— Учитель, — сказала Абигейл, — приходите жить к нам. У нас есть кровати, мы выставляем дозор.

— И упустить шанс умереть? — закричал он. — Я бродил по этим коридорам в три часа утра и орал, что не хочу, чтобы меня застрелили… и Спящий не пришел. Ужасно, когда даже чудовища тебя жалеют.

Он резко повернулся и сделал еще один длинный глоток.

— Ваши клинки не пройдут сквозь его броню, — сказал он, стоя к ним спиной, — его оружие уничтожит вашу плоть. Он не успокоится, пока не поглотит свою жертву. Он мог бы покориться клинку другой стороны, но у нас есть только здешние клинки. Он уже видел их и признал их никчемными. Среди нас не осталось героев… ура!

Учитель вдруг выпрямился и щелкнул каблуками с энергией, которая сделала бы честь человеку вчетверо моложе.

— Ура! Вперед, в Реку, парни! Пятьдесят — это целый косяк!

Он отчаянно швырнул свою бутылку в ближайшую трубку в коридоре. Харроу увидела, как блестящий красный орган влажно хлюпнул, как отскочила от него бутылка. Абигейл и Ортус подошли ближе, а бутылка закатилась под сырую розовую складку. Горькая жидкость выплеснулась на грязный деревянный пол и через несколько мгновений стала кусочками льда.

— Он идет за тобой, Преподобная дочь! — сказал Учитель. — Он идет за тобой, и когда он настигнет тебя, когда камень откатят от входа, когда гробница будет открыта, император Девяти домов не будет больше знать покоя! Король мертв! Да здравствует король!

Учитель заскакал прочь по коридору, как дитя, хлопая по дороге по длинным, дрожащим каплевидным отросткам и крича. Он уже исчез из виду, а его крики и улюлюканье все еще отражались от древних стен.

Холод, проникший под плотную черную ткань рясы, показался Харроу старым другом. Пальцы ее горели, будто она поднесла их слишком близко к огню. От рыцаря и историка не исходило никакого тепла, как будто Харроу осталась в комнате одна. Она вздрогнула, когда некромантка тронула ее. Положила руку на плечо, как будто Харроу

была не старше одной из пропавших Четвертых, мерзкой маленькой девочкой, стоявшей перед лицом смерти.

— Ну и ублюдок этот Учитель, — мрачно сказала Абигейл Пент.

36

Неделя до убийства императора

В те долгие, жуткие, последние перед концом дни, удушающие, пугающие, смертельно бледные дни, которые бродили вдоль границы ночи, как хищники, ожидающие, пока ты сдохнешь… в те дни ты снова начала молиться. Не потому, что тебе было кому молиться. Просто тебе по какой-то невыразимой причине становилось немного легче, когда ты перебирала четки и повторяла детские молитвы, которые выучила еще в те дни, когда пешком ходила под церковную скамью. Тебя мучили загадочные воспоминания о Мортусе из Девятого дома, который взял тебя на руки, чтобы ты увидела мать, служащую мессу. Тебя еще не пускали в святилище, и ты сидела на коленях отцовского рыцаря — иначе тебе пришлось бы всю службу любоваться полированной каменной спинкой скамьи. Ты помнила, что сильные, грустные руки Мортуса были куда приятнее, чем соседство с пратетушками, которые совали тебе жгучие мятные конфеты… как будто ты сама не знала, что нужно молчать. Это был последний

раз, когда тебя сочли невзрослой. Тебе исполнилось года три, наверное.

Если ты о чем-то и просила в молитвах, то о ясности. Ты молилась о том, чтобы ты смогла заглянуть в лицо всем оставшимся ликторам, и чтобы Тело молча указала на отступника. Ты молилась, чтобы это оказалась Цитера, предательница даже в смерти, и чтобы ее тело выбросили в шлюз Митреума. Ты молилась, чтобы это все оказалось иллюзией, и иногда почти убеждала себя, что так оно и есть, что ты вообразила мертвецов дома Ханаанского живыми, пробравшимися в джунгли на обреченной планете, очень далеко оттуда, где должны были покоиться их тела. Но почему их саркофаги на «Эребусе» оказались пусты? И почему одно из твоих писем пропало, а два оказались вскрыты?

Стоило тебе начать думать об этом, как из ушей сразу же лилась густая горячая кровь, так что уши у тебя были постоянно забиты бурым. Ты молилась о том, чтобы прожить еще несколько недель.

* * *

Месяц назад, сразу после того, как ты рассеянно перерезала горло четырнадцатой планете, ты

так же молилась, когда в коридорах Митреума зазвучала сигнализация. Ты не узнала сирену. Голубые лампы жилой зоны сменились алыми, лихорадочно мигающими огнями.

Потом огромная ставня рухнула на твое окно. Впереди виднелся странно искаженный, отраженный свет, и массивная металлическая панель с тихим скрежетом скользнула на место, медленно скрывая этот свет от тебя и крупно вибрируя. Стало очень темно, горели только алые тревожные огни. Сирена продолжала вопить в красноватой темноте, и ты напряглась, готовясь умереть.

Голос императора Девяти домов послышался из коммуникатора у двери. Ты вскочила, не успев понять ни слова.

— Дж. Г. на связи. Все чисто. Ликторы, как слышно?

— А. А. на связи. Все чисто.

— Г. П. на связи. Все чисто.

Пауза. Потом ты услышала ленивый, рассеянный голос Иантры, которая словно бы еще не ложилась.

— Никто еще не удосужился назначить мне позывной, но все чисто.

— Ты И. Н., разумеется, — сказал Августин, —

Харроу… Х. Да, Харроу Х.

— Х. О. на связи, — немедленно сказала ты, не обращая внимания на хихиканье Ианты, — все чисто. А что происходит?

— Мерси, как слышно? — быстро спросил бог. — Кто поднял тревогу?

Коммуникатор затрещал. Кто-то глубоко дышал. Потом раздалось мычание, жуткий звериный крик невыносимой боли. Это не походило на святую радости. Это походило на громкие помехи, приглушенный всхлип и громкий сырой шлепок.

— Откройте кто-нибудь мою дверь, — велел император. — Я ее найду.

— Я ближе, — сказал Ортус.

Снова влажный шлепок. Потом хриплый голос Мерси:

— Нет, я в сознании. Просто… я успела его увидеть. Меньше секунды. Господи, я отвела взгляд, но он был оптически увеличен… в центре… он здесь! Зверь Воскрешения явился! Седьмой колосс, отродье того, кто убил Кира из Первого дома, брат того, кто убил Улисса из Первого дома, тот самый, из-за которого погибла Кассиопея. Господи, Джон, иногда я мечтаю о возможности умереть. Я видела его! Видела! Он синий, как гла-

за Лавдей! Он знает, что ты сделал с его родом, и он видит смертную душу моего рыцаря, горящую в моей груди.

Механический щелчок открывающейся двери разнесся по всей станции.

— Спасибо, — сказал император и прервал связь. Больше никто не говорил.

Сирена замолчала, но еще долго звучала у тебя в ушах. Коммуникатор снова затрещал, и Августин устало произнес:

— Вот дура. Она прекрасно знает, что нельзя смотреть в точку, расположенную ближе километра от точки предсказанного прибытия. Что ж, он добрался быстро. Давайте все спать.

И ты пошла спать. Ставни больше не поднимались. Позднее ты узнаешь, что они не поднимутся никогда, что в ближайшие дни Митреум будет защищен еще сильнее, чтобы император Девяти домов мог следить за приближающимся врагом. Но в ту ночь ты просто легла рядом с Телом и заметила, что ее глаза широко открыты и что в темноте они мерцают золотом, как погребальная маска.

— Любимая?

— Он грядет, — сказала она нетерпеливо и изумленно. Ты никогда не слышала таких ин-

тонаций в ее низком многоликом голосе. Прямо сейчас она говорила голосом отцовского рыцаря:
— Он близко!

Удивлялась ли она раньше? Тревожилась ли? Ты лежала лицом к ней, в считаных сантиметрах от ее влажно блестящей кожи, которая должна была оставить отпечаток на твоей подушке, в сантиметрах от закушенной нижней губы. Ее глаза, которым ночное освещение придало болезненно-янтарный свет заживающего синяка, смотрели сквозь тебя. Тело была напугана. Казалось вполне естественным, что в этом нереальном месте, на пороге смерти, ты сможешь коснуться ее. Страх смерти превратил твое преклонение в отчаяние, или, может быть, в желание. Ты протянула одну руку к замерзшей пряди волос у нее на затылке, ты придвинулась ближе и поцеловала эти прелестные мертвые губы.

Конечно же, ты не смогла этого сделать. Там ничего не оказалось. Она отдалилась от тебя, как всегда делали твои галлюцинации. Ты до нее не дотронулась. А может, и не пыталась. Тело смотрела на тебя с выражением, до ужаса напоминающим жалость.

— Пожалуйста, — сказала ты и снова потянулась к ней. У тебя вдруг закружилась голова. Ты

сдвинула плащ, прикрывавший ее плечо, ты прижала руку к ее животу. Ее достоинство не было потревожено твоей грубостью, твоим безумием, твоей поспешностью. Может быть, ты снова ничего не сделала.

— Пожалуйста, — снова попросила ты.

Как будто бы ты не пересекала никаких границ, перекрывая безмолвный рев у тебя в ушах, Тело сказала:

— Мне нужно уйти ненадолго.

И ты немедленно пожалела обо всем.

— Я что-то сделала не так.

Ее неподвижные мертвые брови еле заметно дрогнули.

— О чем ты? — спросила она.

Ты не представляла, как ответить на этот вопрос. Тело вытянула руку, как будто хотела закрыть тебе глаза. Ты слишком устала, чтобы представлять, какими бы оказались эти пальцы на твоих веках, как она задела бы твой нос. Ты просто покорно закрыла глаза, а потом — несчастное ты создание с разбитым сердцем — ты крепко заснула.

Утром Тела рядом не оказалось.

* * *

— Вот стратегия боя, — сказала Мерсиморн. Она выкатила огромный пласт непрозрачного белого плекса и поставила перед обеденным столом, за которым сидели ты, Ианта, Августин и Ортус. Император пристроился с краю и занимался своими собственными делами, обложившись планшетом, схемами, стилусами и листками для записи. К этому моменту прошло почти два месяца со дня смерти четырнадцатой планеты. Окна оставались закрытыми несколько недель. Это усиливало ощущение жизни в клетке, но ты почти не обращала внимания: в Дрербуре окон не было. Правда, там ты всегда ощущала глубину, и она давала тебе ощущение свободы, невозможное среди этих плоских колец и коридоров.

Твоя наставница стояла на виду у всех собравшихся и в своем ханаанском плаще выглядела хрупкой, как белый цветок с серединкой цвета гнилого персика. Она говорила:

— Бой может продлиться три часа. Или восемь. Или неделю. Учитывайте, что время нестабильно, и действуйте соответственно. Дальше!

Святая радости взяла толстое черное перо с мягким кончиком и нарисовала на белой доске

большой цилиндр. Разделила его на примерно равные части и подписала каждую: эпироический, мезороический, батироический, баратрон.

— Большая часть боя пройдет здесь, как обычно, — сказала она, жирно подчеркнув слово «эпироический». — Надо как можно больше пользоваться возможностями берега. Когда Зверь устанет — вы это поймете, потому что он попытается убежать, мы загоним его на мезороический слой, потом на батироический, потом на баратрон. Когда мы окажемся там, откроется устье, куда мы его и загоним. Все просто! Ну, то есть нет, — кисло добавила Мерсиморн на случай, если кто-то сам не догадался.

— Я настаиваю, что мы должны гнать его вниз с самого начала, — сказал Ортус.

— Ну уж нет! Спасибо! Мы тут не все гарпунщики. Давайте дальше, — ответила она, но святой долга еще не закончил. Как иногда с ним случалось, он надавил на нее с силой, сравнимой с гравитацией. Тяжело сказал:

— Наша самая быстрая битва со Зверем произошла на батироическом слое.

— Да. И Восьмой номер не устал к тому моменту, как мы загнали его на баратрон, так что Улиссу из Первого дома пришлось заталкивать его в устье

силой, и теперь он, как принято выражаться, горит в аду! Это Зверь Воскрешения, солнышко! Спасибо! Дальше!

С другого конца стола подал голос император, не отрывающий от бумаг взгляда черных, обведенных белыми кругами глаз:

— Это был поступок настоящего героя.

— Беда в том, что герои всегда умирают, — пояснил Августин, который перебирал край скатерти длинными изящными пальцами. — Нельзя назвать героем того, кто не погиб героически. Ортус, я полагал, что стратегия с уходом вниз хороша, когда вы впервые с ней выступили, но теперь мы знаем, что последний удар, нанесенный Зверю, должен быть резким и окончательным. Лучше бы я сражался девять лишних часов, но Улисс бы сидел сейчас рядом с нами, предлагая очередную секс-вечеринку. Все лучше, чем смотреть, как он изгонял эту тварь.

— Я ненавидела его секс-вечеринки, — сказала Мерсиморн, чуть не плача.

— Мы знаем, радость, — ответил Августин, — мы знаем.

Ты смотрела на Ианту. Она не выносила всякие собрания и прочую организованную активность, где ей приходилось иметь дело с чужим мнением.

Это казалось тебе странным, если учесть то, что всю свою жизнь она провела в объятиях сестры. Она сидела, скрестив бледную живую руку с золотой костяной, и обе руки сильно выделялись на фоне мерцающей радужной белизны плаща. Волосы ее тонкими прямыми прядями спадали на плечи. Она откинула голову на спинку стула, как будто могла заснуть в любой момент. Она посмотрела на тебя, и ты быстро отвела глаза, но она успела заметить твой взгляд.

Недавно ты поняла, что молишься, чтобы предательницей не оказалась Ианта. Перед глазами у тебя все время стояла Коронабет, оказавшаяся в руках Крови Эдема. Насколько ты могла понять, сестру Ианта любила больше, чем себя, — и это было единственное существо, которое она так любила. Ради своей сестры Ианта воткнула нож тебе в руку, глядя тебе в глаза.

Почему ты молилась за невиновность Ианты, настолько сомнительную? Легковерие не считалось добродетелью в Девятом доме, но ты молилась, прекрасно зная о способностях Ианты к разным уверткам, которые могли бы всю вселенную поставить на паузу.

Эта распутная вероломная тварь лениво спросила:

— А его физическое тело? Оно действительно неуязвимо?

— Учитывая его нынешнюю траекторию, я рассчитала, что оно окажется здесь, — сказала Мерси и круглыми магнитами закрепила на доске карту. Ты поразилась, насколько далека оказалась эта точка от Митреума. Если схема была верна, то твоя бывшая наставница обозначила место появления Зверя на орбите планеты, расположенной примерно в пяти миллиардах километров отсюда. — Поле астероидов позволяет предположить, что волны Вестников будут не массивнее двадцати пяти тысяч особей. Они не смогут с нами справиться.

— Мы же знаем, где он. Сбросим на него бомбу, — сказала Ианта.

— Мы пытались, утенок, я же тебе говорил, — ответил ее учитель довольно добродушно. Он достал мешочек с бумажными листками и кисет со зловещим содержимым и принялся сворачивать сигарету. — Слой мертвой материи и Вестников составляет до двух тысяч километров в толщину.

— Можно отправить ликтора пробить этот слой и установить бомбу поближе. Я сама это сделаю, если в сердцах старших недостанет мужества.

— Пробовали, — сказал Ортус. Мерси добавила:

— Цитера с ума сошла на несколько недель. Не в смысле злилась, в смысле повредилась рассудком. Она не смогла даже коснуться поверхности.

— При этом я не сказал бы, что избавляться от тела бесполезно, — сказал император. — Очень даже полезно. Когда Кир утащил тело в черную дыру, Улисс заявил, что избавиться от разума будет проще всего на свете, что он впал в спячку и его можно утащить в устье голыми руками… но это стоило нам Кира. А Кассиопея утащила тело в Реку вместе с разумом, но на это была способна только Касси. Ну и еще Августин.

Это был вопрос.

— Я не Касси, Джон, — ответил Августин. — Для меня это все теория.

— Надеюсь, так и останется. Так или иначе эту проклятую тварь почти невозможно задеть. Забудь про Вестников, Ианта. Оставь их своим рукам.

— А как победить Зверя? — спросила ты. — На что он похож? Как он на нас нападет? Чего ожидать?

Мерсиморн снова взяла маркер и принялась рисовать в эпироическом слое какой-то предмет.

— Это Зверь, — сказала она.

— Но это маффин, — возразил Августин.

— По-моему, это облако с лицом, — решила Ианта. — Если вон ту загогулину принять за глаз.

— Это же цветок, — сказала ты, и бог согласился:

— Да, в нем есть что-то… цветочное.

— А я подумал, что это змея в кусте, — сказал Ортус.

— Как я вас всех ненавижу! — страстно сказала Мерсиморн. — Много тысяч лет ненавижу. Кроме тебя, господи.

— Спасибо, — поблагодарил бог.

— Я просто хочу посадить тебя в клетку, — задумчиво сказала его ликтор. — И топить ее в кислоте за каждый раз, когда ты отпускал фривольные комментарии, ел арахис на встрече с адмиралтейством или говорил: «Откуда мне это знать, я всего лишь бог». Потом, через тысячу лет, ты скажешь мне: «Мерси, кислота неприятная, поэтому я осознал и больше так не буду». А я отвечу: «Поэтому я так и поступила, господи. Я сделала это для тебя и твоей империи». Я часто об этом думаю, — закончила она.

— Я совсем незаметно ел арахис, и только один раз, — ответил император Девяти домов.

— Давайте предположим, что на картинке все-

таки Зверь, — предложила ты.

— Да! Спасибо! — сказала твоя наставница. — Вот только я отметила твое «предположим» и вообще хотела бы обратить твое внимание, дитя, на то, что я возненавидела тебя с первого взгляда. Разум Зверя окажется на эпироическом слое, и он нападет на нас… любым способом. Звери все разные. Я сражалась с несколькими, и они отличаются друг от друга. Номер Второй плевался ртутью и превращался в огромные шипы. Номер Шестой всасывал нас в огромные сфинктеры и поливал нас червями. Я не могу даже вспомнить, как он выглядел. Я помню Четвертый номер… это был гуманоид с прекрасным лицом, который держал меня под водой и говорил сладким голосом: «Умри, умри, умри», а номер Первый был огромной неразумной машиной. Увидев его, я решила, что у него огромный хвост и тысяча сломанных колонн на спине, но Кассиопея разглядела, что это механическое чудовище с крыльями-мечами и рогами из миелина, в которых были устроены могилы.

Святой долга беспокойно вставил:

— Номер Восьмой был гигантской головой.

— С плавниками, как у рыбы, — задумчиво сказал Августин. — Ребра его покрывали кровавые

повязки, а зубы торчали из черепа, образовывая настоящее гнездо на лице. Он был весь красный, а единственный зеленый глаз перемещался по всему телу… короче, — он опомнился, видимо, разглядев ваши с Иантой лица, — они не красавчики, вот мы о чем.

— Тогда это потеря времени, старшая сестра, — решила Ианта, — невозможно составить план боя.

— Мы можем продумать построение, — чопорно сказала святая радости, — распределить участки Зверя и сконцентрироваться на них. Ты, глупое дитя, возьмешь восточный сектор. Августин — западный, Ортус — северный. Я займусь самой южной его оконечностью, как бы она ни выглядела и чем бы она ни являлась. Возможно, мы вообще не сможем увидеть его целиком. Тогда нужно будет сражаться с тем, что увидим.

— А как же я? — спросила ты.

Никто, кроме Мерсиморн, даже не посмотрел на тебя. Взгляд Ианты был устремлен в совершенно другую сторону, вероятно, на ее драгоценный восток. Августин прикуривал аккуратно скрученную сигарету, а святой долга разглядывал щит, прикрывавший огромное окно, когда-то выходившее в космос. Даже бог не оторвался от

административной работы, невозможной без участия Князя Неумирающего. Смотрела на тебя только Мерси своими бездонными глазами, в которых жил красный ураган, тонущий в буром песке, летящий над серыми водами.

— Просто не мешай, — сказала она.

— Посмотрим, где ты понадобишься, сестренка, — успокоил тебя Августин. — Может быть, ты заметишь у Зверя уязвимую точку. Или он попытается напасть на нас изнутри, и ты пригодишься на периметре. Надо будет приспосабливаться к обстоятельствам.

Совет был бы неплох, если бы не его совершенно очевидный смысл: постарайся нам не помешать своей смертью.

— Он прав, Харрохак, — легко сказал Князь Милосердный. — Насколько я могу судить, неплохо иметь кого-то, кто может передвигаться, а не привязан к одной точке. И это не считая того, что, как и все прекрасные планы, этот не переживет столкновения с реальностью. Делай то, что сочтешь нужным, а все остальные постараются не мешать твоим скелетам. Можно перерыв на чай, Мерси? Я умираю от жажды.

Услышав просьбу бога поставить чайник, ближайшая к тебе по возрасту сестра не двинулась с

места, как и все остальные. Посмотрев на черную схему, Ианта неуверенно спросила:

— А что такое устье?

— Августин, ты ей не рассказывал? — обвиняюще спросила Мерси.

— Нет, — просто ответил он. — Не видел причин ее пугать. А почему… ты сказала Харрохак?

Естественно, тебе не говорили про устье. Твоя наставница капризно сказала:

— Она все равно его не увидит, зачем тратить время!

— Будь на то моя воля, мы бы оставили Ианту в мезороическом слое, в безопасности. Нас, трех старых пней, вполне хватит, — резко сказал Августин. Ианта скользнула по нему вялым взглядом испещренных бурыми пятнами глаз, как будто у нее только на это хватило сил. — Эта штука обладает мощным притяжением. Она не для неофитов.

— Прости, пожалуйста, но к тому моменту, как тварь вымотается, мы все можем погибнуть, так что я отказываюсь пеленать твоего младенчика…

— Ты никогда не воспринимала устье всерьез, и поэтому весь твой хренов Дом влажно причмокивает…

— Не груби.

— Это врата ада, — сказал бог.

Он стоял между столовой и кухней с банкой печенья в руках. Одежда его давно износилась, а на виске синело пятнышко чернил. Он объяснил:

— Это истинный хаос, бездна, непостижимое пространство на дне Реки. При приближении Зверя Воскрешения на дне раскрываются сотни жадных ртов. Ни один призрак не опускается ниже батироического слоя. Вошедшие в устье не возвращаются никогда. Это портал в место, которого я не могу коснуться, которого я не понимаю, места, где мои власть и сила не имеют значения. До баратрона могут добраться единичные призраки. Если бы я верил в концепцию греха, я бы сказал, что они умирают, придавленные своими грехами. Грехами, которые отправляют их на свалку. Ну, так мы используем это пространство. Выбрасываем туда Зверей Воскрешения. Мусор… и прочие отходы. Кто будет печеньку?

37

Атмосфера в Митреуме сгустилась, став атмосферой жаркой, удушающей агонии. Идя по коридору, ты натыкалась на Августина и Ортуса — сжав веки, так что глаза превращались в розовые щелочки, они сражались вслепую, в неудобных углах, рапиры мелькали, как солнечные лучи над водой. Потом они вдруг останавливались и святой терпения говорил что-нибудь вроде:

— Хорошо, а теперь давай без воздуха.

И ты слышала резкий хрип, когда они разом выдыхали. Обычно ты выбирала другие коридоры.

Кроме того, ликторы занимались тем, чем должны были заниматься с самого начала. Организовывали плохо спланированные и часто противоречивые инструктажи для Ианты — и для тебя. Вы все отправлялись в Реку, оставляя обмякшие тела валяться на полу — ну, ты так делала, остальные стояли на ногах. Серебристый песок хрустел у вас под ногами, когда трое святых велели вам накладывать заклинания. Здесь не было ни крови, ни плоти, ни костей: кровь и плоть кто-то пожирал, кости уносил равнодушный прибой. Вы собирали высохшие деревяшки

— деревяшки? — и бесцветные камни — камни? — с берегов Реки, что текла за гранью смерти, набирали охапки колючего ивняка, тонких перистых растений с длинными, в человеческий рост стеблями и узкими пушистыми листьями. Грязный соленый ветер бил вам в лица, пока вы собирали защитные заклинания из обломков и огрызков того, что росло на берегу. Призраки не ходили к воде мимо вас — никто не осмеливался вынырнуть из-под слоя, который Мерсиморн назвала эпироическим. Они все сбежали в более дружелюбные места.

— Бедные твари в ужасе, — сказал Августин.

В Реке ничего не было. Ни разума, ни намека на Зверя, ни легкой дымки, указывающей на что-то неладное. Возвращаясь, ты обнаруживала, что ты одна сидишь в кругу стоящих ликторов — лица пусты и невозмутимы, как листки для записи, рапиры в правых руках, второе оружие — в левых. Святой долга — с копьем, святой терпения — с коротким кинжалом, святая радости — с сетью, Ианта — с кинжалом с тремя лезвиями. Ты тупо смотрела на них, прикидывая, кто же предаст господа.

В начале прошлой недели ты еще верила, что сможешь выжить, хотя все исходили из обратно-

го. В середине прошлой недели император Девяти домов, Первый владыка мертвых, после ужина пригласил тебя в свои покои. Ты уселась в уже знакомое кресло у знакомого кофейного столика — за огромным окном чернела пустота, вы все обитали глубоко в брюхе корабля — и он удивил тебя, предложив тебе воду и простой хлебец. Ты смогла погрызть краешек — судя по вкусу, там не было ничего, кроме муки и соли.

— Я помню, что ты сказала «нет», — начал учитель. — Я уважаю твой выбор. Я не стану предлагать снова, только скажу, что в любое мгновение до того, как закроется дверь, до того, как Мерсиморн запрет меня, ты можешь прийти и сказать, что останешься со мной. Я выполню эту просьбу. У тебя впереди десять тысяч лет, Харрохак.

Ты не стала на это отвечать. Спросила:

— Господи?

— Учитель.

— Ты — Князь Неумирающий, ты великий владыка мертвых. Почему мы запираем тебя в герметичном помещении?

Он откинулся на спинку кресла и сплел пальцы на животе.

— Ты попала в больное место, Харрохак, — при-

ветливо сказал он, сводя темные брови. — Я свет твой и спасение твое, кого мне бояться?

— Я не это имела в виду. — Ты наклонилась над столом. — Просто я не понимаю. Объясни, пожалуйста.

— Что случается с твоим телом, когда ты уходишь под воду, Харроу? Когда ты опускаешься в Реку?

Тебе давно уже не надо было над этим задумываться.

— Тело лишается сознания. Ликтор не осознает ничего вокруг себя, даже его некромантия бессильна. Вместо этого на передний план выходит вторая душа, механизм защиты, душа, которая способна работать рапирой без участия разума… без мыслей и осознания себя, но с большим искусством.

Если бы это так работало.

Император Девяти домов побарабанил пальцами по пряжке ремня. Его ужасные глаза все еще причиняли тебе боль: черные тени на ханаанском белом, радужное отсутствие цвета, намек вместо оттенка, белизна внешнего кольца и матовая чернота склеры. Ты так и не привыкла к этому взгляду.

— Тысячи лет назад я воскресил девять планет.

И снова зажег звезду, которую назвал Доминик. В напоминание. Dominus illuminatio mea et salus mea, quem timebo? [3] Господь — свет мой. Харрохак, если я уйду в Реку, я тоже лишусь сознания, а я — бог. Что, если в сорока миллиардах световых лет отсюда мой народ посмотрит в небо и увидит, как гаснет Доминик? Что, если сам Дом под их ногами снова умрет, когда я повернусь к ним спиной?

— То есть, если ты умрешь, Дома умрут вместе с тобой. Звезда, согревающая нашу систему, погаснет и… превратится в гравитационную яму, насколько я могу понять.

— Да, в черную дыру вроде той, которая забрала Кира. Я могу только надеяться, что к этому моменту вы все будете мертвы. Останутся, конечно, корабли Когорты. Колонизированные планеты… люди… но нас так мало, а ненавидят нас столь многие. И моя работа еще не доделана. Я не смогу смотреть на этот апокалипсис, Харроу. Я думаю, ты единственный ликтор, который способен осознать, что это такое. Это не огненная смерть. Это некрасиво. Мы с тобой были бы рады смерти, если бы она вспыхнула, как сверхновая звезда.

---

[3] Примечания: 3

Господь — свет мой и спасение мое: кого мне бояться? (Псалтирь 26:1).

Но это будет неумолимый закат — без надежды на наступление утра.

Вы оба замолчали.

— Если бы я сражался со Зверем Воскрешения, я бы бросил свои Дома на смерть, — сказал он. — Если бы я сражался с Вестниками, я мог бы сойти с ума, а это то же самое. Поэтому я запираюсь здесь… меня замуровывают. Чтобы Девять домов не стали нулем домов и бескрайним горем.

Он казался очень усталым и печальным.

— Понимаешь, не у тебя одной есть ограничения.

— Я могу задать тебе вопрос, учитель?

— Тебя от них еще не тошнит?

— Кто это — А. Л.?

Он распахнул глаза. Бог сел прямее, посмотрел на тебя с явным удивлением и спросил:

— Ты уверена, что хочешь это знать? Точно? Может, начнем с вопросов попроще, не таких неудобных? Откуда берутся дети, например? Я могу тебе рассказать. Не хочу, конечно, но я готов. Я приберег книжечку о детях, телах, дружбе и семье. Вы с Иантой… осторожны?

Теперь ты села прямо и произнесла размеренно, выделяя каждый слог, как будто говорила со скелетом:

— Мы. Не. Любовницы.

— Извини, я не… ну, вы примерно одного возраста, и я не знаю, как это теперь устроено, я слишком долго живу на свете.

— Мы не состоим в романтических отношениях. И в дружеских тоже.

— Извини! Извини, пожалуйста, я не должен был такое говорить.

Если бы краска на лице могла бы запечься и отвалиться кусками, как глина, так бы и произошло. Если бы ты могла заставить святого долга ворваться в комнату, пронзить тебя рапирой и утащить твой окровавленный труп, ты бы так и сделала. Ты встала.

— Если я зашла слишком далеко, учитель, прости меня. Я отзываю свой вопрос.

— Нет, — сказал он. — Давай поговорим о ней. О моем страже.

Ты осторожно села снова.

— Ты наслушалась Августина и Мерсиморн, — предположил бог.

— Да.

— Ну да, не Ортуса же. Бедный Августин. Бедная Мерси. Им все еще тяжело. Они несут груз своей общей вины. Да, наверное, пришло время тебе услышать об А. Л.

Он произнес ее имя так же, как произносили его двое непокорных святых, как две разные буквы. Ты ясно расслышала «А» и «Л». Он продолжил:

— Это расшифровывалось несколькими способами. В шутку, конечно. Я часто звал ее Аннабель Ли. Анни Лори. Когда я впервые ее встретил, я назвал ее Первой. Единственной. У нее было и другое имя, но я похоронил его вместе с ней, и никто больше его не произносит. Она мертва уже почти десять тысяч лет, но она несет дозор рядом со мной, как воспоминание… или что-то другое. Аннабель Ли была мне… как бы это сказать? Наставником? Другом? Я смел на это надеяться.

Ты не знала, как на это ответить, но он и не ждал ответа. Бог сказал:

— Она была первым Воскрешением. Она стала моим Адамом. Когда осела пыль и я увидел, что исчезло и что осталось, я оказался совершенно один. Наступил конец света, Харрохак. Только что я был человеком — и вдруг оказался Первым владыкой мертвых, первым некромантом и, что куда важнее, властелином без подданных.

— Учитель, что уничтожило Первый дом?

— Немногое, — сказал император и попытался улыбнуться. — Это было жутко: подъем уровня моря и мощная ядерная цепная реакция. С этого

момента все пошло под откос.

Из этого тихого признания ты впервые узнала что-то о случившейся до Воскрешения катастрофе. Как и любой миф, этот рассказ казался далеким и нереальным.

— Харроу, это было не слишком весело. Я ничего не понимал… я был в ужасе. А она стала мне защитницей и единственным другом, и вместе со мной училась жить дальше. Это было чертовски трудно. Я раньше никогда не был богом.

Он осекся, а потом сказал:

— Она успела увидеть, что случилось с домом Ханаанским. Но ей было не очень интересно. Первая воскресшая была не человеком, Харроу, но она старалась. Гнев был ее самым главным грехом… Это нас объединяло. А когда была уплачена цена ликторства, когда мы оказались на пике эмоций… мы узнали, какова кара за наш грех. Чудовищное возмездие. За наше преступление нас будут преследовать до конца времен, наши деяния отпечатаются у нас на лицах и будут сопровождать нас, как дурной запах. Она погибла при первом нападении.

Ты не сказала, что соболезнуешь, ты не посочувствовала. Как и многие другие тайны, эта оказалась скучной и грустной: у императора

Девяти домов кто-то был, а потом он, как и все его ликторы, кого-то потерял. Это была твоя история. История Ианты. История Августина, Мерсиморн и Ортуса. Это была история Цитеры и всех ликторов, кто умер за эти долгие мрачные века.

— Я понимаю, почему первые рыцари носят титулы Домов, — сказал бог. — Это имеет смысл. Но это искажает оригинальную идею. Ты знаешь, почему ты называешься принадлежащей к Первому дому? Потому что на самом деле ты — и все остальные — дети А. Л. Без нее никого из вас бы не было.

Император Девяти домов поставил на стол пустую кружку с размокшими крошками имбирного печенья. В те краткие секунды после тихого стука дна об стол, когда вселенная словно бы задержала дыхание, ты не представляла, что он собирается сказать худшее, что ты вообще слышала в своей жизни. Тонкие морщинки на лбу и у глаз стали чуть глубже, и он сказал:

— Мне нравится думать, что она бы полюбила тебя. Из тебя вышла бы отличная дочь, Харрохак. Иногда мне хочется, чтобы ты была моей дочерью.

В твоей жизни было мгновение, когда ты готова была отдать все свои сокровища на расхищение

у подножия алтаря Ианты Тридентариус. Тогда ты получила отсрочку. Теперь отсрочки больше не было. Ты не отдала саму суть своей души за краденые глаза и сомнительное добродушие. И вот что тебя подкосило, чертову идиотку. Даже не бог, который создал Девятый дом, не Император всеподающий, не Принц Милосердный. Твой рок явился в облике взрослого человека, говорящего, что тебя можно полюбить просто так.

Ты швырнула стакан об стол. Вода выплеснулась из него цветком, и многочисленные длинные осколки стали чашечкой цветка. Ты взгромоздилась на этот же стол, и он заскрипел под твоим весом. Бог привстал, чтобы остановить тебя, когда ты опустилась на колени прямо на стекло, замерла в позе покаяния прямо на осколках, прижала к ним ладонь и превратилась в мокрое и кровоточащее воплощение раскаяния.

— Харроу, не надо. — Он чуть с ума не сошел. — Харрохак, пожалуйста. Извини, я наверняка сказал что-то невероятно глупое, это бывает. Я не хотел делать тебе больно. Десять тысяч лет прожил, а так дураком и остался.

Ты могла бы рассказать ему о предателе. Но вместо этого ты сказала:

— Я вскрыла Запертую гробницу.

— Нет, — ответил он, но не сразу.

— Заклинания, наложенные на камень, было очень легко обойти. Род Преподобных матерей и Преподобных отцов отвечал за них долгие годи. Барьеры и врата за ними оказались сложнее. Я начала в девять лет, и только в десять смогла проникнуть в коридор. Я целый год посвятила этим замкам и запорам. Когда я дошла до кровавого заклинания на камне, до крови хранителя Гробницы, я не поняла, как с ним справиться. Я до сих пор не видела магии сложнее. Я впервые столкнулась с работой божественного некроманта. Но однажды — мне тогда было десять — я решила покончить с собой, господи, и почему-то подумала, что именно это позволит мне открыть врата. Я открыла их. Я увидела соленую воду, лизавшую каменный берег, и вошла в святилище. Я видела Гробницу и смотрела в лицо своей смерти. Мои родители убили себя, узнав о подобном кощунстве. Я видела ту, что лежит там, и я буду любить ее даже после смерти. Я… господи, я согрешила? Убила ли я в тот день сразу двух своих отцов?

Ты тяжело дышала, делая мелкие резкие вдохи. Ты стояла на битом стекле, ты была мокра от воды и крови. Ты не плакала, но только потому, что разучилась это делать.

Император Девяти домов молчал секунд пять. Тебе они показались сотней тысяч лет.

— Нет, — очень тихо сказал он.

Ты прижалась лицом к столу и закрыла глаза так крепко, что у тебя напряглись лоб и щеки. Ни одна звезда на свете не застывала так неподвижно, окончив сжигать водород и ожидая, когда внешний слой звездной массы сойдет.

— Харроу… что бы тебе ни показалось, на самом деле ты этого не делала.

— Я открыла внешнюю дверь.

— Хорошо.

— Я прошла по коридору.

— Я готов в это поверить, хотя на самом деле это смертельная ловушка.

— Я сломала заклинание и откатила камень.

— А вот тут ты ошибаешься.

Ты не подняла головы, но ответила:

— Мне было десять, но я давно не была ребенком. Я поставила перед собой одну-единственную задачу. Я стремилась к ней всеми силами. Не думай о моих ограничениях, господи. Я ведь не человек, я — химера.

— Не будем вдаваться в подробности, но я не умаляю способностей целеустремленной, некромантически усиленной десятилетки, — сказал

он. — Я не говорю, что ты этого не сделала, потому что была недостаточно хороша, Харрохак. Я говорю, что никто не может быть для этого достаточно хорош. Эти заклинания нельзя обойти. Я строил эту Гробницу вместе с Анастасией, продумал каждый ее дюйм, и возможность войти внутрь не предусмотрена. Я не хотел, чтобы эту Гробницу открыли — с любой стороны. Я сам наложил это заклинание, сам, лично, и мой лучший ликтор будет перед ним столь же бессилен, как самый жалкий малолетний некромант Девяти домов. Между ними не будет разницы.

Сверхновая в твоем сердце погасла, потускнела так же быстро, как зажглась, она стала плотной, миниатюрной и жесткой. Ты немного приподняла голову, и кусочек стекла, вмявшийся в висок, отвалился. Потекла кровь.

— Его нельзя сломать, — продолжил он, — нельзя оспорить. Оно не может даже ослабнуть, это ведь моя магия. Род Преподобных хранителей Гробницы заблуждался, если полагал, что камень может откатить кто-то, кроме меня. Это чистейшее заклинание крови, Харрохак. Что бы ты ни сделала, какую бы ложную камеру ни построили вокруг гробницы, куда бы ты ни забрела… ты в принципе не могла сломать настоящий замок.

Мне ужасно жаль. Ты пала жертвой ужасного непонимания.

Ты словно рассыпалась на маленькие бестолковые осколки. Ты хотела сказать, что видела Тело, ты хотела сказать, что видела Гробницу, но тебя вновь охватило сомнение, подкрепленное фактами. Неопределенность безумия. Убежденность сумасшедших. Никто не видел, как ты входила в ту дверь. Никто не видел, как ты выходила. Ты понятия не имела, что он прочел на твоем лице, только он вдруг нагнулся, посмотрел на твое слепое, кровоточащее лицо своими хтоническими глазами, пальцем стер кровь с твоего виска, где осколок стекла вдавился в кожу, заправил выбившуюся прядь волос за ухо с бездумной родительской нежностью.

Потом глаза бога вдруг открылись шире, и голос его изменился:

— Харроу, кто, черт возьми, сотворил такое с твоей височной долей?

Твое тело само собой скатилось со стола, с такой скоростью, как будто сознательное усилие тут задействовано не было. Твоя плоть неуклюже встала на ноги, хотя вся горела от множества порезов и воткнувшихся в кожу осколков. Ты развернулась.

— Харрохак?

Ты похромала прочь от стола, и он жалобно повторил:

— Харрохак?

Тогда ты бросилась к двери, но он за тобой не погнался. Твоя рука сама ударила по открывающей дверь панели, и твое тело само стремилось от него прочь. Ты шла, и шла, и шла.

Когда дверь закрывалась, ты услышала:

— Твою мать, Джон!

Но уж чего ты точно не собиралась делать, так это доверять своим собственным ушам.

38

Только после того ужасного вечера ты начала принимать неизбежность смерти. Невозможно стало игнорировать многочисленные знаки запустения. Например, Тело сдержала свое слово и исчезла. Она тихо сопровождала тебя все месяцы твоего ликторства, добросовестно проводила с тобой время, но утром, после сна, который ты не вспомнила, и возвращения в комнату, которую ты не узнала, ты поняла, что Тело не вернулась. Никто не приходил к тебе. Перед тобой открылся путь к смерти, и прекрасная женщина, прикованная к мрамору, не хотела смотреть, как ты по нему идешь. Или ее просто никогда не существовало — кроме как в твоем лихорадочном видении десятилетней выдержки.

Часы растягивались до предела. Ты ела с механической четкостью, хотя предпочла бы этого не делать. Ты мылась и одевалась без всякого интереса. Поймав свой взгляд в зеркале, ты испытывала недоумение и отторжение, как будто раньше никогда не видела своего лица. Кажется, ты и правда раньше его не видела. В один из последних дней ты со смутным испугом поняла,

что пытаешься выйти из комнаты, не накрасив лицо.

Ты подумала, что стоит написать письмо. Но кому? Круксу? Капитану Агламене? Исковерканным пратетушкам? Богу? Ианте? Следует ли тебе спланировать свои похороны, оставив Мерсиморн с ее якобы экономными двадцатью четырьмя минутами далеко позади? Когда-то ты попросила бы отправить твое тело в твой Дом, чтобы его похоронили в Анастасиевом монументе. Тело последней из рода хранителей Гробницы. Но, возможно, даже твоя пустая оболочка может привлечь призрака планеты. Нет, твое тело не сможет вернуться домой. Ты решила написать: «Выбросите меня из шлюза», но, к счастью, детская жалость к себе немного отступила, и ты не стала себя утруждать.

Единственным плюсом тех последних дней было преимущество фехтовальщика с тысячей шрамов: еще один ничего бы не изменил. Тебя почти ничего уже не удивляло и почти ничего не тревожило. Но в предпоследний вечер перед появлением Зверя Воскрешения ты уронила перчатку с кровати, тебе пришлось нагнуться и достать ее. И далеко под кроватью, в темноте, там, где ты когда-то лежала, ожидая святого дол-

га, валялся неподвижный труп: пропавшее тело Цитеры.

Ты довольно долго пролежала на полу у кровати. Ты не чувствовала никакой чужой танергии, не чувствовала ни следа враждебных теорем. Она лежала под кроватью, неподвижная, пыльная, пустая. Ты протянула руку, чтобы коснуться ее, и ощутила вездесущую магию бога, сделавшего ее нетленной, горячий лимонный запах божественной некромантии, вломившийся в твои ноздри. А она лежала, как брошенная кукла.

— Вставай, я тебя вижу, — на всякий случай сказала ты, но этот приказ ее почему-то не поднял.

Ты не стала думать, как тело прошло сквозь твои заклинания, которые ты послушно освежала кровью каждый вечер. Ты осмотрела тело, толстыми костяными зажимами прижала мертвые лодыжки и мертвые запястья к полу, а потом прошла по коридору и поскреблась в дверь Ианты:

— Нонагесимус, что ты…

Ты не дала ей закончить предложение. Просто схватила за холодную золотую руку и потянула в свою комнату.

Она не сопротивлялась и ничего не говорила, даже грубостей. Она слишком сильно удивилась. Ианта подняла брови, когда ты ткнула пальцем

под кровать, но все-таки подобрала подол ночной рубашки и опустилась на пол, чтобы заглянуть в пространство между матрасом и полом.

— И что я должна увидеть? — спросила она после паузы.

На короткое мгновение тебя охватила дикая паника. Но когда ты плюхнулась на пол, труп ликтора по-прежнему валялся на полу, мертвый, недвижимый, прихваченный костяными браслетами.

— Да вот же, — сказала ты.

Она не ответила.

— Труп, Тридентариус. Труп Цитеры. Прямо у меня под кроватью.

Она не ответила. Ты бессмысленно затарахтела:

— На спине, руки прижаты к бокам, ноги разведены примерно на тридцать градусов…

Ианта села и смахнула пыль с коленней. Посмотрела на тебя — в приглушенном свете ты не разобрала выражение ее лица, но говорила она осторожно.

— Я ничего не вижу, Харрохак.

Ты уставилась на нее. Принцесса Иды опустила глаза, потом посмотрела вбок, потом снова на тебя, как будто ей было тяжело. Ты осознала, что

ей стыдно.

— Ты вообще спала? — осторожно спросила она.

— Тридентариус, труп в трех футах от нас.

— Я не стану тебя винить, если ты ответишь, что нет. У меня сейчас со сном красоты тоже не получается.

— Потрогай его. Залезь туда. — Она не шевельнулась. — Потрогай!

Ианта молча встала, и длинный подол ночной рубашки — великолепной, отделанной кружевом, сшитой из канареечно-желтого шелка и делающей Ианту похожей на очень официальный лимон — зашуршал у ее ног.

— Я пойду спать, — сказала она.

Несмотря на слои омертвевших шрамов, покрывавших твою душу, она все же осталась достаточно уязвимой, чтобы ты попросила:

— Ианта, бога ради, имей милосердие.

Она замерла на пороге. Ярко-желтая ткань делала ее волосы почти белыми, а кожу вообще лишала цвета.

— Спокойной ночи, Харрохак, — беззаботно сказала она и ушла.

Ты посмотрела на дверь. Посмотрела под кровать. Подошла к раковине и включила воду.

Плеснула в лицо ледяной воды. Сделала пять глубоких вдохов и пять выдохов, закрыла глаза, потом поморгала. Потом пошла и снова заглянула под кровать.

Цитеры там не было. Из пола торчали костяные кандалы. Ты оставила ее минуты на три максимум. Ни одно заклинание не сработало. Ты обыскала всю комнату, но тела не было.

Ты легла и, если бы смогла, то горько бы заплакала, мечтая об облегчении. Но плакать ты не могла, и облегчение не наступило.

* * *

В последний день святой долга последний раз попытался убить тебя.

Ты вышла из жилого атриума и ненадолго остановилась у входа в склеп, где больше не лежало тело Цитеры. Может быть, в надежде, что она воплотится под твоим взглядом и перепишет реальность. Когда этого почему-то не случилось, ты пошла дальше, надеясь найти какие-нибудь остатки еды и вяло погрызть их прямо в кухне.

Ортус напал из ниоткуда, обрушился на тебя как божественный гнев. Он ударил тебя, как только ты вышла в коридор, впечатал тебя в стену с громким треском, преждевременно оборвав

длительное посмертие украшенного черным жемчугом скелета, который стоял у стены с огромным снопом черной травы в руках. Ты автоматически зарастила трещины в носовых костях и отбросила Ортуса, превратив сломанный монумент в пучок мощных ладоней, растущих из одного сустава. Ликтор ударился о противоположную стену, а ты отступила дальше в коридор, оставляя за собой слабый кровавый свет и прикидывая расстояние между собой и его копьем.

— Обнажи клинок, — гавкнул он.

Ты немедленно потянулась к облаченному в кость мечу, который таскала за спиной.

— Рапиру, — сказал он с отвращением, и ты удивленно посмотрела на него. Он держал в левой руке копье, наконечник которого походил на обещание смерти, а в правой — простую рапиру с алой лентой на рукояти. Древний погребальный букет валялся у него под ногами. Последнюю неделю или около того Ортус перестал брить голову, и его костлявый череп порос ржаво-рыжей щетиной, похожей на лужу застывшей крови.

— Нет смысла меня убивать, — сказала ты и поразилась легкости своего вывода.

Святой долга тебе не ответил. Он стоял, бесстрастно глядя тебе в лицо, а ты продолжала:

— Зверь Воскрешения будет здесь через несколько часов. Я умру. Но ты зачем-то хочешь убить меня сейчас.

Он не отвечал.

— Ты же не снимаешь с себя ответственности. Или ты убиваешь меня ради забавы, что сомнительно, или от злости — не понимаю, зачем тебе на меня злиться — или из соображений личной выгоды.

Ортус снова посмотрел на тебя. Потом сунул рапиру в ножны и перевернул копье острием к потолку.

— Ты ошибаешься, — сказал он.

— И в чем же?

— Ты — моя ответственность.

— Расскажи.

Ты думала, что он не ответит. Но он заговорил, медленно, запинаясь, как будто объяснял что-то сложное на плохо знакомом языке.

— Не ходи в Реку. Сделай это сама. Пока они не прорвались. Перекрой себе кислород, ну или придумай что-нибудь.

Увидев твое лицо, Ортус добавил, как будто это что-то объясняло:

— Тогда ты не… пострадаешь.

— А тебе какое дело?

— Потому что это я тебя подвел, — коротко сказал он. — Слишком много ударов. Прости.

И самое жуткое:

— Это была не моя идея.

Потом святой долга повернулся и пошел прочь, в жилой атриум и дальше. Тебя вдруг охватило ощущение, что вселенная не осудила бы тебя, если бы ты сбросила сейчас лет пятнадцать, плюхнулась на пол прямо в коридоре и закатила отменную истерику, если бы колотила по прохладным панелям пола руками и ногами и орала. Тебе так не хотелось умирать, не зная ответов на все эти вопросы, спускаться в свою мрачную могилу, ни хрена не понимая.

— А чья идея? — крикнула ты ему вслед. На самом деле ты почти визжала: — Чья?

Это немного помогло. Ничто так не пробуждает решимость жить дальше, как чужое предложение умереть. Через десять минут ты уже жевала остатки рагу в кухне и чувствовала себя на удивление бодрой для человека, который обедает в последний раз перед апокалипсисом. И ты злилась. А когда ты злилась, ты всегда становилась редкой сукой.

39

Вестники номера Седьмого, призрака поспешно убитой планеты в системе Доминика, появились уже вечером, примерно за сорок три минуты до того, как погасли бы дневные лампы в жилом отсеке. Яркость уже уменьшили, экономя энергию, поскольку защитному механизму, спрятанному внутри ликтора, не нужен свет, чтобы сражаться. Ему вообще не нужны органы чувств. Мерсиморн утверждала, что они даже боли не чувствуют. В отличие от них, ты нуждалась в свете и чувствовала боль, но ты оставалась Преподобной дочерью Девятого дома. С первым можно было справиться, второе не имело значения.

Когда первый Вестник пробился сквозь астероиды, окружившие Митреум почетной стражей, он не показался очень страшным. Ты сделала все нужные приготовления. Ты сидела на полу перед окном, выходившим в никуда. Двуручный меч ты положила перед собой, как будто это был драгоценный талисман, а не глупая тошнотворная реликвия, не тяжкая ноша, которую тебе вручило твое мертвое «я». Ты почти полюбила этот меч, но если ты вдруг видела его, все добрые чувства

сразу испарялись.

Слуга Зверя приземлился на корпус Митреума очень далеко от тебя. Ты не почувствовала удара и не услышала звука. Ты поняла, что это случилось, только услышав голос Августина из коммуникатора:

— Столкновение подтверждено. Западный квадрант, третье кольцо, машинный зал.

— Сколько минут до попадания в ореол? — спросил бог.

— Неизвестно. Снова столкновение. Опять запад, третье кольцо, та же точка. Это голова колонны? Столкновение. Северный квадрант, жилое кольцо. Ортус, прямо рядом с тобой.

Треск.

— Все хорошо.

Снова треск. Голос Мерси:

— Хватит болтать. Ждем прорыва. Они попытаются нас задушить и поджарить всю станцию.

— Изменений температуры не наблюдается, — сказал бог.

Потом ты почувствовала первый удар и вибрацию. Удивительно близко. Где-то над тобой, направление определить было сложно, а танергию уловить почти невозможно. Это звучало так, как будто маленький метеорит ударился об

обшивку Митреума. В полной тишине. Ни отдаленного рева, слышного сквозь корпус и ставни, ни чудовищного треска. Ничего зрелищного. Посланники Зверя Воскрешения прибыли без фанфар. На мгновение ты даже обиделась.

— Подтверждено, — сообщает Августин. — Восточный квадрант, жилое кольцо. Это ваш, девочки. Не прикусывайте язычки.

Ты подумала, что это одна из дурацких шуточек Августина, пока тебя не охватил ужас.

Он пришел, как резкая вонь. У тебя задрожали ноздри, ты почувствовала странный аромат нефти, напоминающий о старых механизмах, но был в нем какой-то сладковатый подтон, как будто кого-то вырвало. Он обрушился на тебя, как мигрень. Потом в низ живота пришелся удар, напоминающий удар святого долга по почкам, страх взбежал вверх по телу, схватил сердце клыками и затряс. Ладони стали мокрыми. Ты шумно, некрасиво сглотнула и попыталась закрыть глаза, как будто это могло помочь. Не помогло. Ты наклонилась вперед, хватая ртом воздух, сердце заходилось в груди, уши оглохли. Ты вдруг поняла, что по тебе бегут какие-то мелкие твари, отчаянно смахнула их с предплечья, крупно задрожала, пытаясь их сбросить, схватилась за уши,

дернулась, когда на лоб упала светлая прядь.

Но пока ты кривилась, шаталась и боялась, ты продолжала сражаться. Ты заставляла себя делать глубокие вдохи и выдохи, свела себя к одному-единственному чувству, ощутила свое тело от кончиков пальцев и вверх, до макушки. По мере осознания себя ты преисполнялась презрения к безумию чужаков. У тебя было свое, и с ним приходилось справляться. Через несколько минут осталось только легкое смущение, желание почесаться и учащенный пульс.

Из коммуникатора звучали вопли Ианты. Все вежливо ждали, когда она замолкнет.

— Это все? — спросила ты.

Перекрывая помехи, бог ответил:

— Так будет, пока они не прорвутся, Харрохак.

Голос принцессы Иды вклинился в разговор, но звучал довольно неуверенно:

— А это сколько?

— Больше часа, — ответила Мерси.

— Сидите спокойно, детки, — сказал Августин, — веселье только начинается.

* * *

Твоя комната давно погрузилась в почти полную тьму. Ничто не отвлекало от гулкого

бумбумбум, с которым тушки одна за другой шлепались о корпус, уже покрытый сплошной вязкой массой. Ничего не было видно, потому что ставни были опущены. Но ты чувствовала чудовищную вибрацию, слышала скрежет хитина о металл, жуткие удары пористых когтей по стали.

Было очень холодно. Тонкий слой изморози уже покрыл твои щеки, волосы и ресницы. В удушающей темноте твое дыхание походило на облачка влажного серого пара. Иногда ты тихонько вскрикивала, но это тебя больше не пугало. Ты знала реакции своего организма на сближение, крик был самой безобидной из них.

Из коммуникатора донесся размеренный голос бога:

— Десять минут до прорыва.

* * *

И ты встретила смерть, как возлюбленную.

Эпипародос

Девять месяцев и двадцать девять дней до убийства императора

— Эти два для тебя, — сказала Харрохак Нонагесимус. — Открыть только в случае моей смерти или другого счастливого случая, хотя я почти уверена, что ты откроешь их, как только я отвернусь. Остальные двадцать два написаны нераскрываемым кодом, расшифровать который могу только я, вперемешку с ложным кодом Гробницы, который при одном взгляде на него наложит проклятье на тебя, твою семью и беспокойные кости твоих предков, до тех пор, пока имя Ианты Тридентариус будет слышать хотя бы один некромант. Всего двадцать четыре.

— Лично я бы обошлась кровавым заклинанием, — заметила Ианта.

— Кровавые заклинания — для людей, лишенных воображения, — сказала девушка с чистым лицом. Без краски некромантка Девятого дома оказалась худощавой монашкой с лицом ромбиком и очень темными бровями, между которыми виднелась морщинка от постоянных мрачных

гримасок. Девушка казалась довольно эффектной и при этом одухотворенной. Неплохая модель для картины, если вы собираетесь писать аллегорию Мрачного Девятого дома.

— Поскольку я не могу разумно предположить, что в ближайшие десять тысяч лет у меня не пойдет кровь, я не могу полагаться на заклинания крови и тебе не рекомендую. Мы собираемся это сделать, Третья?

— Может не сработать.

— Ты уже это говорила.

— И еще раз скажу. Процедура может не сработать. Или сработать, но на время. Могут возникнуть любые побочные эффекты, физические нарушения. Если ты слишком сильно напряжешь свой мозг, последствия любой операции смогут просто исчезнуть. А если ты делаешь то, что я подозреваю, то с рубцовой тканью случится вообще черт знает что. Это всего лишь эксперимент. Причем на этой стадии — совершенно безумный.

Их взгляды встретились в зеркале. Бывшая Преподобная дочь установила одно зеркало перед собой, а второе держали у нее над головой два покорных скелета того типа, который она явно любила. Ианта не понимала прелести темной магии костей. Как будто кто-то попытался при-

думать магию плоти, но менее гибкую, менее тонкую и куда менее красивую. В чем заключалась шутка? В том, что Девятый дом знает тысячу оттенков небелого?

Она посмотрела на лоток с инструментами. Скальпель, пила, маленькая бутылочка воды с распылителем. К собственному удивлению, сказала:

— Девятая. Возможно, это не слишком своевременное замечание, но я все же скажу. Объясни мне, что ты делаешь. Посвяти меня в детали своего мрачного, темного, зловещего плана. В противном случае я не уверена, что хочу из партера наблюдать, как ты превращаешь себя в слюнявую идиотку… или хуже. В овощ. Бревно. Автора «советов читателям» из газеты Четвертого дома.

Монахиня не ответила. Ианта повторила как можно ниже и убедительнее:

— Убеди меня в том, что это тебя достойно, Девятая. Вспомни, что ты пообещала. Подумай, кто я такая и какую пользу могу принести. Я — ликтор. Я — некромантка и принцесса Иды. Я самая умная некромантка поколения.

— Да хера с два, — сказала Харрохак.

— Ну так удиви меня. — Ианта не двинулась

с места.

Незнакомое, ненакрашенное лицо в зеркале напряглось. Губы сжались и приобрели цвет бледных пепельных роз. Ианта поймала себя на мысли о том, что можно было бы сделать с этим лицом. Верхняя губа была мягко изогнута, как будто художник не удержался и приукрасил портрет там, где этого никто не заметит. Губной желобок походил на поэму. Щека казалась удивительно гладкой, учитывая геологическое количество грима, попадавшее в поры кожи. Глубоко посаженные глаза, тяжелые веки и густые черные ресницы, красота, которую никто в этом мрачном мавзолее не рискнул подстричь. И это не говоря уж о следах голода на лице, о напряженном выражении этих глаз, о черепе, обритом почти наголо, если не считать нескольких пеньков черных волос.

И сами глаза: серьезные, бесконечно черные. Как бы монахиня ни старалась, они все равно выдавали ее характер. Теперь в них горел немой обнаженный призыв, неприятный, как взгляд на освежеванное тело.

— Поверь, я тебя впечатлю, — зловеще сказала некромантка Девятого дома и замолчала. Потом добавила: — Я не просто так попросила имен-

но тебя. И причина не в твоей гениальности, которую я, впрочем, признаю. Та, кто сумела воспроизвести технологию ликторства, не может не быть гением. Но я не видела ничего, что заставило бы меня поверить в твои способности. В том, что ты не просто… ловко жонглируешь некромантией, выделывая эффектные трюки без оглядки на теорию. До Секстуса тебе далеко.

— Да, — весело сказала Ианта, — но Секстусу разнесли голову, доказав тем самым, что он не все предусмотрел.

— Возможно, я превосхожу Секстуса в некромантии, но он был куда лучшим человеком, чем я. Ты недостойна даже стереть пятна его мозга со стены, — сказала Девятая. — Ты — убийца, аферистка, лгунья, мошенница, змея, ты воплощаешь все пороки своего Дома… как и я. Но я обратилась к тебе не потому, что ты ликтор, Третья. Даже не потому, что тебе известно об этом вопросе гораздо больше, чем мне.

— Ну так расскажи, потому что мне надоело слушать о моих собственных пороках, — сказала Ианта, теряя терпение.

Культистка тени посмотрела в зеркало. Огромные черные глаза казались пустыми ямами, вратами в бездну, нефтью, разлитой во тьме, ну

или просто глазницами мертвого черепа.

— Я пришла к тебе, потому что ты знаешь, что такое… — она запнулась, — быть… разделенной.

О каких банальностях многие горюют!

— Харрохак, — сказала Ианта, — позволь дать тебе маленький совет. Бесплатный и мудрый. Я откажусь от всего. Я очень высоко оценю все, что ты уже для меня сделала. Если ты признаешь, что ты бежишь. А бегство — оно для дураков и детей. Ты — ликтор. Ты заплатила эту цену. Самое сложное позади. Улыбнись вселенной, поблагодари ее за щедрость и взойди на свой трон. Ты больше ни перед кем не несешь ответа.

— Если ты не понимаешь, что вот теперь нам придется по-настоящему держать ответ, то ты — дура.

— Перед кем? Что еще осталось?

Нонагесимус прикрыла глаза. Когда она их открыла, один оказался… неправильным. Она смотрела в зеркало на свои собственные разноцветные глаза, глаза цвета дня и ночи, разные, как небесные светила. Один глаз — черный, второй — золотой.

Потом ликтор Девятого дома напряженно сказала:

— Мы зря теряем время. Вскрывай.

— В конце концов будет хуже, Нонагесимус.

— Давай уже, трусиха чертова! — завопила Харрохак. — Ты поклялась! Вскрывай череп, помогай мне справиться с этим всем! Время еще есть, а ты его у меня воруешь!

— Хорошо, сестра, — ответила Ианта и взяла шило. Потом — молоток. Молоток — в живую руку, шило — в мертвую. Она приставила его к лобной кости, повыше, прищурилась, прикинула расстояние.

— Пора тебя испортить!

И ударила.

* * *

Харрохак спала, рискуя никогда не проснуться, и на лице виднелись усталые грустные морщины. Ианта сидела и смотрела на нее. Ей не позволили увидеть весь процесс. В какой-то момент ей пришлось остаться за ширмой и нервно ломать там пальцы, пока эта безумная фанатичка копалась в себе. Ианта надеялась, что судьба хоть сколько-нибудь справедлива и что Харрохак не хватит теперь координации, чтобы хотя бы поссать нормально. Теперь она прижала пальцы к бритому скальпу, пытаясь понять, что все-таки было сделано.

Через несколько минут она сдалась: защита ликтора не позволяла ничего почувствовать даже на таком расстоянии. Кровоизлияний нет, разумеется. Все на своем месте. Возможно, височная доля чуть уменьшилась, возможно, в височной извилине появились какие-то мелкие бугорки, но они могли и раньше там быть. В качестве мелкой мести Ианте удалось уговорить иссиня-черные волосы вылезти из черепа и поиграть с фолликулами, чтобы они работали активнее и заставляли монашку из Девятого дома стричься почти постоянно. Мелочи имеют огромное значение.

Она встала в дверях и смотрела, как воздух медленно наполняет легкие. Вдох. Выдох. Вдох. На лице блестели капли пота, которые в этом освещении походили на слезы. Ей нравилось думать, что Харрохак заснула в слезах, как брошенный ребенок. Какая дура. Какой романтичный, деструктивный, безумный поступок. Всегда встречаются упрямые дуры, которые вот так относятся к любви. Очень хорошие талантливые ослицы, которые привыкли держаться за поводья и не могут справиться без них, — а надеть их обратно у них пороху не хватает.

Ианта была из тех, кто умеет надевать поводья. И она могла потратить несколько лет на Харроу.

— Когда-нибудь я на ней женюсь, — вслух сказала она. — Ей это будет полезно. Хотя все-таки нет.

А потом Ианта из Первого дома направилась по важным королевским делам — в туалет.

Акт пятый

40

?????????

Харроу Нова подняла черную рапиру в направлении верхнего яруса. Левую руку она прижала к груди, костяшки пальцев уперлись в ключицу, где немузыкально звенела цепь Самаэля Новенари — черная дрербурская сталь, каждое звено отлито в форме черепа, а свободный конец заканчивается резной бабочкой тазовой кости, залитой свинцом. Нервы у Харроу были стальные, а вот желудок оказался менее крепким — из-за странной смеси страха и ярости. Кишки словно бы расползались горячей размазней.

— На пол, — сказала она.

— Харроу, — ответил рыцарь, стоявший против нее, — нам необязательно это делать.

— Тогда откажись от своих притязаний и признай меня первым рыцарем, слабак, сопляк, слизняк. Я превосхожу тебя во всех отношениях. Я уступаю тебе размерами и силой, но я стремилась к одной-единственной цели, и я от нее не откажусь.

— Да, Харроу, но мой отец меня убьет, — отве-

тил он.

Ортус Нигенад печально высился над ней. В новой мантии и тяжелых сапогах, с новой корзиной и бабкиной рапирой в руках он выглядел очень массивным. Мантии и сапогам она завидовала, корзине — нет. Она была недавно изготовлена из обсидиана и прочнейшего холста, который, вероятно, опустошил казну. Харроу горько подумала, что родители могли и продать что-нибудь.

Ортус походил на гору мышц и жира, он обладал габаритами, положенными современному рыцарю Девятого дома. Она не могла надеяться на то же. Она и не пыталась. В самом начале своей карьеры Харроу осознала, что нужных размеров, веса и ширины плеч она никогда не достигнет, но зато сможет компенсировать их скоростью, техникой и ловкостью. К этому выводу она пришла около пяти лет назад.

Именно Харроу, лишенная оружия, пробралась в Анастасиев монумент и вытащила оттуда цепь Самаэля, священную реликвию давно покойного рыцаря первой хранительницы гробницы. За этот грех ее принудили раздеться перед тем самым алтарем, перед которым она стояла сейчас, и Преподобный отец порол ее, пока не вмешалась Дочь. Цепь осталась у Харроу, но Дочь так и не

позволила ей забыть о своем вмешательстве.

— Харроу, — сказал рыцарь жуткого образа, с лицом-черепом. Пятью годами ранее, когда усыновленная наследница-некромантка избрала Ортуса своим первым рыцарем, Мортус, прежде чем покинуть свой пост, нанес на лицо собственного сына раны в виде черепа, и теперь шрамы явно виднелись под краской. — Харроу, тебя никогда не отпустят. Я бы очень этого хотел. Я не хочу лететь в Первый дом, я даже представить не могу, что стану служить ликтору, не говоря уж о том, чтобы противостоять другому ликтору, как во времена Нониуса.

— Матфий Нониус никогда не сражался с ликтором.

— Летописи совершенно однозначны…

— Там не хватает половины листа!

— Поправки очевидно намекают на…

— Я — дочь Девятого дома! — сказала она, перебив тираду о поправках. — Я — неисполненный завет и окровавленные зубы нецелованного черепа. Я сознаю, что я — жестокое разочарование. Мне нашли замену, я не могу стать истинной наследницей тайн, принадлежащих роду Преподобных. Но я могу держать в руках клинок! Если я не могу быть адептом, защищать некроманта

— мое право!

Ортус Нигенад стер пот со лба. Свет свечей подчеркивал следы от ран на его лице, но выражение этого лица было совсем не таким жестоким. Кости в корзине у него за спиной приятно похрустывали, как песок в песочнице.

— Харроу, ты ведь даже не хочешь стать ее клинком.

— Нет. Я мечтаю, чтобы ее заживо сварили в масле. Я надеюсь, что она на глазах у всех рухнет в пропасть. Я надеюсь, что кто-нибудь огромными ножницами перережет ей сухожилия на ногах. Я безумно хочу на это посмотреть. Я бы билет купила.

Ортус сказал дрожащим голосом:

— Но ты же знаешь, что она…

— Нет.

— Говорят, что она подала прошение о…

— Продолжи это предложение, и тебе будет очень больно.

— Харроу, — упрямо сказал он, — я бы почел за счастье стать вторым рыцарем. Быть вторым рыцарем Дрербура очень почетно! Остаться дома, верно служить семье, не бросаться в недобрые объятия космоса и чужих домов. Но даже если я скажу, что да, Харроу Нова лучше меня, и я

признаю это, твои… Преподобные мать и отец не примут моих слов. Тебе придется убить меня, чтобы они восприняли твои слова всерьез. А я вообще не хочу, чтобы меня убивали.

— Ты прав, — кивнула Харроу.

Его облегчение было почти ощутимо. Он ссутулил плечи — хотя, может, это из-за корзины его так перекосило. Агламена постоянно шпыняла его из-за осанки. *Посмотри на Харроу! Она стоит, как статуя! А ты похож на рыболовный крючок.* Ортус тяжело навалился на церковную скамью и сказал со вздохом облегчения:

— Спасибо. Хорошо. Я рад.

— И я считаю это важным, — продолжила Харроу.

Она вытянула руку с клинком, перебросила цепь через плечо и зажала тяжелый ее конец в пальцах. Беспорядочная ярость у нее в душе теперь лилась стремительным жарким потоком, как металл в форму, и, как это всегда бывало, рапира стала продолжением руки.

— Приготовься умереть, Ортус Нигенад. Предай свою душу Запертой гробнице, камню и цепям. И надейся, что она всплывет в Реке.

— Ради бога, Харроу, пожалуйста…

Их голоса разносились довольно далеко. Рас-

пахнулась маленькая дверь ризницы, и из нее появился маршал Крукс, седой, в церемониальной, покрытой плесенью одежде. Искореженное лицо было искривлено негодованием, а руки в бурых пятнах тряслись от возмущения.

— Вы обнажили клинки! — кричал он. — Клинки обнажены в притворе, перед алтарем, перед облачениями, под взглядами икон! Вы опозорите нас! Испоганите это место!

— Прости, маршал, — сказала Харроу.

— Я не с тобой разговариваю! — торжественно прохрипел Крукс. Крукс единственный проявлял к Харроу какое-то сочувствие: выражалось оно в том, что он всегда бывал страшно несправедлив по отношению к другим. Впрочем, это все равно было сочувствие, и какие бы подозрения оно ни вызывало у других, она никогда бы не променяла его на… чью-нибудь нежность.

— Я говорю с первым рыцарем! Ортус из Девятого дома, дурень ты, надо было быть умнее.

— Прости, маршал, — скромно сказал Ортус, как всегда, как будто он вообще принимал в происходящем какое-то участие. Иногда Харроу ненавидела его за это.

— Не прощу! — негодующе сказал Крукс. — Беги к своей сумасшедшей, они уже закончили с

аранжировками.

Первый рыцарь напрягся и что-то пробормотал с легкой ноткой упрека. Защищаться он не пытался: Ортусу было хорошо за тридцать, но перед маршалом он мог только неловко бормотать.

Крукс закаркал. Не могло же это быть смехом?

— Что такое? Что, сопляк? Не называть ее так? Да сгори ты в аду и похорони себя! Если у тебя хватит яиц сказать этой индюшке, как я ее зову, я тебя зауважаю.

Верный правилам Ортус, не позволяя себе никаких возражений, кроме преувеличенно громкого вздоха, поплелся в направлении ризницы. Когда он ушел, Крукс буркнул:

— Жалкое время, когда нашим воителем становится мусор. Жалкое время, когда мусор становится его мечом. Харрохак, — только Крукс звал ее полным именем, остальные всегда опускали вторую часть, напоминавшую, кем она является по праву рождения. — Будь осторожна со своим оружием, не обнажай его перед алтарем.

Он подковылял ближе к ней, влажно закашлялся и добавил хриплым, хорошо слышным шепотом:

— Тут есть паломники, даже сейчас. Неплохо бы извиниться.

В церкви и правда были паломники. Харроу стало стыдно, потому что она их не заметила. Наверное, они вошли очень тихо. Двое чужаков преклонили колени за последним рядом скамей, на правых рукавах их черных ряс виднелись коричневые повязки, подчеркивающие принадлежность к Дому. Харроу сунула рапиру в потертые ножны, поправила цепь, которую так тщательно полировала, довольно небрежно поклонилась алтарю и пошла по проходу.

При ее приближении одна из паломниц откинула капюшон. На носу у нее сидели очки, а густые темные волосы она забрала в тугой пучок по обычаю. Сопровождавший ее мужчина тайком поглаживал свою бритую голову, как делают дети после первой стрижки. Харроу удивилась, увидев усталую, тревожную улыбку — как будто эта женщина ее знала. Такой улыбкой извиняются за то, что ты не сдала экзамен, когда предполагают, что ты учила. Харроу никогда в жизни не видела эту женщину. Она ее не знала. И мужа ее не знала.

Вот только откуда она знала, что они женаты?

— Все происходит не так, — сказала Абигейл.

41

??? до???

Харрохак музыка казалась какофонией. Струнные инструменты, альты и пианино исполняли вполне мелодичные модуляции, но чувства Харроу настолько обострились, что она чувствовала, будто ей в уши вливают раскаленный металл. В амфитеатре было очень тепло, и, несмотря на милосердный свет свечей, несмотря на то, что электрические лампы приглушили до приятного полумрака, грозная толпа, похожая на сборище кричаще-ярких пятен, ранила зрение. Официальная вуаль Преподобной дочери была пришпилена на затылке, там, где от нее не было никакого прока.

По крайней мере рядом с ними толпа заметно редела: как бы тесно ни было в комнате, какая бы неразбериха здесь ни царила, никто не хотел приближаться к Девятому дому. Харрохак радовалась двум вещам. Во-первых, она ненавидела людские прикосновения. Во-вторых, в полумраке и на расстоянии сильно снижался шанс того, что другие гости разглядят, насколько некази-

ста ее парадная одежда. Кружева на ее мантии пришлось заштопать — нитку тщательно подбирали по цвету, но в результате оттенки не совсем совпали, как всегда бывает с черным. Парча юбки слежалась складками от неправильного хранения. Харроу не стыдилась своей древней диадемы и такой же древней шейной гривны, их сняли с трупа предка, за мгновение до того как предок обратился в прах под лучом фонаря. Но ей не нравилось, как ржавые пятна на украшениях подчеркивают ее бедность.

Харрохак подергала за край вуали.

— Нет смысла опускать эту чертову штуковину, — вполголоса сказала ее капитан.

— Я не собираюсь участвовать, — ответила Харрохак, не шевеля губами, только слегка повернув голову в сторону соседки. — А даже если бы и собиралась, не с моим лицом на что-то надеяться!

— По крайней мере оно у тебя есть, — спокойно заметила старуха. — Это первое, чего ее божественное величество захочет от своей невесты. Наличие лица — непременное условие привлекательности.

— Мы здесь не за этим! В отличие от отпрысков других Домов, я не собираюсь… выставлять свои прелести на витрине.

— Один император знает, что мы можем выставить, — буркнула Агламена.

Представители остальных семи присутствовавших Домов выставляли себя напоказ, как птицы во время особенно пышного брачного сезона. Ее так называемый первый рыцарь очень оживился: он царапал свои стишки на листке, который поспешно прятал в карман каждый раз, когда она на него смотрела. Все Дома слились в одно яркое, радужное пятно, сплелись в танце, напоминая мешанину сверкающих блесток. Белые мундиры Когорты с яркими знаками различия на воротниках или запястьях, длинные перламутровые платья, якобы скромные, дополненные цветными венцами, означавшими принадлежность к Дому. Некроманты в мантиях всех цветов — и ни одного практика. Только представители Шестого дома не участвовали в танцах, а серыми кучами подпирали стену, как неуклюжие дети, не способные найти партнера. Все они были одеты в одинаковые одежды цвета мертвых голубей и беседовали только между собой. В любой другой ситуации Харрохак могла бы подойти и познакомиться с ними, но сейчас ей было чем заняться.

Высокая, впечатляюще сложенная принцесса Третьего дома решила присоединиться к ним

— как будто бабочка села на серое болото. Шелковая золотая мантия и бриджи открывали колени, слишком красивые для некромантки, она вертела в пальцах бокал шампанского и смеялась над чем-то. Благородный дом Иды предпринимал робкие попытки заманить ее обратно, как будто, оказавшись среди Шестого дома, она сразу была признана безнадежной и лишилась шанса на внимание ее божественного величества. Третья принцесса отгоняла всех.

Опасения замучили Харрохак прежде, чем кто-то подошел к ней. Она не понимала, почему так сильно бьется сердце, не понимала, чего боится, за исключением неуправляемой толпы, шума и света. Она знала, что глаза ее, обведенные священной краской, раскрыты слишком широко. Она выбрала изображение элегантного черепа под названием Цепь и месяцами училась рисовать его. И тут к ней подошла пара, которую не сопровождала свита. Мужчина и женщина. Женщина, обладавшая сложением некромантки, держала мужчину под руку, а он ел канапе другой рукой. Харрохак не стала на него смотреть. На женщине было шоколадного цвета атласное платье со шлейфом. Подойдя к Харрохак, она рассеянно кашлянула, прикрыв рот перчаткой с

раструбом. Ткань была слишком простой, чтобы что-то о ней сказать, а вот покрой уже кое о чем говорил. Маленькая же золотая тиара, небрежно нахлобученная на блестящие темные косы, заявляла о себе очень громко.

— Леди Абигейл Пент, — сказала Харрохак, которая этому тоже училась.

— Если честно, — сказала Абигейл, — портить это мне жалко, я бы посмотрела, куда оно зайдет.

— И я, — заметил первый рыцарь Харрохак у нее из-за спины.

Магнус прикончил канапе и с энтузиазмом добавил:

— Да уж, это лучшее. Госпожа Харрохак, ты когда-нибудь раньше бывала на фуршетах? Если нет, то это почти полное попадание в идеал — все безвкусное, но очень соленое.

— Прошу прощения? — холодно сказала Харроу, но тут же вспомнила, что не знает, как выглядит леди Абигейл Пент.

— Это происходит не так, — сказала Пятая…

42

Месяц??? смерти

— Лейтенант! Подождите! Пожалуйста!

Харрохак, выходя из зала совещаний и все еще пребывая под впечатлением от зрелища космоса за окном — она с опозданием узнала, что таскать мешочек с могильной землей на видном месте считается непозволительно сентиментальным, а из-под формы он выпирал, — остановилась и обернулась на двоих позади себя. Пришла к неприятному выводу, что ей придется отдать честь, и исполнила это надлежащим образом: хотя, судя по синим флотским петлицам, эти двое были в одном звании с ней, блестящие стальные значки подсказывали, что парочка участвовала в боевых действиях. Оно и неудивительно, учитывая флотский задор Четвертого дома. Она уже успела наслушаться шуточек о том, что, принимая командование Четвертым, надо готовить сразу медаль и гроб. Но эти двое были очень юны. Моложе ее самой, что представлялось почти смешным. Она узнала их прежде, чем они отдали честь в ответ — гораздо менее изящно, чем она.

— Лейтенант Теттарес, — сухо кивнула она, — лейтенант Шатур. Вам нужна помощь черной отшельницы?

— Нет, кому она вообще может быть нужна, — ответила лейтенант Шатур, забравшая свои кудряшки в пучок на затылке. Она ничуть не походила на первого рыцаря в представлении Харрохак, несмотря даже на рапиру у пояса. Она критически оглядела Харроу в ответ. Харрохак, как капеллану, позволили раскрашивать лицо и носить официальные украшения. Ей даже предоставили подобие рясы, хотя ряса Когорты, закреплявшаяся на одном плече, имела столько же смысла, сколько кость из карамели. Накрахмаленные белые брюки и рубашка лишали Харроу самой ее сути. Ребенок покрепче тем временем говорила высоким голосом:

— Я слышала, что им пришлось эксгумировать книгу о том, что с вами делать, потому что черных братьев в Когорте не было уже пятьдесят лет.

— Тогда мне стоит уйти, лейтенант. Лейтенант…

— Прости ее, она дура, — коротко сказал некромант.

(– Спасибо?

— А что, нет?)

— Я хотел бы представиться. Очевидно, ты знаешь, кто я. Но нам предстоит вместе учиться. Мы единственные наследники домов, оказавшиеся здесь и сейчас, и мне кажется, держаться вместе будет полезно. А у тебя нет рыцаря. Никто не знает, почему Преподобная дочь записалась в Когорту. Не мне судить… Я барон Тизиси. Я полагаю, что они будут издеваться над нами, как могут. Мы вместе, и я хотел бы дружить. Мир?

Харрохак посмотрела на протянутую руку в перчатке, потом на обладателя руки. Недавно он вытащил из ушей целую кучу серег, и в них темнели маленькие пустые дырочки, как будто на него напала безумная швея. На самом деле они оба смотрели на нее без того отвращения, которого она ожидала. Их энтузиазм был неподделен. Она не пожала протянутую руку, только коротко коснулась пальцами чужой ладони и сказала:

— Я бы не советовала тебе этого делать. Когорта… не обрадовалась моему появлению.

— Ой, забей, — рассеянно сказала рыцарь, — мы тут можем сплошь стены оклеить грозными письмами Когорты. Ты не единственная. В Когорте не терпят наследников Домов. Они на законном основании попытались заразить нас свинкой.

(– Они не пытались заразить нас свинкой. Это

мой младший брат нас заразил.)

— Тут целая куча правил насчет права на участие в бою. Если начнется война, нас оставят в тылу, так что по уму первое, что нужно сказать командиру: «Я не хочу, чтобы мой титул становился между мной и солдатами». Тогда она сможет «забыть» о правилах безопасности, а ты сможешь получить назначение на посттанергическую передовую, где интересно… пошли в столовую?

Харрохак не хотела в столовую. Лейтенанты Теттарес и Шатур все равно отвели ее туда, хотя она старалась не посещать это место без крайней необходимости. Она чувствовала себя почти обнаженной, пока стояла в очереди на виду у других курсантов, некромантов и фехтовальщиков Девяти домов, которые сдали экзамены, заплатили денег или что там делали в других Домах, чтобы получить офицерское звание. Она единственная носила лейтенантский значок с черной эмалью, только у нее на рукавах чернели прорези. Все это время Четвертые непрерывно болтали, журча, как два маленьких водопада. Крукс сказал бы, что у них языки без костей. Если бы она, упаси император, была бы магом плоти, она бы с трудом удержалась, чтобы не оставить

их вовсе без языков.

Харроу снова прислушалась к словам рыцаря, которая с интересом спрашивала:

— …Кофе уже пробовала?

Честно говоря, кофе болтался где-то в самом низу списка приоритетов Харроу. Но, подавленная энтузиазмом лейтенанта Шатур, она только холодно ответила:

— Нет.

Лицо девочки странно дернулось, как будто она очень старалась не рассмеяться.

— Дома ничего подобного не попробуешь. Там дополнительные стимуляторы и всякое… кислоты там, чтобы в космосе было легче. Адаптивные био… Исаак, как они называются?

Он прищурил и без того узкие глаза, вздохнул и подсказал:

— Адаптивные биостимуляторы обратного захвата.

— А мы их как зовем?

— АБОЗ.

— А, точно! Из-за них кофе на вкус странный, но если приготовить как следует, со специями всякими, будет вкусно! Когорта не способна функционировать без кофейных адептов! Мы хотели сходить в столовую на этой палубе, потому что у

них тут новая звезда АБОЗа!

Харрохак обнаружила, что стоит в самом начале очереди и смотрит, видимо, на звезду АБОЗа. Тогда она уставилась на стойку, не в состоянии выдавить ни слова.

— Дай догадаюсь, — сказал кто-то. — Ты пьешь черный.

Она потянулась за чашкой, а буфетчица одновременно подтолкнула чашку вперед, и их пальцы на мгновение соприкоснулись. На бесконечное неловкое мгновение их глаза встретились.

Кофейная адептка оказалась девушкой, которую Харрохак никогда раньше не видела, хотя она явно состояла в том же тренировочном взводе. Передник и перекинутое через плечо полотенце не позволяли разглядеть знаки различия, и принадлежность к Дому тоже не определялась: рукава простой рубашки были закатаны выше локтей и открывали стройные мускулистые руки, влажные от пота и пара. Но при взгляде на ее лицо нейроны Харроу взорвались талергией. Волна жара поднялась от двенадцатиперстной кишки к высокому воротнику формы. Залила щеки, нос, лоб, виски. Девушка улыбнулась уверенной, кривоватой улыбкой. Харроу поразили ее глаза под

наспех причесанной рыжей челкой. Они были…

— Ну уж нет, — сказала Абигейл откуда-то сбоку.

43

Ночь накануне убийства императора

Харроу металась по матрасу и с трудом хватала ртом раскаленный воздух. Она корчилась, как подстреленное животное, чьи-то руки прижали ее к…

— Девятая, не уходи, останься, — говорил кто-то, и тут ее скрутило внезапным спазмом, затрясло так, что еще чуть-чуть — и она бы стряхнула с себя всю кожу. Голоса над ней что-то бормотали, но ни одно из их слов не имело смысла.

— Мы стабильны?..

— Надеюсь. Еще один такой рывок, и она скинет всех детей оптом. Не думаю, что сумею снова их изгнать…

— Почему сейчас?

— Это не…

— Честно говоря, лучше бы…

— Нет. Лучше следовать правилам, — прервал второй голос. — Мы не знаем, какие ограничения ждут в других сценариях.

Еще один вдох, и горло сжалось, отказалось дышать, она повернула голову и закашлялась,

оскорбленная, испуганная, открыла глаза — и мир бросился ей навстречу.

Она очнулась, убежденная, что смотрит на Доминика в сияющем, нереально синем небе. Абсолютно бессмысленная идея.

Знакомый голос — голос Магнуса — любезно сообщил:

— Ты в порядке. Все хорошо.

Небо оказалось потолком, потолок принадлежал ветхой комнатке в доме Ханаанском, затянутой жарким туманом из-за ее собственного дыхания. Когда мир наконец обрушил на нее свой внезапный удар исподтишка, из ее горла вырвался хриплый, дикий вой. Она даже не знала, что способна издавать такие звуки. Память вернулась к Харрохак Нонагесимус с силой, с какой сорвавшийся с орбиты спутник падает на землю и умирает на поверхности своей планеты. Мир придавил ее всем своим весом.

Мелькали какие-то лица, чьи-то руки. Харроу поняла, что шока никакого нет. Просто мир как будто сожрал ее. Она стала растопкой для пожара, горевшего в ее собственном сердце, ее иссохший мозг подкармливал огонь, ее душа превратилась в облако раскаленного газа. Она не могла этого сделать. Она ни при каких обстоятельствах не

могла этого сделать.

— Харроу? — сказал кто-то. Кто-то очень знакомый. В глазах плыло.

— Если я забуду тебя, забудь меня, десница моя, — произнесли ее губы. — Смерть одна разлучит меня с тобою. — И дрожащим голосом: — Сито…

Руки исчезли, она лежала на матрасе лицом вниз и рыдала, как не рыдала с детства.

— Уйдите все, — велел чей-то голос.

Она не могла осмыслить все происходящее. Харроу поразила безграничность отчаяния, к которому она оказалась способна. Как будто ее чувства усиливались вдвое, стоило обратить на них внимание, как будто она падала и падала с бесконечной лестницы. Она вцепилась руками в матрас и оплакивала Гидеон Нав.

Она замолчала, только когда окончательно измоталась физически. Слезы не могли больше течь из опухших глаз, всхлипы застревали в пересохшем горле. Она лежала лицом во влажную подушку, чувствовала запах старой набивки и ощущала горе величиной во всю вселенную.

Она села. Сделала вдох. Прижала к лицу полу поношенной черной рясы и вытерла слезы, прохладными дорожками застывшие на щеках.

Огляделась и хрипло сказала — истерзанное горло с трудом выдавливало звуки:

— Что я сделала?

— Вообще-то я надеялась, что ты ответишь на этот вопрос, — сказала Абигейл Пент.

В комнате осталась только она. Харроу оглядела ее новыми глазами. Даже в свете новых обстоятельств Пент выглядела так же, как всегда. Опрятно, хотя и немного потерто, как будто она в самом деле жила в ледяных лабиринтах дома Ханаанского и долго не мылась как следует. Свежее лицо, карие глаза — идеальная дочь Пятого дома. Безупречные волосы прикрывал шарф, а на руках были толстые перчатки.

Короче говоря, ее никак нельзя было принять за растерзанный труп, который они с Гидеон обнаружили у лестницы в лабораторию, труп со взрезанным животом и аккуратно вставленным в почку ключом. Она казалась живой и вполне здоровой.

— Ты умерла, — сказала Харрохак. — Септимус убила тебя. Ликтор, принявшая вид Септимус.

— Да, — сказала адептка Пятого дома. — Это было довольно неприятно. Извини за вопрос, но ты… с ней справилась? Мы так и не поняли.

— Мы с Нав воткнули меч ей в грудь, — отве-

тила Харроу и сглотнула раскаленную слюну. Мозг ее гудел, как перегретый механизм, она почти чувствовала запах горячей пыли. Она не представляла, сколько времени уйдет, чтобы привести себя в порядок.

— Дай мне минуту, — попросила она.

— Сколько угодно.

Холод не беспокоил Харроу, пока она по привычке не попыталась согреть свое тело изнутри — и не обнаружила, что не может этого сделать. Здесь она не была ликтором. Пытаясь разогнать клетки крови, она почувствовала застарелый недостаток танергии, который исчез вот уже почти год назад. Она закрыла глаза. Теперь ее мучили только температура, краснеющий ожог на щеках и руках и чернота век изнутри, пустых, как страницы ненаписанной книги.

Шестьдесят секунд. Позволить себе большее — жалеть себя. Она открыла глаза и сказала:

— Леди Пент, опиши мне свою детскую спальню.

— Она была размером примерно с эту гостиную, — быстро ответила Пент. — Две кровати стояли в дальнем конце комнаты изголовьями к стене. Когда я была маленькой, мне нравилось, что младший брат может иногда спать в моей

комнате. Лимонно-желтые обои, не моющиеся, красивый, хоть и слегка косоглазый портрет Князя Неумирающего, панель с витамином Д вместо окна, узоры на ней. Кости дедушкиной руки над дверью. Укрепленный столик, где я играла и читала. Убежище под ним, куда мне положено было залезать, если зональный шаттл проходил мимо. Фосфоресцирующие звезды на потолке, вешалка для перчаток и мантии на стене. Я не вспоминала этого много лет. Почему ты спросила?

— Первичный тест, — пояснила Харрохак. — На гибкость метафорического солипсизма. Кроме того, я ничего не знаю о Пятом доме и его жизненном укладе. Чем бредовее был бы твой ответ, тем с большей вероятностью ты оказалась бы порождением моего мозга.

Абигейл засмеялась, но невесело. Смехом человека, который открыл давно потерянную книгу и обнаружил, что самой важной страницы нет.

— Преподобная дочь, — сказала она, — меня во многом обвиняли, но это первый раз, когда меня приняли за галлюцинацию.

— Но ты…

— Дух, — улыбнулась она. — Точнее, призрак. Я столько хотела у тебя спросить! У меня столько идей! Я искала в твоем выборе осознанную за-

кономерность, а ее, возможно, не существовало. Позорная ошибка для ученого. Поэтому давай развенчаем все мои глупые идеи. Итак, ты стала ликтором?

— Да, — ответила Харроу. Гидеон. Кровь. Железный шип. — Я сделала это не по своей воле, но — да.

Абигейл подалась вперед, глаза ее вспыхнули.

— Отлично. Когда ты поняла, что с тобой происходит? Когда ты поняла, что происходит с другой душой?

Проще было отвечать механически.

— В самые первые дни. Я знала, что ее душа будет поглощена. Я знала, что невольно уничтожу ее душу. Этот процесс уже начался. Но он не закончен. У меня было время. Я решила отказаться от возможности поглотить ее… отняв у себя способность ее чувствовать.

Теперь было проще это вспоминать. Литанию. Монотонные, как восьмеричное слово, фразы. Их почти можно было отделить от страдания.

— Я взяла ту часть своего мозга, которая ее понимала… ощущала ее душу… и отключила его. Потом создала довольно грубые предохранители, чтобы не вспомнить ее случайно… я знала, что путь откроется, если кто-то снесет мои

предохранители. У меня была сообщница… она лучше меня умела манипулировать жировой тканью мозга. Я обратила собственный череп в конструкт, запрограммированный на то, чтобы давить на определенные доли. И это сработало, Пент. Сработало. Да, глупое решение. Основанное на грубой силе. Но рабочее.

Абигейл очень внимательно смотрела на нее. Выражение ее лица изменилось.

— О чем ты? — спросила она резко. — Я полагала, что мы говорим друг о друге. — Адептка Пятого дома потерла ладони в перчатках. — Я не спрашиваю о душе, которая сделала тебя ликтором, Преподобная дочь… хотя это тоже снимает некоторые вопросы. Харрохак, я говорю о душе-захватчике.

— Захватчике?

— Ты одержима, — спокойно сказала Абигейл. — Я полагала, что ты осознанно выбрала это поле боя и собрала армию, которая тебе поможет. Я не знала, почему ты выбрала нас. Теперь я знаю — но, кажется, ты этого не делала. Ты одержима злым духом, Харроу, и ты проигрываешь войну.

Харроу инстинктивно попыталась нарастить свои жировые запасы — было невероятно холодно. Потом она поняла, что не представляет, где

именно под кожей находится жир, и уж точно не может ничего с ним делать. Ограничение казалось знакомым: она прожила так всю свою жизнь, пока принадлежала к Девятому дому, а не к Первому. Топка силы исчезла.

Она покопалась в памяти другой себя: нет, она сама лишила себя многого, разделившись на две половинки, Харроу из Первого дома и Харроу Вторую, как колокол. Это была одна и та же Харрохак в разных одеждах. И теперь, в черном облачении, она не стала лучше. Во многом стала хуже. Но память вернулась.

Если подуть в воду, появятся пузыри…

Становилось холоднее. Ветер выл за темным окном. У нее в голове не могло быть хорошей погоды.

— Мы в Реке, — сказала она.

— Да, — согласилась Абигейл. — Это я поняла раньше всего.

— Это мое творение.

— Да, ты задала параметры. Мы осознали это методом исключения, потому что в конце концов все осознали себя. А ты — нет. Ортус с самого начала был убежден, что это все ты. Извини, что я ему не поверила.

Это удовольствие стоило оставить на потом.

— Я создала в Реке пузырь, как и Секстус. Но неосознанно и плохо.

Секстус наверняка счел бы ее дурой. Как хорошо было бы, окажись он сейчас рядом с ней, чтобы она могла хоть как-нибудь его отблагодарить. Хотя… он бы понял, как медленно она соображает, и это было бы ужасно…

— Почему дом Ханаанский? Почему Ортус Нигенад? Почему они заполнили дыру в моей памяти?

К счастью, Пент соображала быстро.

— Ты не удалила воспоминания о своем рыцаре, Харрохак. Я думаю, даже ликтор на это не способен. Ты их подделала. Закрыла чем-то, что показалось подходящим.

И почему эта женщина закончила свою жизнь, упав с лестницы? Какая потеря!

— Но почему так много изменений? Почему все события совсем другие? Все происходило совсем не так. Я понимаю, что… что Гидеон больше нет, но почему…

— Харроу, это не картина, которую ты рисуешь. Скорее это пьеса, которую ты ставишь. Ты установила сцену прямо в Реке, набрала в труппу призраков и установила определенные правила, чтобы они придерживались сценария. А теперь

другой режиссер пытается перехватить твой спектакль, и борьба за власть из-за кулис перетекает на сцену. Кто-то берет над тобой верх.

— Кто?

— Не знаю, — честно сказала Абигейл. — Есть и другие нестыковки, на которые ты прольешь свет… надеюсь. Почему некоторые из нас стали всего лишь призраками, а другие… нелепыми конструктами? Лейтенант Диас была уверена, что с Юдифью что-то не так, еще до ее смерти. Она напоминала странную пародию на саму себя.

— Я не могу призвать призрака капитана Дейтерос, — перебила ее Харроу. — Дейтерос жива.

— Скажи это Диас, — немедленно ответила Абигейл. — Она будет рада это услышать. Принцессы…

— Живы.

— Их рыцарь…

— Стал завтраком.

Абигейл нахмурилась, и Харроу пояснила:

— Ианта Тридентариус стала ликтором.

— Черт. Это должна была быть Коронабет. Ианта совершенно не годится на эту роль. Шестые…

— Камилла жива. Паламед… нашел смягчающие обстоятельства.

Абигейл вновь ничего не поняла, и Харроу

добавила:

— Главному стражу идея смерти показалась неприятной.

— Отлично! — просияла Абигейл.

Некромантка Пятого дома вздохнула, будучи в явном восторге: кто-то выжил там, где не выжила она сама. Чувство вины всколыхнулось в груди у Харроу. Пент даже пробормотала:

— Владыка за Рекой милосерден.

И тут на Харроу накатило совсем другое чувство. Невероятно глупая мысль. Почему она не подумала об этом раньше?! Она прижала руки к животу, закрыла глаза, согнула спину. Взяла поводья Реки в свои руки, вошла в ее воды и двинулась вперед, и дальше вперед.

Как ее… рыцарь могла бы сказать — ни хера у нее не получилось. Она не могла войти в Реку. Она о ней не знала. Она не чувствовала якоря своего тела. Ликторской магии больше не было, не было и пути назад. Она была заперта в пузыре, билась в нем, как рыба. А в это время в Митреуме…

— Время, — резко сказала Харрохак. — Как здесь идет время?

— Исходя из моих познаний в области магии духа и природы сознания, — ответила Абигейл. — Я предполагаю, что эта… сцена существует только

тогда, когда ты не осознаешь себя. Пока ты спишь, без сознания или иным образом отключаешься от внешних стимулов. Я не чувствую никаких временны́х разрывов, для меня время идет постоянно. Я думаю, что симуляция происходит в соответствии с представлением твоего спящего разума о времени… с некоторыми изменениями в ту или иную сторону. Сколько времени прошло… в реальном мире?

— Девять месяцев.

— Господи, — она расстроилась. — Я думала, недель восемь. Моей семье, наверное, уже сообщили. Они не понимают, где носит мой дух. Бедный мой брат… родители Магнуса… моя коллекция папоротников…

— Леди Пент, — сердито сказала Харроу. — Забудь про папоротники. В реальном мире я смертельно ранена. Место, где находится мое тело, скоро захватят танергические монстры, сотворенные призраком галактики. Откровенно говоря, я умираю. Моя душа в осаде, а я перезаписала свои реальные воспоминания, создав вместо них маленькое призрачное измерение, в котором теперь еще и поселился какой-то полтергейст. Судя по всему, я здесь застряла. Я не могу выйти. А еще я скоро умру, или уже умерла, и все это

несколько… утратит смысл.

Окно лязгнуло. Сначала она подумала, что это воет жуткий ветер, но, обернувшись на него, они с Абигейл увидели робкое розовое щупальце, покрытое корочкой льда. Оно ползло сквозь дыру в стекле, потрескивая и извиваясь. Пока они смотрели, в конце этой длинной потрескивающей трубки открылась пасть, и из нее с грохотом вывалилась кучка предметных стеклышек — таких, между которыми помещают образцы клеток.

Дверь в спальню распахнулась. Ранее покойный Магнус Куинн, закутанный в огромную шубу, побагровевший от холода, крикнул:

— Дорогая, они ломятся сквозь стены.

— Скажи Протесилаю и лейтенанту их не трогать.

— Слишком поздно, и я не могу их винить — омерзительные штуки…

— Пусть твое тело разбирается само, Преподобная дочь. — Абигейл встала, стуча зубами. — Если бы ты умерла там, мы бы все уже исчезли. Если ты умрешь здесь, твоя душа исчезнет. Прямо сейчас ты жива. Давай убедимся, что, если твое тело выживет, ты останешься у руля.

Харроу с трудом перекрикивала ветер:

— Меня ударили шпагой в живот! Что здесь

происходит?

44

Все та же ночь накануне убийства императора

Клинок рапиры застрял в коже.

Большие лоскуты дермы потихоньку ползли вдоль него и не понимали, куда деваться дальше. Органы в брюшной полости срастались, интерстициальная ткань выталкивала клинок, его окровавленный кончик дрожал, сопротивляясь растущей ткани. Тебя ударили в спину, и ты рухнула назад на рукоять рапиры. Гибкая часть клинка вышла из груди и торчала вверх.

Ты ушла, оставив меня.

Я встала на четвереньки, перенесла твой вес на ноги — клинок так и торчал в теле, оттолкнулась от стены коридора и заставила тебя встать. Ноги у тебя дрожали. Все, что я смогла придумать, — я сунула твои руки под плащ, досчитала до трех и толкнула рапиру назад изо всех сил, со всей возможной скоростью. Последовал жуткий звук — не совру, если скажу, что это было что-то вроде ШШШШШУХ! Описать же боль, которая возникает, когда фут стали проходит сквозь твои внутренно-

сти и выходит из дырочки в спине, невозможно. Я пыталась быть аккуратной, но получилось не очень. Рапира упала на пол с грустным звоном, я подождала пару секунд, а когда нагнулась за ней, ты уже… вылечилась. Никакой боли. Никаких колотых ран.

Горячая кровь, залившая рукоять, скользила в твоих голых руках. Я не сразу справилась. Рукоять была сделана из полированного дерева или плекса, и твои пальцы не смыкались на ней — наверное, они были короче моих.

Мы оказались в узком жарком коридоре, почти совсем темном, если не считать тонкой красной полоски света под потолком. Где-то орала сирена, да еще раздавалось низкое гудение, как от неисправной машины. Ты вся промокла от крови. Там, где ты не промокла от крови, ты промокла от пота. Воздух дрожал от жары. В этом коридоре было жарко, как у костра.

Лужа крови игриво размазалась по полу и нижней части стен, как будто кто-то по ней катался. Наверное, это была ты. Впрочем, крови оказалось не так много. Кажется, поединка не было. Тот, кто ударил тебя твоей собственной рапирой, не позволил тебе защищаться. Ты не могла разозлиться, но если бы и могла, я бы посоветовала

тебе забить: я планировала превратить их жалкие жизни в ад.

Лужа крови: есть. Раскаленный воздух: есть. Огромные грешные кости вокруг: есть. Взгляд на твою ладонь для проверки — чья это вообще ладонь под слоем крови. Твои пальцы, твои маленькие ладони, полное отсутствие мышц. Реальность ударила меня. Примерно как большой железный шип, если подумать.

Тебя не было. Ты оставила меня. Внутри себя.

— Мля, — сказала я. Голос был чужой. — Мать твою. Ну что за говно. Помогите. Черт.

В темноте раскаленного костяного коридора что-то вдруг выползло мне — нам — навстречу. По крайней мере оно помешало моему окончательному нервному, да и физическому срыву. Это была кошмарная тварь, похожая на насекомое из мяса и костей. Она была жива. Завидев меня, она остановилась.

В принципе она отдаленно походила на растянутого, искореженного человека, передвигающегося по-крабьи, опираясь на руки и на ноги, спиной к земле, гордо выпятив живот в воздух. Вот только «руки» и «ноги» в данном случае были руками и ногами, пропущенными сквозь мясорубку, после чего мешанину мяса и костей

собрали вместе в рыжем панцире с черными точками. Выше виднелись огромные блестящие пластины грудной клетки, узенькая талия и большие ромбовидные причиндалы. Ну а венчалось все это крупным черепом, ни на что не похожим. Морду прикрывали большие пласты зеленоватой пульсирующей чешуйчатой плоти, и тут и там торчали длинные гадкие волосы толщиной с твои пальцы. Нет, твои пальцы были не такие толстые. Тут я исправлюсь, пальцы у тебя тонкие. С раззявленных жучиных челюстей капала дымящаяся жидкость. Тварь задумчиво щелкнула зубами и встала — точнее, зависла. Ее держали в воздухе прозрачные крылья, которые взмахивали так часто, что в пару, крови, жаре и темноте я их сразу не разглядела. Пока я смотрела, в черных провалах глазниц что-то завертелось, а потом оттуда вылезли влажные черные глаза.

Было бы круто, если бы ты сейчас вернулась. Прямо идеальный был бы момент. И плевать, что по идее я должна быть крутой громилой, но я, вообще-то, была в чужом теле, с незнакомым оружием, у тела не было никаких мышц, а я не очень хорошо себя чувствовала. Хреново я себя чувствовала. Мне нужен был перерыв. Но тварь странно и противно заверещала, издавая разом

два звука — и оба мерзких. Глаза отчаянно завращались в глазницах.

Я поставила переднюю ногу на одну линию с пяткой задней, перехватила твою рапиру пониже, доказав тем самым, что можно засунуть фехтовальщицу в некромантку, но нельзя, ну, заставить ее ждать на линии.

— Я же велела тебе найти гантели, — буркнула я.

Тварь с невероятной скоростью заскакала вперед. Дальше началось какое-то говно.

Для нас. Не для нее. Для нее все было весело и легко. Когда она приблизилась, крылья подняли ее достаточно высоко, чтобы стало заметно толстое зловещее жало на кончике брюшка. Из пилообразной пасти выплеснулась под давлением струя прозрачной жидкости — прямо нам в глаза. Я с трудом увернулась, прикрыв глаза твоей липкой от крови рукой — очень удачно, потому что жидкость оказалась какой-то безумной кислотой. Я услышала, как шипит, распадаясь, ткань плаща, а потом зашипела твоя плоть. От руки отваливались куски — сначала куски ткани, а потом и куски кожи. Я сделала пару шагов назад и прокусила дыру в твоем языке, но наши болевые рецепторы и без того сошли с ума.

Не буду говорить, что это не было трындец как больно, потому что было, но когда я стряхнула с руки большую часть омерзительной слюны, кожа наросла обратно у меня на глазах.

Ну и фокусы, Нонагесимус, мать твою.

Я отбила чудовищный удар жалом, с которого капало столько прозрачной жидкости, что хватило бы растворить нас до самого сердца. Чужой рукой воткнула чужой меч в распяленную пасть. Пнула жало твоим ботинком — с тем же успехом я могла бы шарахнуть по стене метелкой из перьев, увернулась от очередной струи кислоты, а потом развернулась и, прости уж, побежала спасать твою никчемную жизнь.

Я влетела в ближайшую комнату. Спальню. Я вроде как знала, где тут что находится, но никогда раньше не смотрела твоими глазами. Жизнь внутри тебя — если я начну, то никогда не остановлюсь, так что лучше сразу к делу — походила на жизнь в колодце. Каждый раз, когда я выныривала на поверхность, меня затягивало обратно в глубину. Я не жалуюсь, просто хочу объяснить. Но я все равно сумела прорваться через твою прихожую и остатки баррикады из праха, возвести которую у тебя хватило ума. Я бежала к тому, что ты оставила лежать на полу. Толстые белые

ножны треснули и распались на куски.

Тварь бросилась за мной, мерзко придушенно блея, плюнула в нас ядовитой слюной. Я рухнула на пол, отбросила рапиру и схватилась за свой двуручник, который, кстати, был в жутком состоянии. Я столько всего должна была сказать тебе. Я просто не успела. Я не знала. Я не знала, что надо говорить: меч сам не держит заточку, ты, дерьмо Девятое. Я не знала, что надо говорить: если ты окунешь меч в расплавленную кость, она разъест металл, дрянь ты некромантическая.

На самом деле вот что я должна была сказать: ты распилила себе череп, чтобы не быть никому обязанной. Превратила свой мозг в суп, чтобы не поступиться ни одной крошкой свободы. Сунула меня в ящик и похоронила, лишь бы не менять свои чертовы планы. Харрохак, я отдала тебе жизнь, а ты не захотела ее взять.

На самом деле хрен с этим всем. Я должна была сказать вот что:

НАЧНИ С ПРИСЕДАНИЙ, НУ ИЛИ ХОТЬ С ПРЫЖКОВ, ЭТО НЕСЛОЖНО!

Я стояла, сжав меч в твоих руках. Рукоять жгла кожу, но не сильно. На мягких ладонях некромантки наросла пара мозолей, и я тобой гордилась.

Когда я встретила первый удар истекающего ядом жала, наши пределы стали очевидны: первый удар разорвал твои разгибатели в клочья, отдался в предплечьях, в слабых плечах, как будто крошечная группа захвата вломилась в твои сухожилия и взорвала их на хрен. Боль накатывала волнами. Но какой-то древний двигатель ожил во мне, хотя никогда не ожил бы в тебе. Наверное, это потому, что я — хорошая девочка, а ты — злобная черная монашка. Нас тряхнуло почти одновременно, растянутые мышцы стали как новые, бесчисленные крошечные разрывы срослись. Первый мой удар с размаху пришелся по жалу, мерзкая тварь отпрянула, а потом разорвала нам щеку — я не успела увернуться. Но я думала только о горячей рукояти в наших руках и о замахе. И о движении широкого клинка, которым я аккуратно перерезала гадкую талию насекомого.

Тварь развалилась пополам. Смерть ужасно искорежила его: похожие на человеческие конечности скрючились, плоть рассохлась и сморщилась, вонючие кишки вылезли изо рта. В жаркой тяжелой темноте невыносимо завоняло смертью. Плечи у тебя дрожали, хотя я даже прислонилась к кровати.

Только тогда я увидела нас в зеркале у шкафа. Увидела себя в тебе — молчу, молчу — и только тогда поняла, что ты сделала. Твое лицо превратилось в стремную смесь наших с тобой черт: твой заостренный подбородок, твои упрямые темные брови… в принципе, это было твое лицо, менее измученное, чем в последний раз, когда я его видела, но гораздо более усталое, чем я могла себе представить. У глаз пролегли маленькие неровные морщинки, и в уголках рта тоже виднелись следы огромного мучительного горя. Ты можешь забыть о чем угодно, отказаться от чего угодно, но ты навсегда останешься вот такой вот грустной.

Краска на лице смазалась от пота, от крови, и еще там, где я ее случайно стерла. Волосы очень сильно отросли и спадали до самой шеи, которая от них сильно чесалась. Да, прежняя Харрохак Нонагесимус, угловатая, свирепая, жуткая. И совсем другая.

Главная причина была в том, что с твоего лица смотрели мои глаза. Форма осталась твоей, но мои янтарно-золотые радужки на твоем лице казались такими же чуждыми, как мой меч в твоих тонких дрожащих руках. И выражение лица изменилось. Мое «какого хрена?» очень

отличается от твоего «какого хрена?», знаешь ли. Ощущение было такое, как будто я смотрела на твою пустую оболочку, расхаживающую по комнате. Как те бессмысленные куклы, которых ты сотворила из Пеллеамены и Приамхака. Хотя нет, так было бы проще. Потому что это было твое тело — но в нем была я. Блин, да как тут обойтись без двусмысленностей.

— Вернись, — хрипло сказала я. — Вернись немедленно, или я заставлю тебя говорить самую жуткую хрень, какую только смогу придумать. Всякие грубые гадости. По моим меркам!

Ответа не было.

— О-о-о-о, Паламед, я такая глупая по сравнению с тобой. Сунь язык мне в рот, и я его оближу.

Ничего.

— Кости — это херь какая-то.

Кажется, ты умерла.

— О-о-о-о, Гидеон, я была такой дурой, когда думала, что могу встречаться с замороженным куском мяса. Покажи мне, как делать отжимания. Кстати, ты мне очень нрави… блин, это грустно. Фигня какая-то.

Я уже выходила из себя. Наверное, ты тоже.

— Вернись. Меня достало. Съешь меня, и мы станем нормальным ликтором. Я не за этим па-

дала на железку, Нонагесимус!

Звук. Движение. Скрежет и визг рядом с дверью.

И еще.

Я забыла, что их будет больше. Твоя память ко мне не перешла, а даже если бы она мне открылась, это было бы все равно что смотреть пьесу с завязанными глазами. Если мне нужно было что-то узнать, мне бы пришлось очень долго копаться в мусоре у тебя в голове. И я забыла, потому что я — идиотка. В комнате было так жарко, а мои внутренности — твои внутренности — совсем замерзли. Я сбросила дурацкий белый плащ, тупой до предела. Он выглядел так, будто Сайлас Октакисерон упал в блестки. Я попыталась вернуть тебя силой надежды и силой желания.

Дохлый номер. Я вскинула меч на плечо. Твои руки задрожали.

— Ладно, детка, давай, когда ты будешь готова. И не бойся, я тут за всем присмотрю.

И Вестники вломились внутрь.

45

Сколько-то времени до убийства императора

В комнатах дома Ханаанского стало тихо и темно от падающего снега: алого от свежей крови, бурого или черного от старой. Повсюду пульсировали розовые гибкие трубки и лимфатические узлы: они собирались по углам, обвивали колонны, свисали с дверей. Снаружи огромные сетки органелл обвили башню, как паутина ядовитого паука. Они крошили камень, врывались в окна, и то и дело начинали дрожать и выплескивать потоки кровавой мыльной жижи.

Это все было ужасно, но Харрохак больше интересовал странный мусор, разбросанный по снегу, по гниющей мебели, в ямах под полом. Пипетки, битые стеклянные контейнеры с темной жидкостью, мерзкие комки внутри их, обломки скелетов, валяющиеся в скользкой массе трубок или на горах чего-то, похожего на таблетки. Сначала ее мозг не обращал на скелеты внимания: она находилась в доме Ханаанском, следовательно, здесь были скелеты, но потом вдруг накатило понимание: некоторые скелеты не носили набед-

ренных повязок Первого дома, зато рядом с ними лежали дрербурские инструменты.

— Иди давай, — сказал Магнус Куинн с дружелюбной непреклонностью отца, загоняющего ребенка в ванную. — Нет времени любоваться пейзажем.

Она догнала его и спросила:

— А где помещение?

— Близко, — ответила Абигейл. — Остальные будут уже там, если все пошло по плану. Давай руку, потому что мы выходим на улицу.

Холод ударил, как пощечина. Снег валил сплошной простыней, мешал видеть, раздражал кожу. Пахло от него так, что всех тошнило. Пятые провели ее по веревке, прикрепленной к террасе — плотный туман не скрывал ни рева волн внизу, ни того факта, что большая часть террасы обвалилась. Потом они спустились в коридор, настолько забитый пульсирующими розовыми трубками, что Харрохак задевала их на ходу, а потом спустились по лестнице.

Место было знакомое. Темный, душный вестибюль. Плохо работающие, дико жужжащие лампы под потолком. У подножия лестницы, за стеклянными дверями, виднелась комната, где когда-то располагался бассейн. Теперь в мутной

кровавой воде плавали какие-то темные гроздья. Вода из Реки. Абигейл подошла к гобелену, покрывавшему одну из стен, и откинула его в сторону, открывая узкий проход в прекрасно известный Харрохак зал.

— Нет, — сказала она.

— Там не заперто, — заметил Магнус. — И там чисто, никакой слизи, никаких кровавых дождей.

Харроу скрутил очередной приступ узнавания и воспоминаний. Абигейл подошла к огромной ликторской двери с массивными колоннами по бокам, с рельефами, изображающими рогатых зверей, с косяком из черного камня и резного мрамора и резко постучала в нее. Через мгновение изнутри кто-то поскребся в ответ. Это была не просто запертая древняя комната: она принадлежала человеку. А вот какому…

Дверь открылась. Электрические огни осветили старую лабораторию: ряды столов с изъеденными столешницами, книги и старинные папки на кольцах, сдвинутые в дальний угол, костяная инкрустация на стенах, постер с изображением шестирукого конструкта с массивным корпусом и плоской головой, былого властелина камеры Отклика. Настоящая Септимус была здесь, скло-

нилась над стопкой листков и перебирала их, будто что-то искала. Рядом стояли сдвинутые стулья, кожаный диван и длинный стол, на котором лейтенант Диас раскладывала древнее заржавевшее оружие. И была маленькая лестница наверх, на антресоли, где стояли книжный шкаф, кресло и две кровати. В кресле сидел Ортус Нигенад, ее первый… второй?

Рыцарь.

Рыцарь Септимус открыл дверь. Харрохак поразил вид Протесилая Эбдомы, которого она никогда не видела живым. Тот, кто видел его живым, никогда бы не спутал его с шаркающим зомби. Цитера, будучи ликтором, могла справиться с задачей гораздо лучше, просто она не старалась. Харрохак с самого начала подумала, что эго у этой дамочки явно распухло, но она так и не убедила Гидеон увидеть что-то кроме красивых глаз и приятно обтягивающих платьев. Протесилай низко поклонился и сказал глубоким звучным голосом:

— Учитель отказался присоединиться к нам.

— Боже, он так и ищет смерти?

— Не могу знать. Леди Пент.

Просторное помещение казалось убранным и более… обжитым, чем в тот день, когда они с Ги-

деон впервые открыли эти двери и потревожили тайны лаборатории.

— Мне нужно было где-то спрятать детей, когда это началось, — сказала Пент.

— Кого?

— Ты призвала Жанмари и Исаака вместе с остальными, — спокойно пояснила Абигейл. — Первым делом я выяснила, как вернуть их в Реку. Они не хотели уходить, но я их переубедила. Я бы сделала то же самое и со всеми остальными. Если бы Сайлас меня попросил… меня очень смущает то, что случилось с его душой.

Это заставило Харроу сосредоточиться:

— Ты знаешь, как отсюда уйти?

— Да.

— И почему не уходишь?

— Все, кто остались, сами выбрали остаться и рискнуть своей жизнью… или, точнее, душой.

— В чем состоит риск? Духу можно причинить вред?

— Духа можно поймать в ловушку. Запереть, как заперты все духи в Реке. Харроу, я понимаю, что это звучит довольно сложно, так что я постараюсь объяснить. Река полна безумцев, которые пытаются пересечь…

Магнус осторожно, как принято в Пятом доме,

кашлянул и сказал:

— Которые ждут прикосновения господа нашего в день второго Воскрешения.

— Которые пытаются перебраться через Реку, любовь моя, — терпеливо продолжила его жена. — Которые хотят узнать, что лежит за ней, толкаются в огромной бесконечной толпе, безумные, лишенные цели, или, еще того хуже, те, кто оказался на дне. Я почти ничего об этом не знаю, но боюсь всего, что мне известно. Жанмари и Исаак, которые пережили столь многое и никогда не поступали неправильно, не считая того раза, когда они попытались проткнуть друг другу языки, должны без труда пройти через эти воды. Харрохак не следует останавливать их продвижение… нет, дорогой, не затыкай меня. Она знает кое-что о ереси.

Строго говоря, это была ужасная клевета на Запертую гробницу, на ту, что лежала в ней и на всю историю Девятого дома. Будь Харроу моложе и значительно глупее, ее бы это задело. Но сейчас ей было плевать, она думала о другом. Она внимательно посмотрела на карие глаза, гладко причесанные волосы и мягкие перчатки своей собеседницы:

— Уже много тысяч лет никто не верит в то,

что за Рекой.

— Но я верю тверже, чем когда-либо. Теперь, когда я умерла, — Абигейл улыбнулась.

— Но бог…

— Я совершенно уверена, что Милосердный император не знает об этой стране, из которой никто не возвращался. Он никогда не утверждал, что всемогущ. Всю жизнь я мечтала поделиться с ним своими находками, — задумчиво добавила она. — Мне кажется, что есть целая школа некромантии, к которой мы не можем приобщиться, пока не признаем ее существование. Что долгие века, пока мы игнорировали саму идею существования чего-то за Рекой, многого лишили магию духа, и я верю, что Пятый дом впадает в ничтожество из-за того, что мы так самодовольны… я так надеюсь, что брат нашел мои записи! В Реке происходит что-то ужасное, Харроу, и я хочу, чтобы ты выяснила, в чем дело.

Лейтенант Диас, не отрываясь от очередного пистолета, сказала:

— Давайте сначала займемся тем ужасным, что происходит здесь.

— Да, ты права. Марта, ты ведь не считаешь меня еретичкой? — почти умоляюще спросила Абигейл.

— Нет. Второй дом мало значения придает Реке. Иначе нам пришлось бы заполнять слишком много анкет. Куинн, покажи, где ты нашел эти пули.

Харрохак поняла, что старается не смотреть на лестницу и кресло. Поняла, что трусит, и посмотрела прямо туда. Ортус довольно спокойно встретил ее взгляд. Он сидел в кресле, откинув капюшон, держа в руках книгу. На ней лежал листок, на котором Ортус что-то писал. Она поднялась по лестнице, как трепещущий жених. Там ждал человек, который знал ее дольше всех.

— Давно ты знаешь? — спросила она. — С самого начала?

— Нет, — ответил он. — Я не все понимал, пока не поговорил с леди Пент и сэром Магнусом около недели назад. Иногда я что-то вспоминал, а потом через секунду все забывал. Иногда я что-то знал, а иногда — нет. Довольно бессмысленно звучит, я знаю, — скромно добавил он.

— Ортус, не надо передо мной лебезить. Моя семья убила тебя.

— Нет. Меня убил маршал Крукс, меня и мою мать. — Он опустил взгляд почти черных глаз на свой листок и что-то записал. — Я понял это, когда мы обнаружили бомбу. Пилот нашел ее на

полпути, остановил шаттл, чтобы мы могли на нее взглянуть. Мать плакала и рыдала, пока мы пытались обезвредить ее, но, разумеется, экспертов-саперов среди нас не оказалось.

У нее сжалось сердце.

— Я принимаю на себя полную ответственность за это.

— Не стоит, — сказал Ортус.

— Я велела ему посадить вас на корабль. Я пыталась…

— Это не имеет никакого значения, — ответил он, взял свой листок и положил в карман. — Если вы и виновны, то лишь в том, что дали маршалу возможность убить меня. Маршал Крукс был не слишком хорошим человеком, и все же, вероятно, он сделал то, что считал нужным. Возможно, если бы я решил остаться и исполнить свой долг, помочь Преподобной дочери в любых делах, я бы остался жить. Но я трус и позволил матери переубедить себя. Моя мать была очень сильной… я слышал, что ее дух пережил смерть. Я был слаб. Я всегда был очень слаб, госпожа моя Харрохак.

— Не зови меня так, — жестко сказала она.

— Прошу прощения, Преподобная дочь.

— Не зови меня своей госпожой. Ты ничего мне не должен. Ты не должен хранить мне вер-

ность и исполнять мои приказы. Хотя то, как я обращалась с Гидеон Нав, вообще не поддается описанию, с тобой я вела себя так, что я больше не могу требовать от тебя верности. Ты не должен здесь оставаться, Нигенад. Попроси Пент провести тебя через барьер и иди в Реку, — как будто в Реке было лучше. Она добавила: — Там ты будешь в относительной безопасности.

Ортус положил ручку на подлокотник потертого кресла. Неуклюже завозился — Ортуса всегда было слишком много, и он был неудобен сам себе. Он не знал, что делать с собственными пальцами, не знал, как устроиться в кресле, или признать, что он в принципе занимает место.

— Как умерла Гидеон? — спросил он.

Она закрыла глаза и уплыла в нереальную зыбкую черноту, покачнулась, утратила равновесие. Прошло столько месяцев, но она потеряла Гидеон Нав всего три дня назад. Это было утро третьего во вселенной дня без ее рыцаря, утро третьего дня, и мозг ее твердил раз за разом, мучительно осознавая: она мертва. Я больше ее не увижу.

— Убийство, — ответила она.

— Я думал…

— Ликтор прижала нас спиной к стене. Я была совершенно истощена. Наша спутница, Камилла

Гект, получила многочисленные ранения.

Ее бессознательная неприязнь к Камилле Гект стала очередным ударом по чувству собственного достоинства. На самом деле ей следовало многократно отблагодарить эту девушку за все разы, когда она спасала Гидеон.

— У Нав были сломаны колено и плечо. Она пронзила себе сердце обломком перил, потому что считала, что тогда я использую ее и стану ликтором. Я плюну в лицо каждому, кто сочтет это самоубийством, она оказалась в безвыходной ситуации и умерла, пытаясь из нее выпутаться. Она была убита, но использовала свое убийство, чтобы дать мне выжить.

Лицо его было печальным, но эта грусть казалась задумчивой и легкой, она отличалась от той тяжеловесной печали, которую он напяливал вместе со священной краской.

— Что лучше? — вопросил он. — Позорная смерть от чужих рук или героическая от своей собственной? Как описать это? В первом случае, если ее убил бы враг, я ощутил бы ненависть к врагу. Во втором… если бы она сама приняла уродливую смерть, кого мне пришлось бы ненавидеть? Кого может осудить поэт? Вечная проблема.

— Ортус, это не стихи, — сказала она.

— Думаю, вы должны ее ненавидеть, — продолжил он, и она подумала, что понимает его мысль, но тут он продолжил: — Не стоит. Если я что и знаю о юной Гидеон… если я хоть что-то могу понять в ее душе… она все делала осознанно.

До этого момента Харрохак почти ничто не способно было смутить. Ее застали голой на глазах у незнакомца. Ее поцеловала пьяная Ианта из Первого дома. Она призналась богу в своем чудовищном прегрешении и получила мягкие уверения в том, что она ошибается. Ее переиграл Паламед Секстус, победила Цитера из Первого дома, уничтожила Гидеон Нав.

Ничто из этого так не унижало ее и не душило, как ее дикий, неконтролируемый детский крик, из-за которого все в комнате обернулись к ней.

— Она умерла, потому что я это допустила! Ты не понимаешь!

Ортус уронил книгу. Встал. Обнял ее. Мертвый рыцарь держал ее несильно, но твердо, погладил по волосам, как брат, и сказал:

— Прости меня, Харрохак. Прости за все. За то, что они сделали. За то, что я не стал для тебя рыцарем. Я был намного старше, я был слишком эгоистичен, чтобы принимать на себя ответ-

ственность, и слишком испуган самой идеей о встрече с трудностями и болью. Я был слаб, потому что слабым быть легко, а давать отпор трудно. Я должен был понимать, что никого не осталось… разглядеть жестокость в том, как обращались с тобой Крукс и Агламена. Я знал, что случилось с моим отцом, и давно подозревал, что случилось с Преподобными матерью и отцом. Я знал, что ясельный грипп каким-то образом меня миновал, что моя мать сошла с ума, узнав правду. Я должен был предложить помощь. Я должен был умереть за тебя. Гидеон должна была остаться в живых. Я был и остаюсь взрослым мужчиной, а вы просто никому не нужные девочки.

Она должна была возненавидеть его всеми силами своей души. Она была Харрохак Нонагесимус, Преподобной дочерью. Она была выше жалости, выше нежности одного из своих прихожан, который посмел назвать ее никому не нужной девочкой. Проблема состояла в том, что она никогда не была ребенком. Они с Гидеон стали взрослыми слишком рано, и каждая видела, как прахом рассыпалось детство другой. Но одновременно она мечтала слышать эти слова — от Ортуса, да хоть бы и от бога. Он был там. Он видел.

Харрохак услышала собственный голос:

— Все, что я сделала, я сделала на благо Девятого дома. Все, что сделала Гидеон, она сделала на благо Девятого дома.

— В семь лет у вас обеих было больше упорства, чем у меня за всю мою жизнь, — сказал Ортус. — Вы достойнейшие из Девятого дома. Я верю в это. И именно поэтому я остаюсь. Я не герой, Харроу. Я никогда им не был. Но теперь я уже умер и не смогу стать героем при жизни. Может быть, получится стать им после смерти. Я буду сражаться со Спящим вместе с тобой.

Она не понимала, что делать с его прикосновениями. С одной стороны, она вздрагивала от отвращения, а с другой — они будто оживили какой-то примитивный детский механизм внутри ее. Объятия послужили зеркалом: как будто кто-то позволил ей увидеть себя, а не гадать, как выглядит ее лицо. Его прикосновения не походили на прикосновения отца или матери. Когда она впервые села у гробницы, дрожа от ужаса, ей померещилось, что ледяные пальцы Тела на мгновение коснулись ее. Гидеон и в самом деле ее касалась, Гидеон бросилась к ней в соленой воде с тем же напряженным и откровенным выражением лица, которое возникало у нее перед

боем. Губы ее тогда побелели от холода. В тот раз Харроу приняла ее, но все равно получила другой смертельный удар. И во второй раз стала собой.

Она оторвалась от Ортуса менее неохотно, чем ожидала.

— Спускайся, — сказал Ортус, — послушай план. Я помогал его разрабатывать. Он не очень сложный, но другого у нас нет.

— Хорошо.

Харроу наклонилась подобрать уроненную книгу — она раскрылась на форзаце. Надпись была все еще читаема, хотя узкие, тесно стоящие буквы сильно выцвели.

ОДНА ПЛОТЬ, ОДИН КОНЕЦ
Г и П

Они с Гидеон изучили содержимое ящиков. Сигаретный пепел. Пуговицы. Забытые зубные щетки. Древняя эмблема Второго дома. Точильные бруски. Пистолеты. Теперь она знала, что означает буква «П». Пирра Две.

А как же Г? Что, если кое-кто искорежил свою височную кость и организовал давление на мозг, чтобы заменить какое-то слово каким-то другим? Дело было в имени, но в результате их оказалось два. Мерси, Августин и бог наверняка считали ее

сумасшедшей. А сам святой долга…

— Его зовут не Ортус, — недоуменно сказала она.

Ортус посмотрел на нее так же недоуменно и беспомощно.

— Прости?

— Я думала, тебя назвали в честь его, но это не так.

Выводы один за другим разворачивались перед ней, будто кто-то разделывал зуб, великолепный и омерзительный сгусток нервов и эмали.

— Мой механизм сработал слишком хорошо. Он не учел контекста. Имя Ортус не соответствует ликторской традиции. А что, если ее имя — соответствует? Если мы случайно назвали ее в его честь?

Но что это могло значить? Мерсиморн говорила, что их имена забыты и считаются священными, если не считать Анастасии, которая так и не приняла ликторства. Почему имя некросвятого могло всплыть таким образом?

Открытая страница опустилась ей на руку. На второй странице, гораздо более чистой, Харроу прочла:

ЕДИНСТВЕННОЕ, ЧЕМУ НАША ЦИВИЛИЗАЦИЯ МОЖЕТ НАУЧИТЬСЯ ОТ ВАС, ТАК ЭТО ТОМУ, ЧТО

КОГДА НАС ЗАГОНЯЮТ В УГОЛ, ВОКРУГ РУШАТСЯ БАШНИ И МЫ ВИДИМ, КАК ГОРЯТ НАШИ ТЕЛА, МЫ РЕДКО СТАНОВИМСЯ ГЕРОЯМИ.

Она открыла рот, чтобы задать вопрос мертвому второму рыцарю о мертвом первом рыцаре — схема, которая перестала казаться трагедией и стала скорее небрежностью, но Абигейл сказала снизу:

— Харрохак? Ортус? Если вы готовы, пора выдвигаться. Дульси нашла хорошие сальные свечи. Надежды на кровь никакой нет, но «огня и слова» для детей оказалось достаточно.

У адептки и рыцаря Пятого дома были довольные, почти счастливые лица людей, которые собираются заняться любимым делом, например пойти в поход или поиграть в шахматы. Рыцарь Второго дома закинула за плечо две винтовки и смотрела с напряженным видом солдата Когорты, которого ждет наименее любимое дело. Сердце костяного мага почувствовало ответ до того, как прозвучал вопрос, но Харроу все равно его задала:

— Каков твой план, Пент?

— Ну, предоставим духам хоронить духов. С вашей помощью я собираюсь изгнать Спящего.

46

Ночь накануне убийства императора

Слушай, я решила очень бережно относиться к твоему телу. Я понимала, что расхаживаю в одежде с чужого плеча, и совершенно не хотела ее мять, рвать или еще как-то портить. Все моральное превосходство, которое я обрела, упав на железный шип, сразу же куда-нибудь делось бы, если бы ты вернулась к одной руке, половине ступни и истерзанной заднице.

Но реальность оказалась такова: мне понадобилось пять чудовищных пчел, чтобы разобраться с твоим захватом, с крепостью спины, силой твоих рук, мышцами бедра и ростом. Честно говоря, мне пришлось иметь дело с полным отсутствием таковых. Даже если ты когда-то напрягала мышцы, ты весила в два раза меньше меня. Меня швыряли во все стороны, как один из твоих скелетов, и в этой жаркой шумной вонючей спальне я успела умереть трижды.

Навалиться всем сразу им мешал только недостаток пространства: они двигались единым слаженным жужжащим фронтом. Для победы им

достаточно было окружить нас, и они это знали. Я отыграла немного пространства и встала в стойку, держа двуручник низко у бедра: мне надо было защищать тебя любой ценой. Широкими размашистыми ударами загнала троих из них в угол, а потом перестаралась, потому что вес меча тянул твою руку за собой. Одна из смертельных пчел протанцевала направо и всадила толстое жало прямо мне в бок.

Оно вошло до основания, где было в ладонь толщиной. Кислота полилась на твои внутренности. Я отбросила тварь в сторону, и жало обломалось, оставшись в твоем теле. Этого я не хотела. Тварь упала, я шаталась и почти вслепую махала мечом. Жало с хлюпаньем вывалилось. Меч приходилось держать в одной руке, потому что второй я зажимала рану, из которой лезло всякое. Харроу, я не знаю, что за хрень это была, я же не некромантка. Ну, пусть тонкий кишечник. В общем, что-то, что явно должно было мирно валяться у тебя в животе, но вместо этого старалось сбежать. Наверное, мы должны были рухнуть и умереть, грустно сказав: «Ой».

Мы не умерли. Когда я надавила, скользкие петли кишок втянулись внутрь, и мне пришлось убрать пальцы, чтобы на них не наросла кожа. Я

повела нас к входу в ванную, чтобы уменьшить поле боя. Расколола череп твари, бросившейся ко мне, и перерубила стебельки черных глаз. Они все были разные! У всех — разные черепа, у кого-то челюсть пилой, а у другого — полный рот ядовитых жал, которыми он плевался во все стороны. Через некоторое время я перестала даже выдергивать их из рук. Мы стояли. Это было важнее всего.

Я как раз ослепила одного, но тут двуручник застрял в челюстях. У тебя не хватало сил, чтобы его вытащить. В дверях уже толпились новые твари. Я ругалась и дергала, но мерзкая пасть зажала его по самую гарду. Я не успела убрать руку, а на тебе не было перчаток. Тварь откусила тебе палец.

Да, да, извини. Это не мой палец, и не мне решать, кто будет его откусывать. Я признаю, что это полностью моя вина, но эти суки, похоже, питаются пальцами. И что? Я кричала, пыталась вырвать свой гребаный меч и видела, как оно жрет твой палец. Детали очень важны, следи внимательно. И за полминуты палец отрос обратно! Я видела, как он растет. Из кровоточащего обрубка выстрелила кость, через мгновение на нее наросло мясо, а потом все затянулось свежей кожей, и даже ноготь появился. Я схватилась за

рукоять меча — палец слушался так, будто его вовсе не откусывала кровожадная оса.

Так что я встала в дверях и начала действовать. Лучше всего было целиться в стык между грудью и животом, потому что пластины, покрывавшие тела, были жесткими, как сталь. Твари, поросшие кучей рук, пытались кидаться на нас тараном, но я пилила их пополам. У других было четыре ноги, они прыгали, и в прыжке я срезала им ноги. Ту, что откусила палец, пришлось убить, расколотив череп рукоятью меча. Колотить пришлось долго, пока она не затихла.

Решив, что я избавилась от волны, загоняющей нас в ванную, я вышла из дверей, и мы тут же умерли в третий раз. Один из монстров притаился и теперь бросился на меня, пытаясь вогнать жало тебе прямо в мозг, но я почти увернулась, так что он просто разбил тебе голову об стену.

Харроу, я сама слышала. Он расколол твой пустой череп. Я страшно испугалась. Повторялась та хрень, через которую я проходила один раз, зная, что все скоро закончится. Детка, эта гребаная пчела тебя убила. Черепа не издают таких звуков. Звук, с которым он срастался, оказался еще противнее, как будто кто-то вдувал содержимое обратно в яйцо, но поскольку этот треск спас твой

единственный череп, он показался мне музыкой. Я разрезала эту пчелу пополам, и оказалась вся в вонючих кишках и зеленой крови. И ковер тоже.

В конце концов мы оказались посреди моря мертвых пчел, а ты была в удивительно хорошем состоянии. У тебя даже руки больше не болели. Ты утратила один из оригинальных пальцев, а я успела потрогать твои внутренности, что обычно случается не раньше четвертого свидания, но ты была жива.

* * *

Было очевидно, что станция кишит этими тварями. Ты пропала, и я не знала, куда ты, мать твою, делась. У нас оставалось два осмысленных варианта: остаться на месте и сражаться или идти и сражаться. Ос меньше не становилось. А еще все время делалось жарче, особенно в маленькой комнате, заваленной дымящимися мертвыми телами.

У тебя не было перчаток. У тебя не было брони. Когда я сняла твой плащ — ну, блевотное тряпье, которое от него осталось, то обнаружила, что ты по неизвестной причине таскаешь на себе целую кучу костей. На тот случай, если от них была какая-то польза, извини — мне пришлось

их снять. Какой бы некромантской хренью ты ни закрепила их, эта хрень не сработала, и эти кости сильно мешали разгибать руки.

Так что я закрыла глаза, сунула руки тебе под рубашку, сняла все кости, завязала волосы на затылке, взяла твою рапиру и ушла. Я не смотрела и почти не трогала тебя. Не бесись.

К этому моменту по коридорам разносились уже новые звуки. Уж стук клинков о кость я всегда узнаю. Громко шелестели и жужжали ворвавшиеся на станцию Вестники, раздавались их блеяние и скрип, но я совершенно точно слышала такой знакомый звон и свист клинков. Над головой заорала сирена. Я не побежала, но довольно быстро пошла по коридору и скоро услышала еще один звук: кто-то кричал.

На развилке я обнаружила источник звука. Мертвые Вестники лежали неровным полукругом вокруг последнего своего живого собрата, а с ним сражалась — и одновременно орала как резаная — баба с самым кислым на свете лицом. Ликтор, которую ты звала Мерсиморн.

Она визжала и выла от страха, дергалась, как пьяная, постоянно била не в ту сторону, как будто ничего не видела. Я подошла ближе, не зная, что делать, не зная, как ей помочь. Несмотря на

крики, она справлялась сама, рапира сновала стальной иглой, уворачиваясь от челюстей твари. В какой-то момент она вошла в глазницу, и оттуда брызнула черная слизь. Левая рука ликтора была плотно обмотана сверкающей сеткой. Она пропустила удар — всего лишь крылом, — а потом бросилась на Вестника и положила голую левую руку ему на череп. И Вестник просто взорвался.

Череп рассыпался в пыль, грудь лопнула, как воздушный шарик, внутренности почти аккуратно вывалились на пол. Тварь рухнула, и стало тихо. Ликтор перестала вопить. По лицу у нее текли тонкие струйки крови, и я подумала, что она ранена, но потом осознала, что они вытекают из глаз, как слезы. Она стояла, опустив плечи, прижимала руку к лицу. Рыжеватые волосы выбились у нее из косы. Она казалась невредимой, но явно очень жалела себя.

А потом она посмотрела прямо на нас — я не успела спрятаться за углом.

Ликтор по имени Мерсиморн смотрела тебе в лицо. Я никогда не видела человека, настолько пораженного ужасом. Это был не просто страх, это была жуткая, горькая паника, хаос грустного кошмара. Это был взгляд человека, истинную любовь которого кинули в мясорубку у него на глазах и

быстренько превратили в связку сосисок.

— Ты пришла за мной, Первая, — отрывисто сказала она. — Пришла… когда наступил конец.

Она чего-то явно ждала. Я не представляла, что сказать. Тобой я притвориться никак не могла, я слишком хорошо тебя узнала. Вот так мы стояли и тупо молчали, и ее страх начал уходить. Она прищурилась, поджала губы, дрожащие от невероятного ужаса.

— Нет, — сказала она, — нет.

Она была такая старая, Харроу. Я не знаю, как ты вообще общалась с этими невероятно старыми уродами. Она была такая же старая, как Цитера, и глаза у нее были отвратительные. У меня мурашки по коже побежали от одного ее взгляда. Она смотрела на нас так, будто видела меня насквозь и разглядывала какую-то немыслимую дрянь внутри меня.

— Ты не пришла, — решила ликтор, — ты не она. Эта тварь уже бросилась бы на меня. Она не умела вести себя по-человечески. Но ты стоишь, как человек, дышишь, как человек. Ты человек, — говорила она с возрастающим отвращением. — Я не понимаю! Харрохак уже должны были съесть к этому моменту! Она не умирает уже несколько часов, а Вестники повсюду.

— Госпожа, — сказала я, — ты хочешь сказать, что это ты ударила мою некромантку в спину?

— Да, и ей стоит поблагодарить меня за это! — Ликтор немедленно переключилась на новую тему: — Это было совершенно не ужасно. Я лишила ее чувствительности — из неуместной симпатии к ней — выставила ее в коридор, чтобы ее сожрали побыстрее. Как только ее начали бы есть живьем, она бы сошла с ума и уже ничего бы не чувствовала! А ты душа… душа рыцаря, которую она сунула на задворки своего мозга. Что с твоими глазами?

— У меня есть вопрос поинтереснее. — Я взвесила меч в руках. — Ты же знаешь, что мы с Харроу уже убили одного ликтора? Что у нас есть опыт?

— Ой, заткнись, рыцарь Харроу, — истерически взвизгнула она, — я пытаюсь думать. Ты не она. Она тобой не управляет. Но у тебя ее глаза. Почему? Когда мне показали твой труп, я не сообразила проверить глаза. Глупо, Мерси. Твое упущение. Я думала, что знаю, что ты такое, хотя и не хотела в это верить…

— Что ты вообще несешь?

— Я говорю о провале операции Девятого дома.

Она наклонила голову набок, так что потные от раскаленного воздуха волосы цвета желтой розы

упали ей на лицо. Сказала почти спокойно:

— Я думала, что командор просто была плохой девочкой. Трудоголиком. Ставила дела выше семьи. Она была из тех… нет, на совпадение не похоже. Дай-ка подумать. Дай-ка подумать. Я делала ей кукол, они были идеальны, а потом она сваляла дурака с… с выбросом! — вдруг выкрикнула она. — Конечно, это ее убило! Высокомерная дура! Она знала, что Гидеон у нее на хвосте!

Что-то в твоей голове дернулось, когда мы услышали мое имя. Поначалу оно прозвучало как-то странно, глухо, как будто мы были под водой. Потом боль ушла.

Ликтор продолжала. Она щурила стремные красновато-бурые глаза, будто могла плакать.

— А потом Гидеон все испортил. Командор все испортила. Ты все испортила. Это могло закончиться восемнадцать лет назад. А теперь все так сложно. Теперь мне придется тащиться по реке до самого дома и сражаться с жуткими сектантами Анастасии, потому что командор считала себя самой умной. Что вообще Гидеон в ней нашел… красоты он никогда не замечал, а говорить с ней было противно.

Я не представляла, что вообще ответить на этот бессвязный поток херни. Она сварливо сказала:

— Что, язык проглотила? Ты мутант, ошибка, гигантская проблема с телячьими глазами. Дай подумать… почему эти глаза на твоем лице. А вдруг…

И тут ее голос сорвался на громкий дрожащий всхлип. Она принялась бродить вперед и назад, время от времени откидывая голову, как будто готовясь закричать. Волосы странного цвета спадали ей на спину. Она ничего не говорила. Встала в пятне света. Повернулась к нам. Потом она наконец открыла рот, и голос ее звучал тихо и бесстрашно.

— Ясно. Я поняла. Хромолипоид. Рецессивный ген. Ты — доказательство. Он нам соврал. А ты дала мне всю нужную информацию. Мне ничего не придется нарушать. Не придется возвращаться. — Она вздохнула. — Боже милосердный, Цитера ведь с первого взгляда все поняла.

— Что ты вообще несешь? — спросила я. — Что происходит? Какой еще другой Гидеон?

— Ликтор, которого отправили убить твою мать, — пояснила Мерсиморн.

— Но мать Харроу…

— Я говорю не о Харрохак, тупой ты мертвый ребенок, — надменно заявила она. — Я говорю о тебе. Нав… Гидеон Нав… Гидеон! Очень смешно.

Ты — кощунство. Ты — ересь. Ты — неудача, запоздавшая на девятнадцать лет.

Прости, Нонагесимус. Я не знала, что делать. Может быть, мне нужно было развернуться и выбраться оттуда. Забиться в какую-нибудь дыру и ждать, пока ты вернешься. Но я сказала:

— Что ты сказала про мою мать?

— Прошу прощения, я была неправа. Мне не следовало использовать этот термин, — ответила некромантическая святая, расправила плечи и вытерла со щек жидкие кровавые слезы. — Как она, наверное, ненавидела само слово «мать».

Она подняла рапиру, медленно расправила намотанную на запястье сетку, которая упала на пол блестящей шелковистой кучкой. Мерси сказала:

— Теперь я исправлю свои ошибки. Кристабель всегда говорила, что я аккуратная.

Она бросилась вперед, держа рапиру близко к телу и волоча сетку за собой — черт, она двигалась очень быстро, — отбила мой неловкий блок, запоздавший не меньше чем на секунду, и ударила нас прямо в сердце. Очень простой удар, в который была вложена огромная сила. Он прошил грудину и вошел ровно в центр сердца, которое облажалось уже несколько раз, пока

было на моем попечении. Действовала она с хирургической точностью, рапира ее представляла собой тонкую иглу. Если бы кто-то вскрыл нам грудную клетку, то наверняка увидел бы, что клинок прошел прямо сквозь аорту. Мерсиморн вытащила рапиру с той же легкостью и отступила на шаг. С клинка капала кровь.

Это была ошибка.

Твое сердце срослось вокруг рапиры, когда она воткнулась в тело. Твое сердце срослось, как только рапира из него вышла. Крошечный прокол в грудине исчез мгновенно, с той же скоростью, что и появился. Как будто укол рапирой ничем не отличался от прививки в Дрербуре.

Я подняла меч, и ее глаза раскрылись чуть-чуть шире.

— Детка, ты слишком поздно вошла в игру, чтобы научиться этому фокусу.

Я ударила. Она автоматически парировала. Меч сбил ее рапиру в сторону, я отступила на шаг. Мне нужно было пространство. Я пыталась вспомнить все, что ты успела узнать об этой ведьме с безумными глазами, но мне казалось, что мозг стал глиной. Я знала, что нельзя давать ей себя касаться, но не помнила почему. От жары воздух превратился в липкий пар, и красный свет

аварийных ламп мерцал и подрагивал. Из-за этого освещения казалось, что она движется. Но на самом деле она просто стояла на месте, идеально сбалансированная рапира все еще поблескивала твоей кровью, а сетка переливалась в левой руке. Все, что мне оставалось, кружить вокруг нее, подняв меч к груди. В этот раз я собиралась сберечь твое сердце. Даже в собственном теле я бы запаниковала, но я была в твоем, и она знала все, на что я была способна. Ну и какого хрена я буду делать? Отращивать пальцы прямо в нее?

Мелькнула сетка. Эта чертова хреновина походила на тонкую паутинку, но оказалась очень тяжелой. Я думала, что ликтор попытается спутать меня, а не использует сетку как болу. Она обвилась вокруг моей лодыжки и уронила тебя на пол, потому что я все еще не разобралась с твоим весом, вышибла весь воздух у тебя из легких и подтащила нас к ликтору. Одно движение руки — и мы лежим перед ней на животе. Она опустила рапиру острием вниз. Рука на яблоке, рукоять высоко над головой. Один-единственный удар сверху вниз, и клинок войдет между глаз, проломит хрящи и разорвет мозг.

А потом раздался громкий щелчок и еще более громкий грохот — грудь ликтора взорвалась

изнутри. Мерсиморн упала вперед, я еле успела откатить нас в сторону. Мерсиморн стояла на коленях и орала. Не от боли, а точно так же, как в первый раз, когда мы ее услышали. Она вопила от дикого первобытного страха, и ее руки и ноги судорожно дергались. Потом она опустилась в растущую лужу крови на полу.

Я вскочила на ноги, тяжело дыша. В дверях, через которые я вошла, стояла женщина, закинувшая на плечо двустволку. Легкий дымок шел из стволов и поблескивал в красном свете.

Коротенькую белую тунику покрывали пятна крови. Ноги женщины были босы, голова обнажена. Кудряшки цвета бледной карамели пушились во влажном горячем воздухе, лицо казалось белым, глаза — темными и тусклыми, а не переливчато-синего, как радиоактивная вода, цвета. Я бы узнала ее где угодно. Мы убили ее.

— Дульсинея, — выдохнула я как последняя дура. — Цитера.

Мертвый ликтор сделала что-то еще с тяжелым ружьем. Она сломала его пополам, и из другого конца стволов тоже вырвался дымок. Вытащила из патронташа один патрон, вставила в ствол и со щелчком закрыла ружье обратно. Она действовала невероятно быстро, и я не успевала за ней

следить. Мерсиморн все еще тряслась и вопила. Вряд ли она на самом деле умирала, но изо рта у нее шла пена, как у бешеного животного.

Цитера посмотрела на меня мертвыми бесстрастными глазами и очень медленно опустила ствол.

Ну и что я могла сказать? Спасибо? Или «Это типа пятый раунд»? Но мне и не пришлось ничего говорить. Цитера открыла рот. Голос был ее, а могильные жесткие интонации — нет.

— До встречи, — сказала она.

Тело Цитеры развернулось и, подняв ружье, медленно похромало в коридор. Ступала она тяжело, как будто каждый шаг причинял ей боль. Я слишком удивилась, чтобы что-то делать. Я смотрела на худую спину, насильно выступающие острые лопатки, на линию маленьких позвонков.

Прости. Наверное, надо было идти за ней. Ну, я могу представить, что ты бы сказала. Просто все стало сложно еще в доме Ханаанском. Иногда бывает так, что красивая девушка постарше обращает на тебя внимание, потому что ей скучно или что-то такое, и вы начинаете флиртовать, а может, и нет, а потом она вдруг оказывается древней воительницей, которая убила всех твоих

друзей и собирается убить тебя, а потом вы обе умираете, а сто лет спустя она вдруг появляется в закипающей заживо священной космической станции… в общем, говорю же, все сложно. Но вообще такое постоянно случается.

Я сделала единственное, что мне оставалось. Встала, держа в руках меч, пока ликтор бездумно корчилась на полу рядом с нами. Спросила вслух:

— Ну и какого хера тут происходит?

47

Они расставили свечи вокруг саркофага Спящего. Абигейл рисовала мелом огромную диаграмму — это заняло очень много времени, потому что ей приходилось то и дело прятать красные онемевшие пальцы в перчатках или отогревать их в ладонях мужа. Харрохак присела рядом с улыбающейся Дульсинеей Септимус, которой больше не грозила интубация, и нанесла заклинания на вершины каждой свечи, как ей объяснили.

Внизу снега не было. Большие сосульки, похожие на сталактиты, грозили обрушиться на пол. Розовая маслянистая паутина тянулась между ними и похрустывала от мороза. Во всех углах виднелись осколки битого стекла и застывшие лужи ледяной жидкости, в мрачном свете жужжащих ламп они казались зеленовато-серыми. Трубки и лед висели во всех дверных проемах, загораживали входы в коридоры, ведущие из этой девятиугольной комнаты, и заслоняли вывески, которые когда-то сообщали о назначении каждого коридора. Из-под скользкой пульсирующей плоти виднелись только буквы КО, когда-то означавшие «консервация», АРН, часть «траур-

ной», и еле видная тройка. Хрустальный саркофаг в центре комнаты сильно запотел от холода. Лейтенант Диас, женщина, которая, как Харроу неохотно начала признавать, не боялась ни боли, ни смерти, хотя испытала и то и другое, протерла стекло рукавом, но это не помогло. Поэтому они не видели того, что крылось внутри саркофага. Наверное, к лучшему.

С огромной старой доски в металлической раме исчезли выцветшее расписание и бурые пятна. Там появились новые слова. Сначала Харроу даже испугалась:

КОНЕЦ. ВСЕ РУШИТСЯ. КИСЛОРОДА ДО КОНЦА НЕ ХВАТИТ, НЕЛЬЗЯ ПЕРЕНАПРАВИТЬ ЭНЕРГИЮ ИЗ ПРИБОРНОГО ОТСЕКА. ЗАТО Я ЗАСТАВЛЮ ВАС СМОТРЕТЬ НА КАЖДОЕ МГНОВЕНИЕ. У МЕНЯ БУДЕТ ЭТА ПРИВИЛЕГИЯ, А У ВАС НЕТ. СУКИН ТЫ СЫН. НАДЕЮСЬ, ВАМ ОБОИМ ТАК ЖЕ ПЛОХО, КАК И МНЕ.

— Я думала, что это галлюцинации, — сказала она Ортусу, — хотя раньше у меня никогда не было таких галлюцинаций. Проще было поверить, что я опять впадаю в безумие.

— Харроу, — ответил он. — Я пришел к выводу, что ты вовсе не сумасшедшая… хотя, кто может

судить об этом?

Это было бы гораздо хуже. Ей страшно не понравилась мысль, что она сама за все это отвечает. Она коротко спросила:

— А что тогда?

— Разум может выдержать определенное давление, прежде чем на нем останутся вмятины, — задумчиво сказал он. — Странно… прошло много лет после его смерти, но я так часто слышу звук… слышу, как он тронул ручку, как дернул рычаг. Слышу, как отец стоит у дверей моей кельи.

— Ты скучаешь по нему?

Он задумался. В темноте огромного центрального зала подземной лаборатории — места, где он никогда раньше не бывал, места, где осталась огромная часть души Харроу, хотя она заходила под эти металлические своды всего несколько недель, — он выглядел, как древняя статуя, как рыцарь Девятого дома, вырезанный в камне старинной гробницы.

— Иногда я представлял, что он возвращается к жизни, чтобы я мог посмотреть, как он умирает. Становилось легче.

Теперь Харрохак опустилась на колени рядом с призраком некромантки Седьмого дома и старательно царапала заклинания тупым концом

иглы. Все, кроме Харроу, позволили Абигейл нарисовать у себя на ладонях знаки. Харроу не скоро поняла, что это контрзаклинания, которые ей не нужны. Остальные были мертвы. Она пока оставалась живой.

Дульси решила, что Харроу смотрит на нее с любопытством из-за отсутствия трубки, постучала себя по ноздре и весело сказала:

— Мы решили, что она мне больше не нужна. Я почти не испытываю проблем с дыханием. Мы с Абигейл предположили, что здесь мы можем устанавливать собственные правила — до определенного предела. Поэтому мне не так и плохо.

— Это бы объяснило, почему на тебя действовали физические стимулы. Почему тебе нужна была еда, почему ты испытывала боль.

— Да, я всегда верила, что, пока я сплю по восемь часов, делаю растяжку и не думаю о плохом, хуже не станет, — сказала адептка и улыбнулась растерянной улыбкой, от которой на щеках появились ямочки. Эта улыбка была единственным, что Цитере удалось спародировать хоть с какой-то точностью.

— Пал всегда говорил, что я буду его смертью, — сказала она, — так и вышло. Мы так никогда и не встретились. Я никогда не покидала Родос в ре-

альности. Какой кошмар. Ты же убила ликтора?

— Да.

— Быстро?

— Быстрее, чем она заслуживала, — ответила Харроу.

— Она проткнула Протесилая, а он даже не успел достать клинок из ножен, — сказала Дульси и нацарапала очередное заклинание. — А потом начала задавать мне вопросы. Кто мои друзья. Достаточно ли хорошо я себя чувствую, чтобы появляться на публике. Замужем ли я. Я много всякой хрени ей порассказала, — закончила она. — Я знала, что она собирается занять мое место. Думала, хотя бы Камилла догадается, что что-то не так… не повезло. Я даже не помню, как умирала. Думаю, это было мило с ее стороны.

На ее лице, измученном раньше времени, покрытом морщинами от боли и забот, не было недовольства. Дульси Септимус со своими короткими кудряшками и нежными глазами при одном освещении казалась ребенком, а при другом выглядела старше Магнуса. В улыбке она демонстрировала белые зубки, и в этой улыбке не было ни тени жалости или снисходительности.

— Я не понимаю, почему ты здесь, — сказала Харроу, отбросив всякую осторожность, свой-

ственную ее Дому. Честно объяснила: — Я тебя не знаю. Я почти не мстила за тебя. Ни ты, ни твой рыцарь ничего мне не должны.

— Протесилай здесь, потому что ничего не смог с этим поделать, — отмахнулась Дульси, поставила очередную свечу и без всякого стыда сунула руки под рубашку, чтобы согреть их об собственное тело. — Я его люблю, но он такой жалкий. Я даже не хотела, чтобы он ехал со мной в дом Ханаанский. Я ужасно себя чувствовала. Лучше бы он оставался дома с женой и детьми. Его жена делает гобелены, а сам он разводит цветы. Я жила у них на ферме после пневмонии, потому что кто-то решил, что тамошний климат мне полезен. Если я увижу еще хотя бы одну розу, я заору. Но теперь уже и не увижу. Не беспокойся о Протесилае. Он так невероятно, до тупости благороден.

— Но ты…

Улыбка Дульси стала свирепой. Губы приоткрылись, демонстрируя, что некоторые из очень белых зубов заострены на концах. Бледные глаза словно бы сделались раскосыми. Она больше не была томной, она стала живой, хоть и бездыханной, больше всего похожей на зловредного эльфа. Харроу вспомнила, что Паламед Секстус вел войну всей своей жизни, чтобы оправдать

свое желание жениться на этой женщине.

— Преподобная дочь. Единственное, что не давало мне быть собой — боязнь смерти. А теперь я мертва. Я устала от роз и мечтаю о мести.

Она вытащила руки из-под одежды и занялась заклинаниями.

Круг закончили скоро. Работали все быстро и тихо. Когда они закончили, саркофаг был окружен огромным кругом туго переплетенных заклинаний и свеч-якорей. Абигейл была недовольна:

— Ненавижу работать с духами, когда мне нечем их кормить. А тут нет настоящей крови… нечем его приманить. Вот бы знать, к чему он крепится, с чем имеет танергическую связь и как он выследил тебя. Харрохак, ты не представляешь, кто это может быть? Какой-то из его символов что-то значит? Костюм, кровь, ружье?

В голове у Харроу до сих пор творилось черт знает что, но она хотя бы перестала блуждать в потемках. Память подарила ей маленький факел, позволяющий осветить беспорядок. Она вспомнила яркие символы Когорты. Пехотный меч стандартного производства. Двуручник.

— Меч, — ответила она. — Это меч Гидеон. Но все остальное… нет.

— До нее меч принадлежал кому-то другому?

— Мне об этом неизвестно. Агламена попросила выдать его из арсенала Дрербура, я подписала приказ. Коробку даже не разворачивали.

Факел помогал мало: она отчаянно разбрасывала по сторонам кучи мусора из собственного мозга.

— Я много лет ненавидела этот чертов меч. Не знаю почему. Просто он был… зловещий. Я часто думала, что его лезвие станет последним, что я увижу в жизни. Не знаю, — растерянно закончила она.

— Ничего, я и с меньшим справлялась, — подбодрила ее Абигейл. — Давай на край. Ты с Дульси, я свяжу Магнуса с Протесилаем. Есть еще Ортус.

— Ортус не должен сражаться.

— Он очень хочет. И я уверена, что сражения не будет. Готова?

У Харроу болели губы. Они у всех потрескались и кровоточили, но у нее и Ортуса кровь на губах смешалась с осыпающейся краской в серо-розовый узор. Она кончиком языка ощупала отстающие чешуйки кожи на нижней губе. Потом посмотрела в доброе лицо покойной Абигейл Пент и сказала:

— Я перед тобой в долгу. Ты многое мне дала, в обмен на почти ничто.

— Ой, Харроу, бога ради. Я обожаю совать нос в чужие дела. — Она улыбнулась. — Не благодари меня за то, что я и сюда влезла. Ты попросила меня прийти, я пришла. Я понимаю, что ты сделала это не специально, но мне нравится думать, что частица твоей души увидела, что у тебя беда и, ну, подумала, что хорошо бы Абигейл Пент была рядом. Чтобы быть психопомпом, необходимо развитое эго. Спасибо, что позволила мне быть с тобой.

И она сделала очень изящный реверанс. Харрохак поклонилась в ответ и услышала, что говорит:

— Да благословит тебя и твоих близких тело Запертой гробницы, Пент, — и она действительно этого хотела.

— А ты знаешь, что там? — Глаза Абигейл блеснули.

— Да, — ответила Харрохак, кашлянув.

— Это страшная тайна?

— Да.

— Обожаю гробницы! — сказала некромантка Пятого дома. — Ладно. Занавес поднимается. По местам!

В гулкой металлической тишине все заняли свои места по периметру диаграммы. Харрохак

запустила руки в запасы Ортуса и стояла в куче хрустящих, идеально измельченных костей. Она смотрела, как Абигейл и Магнус на цыпочках идут к своим местам, обходя все линии, которые могли бы задеть, и как они поворачиваются и серьезно целуют друг друга. Такое проявление интимности ее не смутило: на самом деле смотреть на семейную жизнь вблизи оказалось даже интересно. Некромантов, вступающих в брак с собственными рыцарями, многие критиковали. Какой бы путь ни избрали Абигейл с Магнусом, им пришлось нелегко. Она знала, что брак предшествовал рыцарству. Возможно, именно поэтому ситуация казалась обоим менее извращенной. Они поцеловались коротко и целомудренно, как дети. Магнус коснулся ее щеки и тихо сказал:

— Удачи, дорогая моя.

— И тебе, — отозвалась она.

Вот и все, ни больше, ни меньше.

Она все еще не понимала, выдержат ли ее скелеты этот жуткий леденящий холод. Если она была связана правилами, действовавшими до ликторства, ей придется нелегко. Свечи трещали и моргали, но продолжали гореть. Протесилай стоял против своей некромантки. Ортус черной

горой маячил где-то на краю поля зрения и дрожал от холода и, вероятно, страха.

Лейтенант Диас оказалась напротив. Еще в лаборатории Харроу рассказала ей, что Юдифь Дейтерос жива, и получила в ответ только короткое:

— Так я и думала.

После этого Диас отвернулась, но вдруг очень удивила Харроу, повернувшись к ней и заявив:

— Она им всем покажет, — говорила она совершенно спокойно, но выражение ее лица было далеко от спокойствия.

И теперь Магнус стоял во главе круга, обращенного к промерзшему саркофагу. Его некромантка не стала выбирать себе место. В руках она держала кувшин из сервиза, который Протесилай осторожно стащил вниз по длинной лестнице. Харроу не знала, что там внутри.

— Прими возлияние, к добру или к худу, — сказала Абигейл и осторожно вылила часть содержимого кувшина к подножию саркофага. Тонкая струйка белесой жидкости полилась на пол, стремительно застывая на холоде.

— Ты пришел завоевывать, — она плеснула еще.

— Ты пришел в гневе, — еще одна струйка.

— Ты пришел с древним оружием, — и еще одна.

— Ты пришел с мечом Девятого дома, — еще струя.

— Ты пришел забрать тело, — она перевернула кувшин, и из него вылились последние молочные капли. — Это все, что нам известно. Ты беспомощный дух, и я ни о чем не прошу тебя. Мы явились по приглашению, а ты? Я призыватель духов из Пятого дома. Я Абигейл для своей матери и Пент для своего народа. Я та, что умерла и вернулась в полной силе по воле ликтора, чье место ты хочешь занять. Я перережу танергическую связь между тобой и этой женщиной. Я заклинаю тебя — выходи.

Абигейл выпростала руку из толстой перчатки и смело положила голую ладонь на ледяную крышку саркофага. Она не дрогнула от холода. Прохладный голубой свет загорелся под ее рукой. Харроу охватила тоска по своей законной силе. Она хотела увидеть эту теорему глазами ликтора. А сейчас она просто смотрела, и все ее чувства были приглушены.

Через мгновение адептка сказала:

— Связь ведет прочь отсюда, Харрохак. Дух привязан к какому-то физическому объекту.

— И что это значит?

— Ну, мы можем изгнать его из тебя, — сказала Абигейл. — Но мы не можем оторвать его от другого якоря. Другими словами, если мы помешаем ему здесь, это необязательно оборвет связь там, за Рекой. Но давайте все как следует навалимся и посмотрим, что получится.

Свечи вспыхнули. Раньше они горели слабым желтым пламенем, а теперь вверх взметнулись языки голубого огня, такого же, как сияние магии духа, исходившее от руки Абигейл.

— Кто ты? — спросила Абигейл.

Под ее ладонями разгорелась очередная голубая вспышка, крышка саркофага распахнулась с такой силой, что сорвалась с петель и рухнула на пол. Одна из покрытых льдом панелей, выдержавших атаку лейтенанта Диас, разлетелась на крошечные фрагменты. Абигейл пошатнулась, но удержалась на ногах.

Внутри никого не было.

Из коридора за спиной у Харроу, того, который должен был вести в траурную, послышался искаженный дыхательной маской голос:

— Неплохая попытка.

Раздался сухой тихий щелчок, а потом уши Харроу заложило от страшного грохота и треска

— пуля, предназначенная для нее, врезалась в костяную стену, которую Харроу подняла из костяной пыли. Стена разлетелась обратно в пыль, осколки полетели во все стороны, а Харроу упала на ледяной пол, прямо на старательно нарисованную диаграмму. Знакомая игла боли прошила череп, на висках выступил кровавый пот. Неужели простой щит так дорого ей обошелся? Бывали ли ее силы так ограниченны хотя бы в детстве?

Она перекатилась, кто-то схватил ее за руку и оттащил в сторону. Ортус. Собравшиеся разбежались по укрытиям — в основном они спрятались в коридорах в «Консервацию», «Давление» и «Санитайзер». Все, кроме Протесилая — тот обнажил рапиру и остался стоять. Его плащ в свете свечей казался синевато-зеленым. Конец гравированной цепи, повязанной выцветшей зеленой ленточкой, был закинут за спину. Теперь мертвый рыцарь Седьмого дома аккуратно скинул его с плеча и медленно вращал цепью в воздухе. Металлические звенья тихо гудели.

— Не лезь в бой! — крикнула Абигейл.

Спящий стоял напротив, тоже в дверях. Маска тускло мерцала, в руках он держал огромное ружье с деревянным прикладом, защитный костюм горел ярко-рыжим. Спящий был не так уж высок

и совсем не широк в плечах, а голос, доносящийся из-под маски, оказался вполне человеческим. Более того, женским.

— Ничему вы не учитесь, волшебники, — сказала Спящая.

Ствол винтовки дернулся, снова раздался грохот. Протесилай уже бросился вперед — очень грациозно для такого крупного человека. Он метнулся в сторону и обрушил свободный конец цепи на рыжего монстра. Цепь дважды обмоталась вокруг ствола и застряла. Спящая просто отшвырнула ружье, и пока Протесилай пытался высвободить цепь, в руках у нее уже оказалось другое, маленькое. Харроу не сразу поняла, что это пистолет.

Спящая шла вперед, стреляя на каждом шагу, поддерживая свободной ладонью руку с пистолетом. Эти выстрелы звучали выше и резче, как щелканье кнута. Рыцарь Седьмого дома закрутил цепь расплывчатым колесом, и одна из ламп разлетелась на куски. Спящая отбросила пистолет, ускорилась и вдруг бросила свое рыжее тело в сторону Протесилая, сделав кувырок вперед ногами с такой легкостью, что даже Камилла Гект крикнула бы «неплохо». Протесилай готовился к атаке и не ожидал, что враг проскочит мимо.

Когда он опомнился и повернулся, Спящая уже снова стояла на ногах и держала в руке очередной пистолет. Она легко развернулась и выстрелила ему в спину.

Шмяк. Живот взорвался мокрыми брызгами. Протесилай упал. Ортус завопил в ужасе. Спящая развернулась к ним спиной, подняв пистолет и поводя им из стороны в сторону. Из дула вырывалась струйка дыма. Не обнаружив ни одной головы или конечности, в которую можно было бы всадить пулю, Спящая отступила на шаг и, не глядя, дважды выстрелила в лежавшего Протесилая. Тело дернулось и затихло. Дульси заорала.

Наступила тишина. Слышалось только испуганное, с присвистом, дыхание Дульсинеи, прерываемое хриплым кашлем. Тело Протесилая лежало на холодном металлическом полу, но в этой смерти он казался более живым, чем в те дни, когда рыцарь превратился в марионетку святой.

— Слушайте главную, — сказала Спящая, — не лезьте. Я пришла не за вами, но не воображайте, что вы не можете умереть еще раз. Просто отдайте мне девчонку, и остальные смогут отправиться, куда пожелают.

— Ты шутишь, — сказала Абигейл откуда-то

из укрытия.

Существо в оранжевом выстрелило в потолок. Ортус съежился от шума, Харроу вонзила ногти ему в руку, хотя не представляла, как это его успокоит.

— Харрохак! — позвала Спящая.

Она произнесла имя очень медленно, как в первый раз, как будто все его слоги были очень сложными. Хар-ро-хак. Впрочем, поразительнее всего оказалось не это. Чудовище произнесла ее имя с невыносимым презрением, как будто оно само по себе могло послужить ругательством.

— Здесь ты не сможешь меня ранить. Если ты сдашься, призраки смогут уйти. Если нет, я прикончу вас всех. Если нет, я вас всех прикончу. Это мое последнее предложение. Даю вам десять секунд, потом оно истекает. Десять.

— Кто ты? — спросила Харрохак.

— Это тебя не касается. Девять.

— Я не веду переговоров с незнакомцами.

— А это не касается меня. Восемь.

Септимус выбралась из укрытия. Пригибаясь, она бросилась из коридора, где пряталась, в сторону стенда с инструментами. В мерцании свечей метнулась ее огромная тень. Дульсинея оказалась на открытом пространстве всего на мгновение,

но Спящая наставила на нее маленький черный пистолет с той же легкостью, с какой Харроу ткнула бы в человека пальцем, и выстрелила. Оранжевая рука дернулась от отдачи. Дульси закричала и упала, неловко выставив ногу. Харроу на мгновение закрыла глаза и принялась перебирать содержимое корзин Ортуса, пытаясь найти лучшие куски. Пальцы вспотели и скользили, а Ортус дышал сквозь зубы.

— Семь. Шесть. Пять.

— Ну что, мой выход, — сказал Магнус Куинн.

Харроу потеряла его из виду, когда началась стрельба, и решила, что он рядом с Абигейл. Та, судя по голосу, держалась где-то рядом с Дульсинеей. Теперь же он возник из двери справа от той, через которую вошла Спящая. Бросился на нее сзади — она не успела обернуться — и схватил ее поперек туловища, притиснув локти к телу.

На другой стороне зала выскочила из своего укрытия Марта Диас и, согнувшись вдвое, бросилась вперед. Спящая сумела пошевелить рукой и выстрелить от бедра, но пуля с грохотом вошла в металлическую стену, выбив искру. Диас перекатилась по полу — движение вышло совсем не таким красивым, как безумный кувырок Спящей, но его скупая эффективность говорила

о годах практики. Она вскочила, держа в руках ружье, которое отбросила Спящая. Вскинула его к плечу — в своем белом мундире, поголубевшем от неверного пламени свечей, она походила на изображение древнего солдата в каком-нибудь знаменитом бою. Выстрелила.

Диас качнулась от отдачи, а в оранжевом костюме Спящей, прямо посередине груди, возникла дыра. Но оттуда не полилась кровь, Спящая дернулась в объятиях Магнуса, но устояла на ногах. Диас выстрелила еще раз, и еще, в теле появились еще две дыры, совсем рядом с первой. Харроу разглядела под яркой тканью что-то черное, но ничего алого и сырого. Спящая все еще вырывалась.

Диас бросила ружье и побежала вперед, выхватывая кинжал из ножен на бедре. Спящая резко откинула голову назад. Ростом она не уступала Магнусу, так что ее затылок — какой бы череп ни прятался под капюшоном — врезался ему в лицо. Он вскрикнул, но не выпустил ее. Диас уже почти подобралась к ней, прищурилась, замахиваясь, но тут Спящая подтянула оба колена к груди и выбросила ноги вперед.

Ее ботинки врезались Диас в грудь. Магнус, в руках у которого вдруг оказался весь ее вес,

пошатнулся и упал назад. Упали все трое. Диас и Спящая вскочили почти одновременно, Диас — на долю мгновения быстрее. Кинжал из левой руки она не выпустила. Она ударила снизу вверх, Спящая поймала ее удар на локоть, подошла чуть ближе и ударила коленом в живот. Харроу услышала резкий выдох. Спящая подошла еще ближе, схватила руку с кинжалом в какой-то сложный захват и дернула. Сталь музыкально звякнула об пол. Магнус пытался подняться и тянулся за собственной рапирой. Губы и подбородок у него покраснели от хлынувшей изо рта крови. Спящая бросила Диас на пол, размахнулась и ударила его в живот. Харроу не заметила, как пистолет снова появился у нее в руке.

Магнус корчился на полу, Абигейл кричала. Диас попыталась встать на четвереньки, но Спящая пнула ее под ребра и уронила на спину. Прицелилась ей в лицо.

— Четыре.

Огромное тело Протесилая из Седьмого дома вдруг взлетело с пола, задев Спящую и отбросив ее от Диас. Она взмахнула пистолетом, но Протесилай уже был слишком близко. Его цепь врезалась ей в висок с силой, вполне достаточной, чтобы раскрошить кости. Маска сбилась на сторону,

Спящая покачнулась, пистолет выпал у нее из руки. Протесилай ослабил цепь и выбросил вперед обе руки. Харроу подумала, что он пытается схватить Спящую так же, как Магнус, а потом поняла: он накинул цепь ей на шею, как гарроту, и изо всех сил потянул на себя. Рядом с его мощным телом даже огромный костюм Спящей показался совсем маленьким. Кровь лилась из трех темных рваных ран у него на спине, сбегала по ногам, капала на пол.

— Я познал одну смерть, — хрипло сказал он, — и клянусь, что второй такой не будет.

— Умный мальчик, — просипела Спящая словно бы через коммуникатор. — Что, проверяем границы? Не поможет. Правила устанавливаю я.

Диас уже встала и вытащила рапиру, но она медлила. Кажется, ждала — вдруг гаррота Седьмого дома окажется эффективнее ее собственных пуль. Спящая раскинула руки, как будто расправила невидимый плащ, и в ее руках возникли два пистолета. Она потянулась назад, ткнула куцый ствол левого пистолета в колено Протесилаю и выстрелила. Раздался тихий хлопок, Протесилай заорал от боли и осел на бок, как будто кто-то выбил из-под него подпорку. Когда цепь ослабла, Диас ударила рапирой прямо в сердце

Спящей. Клинок проткнул защитный костюм и остановился, как будто под костюмом оказался железный столб. Спящая отвела рапиру рукой и ударила рукоятью пистолета в челюсть рыцаря. Диас упала на пол, как мешок с выкопанным из-под снега луком из рук хромого дрербурского конструкта. Спящая поставила ботинок со стальным носком на горло Диас.

Харроу успела воспользоваться моментом, встала и замахнулась — Спящая тут же разбила выстрелом костяной снаряд, полетевший в нее. Ее руки двигались быстрее, чем могут двигаться руки человека, и даже пули, наверное, летели точнее, чем могут лететь пули. Кость разлетелась в пыль, и из пылинок не встал никто. В момент удара кость лишилась энергии, как будто ее коснулся святой долга. Сердце замерло.

— Три, — сказала Спящая. — И это низкая сложность, понимаешь? Никакой тебе магии, никаких фокусов, никаких этих ваших тухлых штучек. Я этим занимаюсь много лет. Все закончится, когда я этого захочу.

Харроу слышала тихие проклятия Дульсинеи. По крайней мере она осталась жива. Тогда Харроу прижалась к ледяной стенке саркофага и спросила:

— Что случится, если я сдамся?

— Госпожа, нет, — быстро сказал Ортус.

— Ты умрешь, — ответила Спящая. — Это будет не больно, я никого не собираюсь мучить.

— И?

— Я получу твое тело.

— И?

— Закончу.

— Что закончишь?

— Я не разговариваю с тобой. Два.

Харроу выглянула из-за саркофага. Магнус и Протесилай лежали на полу в лужах крови. Оба шевелились, но никто не мог встать. Диас валялась на спине, глаза у нее были закрыты. Спящая сильнее надавила ей на горло, Диас захрипела, и рука ее сомкнулась на рукояти рапиры. Тогда Спящая с хрустом наступила ей на руку.

— Один.

Спрятавшийся за саркофагом Ортус прочистил горло.

48

Харроу, если бы я нормально соображала, я бы прикончила ликтора. Она была совершенно беспомощна — и она уже пыталась убить тебя. Вместо этого я вытащила нас в душный коридор — все вокруг затянуло дымом и паром, сирены орали, как резаные, и я не видела, куда делась Цитера. Я выбрала направление и двинулась по очередному коридору. На полу валялись мертвые пчелы, задрав морды кверху, зеленая слизь расплескалась по полу. Одну я прикончила сама, но она уже еле ковыляла из-за пары дыр в животе, так что записывать ее на свой счет я не стану. Я пришла в большую, тускло освещенную комнату с высоким потолком. У одной стены стоял огромный стол, накрытый чехлом.

Везде лежали мертвые Вестники. Искореженные человеческие руки и ноги выглядели реально мерзко, пол покрывали слизь и кости. Очень плохо и гадко. Тебе бы не понравилось.

За огромным полем мятежных космических ос, в вонючей темноте, обнаружилась кухня — там тоже оказались твари. На пороге лежал белый плащ в зеленых пятнах, а на одном из столов

стояла…

Сначала я ее не узнала. Когда мы виделись в последний раз, она орала из-за того, что ее рука внезапно рассталась с плечом. Мне показалось, что на правой руке у нее длинная металлическая перчатка, но свет из коридора высветил длинную, темно-золотую кость, плавно работающий сустав, рапиру в костяных пальцах с уродливой подушечкой жира вместо ладони. Кожа и волосы у нее были бесцветные, а бледное лицо просияло при виде меня.

— Харри!

Харроу, она была искренне рада встрече с тобой. Улыбка на худом белом лице оказалась настоящей.

— Харри, ты…

Я подошла ближе и сильно испортила ей день.

— Я жива, сука.

Ее лицо затвердело, как будто его окунули в бетон. В полумраке я видела только плавающее в темноте светлое пятно с полустертыми чертами, я не могла представить ее глаза, но знала, что они принадлежат не ей. Она давно достигла звания двойного мудака. Ианта отбросила за спину измазанные слизью волосы, прислонилась к стене и сказала:

— Ты…

Прости меня, Нонагесимус. Я всю жизнь была довольно хорошей. Ну, или хотя бы не очень плохой. Я делала всякую хрень, которой не очень горжусь. О чем-то я жалею, о чем-то — вообще нет. Например, я совсем не жалею о том, что пинком спихнула Крукса с лестницы и слушала, как он вскрикивает: «Ай! Мои кости!» на каждой ступеньке. Правда, когда я сейчас об этом думаю, это мне сильно помогает. В общем, я не была уж полным дерьмом. Наверное, ты со мной согласишься.

Но когда я увидела эту тощую очаровательную шлюху и услышала ее робкое «ты…» — как будто она никогда не врала тебе прямо в лицо, не утверждала, что не видит лежащего на полу трупа, как будто она никогда не мешала тебе и не портила все вокруг, никогда не видела тебя несчастной и не целовала тебя своими бледными губами мумии, никогда не трогала тебя, никогда не заставляла тебя себя хотеть и никогда даже не думала, что придет расплата.

Расплата пришла. Нонагесимус, я собиралась рассчитаться с ней за все.

— Навалять тебе сейчас, потом или и то, и другое?

— Давай вести себя, как приличные люди, — без особой надежды предложила она.

— Ну уж нет. Лично я планирую тебя отмудохать. Хочешь? Хочешь, чтобы Харроу вырастила тебе новую костяную жопу, когда от старой ничего не останется? Потанцуем, Тридентариус?

— Это невозможно.

— Ей на тебя плевать, ты в курсе? Дело в костях. Она любит кости.

— И это одно из тех многочисленных достоинств, которыми я, в отличие от тебя, обладаю.

— Спускайся, — велела я, — сразись со мной.

— Я должна была догадаться, что в то же мгновение, как твои шаги вновь осквернят эту вселенную, ты бросишь мне этот идиотский вызов, — устало сказала она. — Как там тебя зовут? Гоблин? Гонад? Напомни.

— Твой рыцарь знал мое имя. Корона знала мое имя. Ты знаешь мое имя.

Она замолчала.

— Гонад, кстати, неплохо, — заметила я, — даже забавно.

— Спасибо.

— А Гоблин — нет.

— У меня был не очень удачный день. Я хреново себя чувствую. Дай мне передохнуть.

— Еще три минуты я буду вести себя разумно, а потом ты станешь похожа на флаг Четвертого дома, — пообещала я и опустила меч. — Вы закончили? Ну, справились с этим вашим…

— Зверем Воскрешения? Нет, если тебе вообще положено это знать. Какое-то время мы с ним сражались. Мерсиморн убежала, чего никто не ожидал. Потом пропала Харрохак. Этого я ожидала, но надеялась… Стало сложно. Когда вышел Августин, я поняла, что не собираюсь оставаться там вдвоем. Эта тварь… огромная. Я вынырнула. Я здесь. И ты здесь.

— Если ты говоришь о кислорожей козе с сетью… — предположила я.

— Да, это Мерси, — немедленно согласилась Ианта.

— …То она воткнула рапиру в спину Нонагесимус. Когда я ее видела в последний раз, она растекалась по полу лужей.

Белое лицо в темноте напряглось. Я услышала ее дыхание.

— Ты уверена, что Мерси пыталась убить Харроу? — спросила она через секунду.

— Да.

— Но это не… зачем?

— Не задавай мне вопросов. Я вообще ничего

не понимаю.

— Помоги мне спуститься, Девятая, — потребовала она, — когда я наступаю на этих тварей, то рискую заорать и обоссаться, а нам надо поговорить.

Я расчистила для нее путь — отпихнула несколько пчел в сторону твоими руками, освободив узенькую полоску, по которой Ианта смогла идти, дрожа. Когда мы вышли в коридор, она ненадолго прислонилась к стене, удивительно хреново украшенной костями — скелетами в странных шмотках, нишами с мумифицированными бюстами, торчащими руками с клинками, драгоценными камнями и прочей ерундой. Это походило на вечеринку, где все умерли. Ианта застыла, когда мы услышали из коридора громкое жужжание, а потом и крик.

— Стой тут, — велела я.

— Иди в жопу, — отозвалась она, — я стала восьмой святой на службе Царя Неумирающего не для того, чтобы Гидеон Нав разыгрывала из себя героя у меня на глазах.

— А зачем ты стала ликтором?

— Ради невероятного могущества. Ну и афиш с моим лицом.

Ну что ж, логично.

Коридор выходил в довольно просторный зал, очевидно предназначенный для демонстрации мелких гадких трофеев Царя Неумирающего. Костяные колонны потели от жары, струи влаги стекали по бледной резьбе. Я подняла меч, но было поздно. Пчел уже убили. Они свисали с потолка на собственных кишках, задушенные насмерть, и зеленая слизь капала с их тел на черно-белые плитки пола. Некоторые лампы побились, а другие отчаянно вращались под потолком, освещая эти омерзительные подарочки.

В зале стоял человек и тяжело дышал, прикрывая рот. Он даже не обнажал рапиры — хотя кто-то, очевидно, это сделал, потому что в углу валялись аккуратно нарезанные твари. Это был ликтор, которого ты звала святым терпения, живой и невредимый, если не считать пота и крови на надменном длинном лице. Меня опять поразило, какими нереальными всегда выглядят ликторы — или наоборот, может, они реальнее всех остальных, нарисованы более яркими красками? Он провел рукой по гладко зачесанным светлым — или седоватым волосам. Мне показалось, что его сейчас вырвет. Увидев нас у дверей, он сделал шаг вперед и крикнул:

— Детка, нам надо обратно. Гидеон не показы-

вался, то есть. Он сражается с этой тварью один. Помоги мне найти твою старшую сестру. Так, Харроу?

Его удивление немедленно сменилось раздражением:

— Во имя императора, Харрохак, если уж ты выжила, ты что, не могла нам помочь…

Тут он осекся и еще раз посмотрел на нас.

На твое лицо. Он смотрел на мои глаза на твоем лице, на такие же, как у всех ликторов, глаза, и из его собственного взгляда уходили все краски.

Я кое-что повидала в жизни — клинки, картинки с дамочками, которые в результате несчастного случая остались без одежды, кучу трупов… беспорядочный опыт, конечно, но теперь мне кажется, что это еще не очень странно. Но я никогда не видела такого выражения лиц, как у смотревших на нас ликторов. Мерсиморн взирала на нас так, как будто мы были иллюстрацией к словарной статье «несчастье». Августин — как будто мы были в принципе последним, что он увидел в жизни.

— Джон, — выдохнул он, — радость…

И свалил.

Когда я повернула нас, чтобы на нее посмотреть, Ианта изучала нас с осторожным и подо-

зрительным любопытством. Она никогда не демонстрировала все свои карты. Хреново, что она возвышалась над тобой — ростом этот выцветший и тусклый человекообразный тростник превосходил тебя на голову. В доме Ханаанском она не казалась такой высокой, но я не привыкла смотреть на мир твоими глазами.

— Загадка на загадке, — заметила она, — как меня бесит видеть тебя в ее лице.

— У тебя осталось ровно две минуты, а потом я суну кулак тебе в жопу, — предупредила я.

— Пошли за мной. У нас очень мало времени, даже если не думать о твоих обидных угрозах сексуальным насилием. У тебя такой большой кулак, а у меня такая маленькая задница…

— Вот и шевели ей, Тридентариус! Я не буду смеяться над твоими уродскими шуточками.

Она пошла вперед, шарахаясь от каждого свисающего с потолка обмякшего пчелиного трупа — смеяться над ней было гораздо приятнее, чем смотреть, как она приоткрывает рот, говоря «задница». Ианта привела нас в свою чудовищную бело-золотую комнату. Я так задумалась и напряглась, что чуть не пропустила очень вдохновляющее изображение роскошной телки-рыцаря с дыней в руках и ее дружка-некроманта,

яйца которого прикрывал вихрь листьев, подхваченных ветром. Вот это настоящее искусство. Увидишь — и умереть не жалко.

— Давай скорее, у меня для тебя письмо, — поторопила Ианта.

Харроу, оно было написано твоим почерком. Она протянула мне пухлый бугрящийся конверт, на котором твоим почерком было написано «Отдать Гидеон Нав». Мне стало… странно. Время замедлилось, когда я взяла его, особо не обращая внимания на нескрываемое веселое презрение на лице другой девушки. Я узнала твои резкие, с нажимом, буквы. Нажим был еще сильнее, чем обычно, как будто ты писала в спешке. Я получала кучу написанных этим почерком записок, где ты выдумывала мне всякие имена или командовала мной. Ты касалась этого письма, а я… ты же понимаешь, что мне стало в два раза больнее оттого, что тебя не было рядом, правда? Ты же понимаешь, что меня убивало это — стоять тут в твоем теле, пытаться управлять твоим телом и даже не слышать твоего голоса?

Я открыла конверт. Ты его запечатала, но Тридентариус, конечно, вскрывала его, такая уж она. Внутри оказался маленький листок с оборванными краями. В него ты завернула черную

складную конструкцию: дымчатое стекло, тонкая черная оправа, зеркальные линзы. Ты сберегла мои солнечные очки, пусть и с погнутой дужкой.

Я немедленно надела их. Тебе они оказались великоваты и все время съезжали. Пришлось загнуть дужки за ушами, чтобы очки не упали. Спрятав, наконец, глаза, я развернула листок. Всего одна фраза. Четыре дурацких слова. Никаких сухих объяснений в стиле Нонагесимус. Никаких инструкций. Никаких заветов. Вообще, я бы убила за один из твоих списков правил о том, как обращаться с твоим телом, например принимать душ в одежде и все такое. Кстати, я так и собиралась поступить.

Но я почти предугадала, что увижу. Непонятно, почему я удивилась.

ОДНА ПЛОТЬ, ОДИН КОНЕЦ.

Это меня не обрадовало, Харроу. Не наполнило мое сердце нежной сентиментальной тоской. Ты меня подставила. Ты все это устроила. Я дала тебе одну чертову задачу. А вместо этого ты завалила меня камнем и отвернулась. Все это время я выныривала из тебя и снова тонула, и все потому, что ты не осилила сделать единственное, о чем я просила.

Я хотела, чтобы ты использовала меня, зловредный, лживый, одержимый трупами мешок костей! Изломанная, потасканная сучка! Я хотела, чтобы ты жила и не умирала, дура с воображаемой подружкой. В жопу одну плоть и один конец, Харроу! Я уже отдала тебе свою плоть и свою смерть. Я отдала тебе свой меч. Я отдала тебе себя. Я сделала это, зная, что снова поступлю так же, не колеблясь. Потому что я всегда хотела только одного — достаться тебе.

По странному совпадению, примерно то же самое твоя мать сказала мне в последнюю ночь.

— Очень романтично, — протянула Ианта.

Я скомкала листок и сунула тебе в карман.

— Тридентариус, — начала я, и мне пришлось остановиться, чтобы не разрубить ее пополам. Потом я продолжила: — Если ты продолжишь вести себя так, как будто ты ее знаешь… даже не в смысле, что тебе есть до нее дело, а просто — как будто ты хоть что-то о ней знаешь. Я тебя убью прямо сейчас. Все, что ты с ней сделала, ты сделала только потому, что она была одна. Ты думала, что всем насрать на Харрохак Нонагесимус. Ты играла с ней, потому что считала это забавным. Но она тебе ничего не дала. Ты ничего не увидела.

Глаза Набериуса сузились. Меня бесили эти глаза на этом лице. Я все время ожидала запаха геля для волос. Ианта села на край кровати, скрестив в коленях длинные тощие ноги. Ее восковое лицо только сильнее напоминало об этих чертовых похоронах.

— А ты? — спросила она.

— О чем ты?

— Я о забвении, воинственная монашка с огромным ртом, — ответила она, изучая собственные пальцы. Потом выковыряла из-под ногтя комок засохшей зеленой слизи, так что меня чуть не стошнило. — Боже! Попробуй отнять у меня воспоминания о Коронабет… я убью тебя. Любовь… не делай такое лицо, детка, я много любила… истинная любовь ищет своего. Ты бережешь что-нибудь… прядь волос… конверт, который человек мог лизнуть. Записку со словами «доброе утро», просто потому, что она адресована тебе. Любовь — это призрак, Гидеон Нав, и она копит свидетельства любви, потому что иначе она бездомна. Я не говорю, что ей было на тебя плевать. Все думают о своих рыцарях, иначе невозможно. Но я сама видела, как Харри перевернула собственный мозг, чтобы о тебе забыть.

Я рассмеялась ей в лицо.

— Ох блин, — сказала я, остановившись, потому что странно было слышать твое хихиканье так долго. Извини. Это правда было смешно. — Ты думаешь, что заставишь меня ревновать? Ты думаешь, что хоть что-то из того, что я сделала, было сделано, чтобы она полюбила меня? Ты не знаешь. Она тебе не сказала.

Ее лицо не дрогнуло. Бледные черты приняли заученное заинтересованное выражение, но маслянистые глаза с бурыми крапинками смотрели по-змеиному.

— Ну, так просвети меня.

— Погоди. Не хочу, чтобы это прошло мимо… Харри?

— Это показалось мне милым. Давай скорее, Гидеон, у нас реально нет времени.

— Я уже говорила. Ты ей не нравишься. Просто ей нравятся кости. Она отдала свое сердце трупу, когда ей было десять лет. Она влюблена в замороженный музейный экспонат из Запертой гробницы. Ты бы видела ее лицо, когда она рассказывала мне об этой ледяной телочке. Я сразу все поняла. На меня она никогда так не смотрела. Она не может полюбить меня, даже если предположить, что я этого хочу. Она не может полюбить тебя. Она даже попытаться не хочет.

Она начала слишком осторожно:

— Ой, как будто… — но я перебила ее:

— Вот только не начинай все эти «му-а-ха-ха, я просто играла с ней». Не поверю. Твой план провалился, Тридентариус. Ты заразилась. Я знаю симптомы нонагесимита. Тебе вкололи слишком большую дозу витамина Х.

Ианта поскребла лоб костяной рукой.

— Про труп — правда? — спросила она с не очень натуральным безразличием.

— Она любит С. С — это смерть. Ну извини.

— Мне надо выпить, — решила Ианта и пробурчала себе под нос. — А как же вся эта фигня со святым долга? Мелкая лицемерка.

— Не воображай, что получишь от меня что-то, кроме самой крохотной капельки сочувствия, — добавила я. — Если ты думаешь, что я что-то делала в расчете на то, что она меня полюбит, то ты ничего не знаешь о ней и обо мне. Я ее рыцарь, дура! Я убивала ради нее. Я умерла бы ради нее. Я и умерла ради нее! Я бы сделала все, что ей понадобится, вообще все, до того, как она сама осознала бы, что это ей нужно. Я — ее клинок, а ты — бледная подделка под Коронабет.

Я всегда буду твоим клинком, моя мрачная госпожа. В жизни, в смерти, в любом месте за

пределами жизни и смерти, куда бросят нас с тобой. Я умерла, зная, что ты ненавидишь меня за это. Но, Нонагесимус, твоя ненависть дороже, чем чья угодно любовь в этой жаркой и глупой вселенной. По крайней мере твое внимание безраздельно принадлежало мне.

Ианта раздраженно жевала локон волос цвета старой кости. Я добавила:

— Это тебе нужно отвалить. Я — худшее, что с ней случалось, и ей вовсе не нужно, чтобы ты старалась перебить этот рекорд. Типа «спорим, я сделаю в два раза хуже».

Она медленно поменяла ноги местами. Больше она не смотрела на свои ногти. Теперь она смотрела на меня внимательно, почти изучающе. Бледные ресницы скрывали глаза мертвеца. Бицепсы у нее были ничего себе, честно говоря. Живая рука цвета топленого молока вообще оказалась довольно мускулистой. Ничего примечательного, но не позор. Не то что у тебя.

— Ты неправа и сама это знаешь, — спокойно сказала она, — сведения интересные. Пожалуй, немного проясняют контекст. Но моя… связь… с Харри совсем не похожа на то, что ты думаешь. Я — ликтор. Харроу — ликтор. И века соединят нас, хочет она этого или… Нав, если ты не пере-

станешь делать движения, как будто дрочишь, я тебе покажу, как выглядят почки Харроу.

— Вот об этом я и говорю! Не показывай мне ее почки. Не думай о ее почках. Оставь ее почки в покое! Возьми себя в руки. Не смотри на ее кровь, не лижи ее кости, не делай прочую хрень, которую творят некроманты, когда расшалятся, а потом врут, что ничего такого не делали.

Она дернула золотым плечом.

— Не знаю, что и сказать. Люблю всякие мерзости.

— Забудь все, о чем я говорила. Давай поженимся.

— Ах, вот и любовь, которой я ждала всю жизнь, — с удовольствием протянула она. — Бабс всегда говорил, что так и будет. Ну, точнее, он как-то раз сказал, чтобы я отправлялась в ад, но я думаю, что это был эвфемизм, а имел в виду он именно это. Вот что, Гидеон. Сейчас мы отсюда уйдем, и я покажу тебя учителю.

Императору Девяти домов. Первому владыке мертвых.

— Нет, спасибо, все хорошо.

— Он должен знать. Он может помочь тебе.

— Может, я лучше полежу и подожду, пока все само не наладится? — предложила я.

— Ты хочешь, чтобы Харрохак вернулась в свое тело или нет? — резонно спросила она.

Она знала, что возразить мне будет нечего. Посмотрев на меня, она добавила:

— Это твой шанс, Гидеон. Если ты хочешь ей помочь, другого способа нет.

И добила третьим ударом:

— Позволю себе напомнить, что Зверь Воскрешения идет за нами, за ней, пока мы разговариваем.

Если бы ты вернулась, мне бы, наверное, не пришлось вслед за Иантой Тридентариус тащиться к богу. Но ты не вернулась. Ты пропала. Может, оно и к лучшему. Я все еще не знала, что ты со мной сделаешь за эту беседу: пожалеешь или накажешь. Но я знала, что будет хуже.

49

– Я имперская – длань, и тебе не сравниться со мною,

Лучше всех я с мечом…

Голос Ортуса Нигенада разносился по обледеневшему, заваленному мусором залу не хуже выстрелов Спящей. В огромном теле — в жестокой юности Харрохак полагала, что это тело куда лучше станет выглядеть, когда превратится в кости в фамильном склепе — таились легкие, достаточно могучие, чтобы декламация могла разбудить мертвого.

Абигейл тоже подала голос, но слова ее звучали отчаянно и дико.

— Нигенад, ты слишком хорошо обо мне думаешь!

— Ничего подобного, госпожа! …Лучше всех я с костями и плотью. Пади предо мной и гордись, что тебя я сражу…

Книга пятая. Самая нелюбимая у Харрохак.

— Боже, — услышала она Абигейл, — боже, помоги мне.

Шаги тяжелых ботинок послышались ближе.

Харроу не осмелилась высунуть голову из-за саркофага. Она все равно знала, что увидит. Вместо этого она широким полукругом рассыпала прах вокруг себя и Ортуса и подняла из праха зазубренную стену в виде гигантского черепа, в шесть футов высотой и дюйм толщиной. Самая прочная и толстая теменная кость, с которой она могла справиться, пока не стала ликтором. Стена немного умалила силу голоса Ортуса, слова теперь не так гремели под потолком, но зато впечатляюще резонировали внутри этого черепа.

— Сколь же безумен ты, если сразишься со мной,

Молвил ликтор и…

Костяная стена рухнула. Это было невозможно. Харроу отлично помнила ту костяную стену, которую возвела вокруг себя, Гидеон и Камиллы Гект в те жуткие последние мгновения на садовой террасе. Она уже почти лишилась сил, но все же ограда выдерживала решительные атаки одной из дланей императора не меньше минуты. Цитере исполнилось десять тысяч лет, и она владела неиссякаемым источником магии. У Спящей были мешковатый оранжевый костюм и несколько пушек. Но она смела эту преграду одним раздраженным движением, как неожиданную паутину

где-то в подвале. Кость даже не сломалась, она раскрошилась, как старая штукатурка. Спящая просунула голову и плечи в дыру, выставив перед собой пистолет, и выстрелила Ортусу в живот.

Ортус рефлекторно зажал рану, и сразу стало очень тихо. Он отвел от живота окровавленную руку и пораженно посмотрел на нее. Харроу перевела взгляд с дыры — аккуратной, будто просверленной, на его лицо, а потом на Спящую, которая все еще торчала в нелепом проломе. Проломе в непробиваемой костяной стене. Пистолет дымился. Скрытое маской лицо ничего не выражало.

Ее рыцарь снова откашлялся и, запинаясь, попытался снова взреветь:

— Нониус, ране… — тут ему пришлось сглотнуть. — Нониус, ра…

И замолчал.

Сердце Харроу сжалось, как комок фольги. Она схватилась за обломанные края своей стены и резко толкнула кость вперед, уронив Спящую на спину. Разлетевшиеся кусочки кости она обратила в конструкты прямо на лету — это было просто даже сейчас, это было просто даже в младенчестве. Один, два, три… четверо лязгающих костями скелетов бросились в атаку, рвать и ломать

лишенными плоти руками. Спящая встретила их уже на ногах. Первому она попала в череп, и все тело разлетелось в прах, чего не должно было случиться. Со вторым обошлась точно так же. Третьему удалось схватить ее за свободную руку, пока пуля не прошла сквозь позвоночный столб и не обратила скелет в кучку мусора. Кровь пульсировала в ушах Харроу, голова кружилась, кожа стала влажной. Она подняла еще четверых скелетов. Она не понимала, почему Ортус вдруг сошел с ума. Но если Девятый дом наступает, Преподобная дочь должна наступать вместе с ним.

Она закричала — не загремела боевым рогом, а скорее завыла сиреной.

— Нониус, раненый, выплюнул кровь.

Меч не дрожал.

— Харроу, — слабо сказал Ортус.

— Смело ответил он…

Вот тут она замялась. На ответах Нониуса она обычно начинала думать о чем угодно другом.

Она вдруг поняла, что Абигейл читает молитву. В ее голосе не было ни страха, ни отчаяния. Ее слова сплетались и сливались воедино, как капли воска на свече, которые стекают по ней бледной жидкостью и соединяются внизу. Харроу услышала несколько слов:

— …Когда я вернусь домой, моя семья принесет тебе жертвы. Лучшую нашу кровь, самую юную. Лучшую нашу кровь, самую древнюю.

Когда Харроу замялась, Ортус прошептал:

— Сила твоя велика…

— Сила твоя велика, — торопливо продолжила она, — воин великой смерти. Мне не сравниться с тобой ни силой, ни…

Спящая уничтожила последнего скелета ударом руки в перчатке. Удар выглядел почти небрежным.

— Все кончено, — сказала она и прицелилась Харроу в голову.

Свечи вспыхнули ярко-синим, похожим на хризантемы пламенем высотой в шесть футов. Время застыло. Харроу, раскинув руки, смотрела, как костяные обломки замирают в воздухе, как падающие белые звезды. Пламя ревело. Она оглядела комнату: Магнус, Диас и Протесилай неподвижно лежали на прежних местах, Дульси Септимус выглядывала из-за угла, и глаза ее горели свирепым огнем, и…

Абигейл Пент светилась, как голубое солнце чужой планеты. Длинные лучи света вырвались из ее пальцев. В руках у нее оказалась книга, все страницы которой излучали такое же синее

сияние. В этом безумном холоде Абигейл вся промокла от пота, ее окружал пар магии духа, она сбросила куртку и перчатки и стояла в платье и мантии. Вонь ударила Харроу в лицо: вода, море, кровь. Множество голосов слились в один на губах Абигейл. Она закричала.

Время понеслось дальше. Спящая со щелчком спустила курок, затрещал металл и ничто не попало Харроу в голову. Перед ней выросла тень — и это была тень всех теней. Столбы голубого пламени превратились в маленькие черные свечи. Харроу застыла, услышав звон большого колокола.

БУМ. БУМ.

БУМ. БУМ.

БУМ. БУМ.

Первый колокол Дрербура, Первый колокол Девятого дома громко звенел в лаборатории. А между Харроу и Спящей встал человек.

На человеке была кираса из черных пластин — в Когорте таких не носили уже несколько веков. Маленькие волоконные пластины, тусклые, неотполированные, матовые, чуть заходящие друг на друга — не то что блестящий обсидиан. Остальная часть его облачения казалась менее древней: черные холщовые штаны, заправлен-

ные в черные поножи из кожи и плекса, жесткий и простой дрербурский плащ из грубой ткани, не очень заношенный, но слишком свободный. Потертые перчатки из черного полимера — не лучше, чем у Гидеон.

В одной из рук он держал рапиру из черного, как ночь, металла, с простой рукоятью. С гарды свисали, тихо позвякивая, костяные четки, которые заканчивались резным изображением Безротого черепа, таким узнаваемым даже в тусклом свете. Во второй руке был простой кинжал из черного металла. Его лезвие оказалось в паре футов от лица Харроу — именно там клинок перехватил пулю Спящей.

Вновь прибывший повернул голову, чтобы посмотреть на Спящую, а потом на Харроу. В свете черных плюющихся свечей она не разглядела ничего необычного. Темные дрербурские волосы, коротко подстриженные, но не сбритые согласно обычаю. Изображение черепа на лице еле намечено, всего несколько линий у нижней челюсти и подбородка, намекающих на челюстную кость.

Пламя охватило Абигейл Пент. Она казалась испуганной, радостной и явно удивленной. Она казалась очень далекой, как будто уже была не с ними. Очки соскользнули с носа, и голубое

сияние делало ее глаза темными, глубокими и дикими. Пятый дом всегда покрывал себя налетом цивилизации, хороших манер и вежливости, но Пятый дом умел говорить с духами и вызывать мертвых. А смерть — главный дикарь.

Спящая отступила в сторону и опустила пистолет.

— Девятый — мое имя, — сказал вновь прибывший. — Девятая — моя родина и мой очаг. Я пришел по твоему зову. Никто не может вернуться из Реки, если его не свяжут кровью. Скажи мне, зачем я здесь.

И Абигейл сказала:

— Я воззвала к твоему имени, Матфий Нониус, рыцарь Девятого дома. Защити Преподобную дочь Дрербура и уничтожь ее врагов.

— Побереги дыхание, — посоветовал призрак Матфия Нониуса. — Этим я занимался при жизни и после смерти соображу без чужих указаний.

— О боже, — сказала Харроу про себя.

Говоря, вновь прибывший потихоньку сдвигался вправо, прочь от Харроу. Спящая не сводила с него пистолет и ждала, что он будет делать. Теперь она выстрелила — и Нониус сорвался с места. Одним длинным плавным движением он распластался, уходя от пули, превратил свое

тело в приспособление для прицельного броска рапиры, как будто игла вылетела из пружинного шприца. Клинок воткнулся в рыжий бок, и Спящая отшатнулась. Харроу увидела, как из разрыва закапала темная жидкость. Тело Нониуса каким-то образом вернулось на прежнее место. Кончик рапиры был направлен противнице в лицо. Нониус возобновил медленное движение по кругу.

— Инструмент для убийства зверей, — сказал он. — Какой воин воспользуется таким оружием в благородном бою? Достоинство окончательно покинуло Девять домов после того, как я увидел звездный свет, или ты разбойник или головорез?

— Ты такой же призрак, как и все они, — сказала Спящая, но на этот раз в ровном голосе, доносящемся из-под маски, слышалось недоверие. — Ты не можешь устанавливать правила.

— При жизни я был лишь человеком, — согласился призрак. — Но Девятый дом оказал мне честь и сделал меня, недостойного, своим слугой. Гласом Гробницы я говорю, и сила моя — сила Черных врат… почему я так странно разговариваю?

Спящая выстрелила дважды, но клинок мелькнул, прикрывая тело Нониуса, не успела Харроу

даже услышать выстрелы. Одна пуля срикошетила куда-то во тьму, вторая, кажется, попала в броню, и Нониус чуть покачнулся от удара. Клинок прянул вперед так быстро и уверенно, что его трудно было заметить. Спящая приглушенно выругалась сквозь маску и уронила пистолет, звякнувший об плитку. Потом завела руку за спину и вытащила другую пушку, гораздо длиннее и толще. Тупой массивный ствол даже на неопытный взгляд Харроу выглядел неприятно. Спящая обеими руками прижала пушку к плечу и прицелилась Нониусу в лицо.

— Возвращайся в ад, — сказала она и спустила курок.

Послышался сухой металлический щелчок, и ничего не случилось. Она нажала еще раз: ничего. Отбросила пушку в сторону и, не успела она коснуться пола, как в руках у Спящей уже оказалась длинная элегантная винтовка. Винтовка издала глухой лязг, и на этом все закончилось.

Спящая отошла на несколько шагов. Маска оставалась по-прежнему бесстрастной. Нониус двинулся вслед, не сокращая дистанцию, а сохраняя ее, повторяя все движения противницы.

— Надо было лучше следить за оружием, — предположил он.

— Я всю свою жизнь убивала магическую падаль вроде тебя, — прорычала Спящая. В руках у нее появился новый предмет: какой-то толстый цилиндр. Она взмахнула рукой, и тонкая дубинка длиной фута в три развернулась с металлическим щелчком. — Я убивала вас пулями, бомбами, ножами, газом, а если ничего этого не было, то просто подходила ближе и вцеплялась им в глаза ногтями! Можешь сколько угодно размахивать тут своим вертелом, я тебя им и прикончу!

— Надеюсь, сражаешься ты лучше, чем споришь. — Нониус поднял руку с кинжалом.

Оба одновременно бросились вперед. Услышав, как плекс соприкоснулся с металлом, Харроу бросилась к Ортусу. Схватила его своими руками и, на всякий случай, добавила две костяных, чтобы проще было оттащить его в безопасное место.

Он ей не помогал — он смотрел. Как и Абигейл, он впал в транс. Это не был транс первобытного жреца, поклоняющегося призракам. Ортус как будто увидел одному ему понятный рай. Она никогда не видела, чтобы он торжествовал. Она никогда не видела Ортуса в оке им самим созданной бури.

— Что ты сделал? — быстро спросила она.

— Я ничего не делал, — прошептал он. — Пент…

настоящее чудо. Я сложу о ней песню.

— Давай потом, а сейчас поторопись, пожалуйста.

— Если здесь я умру окончательно, я умру счастливым. Впервые в жизни.

— Заткнись и пошевеливайся, — отчаянно сказала она. Если все ее рыцари так стремились к смерти, очевидно, проблема была в ней самой.

Он не шевельнулся. Он улыбался.

— Ты стала участником чуда, Харрохак. Твое выступление было почти идеальным.

— Нигенад, только в этом акте он мрачно усмехается не меньше двадцати раз! Придумай другое словосочетание!

Оказалось, что ей нужно совсем немного танергии, чтобы остановить кровь, текущую из его раны. Жизненно важные органы работали почти нормально, насколько такое вообще можно сказать о призраке, а возиться со сложным восстановлением тканей в таких обстоятельствах она не хотела. Изначально обучение Харроу проходило в ледяных темных криптах, но эта конкретная крипта казалась невыносимо холодной и чудовищно темной. Положив Ортуса у стены, на сравнительно безопасном расстоянии от сражающихся, она посмотрела, что происхо-

дит с остальными.

Выжившие некроманты и рыцари — она вынуждена была напомнить себе, что они-то как раз и не выжили, — молча маячили у стен зала. Абигейл сидела на полу, все еще пылая синим пламенем, муж, обнимавший ее одной рукой, тяжело привалился к ее плечу, и лицо его было искажено болью. Оба смотрели на происходящее без всякой радости, но с жадным ледяным предвкушением. Дульсинея и Протесилай подползли друг к другу, оставляя длинные кровавые следы, похожие на следы улитки, и встретились посередине еле живые. Только лейтенант устояла на ногах и теперь стояла очень прямо, с бесстрастным видом человека, наблюдающего за учениями на плацу. Казалось, что она в любой момент готова дать сигнал остановиться.

Харроу подозревала, что одним сигналом эту конкретную дуэль не остановить. Она ничего подобного не видела ни в доме Ханаанском, ни даже во время тренировочных боев в Митреуме, которые всегда были нечеловечески быстры и искусны, но при этом безжизненны и напоминали скорее танцы, чем драки. Эти двое всю свою жизнь только и делали, что сражались, а теперь, избавившись от оков плоти и времени, бросили

все силы на то, чтобы убить друг друга.

Если бы Гидеон была здесь… нет, даже если бы Гидеон была здесь, Харроу все равно не надеялась бы на подробный комментарий. Гидеон не способна была на подробные комментарии. Она бы хватала ртом воздух, шептала бы восторженно слова, которые решительно ничего не значили для других людей, вроде «отличная нога», таким тоном, как будто, если бы она умерла прямо сейчас, эта нога осталась бы лучшим в ее жизни. После битвы она тоже не смогла бы все объяснить понятными для Харроу словами. Но если бы ее рыцарь была здесь, она бы локти себе сгрызла от счастья.

Гидеон, посмотрев на один-единственный бой, могла бы лучше оценить безымянное чудовище по прозвищу «Спящая». В жизни ей вряд ли встречались равные. Ее народ, кем бы он ни был, растил ее как главного своего воина. Она оказалась потрясающим бойцом, быстрым, жестоким, безжалостным, ловко использующим все свои преимущества, пугающе сильным и агрессивным. В левой руке она держала неприятный нож с зазубренным лезвием, в правой — дубинку, и била ими в глаза, пах или куда могла достать. Тяжелый защитный костюм не замедлял ее дви-

жений, она отличалась кошачьей ловкостью — вспомнить только ее кувырок, она легко уворачивалась от ударов, а сама пиналась, толкалась и пихалась. Она совсем не походила на украшенного лентами турнирного бойца: она сражалась так, как будто хотела убить — и надеялась причинить при этом как можно больше боли.

А противостоял ей Матфий Нониус.

Тысячу лет назад Дрербур породил Матфия Нониуса. Он очень поздно стал первым рыцарем — правильнее было бы звать его Матфием из Девятого дома, но Харрохак никогда не слышала такой версии. Если его как и называли, то только «величайшим фехтовальщиком нашего Дома». Ростом он был невелик, а руки казались довольно длинными. Разумеется, все это не имело отношения к истине. Ортус всегда давал понять, что в нем было минимум семь футов в высоту и три фута в плечах. Призрак Нониуса возник из тумана легенд в облике скорее скромного жреца, чем воина.

Но с рапирой в руке — черной, украшенной четками рапирой ее Дома — и кинжалом в другой, простым черным кинжалом, какой носили капелланы или монашки, он превращался в воплощение поэзии. Он держался удивительно

неподвижно — Харроу-то думала, что это нарушает все правила фехтования. Он просто стоял, поставив ноги на ширине плеч, а Спящая набрасывалась на него. Изо всех сил била дубинкой по ребрам, тыкала длинным ножом, пытаясь достать до паха. Ни один из этих ударов не достигал цели. Нониус спокойно отбивал их, как будто заранее изучил последовательность ее движений. Казалось, он даже не тратит усилий, блокируя удары ножа, пинки, дубинку. Он просто стоял, как стена, и черное пламя свечей отблескивало на его броне.

А потом он начал двигаться. Он вытворял такое, чего Харроу никак не ожидала от человека. Казалось, что гравитация действует на него по-другому. Его движения не были торопливыми или нервными. Он вложил все в один-единственный прекрасный удар, и из Спящей потекла кровь. В ее костюме уже зияли несколько дыр, и все они были красны.

Но она не остановилась и не замедлилась, и постепенно это начало его выматывать. Нониус всегда уставал в долгих боях. В книгах с первой по четвертую ему не находилось достойных соперников, все враги умирали от одного его взгляда, но потом Ортус счел необходимым добавить

описание длинных дуэлей между своим божеством и несколькими именитыми и достойными противниками. Если враг задевал Нониуса, это почти гарантировало, что он продержится еще не меньше десяти страниц, пусть даже большую их часть составляли разговоры.

Спящая обрушила свою дубинку на череп Нониуса с силой, достаточной, чтобы его расколоть. Нониус увернулся и пнул ее в колено, заставив потерять равновесие, и воспользовался этим, чтобы царапнуть ее по бедру кончиком рапиры. Кровь закапала на пол. Когда он встал обратно в стойку, Харроу заметила, что одежда Спящей изменилась. Ярко-оранжевый защитный костюм каким-то образом стал волокнистой дуэльной броней, такой же, как на Нониусе, с подбитой кирасой с несколькими окровавленными разрезами и плексо-амальгамными поножами. Цвет остался прежним, тревожно-оранжевым, и эффект получился интересный. Простой капюшон, закрывающий лицо, превратился в странную изогнутую маску золотого цвета. Она изображала горделивое лицо с крючковатым носом и щелями глаз. Не изменились только нож и дубинка.

Озадаченная Харроу огляделась и поняла, что комната тоже меняется. Она по-прежнему оста-

лась девятиугольной, с дверями в каждой стене и саркофагом посередине, но прямоугольные индустриального вида проходы превратились в роскошные церемониальные арки. Темные металлические панели стали темными каменными блоками, удивительно знакомыми на вид. Пол с кольцом свечей и остатками диаграммы все еще оставался металлическим. Плитки подернулись льдом. Часть розовых нитей все еще свисала со стен, но местами они исчезли вместе с табличками, которые они загораживали. В углу между двумя арками теперь висело потрепанное черное знамя с белым Безротым черепом. В Дрербуре никогда не было такого зала, но это все еще, безусловно, был дрербурский зал.

Самим нашим присутствием в Реке мы на краткие мгновения проявляем пространство из непространства.

Борьба за власть из-за кулис перетекает на сцену.

Она снова действовала и соображала слишком медленно. Спящая не могла использовать огнестрельное оружие, потому что в «Нониаде» не было огнестрельного оружия. Ортус презирал его: даже безымянные вражеские солдаты, с которыми сталкивался Нониус, всегда были вооружены

копьями или дубинками. Как раньше сила ненависти Спящей превратилась в невозможную способность противостоять некромантии Харроу, силу проламывать сплошные стены и превращать конструкты в пыль голыми руками, так теперь преданность Нониуса Девятому дому, преломленная сквозь призму безумных стихов Ортуса, отменила правила Спящей. Она с ужасом поняла, что даже раны соответствуют тексту: всякий раз, когда Нониус встречал серьезного противника, оба всегда картинно истекали кровью из страшно выглядящих, но не слишком опасных ран. В одном важнейшем поединке в девятой книге Нониус и рыцарь противника сражались целый час, постоянно истекая кровью, а в конце просто пожали друг другу руки и обменялись высказываниями о доблести — а вовсе не о лечении гиповолемического шока.

Спящая перехватила контроль над памятью Харроу, над историей о доме Ханаанском, которую ее мозг рассказывал сам себе, и использовала ее для партизанской войны против Девяти домов. Теперь Матфий Нониус — точнее, версия Матфия Нониуса, созданная Ортусом Нигенадом — пытался превратить происходящее в эпическую поэму.

Получалось у него не идеально. Пространство

менялось. Пока Харроу наблюдала, пол под ее ногами начал мерцать, превращаясь в плиты из полированного черного камня. Но потом камень растаял, так же быстро, как появился, и вернулись металлические плитки. Спящая ударила дубинкой Нониуса в лицо, заставив его покачнуться, и резко выбросила вперед руку с ножом, целясь в живот. Он отвел нож в сторону основанием клинка, но не слишком удачно. Спящая сумела ударить его коленом в бок и резануть кончиком ножа по правой руке. Нониус отбросил ее и вернулся в стойку.

Они замерли, тяжело дыша. Кровь ясно виднелась на причудливой оранжевой броне, струйки вились по рыжему, распускаясь красными цветами. На черной коже кровь была хуже заметна, но пол у ног Нониуса покрывали красные пятна. Золотая маска Спящей осталась безупречной, а на лице Нониуса красовался длинный порез.

— Редко сражаться жестоко мне доводилось. Ты словно сотня других, недостойных, — произнес он именно то, что должен был произнести.

— Ты неплох, но ты просто очередной гребаный зомби, — ответила она, чего Харроу совсем не ждала. Даже без дыхательной маски голос оставался хриплым и невыразительным.

— Кому ты служила при жизни, чьи знамена носила? — спросил он. Нониус всегда проявлял нездоровый интерес к людям, пытающимся его убить. — Почему ты мне враг?

— Я всегда служила мести, — ответила Спящая. — Мои знамена… черт, я не собираюсь так разговаривать!

— Гордо спускайся в Реку. — В его голосе послышалась искренняя грусть. — Возвращайся в бурные воды. Жалко губить мне…

Она стремительно бросилась на него. Дубинка врезалась в рапиру, Спящая ударила ножом снизу вверх, целясь в горло, но, почти достав Нониуса, она повернула клинок в руке, и его кинжал поймал только воздух. Рукоять ножа ударила его под подбородок, заставив запрокинуть голову. Длинная тонкая струйка крови выплеснулась изо рта и зависла в воздухе на целых полсекунды. Он уже падал, но его кинжал преодолел расстояние между ними и попал ей в ребра, прочертив длинную красную полосу.

Харроу видела, что на другом конце зала Дульси Септимус пытается выйти в дверь. Ее рыцарь, который стоял, опираясь на косяк, протянул руку и поймал ее. Она возмутилась. Он взглянул на Ортуса, и они обменялись угрюмыми солдатски-

ми кивками.

— Септимус отлично придумала, — прошептала Харроу. — Если сейчас я подниму конструкт, как можно ближе к Спящей, сзади… Диас не так сильно ранена, и у нее осталась рапира…

— Нониус сражается в одиночку, — с трудом сказал Ортус.

— Нигенад, ты понимаешь, что это не совсем стихи?

— Ты видела, что случилось с ружьем. Здесь действуют правила, Харрохак. Я уверен, что мы проиграем, если нарушим их.

Харроу закусила губу. Чем грубее и ожесточеннее становился бой, тем очевиднее делалось превосходство Спящей. Нониусу не хватало места, чтобы как следует действовать рапирой. Он постоянно держал ее очень близко к телу, она служила скорее щитом, чем безжалостным скальпелем, каким должна была быть. Пол между сражающимися превратился в лужу крови, в которой скользили ноги. На глазах у Харроу Нониус сделал что-то хитроумное кинжалом, далеко отбил удар Спящей, она на мгновение потеряла равновесие и отступила на шаг, освободив рапиру. Он приготовился к выпаду, но Спящая обрушила дубинку ему на локоть с безжалостной

силой мясника, отбивающего бифштексы. Нониус вскрикнул в голос, и черная рапира Дрербура упала на пол из разжавшихся пальцев и зазвенела. Спящая подошла ближе, откинула голову и ударила его лбом, скрытым золотой маской, в незащищенное лицо. Послышался жуткий треск.

Он отшатнулся и чуть не рухнул на пустой саркофаг. Пустая правая рука взлетела к глазам. Спящая приближалась. Свежая кровь нарисовала насмешку на бесстрастной золотой маске.

— Неплохо работаешь ногами, говнюк, — сказала она и замахнулась ножом.

Матфий Нониус вырвался из саркофага, как гнев императора. Он обрушился на Спящую всем телом, почти уронив ее, и попытался всадить кинжал в открытый бок. Она отбила кинжал дубинкой, а он ударил ее в живот коленом, схватил свободной рукой за затылок и ударил коленом в горло. Они схватились — Харроу слышала ее влажный кашель из-под маски, и она сумела оттолкнуть его в сторону, но он тут же ударил ее кинжалом, чуть не вскрыв ей живот. Харроу успела заметить его лицо, сплошь покрытое кровью: нос сломан, губы и подборок мокры от крови, кровь в глазах, кровь в волосах. Он выглядел холодным и сосредоточенным убийцей. Как будто

потеря рапиры сняла какое-то ограничение. Он даже не казался злым. Он просто стал смертью в человеческом облике.

Спящая махнула дубинкой, он схватил ее за руку, вывернул и резко дернул вниз. Рука влажно хрустнула. Потом он схватил ее за затылок, будто хотел поцеловать, и вонзил кинжал ей в живот.

Она бросила нож, который звякнул об пол рядом с дубинкой, и обеими руками схватила его за горло. Он впечатал ее в стену и они боролись примерно секунду. Потом он освободился из ее захвата и отскочил. Из оранжевой ткани на животе торчала черная рукоять кинжала.

Пока Спящая пыталась вытащить кинжал, Протесилай из Седьмого дома отлепился от двери и сделал несколько шагов. Он отцепил с пояса рапиру в ножнах, взмахнул рукой и швырнул ее вперед. Нониус схватил изящно украшенные ножны окровавленной рукой, вытащил чудесную рапиру Нерасцветшей розы и, когда Спящая отпрыгнула от стены, размахивая дымящимся от ее собственной крови кинжалом, вонзил рапиру ей в сердце.

Рапира проткнула ее насквозь, вошла в грудь по самую рукоять. Она упала, дергаясь, и он опустился на землю рядом с ней, поддерживая ее

свободной рукой. Только когда Спящая застыла, он извлек рапиру, вышедшую из раны с влажным шелковым шорохом.

Свечи последний раз вспыхнули черным огнем. Пламя съежилось, став совсем маленьким и тусклым. Трубки и связки начали падать на землю с таким звуком, как будто с высоты шлепались колбасы. Рухнув на пол, они распадались розоватой пылью. Сосульки тоже падали, одна за другой, и таяли, не долетая до пола. Раздалось гудение, щелчок — и лампы под потолком заработали, залив все ярким, безжалостным белым светом. Харроу сделала несколько шагов и опустилась на колени рядом с призрачным фехтовальщиком своего Дома, который осторожно снимал маску с лица Спящей.

Ее лицо расслабилось. Его покрывала кровь, текущая из носа и рта, но ни одной царапины на нем не было. Густой хвост волос был заправлен за воротник, но несколько прядей выбились и рыжими завитками прилипли ко лбу и щекам. Гордые, мертвые, неумолимые глаза слепо взирали на всех собравшихся, пока Ониус не закрыл их. Харроу не поняла, зачем он это сделал.

Голубое пламя больше не лизало юбки и руки Абигейл. Она опустилась на колени на жесткую

металлическую решетку, не обращая внимания на неудобство, и спросила:

— Харроу, ты ее знаешь?

У Спящей было лицо женщины с портрета, висевшего в шаттле, там, на планете, которую Харроу убила. Женщина, застывшая за спиной у Короны и Юдифи, знакомая женщина с безжалостными глазами пыталась захватить душу Харроу.

— Вообще не знаю, — ответила она.

Нониус с трудом встал. Вытер чужую рапиру о штаны, повертел ее так и этак и протянул Протесилаю, который то ли поддерживал Дульси, то ли опирался на нее. В любом случае выглядело это странно.

— Это достойный клинок, — сказал он. — Не могу дать я тебе ничего, кроме крови чужой…

— Я бы хотел, чтобы весь мой Дом узнал о чести, которой я удостоился, — сказал Протесилай. — Если бы мне снова пришлось стать живым, я бы посоветовал Седьмым отправиться в Дрербур и поучиться там искусству боя. Если бы мне досталось еще пять минут жизни, я бы потратил их на прославление тебя. Я бы не сказал ничего, только выразил бы глубочайшее почтение тебе, Девятому дому и твоему невероятному искусству.

— И напрасно бы потратил пять минут, — вполголоса пробормотала его некромантка. Рыцарь Харрохак ухмылялся, почти не скрывая ликования.

— Моя госпожа, — сказал Ниниус.

Он повернулся к ней и изящно поклонился. Она поклонилась в ответ и ответила:

— Надеюсь, кости твои в Анастасиевом монументе будут благословлены за твою службу.

— Прах мой слишком далеко от дома, — сказал рыцарь со слабой улыбкой, — но, госпожа, мне достойной наградой встреча с тобой. Мне бы лишь знать, что мой Дом не сдается врагам… и почему я разговариваю стихами?

— Госпожа, восхвалять нужно вас, — говорил Ортус Абигейл. — Известия о такой некромантии должны разнестись по всем Девяти домам, как… как последние слова умирающего. Если бы я был жив, я бы завершил свой великий труд и сразу бы перешел к следующему. Я назвал бы эту поэму «Пентиадой»… наверное, я чередовал бы пятистопные и девятистопные стихи… очень далеко от моей первой работы, но все-таки напоминает о ней. Я сложил бы о вас поэму, госпожа Абигейл, но вы и есть поэма.

— Я же запретил тебе флиртовать с моей же-

ной, — заметил Магнус и, увидев лицо Ортуса, немедленно добавил: — Шутка! Это шутка! У вас в Девятом доме нет такого понятия? Это многое бы объяснило.

— Ортус, — серьезно сказала Абигейл. Это был первый раз, когда она выглядела хотя бы немного неидеально. Волосы, обычно зачесанные до зеркальной гладкости, перепутались так, будто их хозяйку тащили сквозь кости. Она вся промокла от пота и постоянно потирала руки. Харроу разглядела, что руки обожжены.

— Ортус, это не должно было сработать. У нас не было права призвать душу Матфия Нониуса. Твоя рапира не имеет с ним прочной связи, у нас не было танергического направления, у нас вообще ничего не было, кроме рукописи… прости, я позволила себе исправить несколько орфографических ошибок. Надеюсь, ты не против.

Харроу была уверена, что Пент не представляет, насколько чудовищно задела сейчас Ортуса и как это повлияло на его благодарность. Судя по мрачному выражению его лица, лучше было бы заставить его съесть книгу.

— Как выясняется, я создала связь с призраком, основываясь на… ну, чисто страсти.

Призрак повернулся к Ортусу. Когда они стояли

рядом, видно было, насколько Ортус им восхищается. Харроу ожидала увидеть такой же ужас на лице рыцаря. Но когда Ортус посмотрел на призрака, которого почитал всю свою жизнь — и это тоже объединяло ее с собственным рыцарем, — он сильно покраснел.

— Я недостоин, — просто сказал он.

— На самом деле это неправда, — сказал Матфий Нониус. — Если Пятая не лжет, если твое искусство стало якорем, который притянул меня сюда и дал мне тело и клинок для битвы, то победой мы обязаны твоему искусству, а не моей силе.

Харроу отвернулась. Со всех сторон доносились звуки: капала вода, шлепалась на пол плоть. Ее многослойные одежды вдруг показались очень теплыми. Все остальные тоже скидывали плащи и перчатки. Воздух стал чище, вонючий туман исчез. Размотав длиннейшую полосу ткани, закрывавшую шею, Харроу поняла, что ее влечет к себе мертвая Спящая.

Кончину ее нельзя было назвать мирной. Лицо ее выражало скорее решимость, чем покой. Когда начнется трупное окоченение — а начнется ли оно в этой пародии на реальность, — лицо застынет и покажется отчаянным. Подбородок

женщины казался твердым, челюсть жесткой, носолобный угол почти отсутствовал, а ноздри были широкие и плоские, как у кошки. Челюсть, брови и глаза что-то напоминали Харроу.

Из-под оранжевого воротника торчало что-то серое, сильно выделявшееся на мертвой коже. Харроу присела и пальцем подцепила эту вещицу. Это оказалась тонкая цепочка. Харроу потянула сильнее и вытащила ее целиком: плоские металлические звенья, никаких подвесок, кроме плоского стального жетона в палец длиной. Она перевернула жетон. На обратной стороне красовалось одно-единственное слово:

Вспомните.

— Преподобная дочь, — вежливо сказал Ониус.

Она встала и повернулась к нему. Древний призрак ее Дома выглядел черт знает как. Он вернул рапиру и кинжал в ножны, но лицо и шею его покрывала стремительно засыхавшая кровь, местами прочерченная дорожками пота. Темные глаза налились кровью, волосы перепутались, разбитая губа распухла. За собой он оставлял липкие красные следы.

— Остались ли враги у тебя? Стремится ли кто-то вред тебе причинить?

— Если и да, то мне об этом неизвестно. Пент, ты чувствуешь какие-то следы чужого присутствия?

— Твоя душа снова принадлежит тебе, но мне кажется, что у призрака осталась физическая точка опоры на той стороне. Победа здесь не уничтожила его там. Единственный надежный способ изгнать призрака — уничтожить физический якорь, пока призрак не успел его покинуть. Неодушевленное можно уничтожить, трупы тоже, если удалить мозг. Но, Харроу, у нас есть и другие проблемы.

Шлепки кусков плоти об пол уже стали фоновым шумом. Но дом Ханаанский вдруг вздрогнул — не громко и свирепо, а как-то очень скромно, хотя большая часть его фасада отвалилась. С потолка посыпалась клубами пыль, мягко поблескивая в свете белых, мигающих ламп. Все смотрели на эту пыль с тревогой разной степени, кроме Абигейл, которая что-то мрачно предвкушала.

— Слушайте все. У нас мало времени, пузырь деформируется, — быстро сказала она. — После множества разных переходов возникло слишком много точек, где он не согласуется сам с собой.

— Очередная перестановка? — спросил Магнус. — Начнется новый сценарий?

— Нет, — ответила его жена. — Воспоминания… выровнялись, захватчик изгнан. Моллюска больше не тревожит песчинка, которую он мог бы сделать жемчужиной. В зависимости от того, что происходит снаружи… все эти внешние факторы приведут к естественной кончине пузыря. Нам, призракам, нужно вернуться в Реку — иначе душа Харроу может нас поглотить или изгнать.

Снова раздался низкий гул и далекий, довольно музыкальный грохот, с которым очередная стена медленно сложилась и превратилась в кучу мусора.

— Если я исполнил долг перед тобой и Домом, меня призывает другой. Древний долг, который я хочу выплатить, — вдруг сказал Ниус. — Могу ли я покинуть эти залы с твоего благословения, моя госпожа?

— Долг? — поинтересовался Ортус с нажимом.

— Жуткая тварь идет по Реке, король всех чудовищ. Противник и союзник сражается с ним в одиночку, и я не готов уступить ему славу за победу в таком невозможном бою. Отпусти меня помочь ему.

Ужасное осознание поразило Харрохак в самое сердце. Она пробыла тут, как казалось ей самой, так долго, что совсем забыла о жутких пробле-

мах настоящего. О реальности, которая все еще существовала, о том, что она сама все еще жива, вопреки своим последним осознанным воспоминаниям. Король всех чудовищ в реке. А еще хуже было понимание того, что она проиграла битву длиной в десятилетие.

— Ты имеешь в виду ликтора, — сказала Харроу. — Ты правда сражался с ликтором.

— С третьим из святых, что служит десницей Императора Неумирающего, — подтвердил он. И, на тот случай, если она чего-то не поняла, добавил: — С тем святым, что носит имя долга.

— Почему он сражается один? — спросила она. Паника, показавшаяся какой-то далекой, поползла по позвоночнику. — Где Августин и Мерси? Где Ианта?

— Я не знаю этих имен. Даже его имя от меня скрыто. Мы встретились очень давно, и я сразился с ним.

Харроу очень старалась не смотреть на Ортуса. Он оказался достаточно великодушен, чтобы ничего не сказать, но если бы он посмотрел на нее хотя бы с намеком на самодовольство, она бы пнула его по лодыжке.

Грохот наверху стал громче.

— Но ты наполовину мертв, — сказала Хар-

роу. — Зверь Воскрешения пугает призраков…

— Я не наполовину мертв. Я просто мертв, вот и все. Но я не боюсь. Эта битва закалила меня и пробудила мои чувства. Я, если тебе угодно, размялся… хотя я понимаю, что это не идеальное слово.

— Я пойду с тобой, — сказал Ортус.

— И я, — вдруг добавил Протесилай.

— Ортус, — ответила Харроу. — Нет. Ты не представляешь, о чем говоришь. Зверь в Реке — это душа мертвой планеты, явившаяся, чтобы уничтожить императора. Если ему противостоит только один ликтор… он уже мертв, Нигенад.

Ничего более неудачного она придумать не могла. Он сверкнул глазами:

— Я всю жизнь прожил в страхе, госпожа моя Харрохак. Я не стану бояться в смерти. Я понял, что я больше не боюсь ничего… ни смерти, ни законов, ни чудовищ. Я пойду в наступление, пока я не успел передумать и снова стать трусом. Даже если я смогу только наблюдать, отпусти меня. — Заметив, как она ошеломлена, он тихо добавил: — А что мне еще остается, Харроу?

Она поняла, что удерживать его бесполезно. Испуганный Ортус был чрезвычайно упрям. Очевидно, храбрым он стал еще хуже. Она не знала,

что сказать? Поблагодарить его? Сейчас? Сердечно попросить никуда не лезть и не тратить свой призрачный адреналин на тварь, которую он в принципе не мог понять?

К этому моменту уже заговорила более тактичная Пент:

— Я искренне верю, что Реку можно пересечь, Нигенад. Пойдем со мной и Магнусом. Вместе мы поможем Жанмари и Исааку…

— Если путь на другую сторону есть, вы его найдете, — спокойно сказал он. — Я счастлив, что в своей недостойной смерти встретил вас. Я напишу «Пентиаду». Это будет не длинная поэма… даже очень короткая, если Харроу права. Мое сердце зовет меня уйти с героем моего Дома и с героем Седьмого дома.

— Я счастлив буду сражаться с тобой плечом к плечу, Ортус Нигенад. Никогда больше я не стану сомневаться в воле Девятых, — сказал невероятно занудный герой Седьмого дома, кашлянул и продекламировал: — В бурю дерево радо корням, а не ярким цветам.

— Хорошо сказано, — заметил Ортус.

— Это из моего длинного стихотворения, — признался Протесилай.

— Я тоже пойду, — сказала лейтенант Диас

из-за их спин.

Все повернулись к ней. Раненой рукой она все еще держала рапиру. Харроу заметила, что рукоять примотана к перчатке проволокой, чтобы рапира не выпала из пальцев. Грязная, измазанная кровью Диас была совершенно спокойна.

— Я иду, — повторила она и пожала плечами. — По правилу Когорты.

— Что за правило, Марта? — удивилась Абигейл.

— Слабакам не положено пиво, — ответила Диас и добавила, помолчав: — Наверное, это не официальная формулировка, но я другой не слышала.

— Никогда такого не слышал, — в восторге сказал Магнус.

— А я вот слышал, — признался Матфий Нониус.

Все смотрели на Харроу, ожидая ее вердикта. Легенды, солдаты, поэты, Магнус.

— Нониус. Нигенад. Я не имею права вас удерживать, — наконец сказала она. — Вы оба достойно служили своему Дому, и я благодарю вас обоих. Нониус, если ты задолжал святому долга, он может принять твою помощь. Иди. Я сама должна вернуться как можно скорее.

Он отступил на шаг и поклонился ей. Это было очень простое незатейливое движение, которое в «Ониаде» заняло бы полстраницы. Времени на долгие речи у него не было, да он и не склонен оказался к долгим речам, вопреки двенадцати книгам, прославлявшим его многословие. Он сказал только:

— Спасибо и прощай. Пятая, говорящая с духами, можешь ли ты отправить нас четверых на берег?

— Легко, — сказала Абигейл.

Она положила руки на плечи Протесилаю и Ортусу, посмотрела на них сквозь толстые очки и сказала быстро:

— Вы…

— Во славу Седьмого дома, — сказал Протесилай.

— Во славу Второго дома, — сказала Марта.

— Во славу Девятого дома, — сказал Ортус.

Свечи снова вспыхнули, черное пламя почти лизнуло потолок, дом Ханаанский опять содрогнулся, как будто началось землетрясение, лампы замигали и ненадолго погасли… и четверо рыцарей пропали. Ушли в Реку. Харроу поняла, что представляет себе эту картину. Как они выходят из бурных вод перед святым долга, который

держит в руках копье и рапиру. За ним высится что-то огромное, что невозможно охватить взглядом. Оно мрачнее смерти, оно невообразимо, оно наступает на четверых мертвых воинов и ликтора.

Она не попрощалась. Ей так редко приходилось прощаться.

* * *

Лампы снова замигали. Из-под ног поднимался полупрозрачный туман, слегка пахнущий дымом. Свечи окончательно погасли, и их маленькие шелковистые души вознеслись в небо, в металлические балки. В воздухе повис вездесущий, приставучий запах горящей пыли, грохот рассыпающихся камней и ломающегося металла стал постоянным. Они смотрели друг на друга измученно и смущенно: Харрохак и призраки Дульсинеи Септимус, Магнуса Куинна и Абигейл Пент.

Харроу ощутила все нарастающее волнение, которое не могла подавить, и коротко спросила:

— Какова моя роль в этом исходе, Пент?

— Если ты останешься, то ты, конечно, себя не поглотишь и не изгонишь, — сказала Абигейл, но как-то уж очень осторожно. — Ты — хозяйка

этого места, и можешь уйти отсюда только добровольно… или тебя можно изгнать силой, как попыталась Спящая. Духи всегда стремятся вернуться в свои тела и чахнут без них. Ты можешь уйти в Реку, навсегда покинув тело — или просто вернуться и проснуться.

Гидеон.

В доме Ханаанском ее смущало то, что она все время возвращалась мыслями к Гидеон. На одно краткое и прекрасное мгновение она обрадовалась этому: этой крошечной вечности между прощением и медленной, нерассуждающей агонией. Гидеон закатывает рукава рубашки. Гидеон исчезает в тени, нарушая обещание. Одна идиотка с мечом и асимметричной улыбкой стала концом Харроу: этот апокалипсис произошел быстрее, чем погасло бы солнце в случае смерти императора.

Она могла отпустить себя или вернуться в тело и отпустить *ее*.

Нав приняла свое решение, когда смерть в любом случае сделалась неминуемой. Она могла сказать: «Харроу выживет» или «Харроу умрет». И она, мать ее, сказала: «Харроу выживет», что нужно было уравновесить. «Гидеон умрет». А теперь она снова стояла перед выбором, которого

всегда жаждала. Возможностью сказать *да* и возможностью сказать *нет*. Стрелка весов склонялась от *нет* в сторону *да*.

— Если я вернусь, я окончательно уничтожу ее душу.

Магнус подошел и взглянул Харроу прямо в глаза. Она вдруг почувствовала, что этот самый человек, про которого Гидеон целую жизнь назад сказала, что он был добр с ней. Выражение его лица стало жестким, но глаза остались добрыми. Вот только доброта — это нож.

— Все это случилось потому, что ты не смогла смириться со смертью Гидеон. — Удар был нанесен с точностью, доступной не всякому Ониусу. — Я тебя не виню. Но где бы ты оказалась прямо сейчас, скажи ты себе «она мертва»? Ты держишься за нее, как влюбленный за старые письма, но, умерев, она перестала быть Гидеон. Именно так и работает ликторство, разве нет? Она умерла. Она не сможет вернуться, даже если ты засунешь ее в ящик и не станешь туда смотреть. Ты не ожидаешь ее воскрешения. Ты превратила себя в ее мавзолей.

Его жена посмотрела на Харроу и пробормотала:

— Да уж, Магнус, ты попал в точку. — Но он

проигнорировал ее, что было весьма необычно.

— Знаешь, Абигейл меня бросила, когда нам было по семнадцать. Я три года хранил оторванный уголок от ее бальной карточки. Там не было никаких надписей, ее инициалов или моих. Просто уголок.

Одна из ламп оторвалась от потолка и рухнула на пол, оставляя за собой ливень искр. Харроу показалось, что зазвонил колокол.

— Это просто твой оторванный уголок карточки, — продолжил Магнус. — Ты умная девушка, Харрохак. Тебе придется усвоить один из тяжелейших в жизни уроков: урок горя.

Падающая с потолка пыль превратилась в пыльную метель, одна из стен прогнулась. Если разрушение дома Ханаанского продолжится с той же скоростью, даже если предположить, что это всего лишь метафорический сдвиг, стены совершенно не метафорически расплющат всех в лепешку. Правила есть правила. Если кусок ее психологического ландшафта рухнет на Абигейл, Дульси или Магнуса, это будет вторая смерть. Их духи будут стерты из вселенной и никогда не войдут даже в Реку. Они сгрудились вокруг нее, как растения, тянущиеся к солнцу. Как будто она была оком бури и разрушение вращалось

вокруг нее, а земля под ее ногами оставалась спокойной.

Харроу внимательно посмотрела в лицо Дульси: странное замкнутое спокойствие снова сделало ее старой. Тоненькие морщинки по обеим сторонам рта говорили, что в ее жизни был свой урок страдания.

— Тогда остается Река, — сказала Харроу.

— Река — это безумие, — немедленно ответила Абигейл. — Ты никогда не была там в качестве лишенной якоря души. Ты не знаешь, как это. У меня нет ни малейшего представления о том, что случится со второй душой, состоящей в ликторской связи, если душа хозяина покинет тело. Ты жива, Харрохак. Это что-то да значит, когда мы говорим о душах. Твоя душа стремится к телу, и если она не найдет другого обиталища, я даже не могу быть уверена, что в своем безумии ты не умудришься найти путь обратно… теоретически.

Харроу сдерживалась изо всех сил, но ее голос прозвучал жалобно и по-детски:

— Я ничего не могу сделать, входя в Реку, чтобы остаться в разуме?

— Нет, — ответила Абигейл, — это Река. Она движется. Тебе следовало выбрать путь призрака и путешествовать по танергической связи, но это

тоже безумие. Сидеть внутри, не знаю, чайника, цепляться за него, ничего не понимая и медленно сходя с ума. Как я уже говорила, твоя душа стремится к телу. Что, если ты окончательно сойдешь с ума и поглотишь сама себя, создавая своеобразную смесь — ты же поняла, кем был Учитель — сочетание твоей души и фрагментов души Гидеон? Харроу, ты выбираешь между знакомым путем и омерзительной неизвестностью. Не выбирай неизвестность.

— На твоем месте, — вставил Магнус, — я бы вернулся домой и жил ради нее.

В коридоре послышался громкий взрыв, а потом мерзкий треск, когда совсем рядом рухнула балка. Шум был поразителен. Казалось, что весь мир вокруг корчится и орет от боли. Призывательница духов из Пятого дома потеряла самообладание и взяла Харроу за руки:

— Прости, Харроу. Я бы хотела, чтобы было по-другому. Это все совершенно ужасно.

Потолок над ними прогибался и дрожал, но держался. Харроу посмотрела на напряженные лица вокруг. На серьезные черты рыцаря Пятого дома, веселое лицо которого приобрело потустороннее достоинство. На его жену-историка, за которую, как она теперь знала, не получится отомстить.

Трагедия гения, погибшего бессмысленной смертью. Невосполнимая потеря для всей вселенной.

Как будто вселенная способна выдержать еще несколько дыр. Как будто сама ткань вселенной еще не стала одной сплошной прорехой, кое-как удерживаемой вместе обрывками тех, кто остался. Сможет ли схема с такими лакунами сохраниться? Сможет ли она, которая когда-то считала себя весьма искушенной в одиночестве, жить дальше одна? Ответ был совершенно очевиден. Нет. Она не была готова даже к вопросу.

И все же, все же Харрохак сказала:

— Идите, пока на вас не упала крыша.

Абигейл устало и грустно улыбнулась. Совершенно Пятое смущение.

— Сначала скажи, что ты будешь делать. In loco parentis, понимаешь? Я почему-то чувствую себя ответственной. Обещай мне, что будешь жить.

— Гидеон уже все решила за меня, — ответила Харроу. Она совсем не боялась, просто руки тряслись независимо от нее самой.

Первый кусок потолка рухнул тяжело и непреклонно, заставив всех дернуться. Магнус машинально попытался прикрыть их всех руками, и Абигейл, Дульси и Харроу съежились под этим оптимистичным зонтиком. Харрохак коротко

сказала:

— Пент, Куинн, Септимус. Я плохо умею благодарить и еще хуже умею прощаться. Поэтому не стану даже начинать.

— Ты… — сказал Магнус.

— Однажды я умру, меня похоронят, и тогда мы об этом поговорим, — ответила Харроу и поняла, что разговаривает вовсе не с ними. — А до того… боюсь, мне придется жить.

— Тогда мы не прощаемся, — сказала Абигейл, потянулась и заправила прядь волос Харроу за ухо. Харроу очень постаралась, но не смогла почувствовать, что это ее унижает. — Я верю, что мы снова увидимся.

— Жанмари велела передать Гидеон привет, — быстро вставил Магнус. — Если ты увидишь ее раньше нас…

— Но постарайся не очень торопиться, — сказала заклинательница духов.

Снова замерцало голубое сияние, и они исчезли без всякой торжественности, оставив ее одну — с Дульсинеей Септимус.

Мягкая рябь внутри пузыря не задела Седьмую. Она стояла посреди падающей пыли и визга ломающейся стали, ее кожа походила на паутину, а короткие кудряшки цвета коричневого сахара

прилипли к скальпу, промокнув от крови и пота. Харроу в ужасе придвинулась к ней поближе, пока вокруг рушился мир.

— Ой, я, как всегда, не делаю того, что мне говорят, — сказала Дульси. — Еще секундочку.

— Уходи скорее, — удивленно сказала Харроу. — Если я когда-нибудь еще увижу Паламеда Секстуса, я вовсе не хочу ему объяснять, почему я снова подвергла Дульсинею Септимус опасности.

— Я, пожалуй, рискну задержаться еще ненадолго, даже если меня раздавит. В Седьмом доме говорят, что истинная красота в пустоте, так что нестрашно.

— Септимус, если ты хочешь проследить, что я вернусь в тело, можешь быть уверена, что я не передумаю.

Лицо Дульсинеи вдруг стало как две капли воды похоже на лицо Цитеры — но при этом не имело с ним ничего общего. Она улыбнулась невероятно печальной улыбкой, которую невозможно было увидеть на лице ликтора. Взяла Харроу за руку — коридор слева от них обвалился.

— На самом деле я хочу тебе кое-что сказать.

50

Тридцать минут до убийства императора

Харроу, все то время, что Ианта тащила меня по жутким радужным коридорам, я не понимала, какого хрена с тобой произошло. Я была твердо убеждена, что в любой момент снова плюхнусь в воду, а мое место займешь ты и сбережешь мою задницу от необходимости здороваться с императором Девяти домов. Я никогда не хотела встречаться с богом. Ни один герой комикса никогда не встречался с императором. Он служил только предлогом, чтобы выпилить кого-то из сюжета, отправив служить Князю Неумирающему. Я почему-то решила, что встреча с богом по определению становилась концом истории. Что это всего лишь способ освободить место для нового персонажа.

Мы дошли до непримечательной полуоткрытой двери — реально непримечательной, дверь покоев императора могла бы с тем же успехом вести в чулан со швабрами — и Ианта застыла на месте.

Я врубилась: дверь не должна была быть откры-

той. Ианта прижала палец к губам и бесшумно толкнула дверь. Мы просочились в полутемный и ужасно скучный коридор. Еще одна полуоткрытая дверь по левую руку вела в странно знакомую гостиную. Это зрелище чем-то отозвалось в глубинах моего мозга: я знала, что ты бывала там, но некоторые воспоминания казались моими собственными, а другие словно нашептывали мне издалека. Тридентариус прижалась к стене, чтобы заглянуть в эту дверь, и я сделала то же самое. Ну блин, интересно же.

В комнате оказалась Цитера. Тело Цитеры, обращенное к нам спиной. Связка довольно противных на вид сухожилий привязывала ее к стулу.

Я не видела, кто с ней говорит.

— …Не слишком сложный вопрос, — произнес кто-то без особого интереса. — Тебе нечего скрывать. Я просто хочу понять — как? Серьезно, я скорее впечатлен, чем зол.

Голос оставался хриплым:

— Я обвиняю тебя в деяниях, направленных на полное или частичное уничтожение человеческой расы.

— Командор…

— Единственный возможный приговор за та-

кие преступления — смерть. Неоднократные массовые убийства, полный распад политических и социальных институтов, гибель языков, культур, религий, красоты и личных свобод, посредством…

— Командор Уэйк, — сказал он. Кажется, он потер лицо ладонью и устало вздохнул. — Я все это уже слышал.

— Называй меня полным именем или вообще никак не называй. Будь я проклята, если упущу шанс услышать, как ты произносишь эти слова.

Император Девяти домов снова вздохнул:

— Командор *Вспомните о славных мертвецах!*

— Полностью!

— Не могу поверить, что ты чувствуешь себя вправе что-то от меня требовать.

— Полностью, Гай.

Послышался звук, будто он набирал в грудь воздух.

— Вспомните о славных мертвецах Киа Хуа Ко Те Пай Вернись в реальность ух ты гравитация [4], — выпалил он на одном дыхании. — Верно?

---

[4] Примечания: 4

Первая часть девиза командора — цитата из «Генриха V» Шекспира, вторая — строка из гимна Новой Зеландии на языке маори (означает что-то вроде «Да процветает все хорошее»), а третья вообще взята из песни Эминема.

— Эти слова мертвы, их произносили люди больше десяти тысяч лет назад, — сказал труп. — И как они тебе?

— Очень грустно, до смешного, — ответил бог. — Мы можем поговорить?

Наступила тишина. Спутанные волосы на мертвом затылке не шевелились.

— Уэйк, ты пытаешься покончить с собой этим способом, сколько я тебя знаю. Я вижу, когда от меня пытаются чего-то добиться. А ты ведешь себя так, как будто очень хочешь, чтобы я тебя убил.

— Телепатия. Десять миллиардов дали тебе еще и это.

— Если бы, — сказал император. — Уэйк, ты ведешь себя так, как будто твоя миссия завершена, и ты хочешь, чтобы я вывел тебя из уравнения.

Молчание.

— Что это была за миссия?

Молчание.

— Как она закончилась? Что ты пыталась сделать?

— Я не собираюсь с тобой разговаривать.

— Мы оба знаем, что это не так.

Тихое звяканье фарфора. Кажется, император пил чай. Ианта смотрела куда-то вперед, изо всех

сил вжавшись в угол. Помимо нас, в этом углу оказалась белая мантия, свисавшая с крючка, и Ианта забилась под нее, как будто мы играли в прятки. Я сделала то же самое, и мне пришлось смотреть на происходящее сквозь тонкую ткань, почти прижимаясь к Ианте. Могла бы мне посочувствовать.

— Кровь Эдема умерла вместе с тобой, Уэйк. Остальное — агония.

— Мы оба знаем, что это не так.

— Ты бы не стала стрелять в мой флот ядерными зарядами.

— Да, ты хорошо меня знаешь, — согласился труп. — Наверное, почти так же хорошо, как я тебя.

— Я очень многого о тебе не знаю, — сказал бог. Сквозь ткань я разглядела шевеление — он встал. Я увидела локоть и руку с кружкой. Он наклонился над стулом, который я целиком разглядеть не могла.

— Я многое хочу узнать. Почему тогда ты выбрала Девятый дом, Уэйк? Там ничего нет.

Она молчала. Рука с кружкой шевельнулась, он продолжил:

— Гидеон. — Очень странно. — Потратил целых два года, чтобы выследить тебя и убить. Даже с

учетом того, что ты делала из себя его главную цель, у тебя было достаточно времени, чтобы причинить серьезный ущерб. Зачем ты потратила силы на самый маленький из Домов? Если бы ты выбрала Третий, то сделала бы намного хуже. И это не было случайностью. Ты обошла ложную цель в атмосфере. Ты нашла точные координаты Дома. — Долгое молчание. — Не хочешь об этом поговорить?

Молчание.

— Ты была призраком почти двадцать лет, Уэйк. Это невероятно. Ты действительно такая, как о тебе говорили.

Молчание.

— Ты не некромант…

— Некромантия — зараза, которую ты выпустил на волю, — сказала она. — Некромантию необходимо методично и безжалостно истребить.

— Что за нетерпимость, командор. Я не стану тебя за нее убивать, но она вредит твоему делу, — спокойно сказал он. — Я могу найти сколько угодно милых картинок с некромантами-малышами с первой косточкой в руках. Это, конечно, не хорошенькие пухлые младенцы, но что-то в них есть. А никто не любит слов «дети» и «истребить» в одной фразе.

— Сколько детей погибли из-за бомбы, Гай?

— Все.

Через мгновение он продолжил:

— Меня не интересует эта игра, командор. Давай ускоримся. Ты расскажешь мне, по какой танергической связи пробралась сюда, потому что тебя точно не было в теле Цитеры в доме Ханаанском. Расскажешь мне, что ты делала в Девятом доме девятнадцать лет назад, и я отпущу тебя в Реку, где тебе самое место… кто там?

Я подумала, что мы выдали себя, но тут дверь распахнулась, чуть не пришибив нас с Иантой. Мимо нас кто-то прошествовал в вихре белой ткани, и бог со звоном поставил свою кружку на стол. Мы застряли за вешалкой у двери и теперь видели только двоих в грязных белых одеждах, молча смотрящих туда, где, по идее, находился бог. Там была ликтор, которая пыталась убить тебя, и ликтор, который испугался моего лица.

Все молчали. Вся комната задержала дыхание. Только через секунду или две император тревожно сказал:

— Седьмой номер…

— Седьмой номер может нас сожрать, если ему угодно, — ответила Мерсиморн очень тихо. В ее голосе было спокойствие человека, который уже

не может бояться. — Все кончено, Джон. Все вышло наружу. Через десять тысяч лет, но вышло.

Ответа не было. Все были неподвижны, как будто мы оказались в жутком кукольном доме.

Потом он сказал, словно бы удивившись:

— Что вышло наружу?

— Думаю, что разочаруюсь, если ты сейчас во всем признаешься, — после паузы сказал ликтор по имени Августин. — Но давай, попробуй. Исповедуйся, будь тем, кого мы хотим видеть, а не тем, кто ты есть.

— Не хотелось бы быть грубым, — сказал бог. — Но… у меня проблемы?

Святая радости плюхнулась в пустое кресло и злобно зарыдала. Она прятала лицо в ладони и отчаянно ревела секунды четыре — все происходило быстро — а затем снова встала, вылив все слезы.

— Возможно, сейчас не время, — сказал он. — Мы ведь… не одни.

Я снова подумала, что мы шумим. Но он указал на человека в теле Цитеры, все еще привязанного к стулу. Оба ликтора посмотрели на нее так, как будто раньше не заметили.

— Мерсиморн из Первого дома, Августин из Первого дома, познакомьтесь с командором.

Вспомните о славных мертвецах, приношу свои искренние извинения, если я где-то ошибся. Уэйк, Мерси, Августин.

— Мы встречались, — довольно заявил труп.

Прошелестели рапиры, которые разом выхватили из ножен Августин и Мерси. Я не видела их лиц. Я даже не слышала дыхания Мерсиморн: может быть, ликторы вообще не дышат. Я решила не спешить с экспериментами.

Голос с другого конца комнаты заявил:

— Рапиры в ножны.

Они не послушались. Но и не подошли к привязанному трупу — к Уэйк. Она повернула голову, чтобы посмотреть на них. В волосах у нее застряли розовые лепестки.

— Вы встречались, командор? — тихо сказал бог. — Не расскажешь ли поподробнее?

— Я встречала женщину. Мужчину никогда не видела. Она говорила за обоих.

— Это невозможно, — сказала Мерси. — Этого не может быть.

— Очевидно, может, — сказал другой ликтор.

— В каких обстоятельствах? — спросил бог.

— Они работали на меня, — ответила мертвая командор.

— Ты себе льстишь или просто специально

врешь? — поинтересовалась Мерсиморн.

— Радость… — попытался перебить ее другой ликтор, но она поспешно заговорила:

— Нет уж, пусть. Если это началось, то пусть. Мы договорились, Уэйк! В какой дыре ты пряталась девятнадцать лет?

— В той, где вы меня бросили, — проскрежетала она. — В моих собственных гребаных костях. Потом в клинке. В той чертовой дыре.

— Мерси, не трать время, — сказал Августин. — Если это действительно та самая леди, то Гидеон вполне убедительно доказал, что не пригоден ни для какой работы, кроме приготовления примитивных каш и супов.

Существо на стуле дернулось с невероятной силой, и рапиры в руках ликторов вздрогнули:

— Двуличные суки, отправили его за мной…

— Ты знала, что он охотится за тобой, ты два года от него пряталась.

— Вы не сказали, что он находится в сорока восьми часах от меня и знает мою цель!

— Если бы ты придерживалась графика, это не имело бы значения. Ты не сумела убить его в первый раз, потому что опоздала на целые сутки! Теперь я знаю, почему это случилось, — крикнула Мерси. — Ты испортила весь план, взяла все в

свои руки…

— …Вонючие уродцы-некроманты…

— Ты сделала худшее, что в принципе могла сделать!

— Я сделала то, что должна была! — взвыло существо. Казалось, что она окончательно слетела с катушек. Голос звучал так, будто она брызгала слюной, но я совершенно уверена, что у трупов не бывает слюны. — Я сделала то, что должна была сделать, когда погибли манекены, хотя вы, иссохшие зомби, не дали мне ни единой гребаной подсказки! Проверить наличие признаков жизни? Взять образец? Знай я тогда то, что знаю сейчас, я бы просто накрыла это место снарядами!

— Ну, вот что выясняется, — сказала Мерси. — Боюсь, сейчас выяснится все. Да, накрыла бы. А когда ты клялась, что поможешь эвакуировать Дома, ты же не собиралась этого делать?

— Молчать, — тихо сказал бог.

Все замолчали.

Последовала вспышка… не знаю чего. Если это была некромантия, то я такой раньше никогда не видела. Очень внезапная, не похожая на теорему. Во рту появился вкус цитруса. Все завалили хлебала, что, наверное, оказалось весьма полезным,

когда заклинание закончилось.

— Уэйк? — сказал он.

— Что? — голос ее звучал яростно и нетерпеливо. Она словно затаила дыхание — но на самом деле она просто не дышала. Это «что» она умудрилась произнести с интонацией «пошел на хер».

— Ответь на мой вопрос сейчас. Зачем ты отправилась в Девятый дом девятнадцать лет назад?

— Чтобы вломиться в Гробницу.

Есть такое чувство, не похожее на страх — вот бы кто-нибудь придумал для него слово, Харроу, потому что лично у меня такого слова точно нет — чувство, которое начинается где-то в пальцах ног и поднимается до позвоночника, а потом и выше. Я ощутила его в твоих руках. Я ощутила его на языке. Оно заколотилось у тебя в затылке. Оно зашевелило волосы у тебя на голове.

А может, слово и есть: предвестие.

— Но ты бы не смогла попасть в Гробницу. — Бог явно заинтересовался, но как-то вчуже, как будто слушал объявление результатов соревнования. Как будто на вечеринке услышал только конец анекдота. — Без меня — нет.

— Я подготовилась, — угрюмо заявил труп.

— Это не имеет никакого значения, командор…

— У меня был ребенок. Ребенок, которого я лично вынашивала девять гребаных месяцев, когда плоды, которые мне выдали эти двое, умерли.

— Господи, это был твой, — в ужасе сказал Августин. — Я думал, ты используешь in vitro одного из младенцев Мерси…

— Я же сказала, что они умерли, — ответила Уэйк. — Манекены сдохли. Яйцеклетка сдохла. Шевелился только один образец, не представляю как, с учетом того, что прошло уже двенадцать недель, но я не смотрю в зубы дареным коням.

— Так что ты сделала это сама. Все для революции, Уэйк? — заключил Августин.

— Ты хочешь меня осудить?

— Только твою способность к самообману.

— Я всегда довожу дело до конца, — скучно сказала Уэйк. — Вы отправили меня туда убить ребенка и открыть эти двери. Мне было все равно, чей ребенок это будет. Я таскала эту хрень под сердцем… блевала каждое утро весь первый триместр… чувствовала, как оно пинается… пережила схватки и родила в шаттле, одна, зная, что Гидеон уже приближается… знаете, я ведь дала этой штуке имя. Всю беременность я звала ее Бомбой.

Теперь могло произойти что угодно. Я увидела

примерно тысячу вариантов будущего.

— Так, давай проясним, — говорил бог. — Ты притащила туда ребенка… ребенка, которого выносила сама — это хорошо, это классика — чтобы, ну, убить его и обрушить на дверь танергический водопад немыслимой силы? Жаль, что тут нет Харрохак, она бы обрадовалась, узнав, что в мире есть еще люди, не уступающие воображением ее родителям. Но ты не некромант, ты не смогла бы воспользоваться взрывом танергии. Я имею в виду, что идея хороша, но она бы не сработала…

Пока он говорил, в коридор вошел кто-то еще. Он выглядел как человек, который попал в вентилятор и не вылечился после этого. Жилистый, худой, костлявый человек, который много голодал и недавно сильно обгорел. На поясе у него висел пистолет, как будто в этой комнате не хватало антиквариата, а в руке он держал простую рапиру с рукоятью-корзиной и выцветшей красной лентой, привязанной к яблоку. Одежду его покрывала зеленая слизь, и переливчатый белый плащ с капюшоном тоже. Он закрыл за собой дверь и посмотрел на нас с Иантой. Обратил к нам свое исцарапанное лицо с темными глазами. Я поняла, что вот теперь-то мы попались.

Он отвел шмотки в сторону. Он посмотрел на

нас, Харроу. А потом сделал виноватое лицо, как будто извинялся, и протянул руку. Я так охренела, что даже не дрогнула, когда он стянул с тебя солнечные очки. Надел их сам, снова задернул нас плащом и двинулся навстречу этому цирку.

Августин поднял голову и хрипло сказал:

— Гидеон?

Женщина, которая, как я уже совершенно уверилась, была моей матерью, в теле женщины, на которую я запала, которая, в свою очередь, притворялась женщиной, которую она убила, пока я не рухнула на металлический штырь, чтобы моя начальница могла ее убить — в общем, она вытянула шею и завертела головой.

Харроу, пока я жива, ну или пока я мертва, я не забуду это выражение лица. Впервые она улыбнулась — слабой кривой улыбкой, которая казалась неуместной на губах Цитеры. Цитера улыбалась мне часто, но совсем по-другому. Так улыбаются старому сокамернику, который только что снова оказался в тюрьме. Эта улыбка говорит: «Что ж, мы хотя бы были вместе». Или это была улыбка человека, который выходит из тюрьмы, отбыв очень долгий срок, и видит, что его ждут. Ждет кто-то, чье присутствие гарантирует отмену приговора. Кто-то, кого никак не ждешь. Улыбка

была лукавая. Она была радостная. Она говорила: «Ты вернулся ко мне?»

Ликтор, который забрал мои очки, вытащил пистолет, и никто не успел его остановить. Он быстро сделал шаг, прижал дуло к основанию черепа Цитеры и спустил курок. Влажно хлюпнуло. Тело дернулось, и головы я больше не видела.

— Гидеон! — взорвался бог.

— Уэйк, — сказал Гидеон Второй… Первый? Как будто это все объясняло.

Я услышала движение. Потом бог грустно сказал:

— Черт, Гидеон, ее призрак пропал навсегда.

— Хорошо, — сказал Гидеон.

— Седьмой номер, — вспомнил Августин.

— Убрался.

— Что? Убежал? Ты обратил его в бегство? — Не услышав никаких подробностей, Августин уточнил: — Но ты же выжил?

— Это неважно, — сказала Мерсиморн. — Плевать на номер Седьмой. Я хочу, чтобы Гидеон тоже это услышал. Чтобы он узнал, ради чего умерла Пирра.

Я наконец увидела императора. Он спокойно сел в кресло, которое освободила Мерси, перед обезглавленным трупом, все еще привязанным

к стулу. Он был совсем обычный. Коротко стриженные темные волосы, никаких особых примет. Длинное, квадратное, никакое лицо. А вот глаза у него были совершенно вольтанутые: глухие черные колодцы, не отражающие свет. Даже из своего укрытия я видела белый свет, окружавший радужки ледяным мерцающим кольцом. Он упер локти в колени, положил подбородок на руки и уставился на Мерси этими своими глазами.

— Мне кажется, вы что-то упускаете в своей истории, — сказал бог. — Немного приукрашиваете… потому что считаете это неважным? Вам стыдно? Гидеон, ты знал, что, когда ты позволил командору Уэйк зайти так далеко, в Девятый дом, к нашему народу, ты знал, что она беременна?

Пауза.

— Знал, — ответил Гидеон Классический.

— И какого черта ты мне не сказал?

— Потому что я думал, что это… мой ребенок.

Я услышала странные тревожные звуки. Придушенное «уееее» от Мерсиморн, измученный… что это, смех? Августин. Он хохотал, странно, невесело, устало, громко, а потом закрыл лицо руками, но все равно не перестал смеяться.

— Прости меня, Джон, — сказал Гидеон Старший, — я ничего об этом не знал.

Я бы подумала, что это довольно странное высказывание, если бы не была так занята — я смотрела на Цитеру.

— Я тоже совершал ошибки, Гидеон, — сказал император, — но ты мог мне рассказать.

— Я не знал как, — ответил Гидеон-Прайм.

— Сколько это длилось?

— Почти два года. — Он подумал и добавил: — Все было сложно.

— Догадываюсь. То есть вы решили убить ребенка ликтора, — размышлял бог, — младенца ликтора, новорожденного. Запустить водопад танергии. Ничего себе план. Но вы оба знали, что он не может сработать. Конечно, вы знали. Августин, ради бога, закури, у тебя истерика.

Звук, который издавал Августин, очень походил на смех, но вовсе не был смехом. Святой терпения воскликнул почти радостно:

— Не обманывай себя, Джон!

— Сегодня все многое скрывают, — заметил бог.

— Ты знаешь, что мы знаем, как работает заклинание крови, — пояснила Мерсиморн. Она совсем не волновалась, она как будто поменялась ролями с Августином и теперь говорила размеренно и спокойно, почти мечтательно: — Ты

никогда этого от нас не скрывал. Я всегда думала, что это немного слишком, Учитель. Ты всегда так носился с тем, что у тебя никогда не идет кровь. Но Кассиопея как-то рассказала мне очень интересную вещь о заклинаниях крови. Она всегда говорила, что их стоило бы называть клеточными заклинаниями, потому что используют талергетические энзимы… которые можно подделать с помощью значительной дозы танергии и крови близкого родственника. Родителя. Ребенка.

Император начал таким тоном, как будто говорил с маленьким ребенком:

— И как же вы…

И заткнулся.

А потом сказал:

— Мерси. Августин. Мерси. Августин.

— На твоем месте я бы не задумывался о практической стороне вопроса, — сказал Августин, вытаскивая сигарету. Он сунул ее в рот. В принципе, он был неплох. Даже руки почти не дрожали. — Оно того не стоит.

— Но это было…

— Только один раз? Да, один вечер, который планировался пять сотен лет, — ответил святой терпения и поджег сигарету. — Обольщение Зевса, большое. Нам нужен был твой, гм, генети-

ческий материал, и это оказался единственный способ. Мы с радостью впервые за десять лет оказались в одном месте. Ты был так осторожен, Джон. Никаких уязвимостей, никаких промахов. Ты бы занервничал и что-то заподозрил, если бы мы… пошли на второй заход. Господи, как омерзительно это звучит. Наверное, я раню твои чувства. Очень на это надеюсь. Просто невероятно надеюсь.

— Это невозможно. Я не верю. Как вы могли…

— Мерсиморн, — прозаично сказал Августин.

— Я даже не…

— Мерсиморн, — повторил Августин, затянулся и продолжил: — Прости, Гид, не хотел, чтобы ты знал все эти гнусные подробности. Сигаретку?

— Я готов за нее убить, — сказал Гидеон оригинальный.

Все молчали, пока святой терпения запаливал очередную сигарету и протягивал ее святому долга. Опустевший труп Цитеры обвис на стуле, никому не нужный. Император смотрел куда-то ей в макушку — вероятно, оттуда вышла пуля. Я этого не видела. Мерсиморн прислонилась к стене и смотрела в закрытое окно.

— Итак, — сказал император. — Гидеон. Ты выбросил Уэйк из шлюза, и она вместе с ребенком

умерла в полете.

— Нет, — пискнула Мерсиморн, — нет.

Я выпуталась из плащей и мантий. Ианта попыталась меня задержать, но я оттолкнула ее руку. Меня и центр комнаты, где сидел император, разделяли семь шагов. Я стояла, тяжело дыша, сжав испачканный двуручник твоими руками, не зная, что делать с этими руками и с твоим лицом. В голове у тебя что-то громко и страшно загудело, как будто помехи в эфире, и мне показалось, что я смотрю, как мы двигаемся, со стороны. Нас обеих выкинуло с водительского сиденья, Нонагесимус, и управление перехватил кто-то другой.

Но руль я никому не отдала. Я держала его в руках.

Все повернулись посмотреть на нас. Никто не сказал ни слова. Я стояла за стулом и смотрела на мертвое тело, на темную дыру в затылке. Дымок сигарет тонкими серыми струйками поднимался к свету.

— Я…

Мир повернулся.

— Я ни хрена не умерла, — сказала я, что не было правдой, и я закашлялась. После всего, что я натворила, всего, через что прошла. Я закашлялась.

Император Девяти домов, Первый владыка мертвых, встал с кресла, чтобы посмотреть на тебя. Он смотрел на мое лицо, смотрел на твое лицо, смотрел на мои глаза на твоем лице. Это заняло примерно миллион лет. Треск помех в твоих ушах превратился в безмолвный крик. Лицо его было насмешливым и ужасающим одновременно:

— Привет, *Нихренанеумерла*. Я твой папа.

51

Когда мне было лет типа шесть, я придумала игру: я искала в толпе скелет своей матери. Я выбирала один из них, решала, что это она, и таскалась за ним в поля лука-порея, смотреть, как скелеты бесконечно колют камень и просеивают мульчу. Я притворялась, что любой выбранный мной скелет знает, что я наблюдаю, и делает мне знаки. Например, три удара мотыгой с паузой после означали «привет», потому что это случалось недостаточно часто. Когда мне было семь, капитан все испортила, сказав мне, что моя мать пока еще не попала в систему. Труп выварили и пустили в ход, только когда мне исполнилось восемь.

Помнишь, когда мы были маленькими, я сказала тебе, чтобы ты прекратила меня задирать, потому что мои мама с папой могли оказаться, ну, важными людьми? Я вот помню. Ты заявила, что у меня нет доказательств, я ответила, что у тебя нет доказательств обратного, ты сказала, что это все равно не важно, а я сказала, что вполне себе важно, ты сказала, что я идиотка, и мы подрались. Тогда я спросила, что, если кто-то придет

за мной и скажет: «Привет, я самый крутой чувак на свете, вот давно потерянное дитя, которое я без устали разыскивал, приказываю всем прекратить обращаться с ней, как с говном, а еще я убью всех, кто причинил ей боль, и начну с Крукса»? А ты ответила, что если кто-то и придет за мной, то ты заставишь родителей запереть меня в шкафу и сказать, что я умерла от разжижения мозга, хотя теперь я знаю, что такой болезни нет. Ну что, теперь ты чувствуешь себя глупо?

Ты тогда с ума сошла от злости. Ты сказала, что нет никакой разницы, кто мои родители, они все равно никчемные и не придут за мной.

Я любила сидеть у ниши, где похоронили маму, и докладывать ей обо всем. Что-то вроде: «Агламена говорит, что я научилась правильно ставить руки, когда блокирую удар снизу слева». Или: «Харрохак сегодня была страшной сукой» (это я повторяла регулярно). Или: «Теперь я могу сделать девяносто шесть скручиваний за две минуты». Обычная хрень, которую несут четырнадцатилетние. Отменная чушь.

Хуже было совсем в детстве. Я помню, как ты застала меня, когда я говорила ей, что люблю ее. Не помню, что ты тогда сказала, но помню, что я кинула тебя на землю. Я всегда была намного

крупнее и сильнее. Я села на тебя сверху и душила тебя, пока у тебя глаза из орбит не полезли. Я говорила тебе, что моя мама наверняка любила меня гораздо сильнее, чем твоя — тебя. Ты так исцарапала мне лицо, что у тебя кровь по рукам текла. Почти вся кожа у тебя под ногтями осталась. Когда я тебя отпустила, ты даже встать не смогла. Отползла в сторону и тебя вырвало. Тебе было десять, Харроу? А мне одиннадцать?

Это в тот день ты решила, что хочешь умереть?

Помнишь, как долбаные пратетушки постоянно твердили, что страдания учат нас.

Если они были правы, Нонагесимус, сколько еще нам осталось до всеведения?

* * *

— А теперь мы подошли к сути дела, — сказала ликтор, которую ты звала Мерсиморн.

Она встала рядом с нами. Бог посмотрел на меня, на нее, потом на меня, прямо в глаза. Мы застыли на месте. Когда эти белые кольца света обратились на кого-то другого, кровь снова прилила к твоему мозгу. Когда они смотрели на меня, я побелела и затихла, стала немой, пустой и глупой.

Он посмотрел на нас и потер висок, как будто у него болела голова. Тяжело вздохнул:

— Глаза.

— Да-да, глаза, — сказала она. — Твой ребенок. Глаза Алекто.

Лицо его заледенело, губы поджались.

— Не смей звать ее…

— Алекто! Алекто! Алекто! — завизжала Мерсиморн. Другие ликторы вздрагивали, слыша это имя, как будто это была акустическая атака. — Джон, ты пытаешься со мной поссориться, чтобы не говорить о том, о чем хочу я. Но это не семейная ссора. Это глаза А. Л., господи. Прямо в твоем генетическом коде.

— Возможно несколько объяснений, — спокойно сказал бог.

— Да, — согласился Августин и затушил окурок в кружке из-под чая, — вполне возможно. Ты долгие годы объяснял нам все. Но некоторые из твоих объяснений… не выдерживали проверки. Дело в силе, которую я никак не мог осознать, понимаешь? Я выследил ее источник, Джон. Именно ты просил меня научиться этому. И чем дольше я смотрел на тебя, тем больше недочетов замечал.

— Выходит, это давно тебя беспокоит, — нако-

нец сказал бог. — А. Л. смущала вас двоих сильнее всего. Если я такой уж лжец, почему я не солгал и о ней? Я рассказал вам правду о воскрешении Аннабель, и в конце концов вы ее за это убили.

— Господи, — официальным тоном ответил Августин. — Ты рассказал нам правду об Аннабель… об Алекто, потому что она тоже знала эту правду, а ты не мог ее контролировать. Даже две сотни лет спустя я не уверен, что она когда-либо лгала. Именно это так долго меня сдерживало. Как ты мог попросить Алекто из Первого дома солгать? Как ты смог убедить этого безумного монстра пойти на самый простой и крошечный обман?

— Не зови ее так.

— Монстра, Джон! — рявкнул Августин. — Она была чудовищем в человеческом обличье. Она была чудовищем уже на момент воскрешения, а ты сделал ее еще хуже.

Все замолчали. Воздух сделался немного прохладнее, но все равно оставался жарким и липким и пах потом. И каким-то душным парфюмом, сигаретами и страхом.

Через мгновение святой терпения сказал:

— Я поднял на тебя голос, приношу свои извинения.

— Ничего страшного, — тихо сказал бог.

Мерсиморн скрежетала зубами, издавая такой звук, как будто подшипники падали в огромную мясорубку. Потом она прекратила и задумчиво сказала:

— Понимаешь, мы все думали, что ты просто испытываешь сентиментальные чувства к этому ужасу. Она была чудовищем, мы ненавидели ее…

— Я — нет, — заметил Гидеон Нулевой.

— Заткнись, Гидеон. Господи, вы с ней прошли через первые дни, и это объясняло, почему ты не хочешь ее убивать. Тогда мы пришли к тебе и попросили тебя от нее избавиться. Мы сказали, что она слишком опасна… мы знали, что грядут Звери, и мы знали, что они идут и за ней. Она хотела, чтобы нас всех сожрали заживо.

Глаза Мерси подернулись дымкой, как будто она снова переживала этот разговор.

— Наконец ты уступил. Ты убил ее ради нас. Но мы не знаем, как ты это сделал.

— Аннабель Ли… была не из тех, кто умирает, — ответил император. — Правильнее будет сказать, что я ее отключил.

— Ты пришел к нам, и мы спросили, мертва ли она. Ты ответил, что мертва, насколько это возможно. Я помню, господи, что ты плакал.

— Да, я очень расстроился, — резонно сказал бог.

— Да уж! — заорала Мерси, как будто ждала этих слов. — Ты расстроился, но ты нас не винил. Ты сказал, что все понимаешь. Ты сказал, что поступил так, как будет лучше для твоих ликторов. Но ты хотел почтить ее память, поэтому ты выстроил для нее гробницу и отправил Анастасию охранять ее. Нам это казалось предельно логичным. А вот ты — нет.

Бог снова подпер подбородок ладонью.

— А что со мной не так?

Мерси и Августин коротко и страшно залаяли. Ни в какой вселенной это не сошло бы за смех.

— Ты не получаешь силу от Доминика, — сказал Августин. — Это он получает силу от тебя. Не происходит никакого обмена, никакого симбиоза. Ты ничего не берешь у системы. Она держится на тебе, насколько нам известно. Ты — бог, Джон. Но, как любят указывать эдемиты, когда-то ты был человеком. Так как же произошло это преобразование? Откуда взялась твоя сила? Даже если Воскрешение было величайшим взрывом танергии во все времена, танергия бы уже иссякла. А потом Мерси спросила у меня — и это было мгновение ее величайшей подлости — спросила,

чего же боится бог.

Глаза с белыми кругами закрылись, и твое сердце почти успокоилось.

— Вы просто притворялись, что ненавидите друг друга? — не в тему спросил он.

— Нет, — тоскливым хором ответили они. Августин пояснил: — Но мы никогда не ненавидели друг друга настолько, чтобы не суметь работать вместе. Это позволяло нам быть честными друг с другом. Я никогда не хотел верить ни в какие слова радости. Я не поверил, когда она сказала: «А что, если он не убил А. Л.?» и потом: «А что, если он просто не может убить А. Л.?».

Глаза открылись. Они обратились на тебя и меня. Белые круги, как мигренозная аура. Черные, переливчатые радужки, похожие на смолу, на крылья бабочки, на обсидиан.

— Подведите итог, пожалуйста, — попросил он, — вы оба слишком много времени уделяете прелюдии.

— Ты не убивал Алекто, — сказал Августин, — и она была не просто твоим стражем.

— Алекто была твоим рыцарем, — добавила Мерсиморн.

Император не пошевельнулся.

— Глаза, Джон, — продолжил Августин, — ее

чертовы золотые глаза, как у кошки. Когда я увидел здесь юную Харрохак… — Он ткнул пальцем в нашем направлении, что почему-то меня испугало. Наверное, потому, что я-то считала, что о нас давно забыли. — …и все же глаза, поначалу я подумал: «Да мать мою налево, она пробудилась». Но это, разумеется, не имело смысла. Потому что если бы А. Л. появилась в Митреуме, она была бы так же… невыносима, как и всегда. Почему же еще могли измениться глаза Харрохак? А по той же причине, что и наши. Она произнесла Восьмеричное слово. Она достигла истинного ликторства.

— Это означало, — перехватила инициативу Мерсиморн, — что рыцарь малышки откуда-то заполучила глаза твоей Аннабель Ли. Ни при каких обстоятельствах гены Алекто… если они у нее вообще были, в чем лично я сильно сомневаюсь… не могли оказаться в ребенке Девятого дома. Но вот твои гены очень даже могли, потому что мы с Августином приложили к этому все усилия.

— Мы хотели взломать Запертую гробницу, — продолжил Августин, — только чтобы получить ответ, который явился в виде мертвого подростка с твоими генами. Это не глаза Алекто. Они твои, Джон. Алекто смотрела на мир твоими глазами с

того мига, как мы впервые ее увидели. А жуткие черные глаза на твоем лице… принадлежали ей.

Харроу, я не особо во все это вникала, потому что теория некромантии кажется мне редкостной хренью, даже если я не занята переживанием Сложных Эмоций. Но эта последняя фраза даже мне показалась странной. Я видела, что у Ианты похоронные глаза Терна. Я смотрела в зеркало и изучала твое лицо своими, гораздо более красивыми глазами. И это было реально странно. Я догадалась, что смена глаз происходит, когда двое людей становятся одним, а не тогда, когда они меняются местами. Никто никогда не увидит этого говнюка Набериуса с уродскими фиолетовыми глазами, потому что ликторский обмен глазами начался с того, что ему в сердце вошла рапира. Не существовало возможности отдать рыцарю глаза некроманта.

Если только рыцарь не остался в живых.

Мерси протянула руку Августину, он молча протянул ей сигарету и смотрел, как она яростно затягивается. Тонкая бумага вспыхнула оранжевым пламенем, и Мерси тут же злобно затушила сигарету в пустой кружке. Протянула ее обратно Августину.

— Ты нам лгал, Джон, — сказала она. Она чуть

не плакала: — Существует идеальное ликторство… процесс, позволяющий не убить рыцаря. А ты заставил нас думать, что это невозможно. Ты заставил нас думать, что мы разгадали суть. Что необходима односторонняя передача энергии. Но никто не должен был умереть. Альфред, Пирра, Титания, Валанси, Найджелла, Самаэль, Лавдей, Кристабель… ты хладнокровно смотрел, как мы убиваем своих рыцарей. А они могли выжить. Ты сам прошел через это. Но ты сделал все идеально.

Святой долга молчал. Августин тушил очередной окурок. Мерсиморн сжала руки в кулаки. Бог сидел в своем кресле и смотрел на собственные ладони.

Послышался шорох. Тридентариус выбралась из своей дыры и встала рядом со мной. Лицо ее оставалось совершенно спокойным. Свои карты она все еще не раскрывала.

— Джон, если ты солгал мне о чем-то еще, — сказала Мерсиморн. — О смерти планеты, об исчезновении нашего вида… если бы ты признался во всем, сказал, что тебя вынудили, что это все было для общего блага, наговорил бы какой-нибудь красивой чуши… я бы простила тебя.

— Ты могла бы *сказать*, что простила меня. —

Император все еще таращился на руки. — Но это бы взбесило меня. Да, точно. Нет никакого прощения, Мерси. Есть только кровавая правда и благословенное невежество.

— Альфред, Пирра, Титания, Валанси, Найджелла, Самаэль, Лавдей, Кристабель, — сказала она.

— Они были моими друзьями, — просто сказал он, — я тоже их любил.

— Я должен знать правду, — вмешался Августин, — считайте это проявлением болезненного любопытства. Анастасия не нарушила процедуру, так? Она почти догадалась, как нужно действовать на самом деле. Я знал, что она работает вместе с Кассиопеей. Просто странно, что я стал ликтором в экстремальных условиях, и у меня все получилось, а Анастасия провалила этот эксперимент в лабораторных условиях.

Бог посмотрел на него:

— Да, — ответил он почти смущенно и так, как будто страдал от похмелья, — только мне она позволила посмотреть на свой эксперимент. Она поняла, что Восьмеричное слово нужно произносить медленнее и размереннее… но все же это была скорее догадка. Но дело не в том, что она все сделала правильно, а я ей помешал. Она запаниковала в процессе. Она не смогла полностью

впустить его душу в себя… в противном случае смерть Самаэля убила бы и ее тоже. Они оба были в опасности. Я убил его ради нее, и она все время это знала.

— Это правда или то, что ты считаешь правдой? — спросил Августин.

— А в чем разница? — в голосе его стыл кладбищенский холод. — Как я мог рассчитывать на отпущение грехов? Что же осталось мне теперь?

— Прекратить действовать, Джон, — ответил Августин. — Бросай то, чем ты, как я теперь понимаю, занимался с самого начала. Откажись от экспансии. Прекрати копить эти дикие данные, собирать силы для вторжения. Я ломал над этим голову пять тысяч лет, и не уверен, что до конца понимаю хотя бы сейчас. Просто прекрати. Отпусти их. Не надо никого наказывать за то, что случилось с человечеством.

Император Девяти домов посмотрел на него:

— Августин, если бы прежний ты… тот, кем ты был до смерти и Воскрешения, услышал бы тебя сейчас, он бы разорвал тебе глотку.

— Спасибо за подтверждение, — ответил Августин и замолк.

Заговорила Мерси:

— Джон… — Голос ее дрожал, в нем звучала

мольба. Металл из него ушел, сменившись бесстыдной нежностью. — Джон, ты неправ.

— Мне ли этого не знать, — сказал император и обратил обжигающий взгляд на ее лицо.

— Я прощу тебя, — сказала Мерсиморн и трижды быстро сглотнула. Августин недоуменно на нее посмотрел. — Об одном прошу… последний шанс. Если ты сделаешь это ради меня… заставишь меня себе поверить… я все прощу. Сотри мне память, если хочешь. Идиотская девчонка Харрохак с этим справилась. Я выясню, как ты сможешь сделать то же самое со мной. Я позволю тебе вырвать мне мозг, если захочешь. Но я прощу тебя, если ты сделаешь для меня одну вещь.

— Не делай этого, Мерси, — тускло сказал Августин.

— Ты никогда не любил его так, как я, — ответила она, не отрывая взгляда от Джона. — Самое время. Никем не любимая Мерсиморн, злая Мерсиморн наконец-то сможет показать, что достойна зваться милосердной. Каждый раз, когда ты говорил, что я не понимаю человеческое сердце, что не умею чувствовать, что только я способна поклоняться без любви. Смотри, Августин. Я — вторая святая на службе Царя Неумирающего. Я преподам тебе урок прощения.

— Ты даже не знаешь, что значит это слово, — заметил Августин.

Бог наблюдал за этим разговором. Потом он встал, потер висок, по-прежнему смотря на Мерсиморн. Ее глаза словно бы покрылись мягкой кровавой пылью, мягкой, буроватой, сероватой, красноватой.

— Мерси, — отрывисто сказал он, — скажи мне, чего ты хочешь, и я это сделаю. Я все сделаю. Я отправлюсь на край вселенной, если ты скажешь мне, что существуют такие страдания, тяготы и уроки, которые позволят тебе простить меня по-настоящему. Просто скажи.

Слезы текли из кровавых грозовых глаз. Августин посмотрел на нее, а потом вдруг прижался спиной к стене и соскользнул на пол. Поза абсолютного поражения.

— Посмотри на меня и скажи, что ты любил Кристабель, — резко сказала она. — Смотри в глаза и скажи, что ты не хотел причинить ей вред.

Бог взял ее руки в свои.

— Я любил Кристабель.

— Скажи, что ты никогда не хотел причинить ей никакого вреда.

— Я любил Кристабель. Я никогда не хотел причинить ей никакого вреда. Прости меня, Мерси…

Прости.

Она рыдала, не скрывалась, она спрятала лицо у него на груди и съежилась, как будто ее ударили камнем в спину. Он обнял ее и сказал:

— Прости. Я любил вас всех, я восхищался вами всеми, я думал, что поступаю правильно.

— Скажи, что ты жалеешь о собственной лжи, сволочь. — Она стала воплощением страдания.

— Я солгал вам. Они мертвы из-за меня, я позволил им умереть, потому что думал, что так будет проще. И я жалею об этом вот уже почти десять тысяч лет. Я так тебя люблю, Мерси. Я буду любить вас троих до конца времен, пока от меня не останутся одни лишь атомы, атомы и бога, и человека, который любил вас.

— Я прощаю тебя, господи, — прошептала она.

И скользнула в него руками.

Император Девяти домов распадался слой за слоем. Это произошло мгновенно, но одновременно невероятно медленно, невыносимо медленно, так что мы с тобой успели увидеть все. Он разлетелся в стороны. Тело бога превратилось в отдельные божественные частицы. Я почувствовала короткую вспышку его забивающей носовые пазухи магии, когда Мерсиморн каким-то образом отключила все его провода разом. Как будто

он вдруг превратился в девять миллионов магнитных частиц, отталкивающихся друг от друга. Бог-некромант в человеческом теле взорвался — ведь это было всего лишь человеческое тело.

Он распался на части, и эти части устремились в разные стороны, и комнату затянул красный туман. Туман осыпался прахом, а прах обратился в ничто. Мерсиморн стояла, мокрая от пота и чего-то еще, но совершенно чистая.

Она обернулась к Августину. Она больше не плакала.

— Совершилось, — сказала она.

Кстати, я снова осталась сиротой. Но твой мозг не позволил мне об этом задумываться.

52

Святой терпения встал и подошел к ней. Она сгребла его за рубашку.

— Это должна была быть я, — сказала она со странным неземным спокойствием, — я не хотела, чтобы это был ты. Я не хотела, чтобы это все-таки был ты, Августин… это мой грех.

— У нас есть несколько часов, — неуверенно сказал он, — если мы немедленно проскочим через Реку…

— То увидим, как гибнет наш народ, собственными глазами. Мертвые планеты уже могли сойти с орбиты. Мы не знаем. Мы не знаем, сколько времени нужно, чтобы отменить Воскрешение. Миллионы людей… миллионы наших людей. Нет, я должна была это совершить. Я не очень хорошая, Августин, и уж точно не добрая.

Впервые за все время подала голос Ианта. Прошелестела еле слышно:

— Что ты сделала, старшая сестра?

— Убила Доминика, — ответила Мерсиморн. — Убила Вторую, Третью, Четвертую, Пятую, Шестую, Седьмую, Восьмую, Девятую и Первую, хотя кому до нее какое дело? Он мертв. Его больше нет.

То, что он удерживал, должно исчезнуть. Солнце должно было погаснуть сразу, и серые библиотекари первыми узнают об этом. Потом Седьмые, потом Родос. Все системы, которые создал Джон, погибнут. Все Дома слышат сейчас предсмертный стон своих систем жизнеобеспечения.

— Нам нужно спасти их, — кое-как выговорила я, — немедленно.

— Это невозможно, — Мерси была спокойна, как смерть.

Ианта — кто бы мог подумать — сказала:

— Как ты можешь так говорить? Ты даже не попробуешь?

— Доминик взорвется через несколько минут, курочка, — сказал другой ликтор. Он тоже был спокоен, как умирающий. Я один раз в жизни видела такое спокойствие, и не на лице живого. Так спокойна была мертвая девушка, которую изрезали в постели, в которой я велела ей лежать. — Он превратится в черную дыру, которая затянет в себя всю систему. Девять домов мертвы.

— Девять домов исчезли, — эхом отозвалась Мерсиморн, — все кончено. Мы всегда планировали массовую эвакуацию, но у меня был шанс, и я им воспользовалась. Я им воспользовалась, Августин. А теперь я умру и войду в Реку.

— Нет, — сказал Августин.

— Августин, ты обещал мне, что, сделав это, мы немедленно бросимся в ближайшую звезду.

— Да, когда это было фантазией, — ответил он. Как будто в комнате никого не было. Святой долга, державший в руке пылающий уголек, походил скорее на статую, чем на человека, Иан-та смотрела куда-то в пространство и казалась совсем ребенком, несмотря на свой рост, крошечным и растерянным. Я и думать не хочу, как я выглядела.

— Это был идеальный план. План, который мы никогда бы не смогли исполнить, честно говоря. Ты сделала свой ход, ты должна была это сделать, и Дома погибли. Звери Воскрешения никуда не делись.

— Ты не заставишь меня…

— У тебя остались дела, радость. Если ты покончишь с собой прямо сейчас, все останется не в лучшем состоянии. А это на тебя не похоже.

— Мы так не договаривались, — угрюмо сказала она.

— Не повезло. Задача выполнена. Раз уж ты решила запятнать свои руки, оставив мои чистыми, придется тебе смириться с тем, что ты выбрала не того человека для договора о совместном

самоубийстве. Ненавижу их. Кристабель могла испортить все, что сделали мы с Альфредом, но теперь настала расплата. Мы собираемся обойти все оставшиеся корабли, умолять о перемирии изо всех… привлечь эдемитов на свою сторону. А потом мы найдем место, где сможем исполнить свое былое обещание. Где-то существует дом, не оплаченный кровью. Не для нас, но для тех, кто остался. Дети всегда будут рождаться. Дома всегда будут строиться. А на могиле некромантии засохнут все цветы.

У нее дернулось горло:

— Августин…

Ликтор молча обнял ее. Они хватались друг за друга, как дети, которым приснился кошмар. Так же молча они расцепились.

— Он был прав, — тихо сказала она, — прощения не существует.

— Так давай же искать забвения, а не прощения. Похорони меня рядом с собой в своей безымянной могиле, радость. Мы знали, что это наша единственная надежда — пережить все это. И молиться о собственном конце. Мы и дальше будем ненавидеть друг друга, моя дорогая, мы слишком долго и страстно друг друга ненавидели, чтобы это прекратилось. Но мой прах ляжет в

одну могилу с твоим.

Августин впервые поднял голову и посмотрел на свою застывшую аудиторию. Самым оживленным ее участником было, кажется, тело Цитеры, окончательно покинутое моей матерью.

— Возмездия не будет, Гидеон? — спросил он. Лицо его было смертельно белым, застывшим, а руки дрожали. — Я думал, что ты захочешь взойти на его костер.

Я открыла рот, чтобы ответить, и вздрогнула, когда грубый человек в моих солнечных очках сказал:

— Нет.

— Скажи я, что я не удивлен, я бы соврал, — сказал Августин. — Но и скажи я, что не рад, тоже бы соврал. Нас осталось трое. Альфа, бета и гамма.

Гидеон посмотрел на догорающую сигарету в своей руке и сказал:

— Августин, ты должен кое-что знать…

Белая вспышка.

Она обожгла нос изнутри и горло. Она резанула по глазам. Потекли кровавые слезы. Это был не свет, а… внезапность. Когда вспышка исчезла, как будто ее и не было, как будто промелькнула галлюцинация, время остановилось.

Этот свет вытянул все цвета из мира. Все дви-

гались очень медленно, все обратилось серой мешаниной, распахивались глаза, растягивались губы в крике. Я попыталась повернуть наше тело — вдруг там лежала граната, на которую следовало бы рухнуть — и среди тысячи оттенков серого разглядела алое.

Частицы праха собирались в воздухе. Они вылетали у меня изо рта, выпадали из волос Ианты. Сначала облако было совсем бледным, цвета розового рассвета, потом сделалось вишневым, потом — темно-багровым. Прах взлетал в воздух, колебался там и стягивался в одну точку, как пылинки, танцующие в луче света. Порыв ледяного ветра пронесся по комнате, ударив, словно бичом, собрав весь прах в одно багровое пятно. Прах стал слизью, слизь сгустилась, а потом это горячее и алое обратилось в кость.

Все произошло в одно мгновение. Все заняло долгие века. Влажный алый конструкт возник из пустоты, а потом изнутри него рванулись наружу бледное мясо и нервы, захлопали, надуваясь, органы, мягкие фиолетовые пузыри, маленькие шарики жира, спирали кишок, темный комок печени, белые шары вырвались из глазниц, жемчужное вещество виднелось за ними, затрепетал алый язык, из челюсти выскочили зубы. Запуль-

сировало, забилось сердце, быстро скрывшись за большими мягкими стремительно надувшимися легкими, вокруг наросли мышцы, а потом все прикрыла скромная кожа, на руках и груди выросли тонкие волосы, темные волосы покрыли череп, на лице появились морщинки и складки. Горячая белая масса глаз почернела, как будто в них плеснули нефтью, там забурлили черные сверкающие волны, и, нарушая черноту эбена, белые круги вырвались на поверхность, как будто их притопили в воде. Матовые черные зрачки заняли свое место.

Император Девяти домов, Царь Неумирающий, Князь смерти, Первый владыка мертвых стоял за спиной Мерсиморн. Он протянул вперед обнаженную руку. Ее грудь взорвалась, наружу вылетели ребра и ошметки плоти. Она завалилась вперед, он ударил ее по затылку, что-то треснуло, и святая радости упала лицом вниз перед Августином, по груди которого сползали осквернённые обрывки ее сердца.

Император присел на корточки и стянул белый плащ с мертвых плеч Мерси. Накинул на себя, стыдливо запахнул поплотнее. Потом подвигал челюстью и сморщил свежеотросший нос.

— Хорошо, — сказал он и прикрыл глаза. —

Солнце стабилизировалось. Будем надеяться, что Шестой дом не сгорел.

Потом он развернул плечи, как призовой борец, и сказал обыденным тоном:

— Ненавижу делать уборку разом, но, видимо, придется. Давайте все решим очень просто. Я задам каждому из вас по одному вопросу. Если вы дадите правильный ответ, то выживете. Если нет, то… — Он пнул Мерси босой ногой. — Сами понимаете. Пожалуй, мне не следовало этого делать. Очень неловко, надо сказать. Неприятно.

Августин поджал губы. Это и правда было неприятно.

— Мерси все проделала великолепно, — сказал бог. — Она, наверное, тысячи лет этому училась. Но я просто не способен умереть, понимаете?

— Звери Воскрешения, — сказал ликтор.

— Не могут меня убить.

— Ты притворялся, что боишься…

— Притворялся. Но вопросы сейчас задаю я. Давайте дальше. Гидеон… — Тут он посмотрел на нас, криво улыбнулся и пояснил: — В смысле, Гидеон эпизод один. Гидеон из Первого дома, третий святой на моей службе, мои пальцы и жесты. Друг, я не сержусь из-за Уэйк. Я даже не сержусь на то, что ты не смог сдержать или убить Харроу.

Просто мне нужна твоя верность. Я могу на нее рассчитывать или нет?

— Можешь, — ответил Гидеон.

— Хорошо. Вставай с этой стороны. Да, там.

Святой долга встал с другой стороны кресла, поодаль от Августина и двух мертвых тел. Он даже не посмотрел на них.

— Ладно, — сказал бог. — Ианта из Первого дома, восьмая святая на службе моей, моя…

— Я верна тебе, — перебила Ианта.

— Прекрасно, — сказал он, когда она шла к Гидеону. — Явный энтузиазм. Отличная штука. Это мне в тебе нравится, Ианта. Ты не перестраховщица. Дальше… не могу задать вопрос Уэйк, хотя и так знаю, что она ответила бы. Жаль, что ты убил ее, Гидеон. Я планировал держать ее при себе. Она много что могла мне рассказать, а зачем быть мудаком с матерью собственного ребенка? Кстати…

Он посмотрел на нас.

— Это ты велел этому уроду убить Харроу? — спросила я. В конце концов это была моя работа.

— Я пытался ее спасти.

И это тоже моя работа.

— Иди в жопу, папка.

— Я не задал тебе вопрос, — терпеливо сказал

он, — ты моя дочь, черт возьми. Я не собираюсь ставить тебе ультиматумы при первой же встрече. Поговорим о нас с тобой позже. Я не смогу наверстать все годы, которые провел вдали от тебя, я не покупал тебе чипсы и не пришел на твой выпускной, но убивать тебя, чтобы избавиться от сложных отношений… ниже моего достоинства. И вообще это не твое тело. Я не стал бы наказывать Харроу за твои поступки.

Нас бросило через всю комнату, хотя было не больно. Твои кости и плоть оказались рядом с Иантой, не успела я даже сжать руки на рукояти.

И тогда император повернулся к Августину.

Они смотрели друг на друга без всякой злобы. Император выглядел, как человек, который стоит в одном халате на крыльце и смотрит, как кто-то проскальзывает домой через много часов после того, как обещал. По груди ликтора стекала красная кровь сердца, плащ покрылся пятнами, попало немного и на лицо.

— У меня есть шанс? — спросил он.

— Да, есть. Я не предложил выбор Мерси, потому что Мерси меня сильно разозлила, как ни неприятно это говорить.

— Понимаю, — согласился Августин.

— Августин из Первого дома, — сказал человек,

который был богом, и бог, который был человеком, — мой первый святой. Моя первая длань, кулак и жест. Поклянешься ли ты в верности снова, начнешь ли с начала? Или нет?

— Ты сказал, что прощения нет, — прошептал Августин.

— Прощаю, как мне должен бог простить, — ответил император. — Поклянись мне в верности, сын мой, брат мой, возлюбленный мой, ликтор, святой.

Августин поднял взгляд на господа. Глаза остались серыми, как будто время для него все еще не пошло нормально. Он посмотрел на кровь у себя на груди, на присутствовавших в комнате, на меня, дрожащую в твоем теле. На Ианту. Гидеона. Труп Цитеры на стуле. На тело на полу, на спутанные, окровавленные кудри Мерсиморн у своих ног. Он посмотрел на бога Девяти домов.

— Нет, Джон.

Августин поднял руку.

Тошнотворный рывок. Как будто нас подбросило в воздух, Харроу, и в высшей точке полета мы утратили вес, как будто нас трясло на жутком старом лифте, спускавшемся к памятнику, только в миллион раз сильнее. Завыл рвущийся металл. Послышался громкий бульк, и мы попа-

дали, потому что станция перевернулась. Кресла упали, тело Цитеры повалилось на бок, его больше ничего не держало на месте. Я снова смогла управлять твоим телом, хотя вряд ли сейчас был подходящий момент, чтобы двигаться. Заглушки сорвало с окон, и я увидела. Я увидела воду.

Бог споткнулся, его прижало к стене. Свет заливал комнату, странный, неземной, переливчатый свет. Пузырьки и струйки воздуха пролетали мимо окна. Митреум весь целиком погружался в бурую, мутную, кровавую воду.

Плекс вздулся, вздрогнул и лопнул. Река ворвалась в окно стремительным потоком. Императора утащило в воду, Августин нырнул за ним, Ианта потащилась следом. Харроу, мы не оказались в воде только потому, что меня схватил мускулистыми, без единой жиринки, руками святой, с которым мы носили одно имя. Он вытащил меня из потока, когда станция рванулась вверх. Держа тебя под мышкой, он полез выше, в коридор, который быстро перекосило. Я вцепилась в меч.

— Отвали! — испуганно заорала я.

— Ты некромант? — спросил он.

— Нет, не некромант.

— Тогда пойдем.

Вода бесилась и ревела где-то сзади. Святой

долга с трудом открыл дверь в покои императора и захлопнул ее за собой, когда мы выползли в перевернутый коридор, по которому уже текла вода откуда-то с другой стороны. Снова раздался далекий плач металла, треск и визг. Мы пробирались наверх, отталкиваясь от стен, я ползла за ним по узкому проходу, а потом споткнулась и упала на него, когда станцию снова перевернуло. Я вцепилась в памятник, стоявший теперь вверх ногами.

— Внешнее кольцо. Оно стабильнее, — пояснил Гидеон.

— Но…

— Двигайся. Мы очень легкая добыча.

Я двигалась. Станцию бросало вперед и назад, она погружалась в воду, давление кидало ее то в одну, то в другую сторону. Где-то плакала сирена. Я тяжело дышала.

— Какого хера…

— Августин погрузил всю станцию в Реку, — объяснил он. — Мы пересекаем ее физически, телом, душой и всем, — и добавил ни с того, ни с сего: — Жаль, что он не дал мне пакет.

— О чем ты…

— А вот.

Мы добрались до другого кольца. Плекс тут дер-

жался. Ставни сорвало при ударе, но сами окна не сломались, по крайней мере пока. Перекосило нас так, что мы уже шли по стене. Река тянулась перед нами. Какой-то светильник станции обшаривал темную воду, как прожектором.

Мы падали очень быстро. Все глубже, глубже и глубже. Грустный треск звучал где-то над головой, как будто доспех сжимали огромными руками. Река не менялась, и мне иногда казалось, что мы застыли на месте. Мешали этому впечатлению только две крошечные фигурки в воде.

Августин и император — бог — человек, который, сам того не зная, поспособствовал моему рождению — боролись, а невидимый поток тащил их вниз. Вода вокруг них почти кипела. Возможно, это была величайшая битва некромантов, но лично мне со стороны казалось, что они просто лупят друг друга. Я разглядела изящное белое привидение, скользившее за ними. Ианту, наверное.

— И что мы будем делать? — спросила я. — Покинем корабль? Поплывем наверх?

— Нет, — ответил Гидеон, — Августин погрузил нас очень глубоко. Думаю, что мы уже в баратроне. Отсюда далековато до поверхности.

— Я могу задержать дыхание.

— Смешно. Проблема не в дыхании. В Реке можно вообще не дышать.

— Ну поплыли тогда, бесит же…

— Прислушайся. Слышишь треск? Здесь невероятное давление. Это не вода, это тяжесть того… из чего состоит Река. Мы не знаем, что это. Обычного человека она убивает за секунды. Мы с тобой продержимся немногим дольше. А еще есть привидения. Номер Седьмой убежал, так что они скоро вернутся.

Станцию снова тряхнуло.

— Ладно, ты же некромант, — сказала я. — Ты собираешься что-нибудь предпринять?

— Мой некромант мертв, — сказал Гидеон.

Он стянул мои очки с искореженного жесткого лица и посмотрел на меня глазами, которые удивили бы меня сразу же, если бы я потрудилась заглянуть в твои воспоминания. Они были темно-карие, с красными искрами в глубине. Это был цвет потрескавшегося вулканического стекла, радужка почти сливалась со зрачком, и глаза почти ничего не выражали. Они куда больше подходили этому лицу, чем сверкающие зеленые глаза, которые ты запомнила.

— Он часами сражался с ним в одиночестве, — сказало новое действующее лицо, — потом

вломилась оборванная кавалерия во главе с безумным душкой Матфием. Они почти достали номер Седьмой. Почти. Гидеон не мог бежать, если сражение было проиграно. — Я не успела ничего ответить, когда услышала: — Он похож на твою мать.

— Почему все вечно сводится к моей матери? — пропищала я, как сдувающийся воздушный шарик. — Ты кто? Откуда ты вообще знаешь мою мать, которая, судя по всему, была той еще сукой.

— Меня зовут Пирра Две, — сказало привидение. — Командор Второго дома, глава специальной разведки Трентхема, рыцарь мертвого ликтора. Восьмеричное слово разделило нас. Так же, как тебя и твою девушку. Правда, я — случайность, и он забрал у меня больше, чем забрали у тебя. Я сумела залечь на дно, спрятаться даже от него. За два года до твоего рождения мой некромант завел роман с твоей матерью… не зная, что я делаю то же самое при помощи его тела.

— Что за на хрен…

— Она была самой опасной женщиной, которую я встречала в жизни, после меня самой, — сказала Пирра Две, — и той еще сукой, ты совершенно права.

К этому моменту я уже была вне себя и более-менее утратила разум, так что просто пискнула:

— И что мы будем делать?

— Понятия не имею, — спокойно сказал… сказала она, — я бы постаралась выбраться отсюда живой, но шансы у нас не слишком хорошие. Если мы останемся на месте, нас размажет, ну или нас кто-то съест. Если мы поплывем, нас все равно размажет или съедят. Я исцеляюсь быстрее обычного человека, но ненамного.

Я не успела по-настоящему взбеситься, когда Пирра вдруг втянула воздух сквозь стиснутые зубы и сказала:

— Так вот что ты задумал, Августин…

Я прижалась к окну. Река выглядела очень глубокой.

Мы оказались в огромном водовороте, освещенном ярким электрическим светом тонущей станции. Снаружи — еще на километр пониже, пожалуй, — виднелось бледное брюхо Реки, утыканное скалами. И прямо внизу вода вдруг забурлила. Станция опять наклонилась, так что я все видела.

В дне раскрылась дыра. В нее влез бы весь Дрербур, и еще место бы осталось. Огромное, мрачное, черное пятно со странными неровны-

ми краями. Только когда свет добрался дотуда, я поняла, что из краев дыры росли огромные человеческие зубы. Каждый высотой примерно в шесть человеческих ростов и шириной в два, с зубчатыми краями, как у резцов. Зубы подрагивали, как будто у дыры текли слюнки. В ней ничего не было. Она казалась чернее космоса, она поглощала саму реальность.

И, падая прямо в нее, в воде продолжали бороться крошечные фигурки. Августин и император. Ианта немного от них отстала и парила повыше. Прикинув, сколько смелости нужно, чтобы расположиться над зубастой бездной, я изменила свое мнение об Ианте Тридентариус, решив, что у нее самые крепкие яйца во всей галактике.

— Устье открылось для Джона, — сказала Пирра отсутствующим тоном. Не триумфальным и не грустным. — Наверное, Река думает, что он — Зверь Воскрешения.

Император боролся. Я-то думала, что он может просто выскочить из Реки, сделать то же самое, что сделал с Мерси, и разорвать Августина на куски, но течение швыряло его, как куклу. Единственное, на что его хватало — пытаться удержаться на одном месте. Августин каким-то образом привязал его к себе. Он неумолимо под-

талкивал императора вниз, к огромной пасти. Станция снова вздрогнула, плекс перед нами тоненько завизжал, ломаясь.

Августин с богом все дергались и дергались в воде. А потом появились языки.

Из пасти что-то рвануло. Вода вскипела огромными мерзкими пузырями. Бахрома огромных, похожих на языки щупалец выстрелила вверх. Они были обычного розового цвета, как нормальный язык, не адский, и их было не меньше тысячи, они толкались, боролись, слепо ощупывали воду вокруг. Пирра вздрогнула. Они синхронно дико корчились, течение ускорилось, закрутилось безумным водоворотом, я ощутила мощный тошнотворный толчок, и Митреум заскользил вниз, наклоняясь все сильнее.

— Мы попали в течение, — спокойно сказала Пирра. — Если пасть не закроется, нас утащит туда.

— И тебе нормально? Может, что-нибудь сделаем? Ну, типа, выберемся отсюда!

— Я десять тысяч лет провела в затылочной доле мозга, и мой некромант мертв, — ответила рыцарь, — у меня плоховато с эмоциями. Но у меня есть заряженный револьвер.

— И что, пустим себе в рот по пуле?

— Тоже вариант, — согласилась Пирра. — Шутка. Ну, почти.

Из центра водоворота прорвались языки, и два некроманта оказались окружены радостным и диким гнездом влажных розовых щупалец. Когда эти гигантские инфернальные мышцы распались, развалились, пропали, из них забили струи крови. Император задергался — один из языков обвился вокруг его ноги. Одной рукой император держал Августина за запястье — чудовищная пародия на попытку спасти, вытащить из бездны, Августин же схватил его за другую руку. Еще один язык скользнул вверх, к Ианте, и тонкая струйка крови прорезала воду.

Августин пытался жестикулировать. Издали мне казалось, что он безнадежно и беззвучно орет прямо в воду. Может быть, Ианта что-то и понимала. Язык тянул его вниз. Он пытался отпихнуть его ногой, но все новые и новые щупальца тянулись снизу. Дергаясь, он каким-то образом умудрился пихнуть императора прямо в жадное гнездо языков, которые обхватили его за ноги — и чудовищная пасть захлюпала, всасывая воду.

Митреум рухнул вниз. Я не успела заметить, что случилось, когда станция покатилась вниз. От нее отваливались куски, обломки металла

падали на дно Реки, рушились целые отсеки, посыпался мусор — панели, механизмы, пластины корпуса. Огромный корабль медленно скользил вперед, к голодной пасти.

Он зацепился за какую-то скалу. Я слышала рев воды и треск металла. Хватит с меня.

— В жопу, — сказала я.

— Пуля, вода или подождем? — поинтересовалась Пирра.

Я и раньше делала подобный выбор. Между смертями. Смерть выжидательная. Смерть оптимистическая. Харроу, последний раз, когда я выбрала смерть, я умерла, глядя на тебя. Открою тебе один секрет: очень легко было умирать, думая, что твоей смерти я уже не увижу. Уйти, пока не ушла ты.

А теперь я оказалась здесь одна, держа при этом в заложниках твое тело. В космической станции на дне Реки. Меня засасывало в какой-то мерзкий ад, предназначенный исключительно для неупокоенных душ чудовищных планет. У меня был выбор: застрелиться, лопнуть от чудовищного давления воды или подождать, пока меня раздавят несколько тонн металла. Ну или можно было выжить, чтобы меня утащило в ад.

Хотела бы я сказать, что думала о тебе. Харрох-

ак, я столько хотела тебе сказать. Я хотела бы перед немыслимым неминуемым концом думать о тебе, хотела бы, чтобы последним моим словом стало твое имя, чтобы с ним я ушла в темное сердце неизвестного загробного мира.

Но на самом деле передо мной предстали вся моя жизнь и смерть. Я оказалась дочерью бога — кстати, маршал, отсоси — и при этом всего лишь динамитной шашкой. Пешкой в тысячелетней партии.

Ну, то есть, конечно, я думала и о тебе тоже. Если бы я могла прекратить все это много лет назад, я бы прекратила все это много лет назад. А главное — *я капец как разозлилась на Девятый дом.*

Пока я тряслась, Пирра сбила меня с мысли спокойным:

— Твоя мать никогда бы не выбрала пулю.

— Да, она предпочла *тюрьму*.

И, взяв с тебя пример, я ударила мечом прямо в подрагивающее окно.

Оно треснуло. Поток грязной, пенящейся, отвратительной воды сбил нас обеих с ног и швырнул на пол — я ударилась о палубу задницей. А потом весь коридор съежился, как лопнувший воздушный шарик. Мир потемнел. Я не успела даже вдохнуть, когда оказалась в воде. Меня ударило

примерно о двадцать поверхностей, вода сомкнулась у нас над головами, и мы бросились к дыре в борту. Мы просочились через узкий колючий проход и оказались снаружи.

Я не умею плавать, ну да и хрен с ним. Я даже не поняла, права ли была Пирра насчет дыхания. Мне показалось, что мне на грудь встал Крукс. Что-то ужасное творилось с ушами. Мы кувыркались в воде, и я даже подумала, что это и есть конец. Я решила, что твои глазные яблоки сейчас взорвутся.

Но этого не произошло, и я увидела, что случилось, когда мы поплыли прочь от искалеченной и умирающей космической станции. Высоко над гнездом языков парила Ианта, похожая на дрожащий белый листок в сердце водоворота, а бог и Августин продолжали бороться.

Языки почти втянулись в пасть, и бог явно не выигрывал. Щупальца обхватили его крепко, и Августин подталкивал его вниз. Кажется, щупальца больше интересовались императором, чем Августином, хотя против Августина они тоже ничего не имели. Отчаяние бога было очевидно, хотя в глазах у тебя уже мутилось.

Если Августин хотел освободиться и выбраться отсюда, ему пришлось бы прекратить борьбу. Или

он мог продолжить, убедиться, что император уйдет в устье, и сам пропасть при этом. Над ними плыла, как паникующая бабочка, третья сила. Ианта могла все изменить. Если бы Августин как следует пнул бога в сторону ада, а потом Ианта вытащила бы его, освободив от языков, спастись смогли бы оба.

Я смотрела, почти ничего не видя, как Ианта поднимает руки. Поток расступился вокруг нее, вода закрутилась мутными толстыми струями, покрасневшими от крови, и все языки разом задергались.

Я видела, как Ианта бросилась вниз, оторвала языки от императора Девяти домов и освободила его. Языки тут же сплелись вокруг Августина, чтобы молча утащить его в жадную пасть, в ад, предназначенный для демонов.

И в этом была вся Тридентариус. Она получила один шанс и не просто просрала его, а просрала с таким великолепием, что это впечатлило бы тебя, если бы ты ее за это не возненавидела. Ианта, избравшая свою судьбу рядом с тем, кто лгал всем и обо всем. Ианта, снова ударившая в спину своего рыцаря. Ианта, которая, когда мир пришел в равновесие, протянула руку и надавила на чашу весов с надписью ЗЛО. Она исчезла из виду,

ее скрыла вода. Языки отпрянули, зубы сжались, закрывая огромную голодную пустоту.

А потом давление схватило тебя, и твоя грудь сжалась.

* * *

Харрохак, ты знала, что, когда тонешь, вся жизнь вспыхивает перед глазами? Когда я умирала, захватив тебя с собой — надолго ли мне удалось сберечь твою жизнь, часа на два? — я не знала, увижу ли я обе наши жизни. В конце всего выяснилось, что мы остались вдвоем, переплетясь, как всегда и было. Грань между нами размылась, как будто вода смыла чернильные контуры. Сплавленная сталь. Смешанная кровь. Харрохак-и-Гидеон. Гидеон-и-Харрохак. Наконец-то.

Но когда все почернело и я умерла во второй раз, я тебя не увидела. Я не увидела даже себя. А увидела я яркий солнечный свет и размытую фигуру, расплывающуюся по краям. Сначала мне показалось, что это женщина — женщина с мертвыми глазами и серым лицом, таким прекрасным, что оно почти пересекло эту грань и стало отвратительным, женщина с моими глазами, потемневшими в смерти, и волосами,

повисшими мокрыми тяжелыми прядями. С усталым возмущением я поняла, что в конце времен, после всего, что мне пришлось пережить, после последнего слова, последнего удара, последней капли крови в воде, твоя тупая мертвая девка пришла забрать тебя.

Она сказала чужим, неправильным голосом:

— Начинай качать. Я знаю, что у нее раздроблена грудина, не обращай внимания. Мы должны ее запустить. По моей команде.

Руки нажали. Мы умерли.

53

Полчаса назад

— Ты *уверена*, — сказала Харрохак.

— Конечно нет, — ответила Дульси Септимус, — но я некромант Седьмого дома… или была им при жизни. Абигейл не могла почувствовать то, что почувствовала я, когда мы обе выглянули наружу. Я не эксперт в области призраков, но я кое-что знаю об управлении другими. Твоим телом никто не завладел, Харроу, но что-то тут есть. И это не фрагмент и не призрак, и совсем не похоже на Спящую.

Голубые глаза внимательно смотрели на нее, а она невидящим взором уставилась на стены лаборатории: они прогибались, потому что весь замок наверху рушился, аккуратно уничтожая сам себя. Складывался и менялся, как будто его сжали в гигантском кулаке.

Проломы в стенах и разрывы в перегородках тоже изменились — изменились уже знакомым образом. Теперь за ними виднелась не тьма, а белое и твердое отсутствие пространства и времени, которое она уже видела в другом пузыре.

Бесцветная рана бездны, граница ее разума, ее возможностей в Реке.

— Это может ничего не значить, — сказала Дульси.

Харрохак зачем-то спросила:

— Зачем ты мне это рассказала?

И снова грустная улыбка, похожая на тень прежней радости.

— Потому что я хотела, чтобы ты знала правду, — сказала мертвая дочь Седьмого дома, — всю неприкрытую непричесанную правду. Истину без прикрас, как она есть. Мы с Палом всегда были фанатиками в этом смысле. Я столько лгала в своей жизни, Харрохак, и я не хочу возвращаться в Реку, совершив убийство ложью во благо. Пойми меня, я делаю это ради себя. Но я хочу, чтобы ты знала.

Посмотрев в лицо Харроу и увидев, как оно изменилось, она добавила:

— Прости.

— Есть кое-какая разница между обрывком бальной карточки, — сказала Харроу Нонагесимус, — и последним танцем.

Еще один коридор сложился. Вход в «Санитайзер» деформировался, потолок наклонился под опасным углом, раздался громкий треск. Крышу

разорвало, огромный кусок плитки рухнул прямо рядом с ними. Харрохак шарахнулась под защиту саркофага, и измученный, с горящими глазами призрак послал ей воздушный поцелуй и исчез под грудой искореженного металла. Вспыхнуло слабое голубое сияние.

Сердце Харроу колотилось с невероятной силой. Она понимала, что это происходит не на самом деле, что это ее сон и что биение сердца — всего лишь очередная шутка подсознания. Но все-таки оно билось и билось быстро и сильно.

— Ну уж нет, — сказала она вслух, — пора валить отсюда.

Она встала перед саркофагом Спящей, собрала белые мягкие прорехи в одну и проткнула пузырь. Внутрь хлынула Река.

Она обрушилась на нее, легкая и незаметная, как обрывки паутины. Вода хлестала в белые дыры, страшно ревела: кровавая солоноватая вода, текущая только в Реке. Ее подбросило вверх струей ледяной воды и гнили, но не подбросило, она снова спускалась по длинному черному коридору.

И опять тонула в соленой воде. Руки Гидеон крепко держали ее. Они оказались в бассейне дома Ханаанского, и ее рыцарь сунула ее под

воду. Харроу инстинктивно задержала дыхание, хотя на самом деле была совершенно спокойна. Ей казалось, что утопление — смерть куда более безобидная, чем она заслуживает. А уж смерть в объятиях Гидеон казалась совершенно логичной. Она чувствовала, как пальцы Гидеон впиваются ей в поясницу, как надувается рубашка, всплывая, и как они вдвоем погружаются на дно.

Голова Харроу приподнялась над водой. Тонкая корочка льда треснула, когда Харроу всплыла, тяжело дыша. Кожа горела от холода. От ее движений по темной беспокойной воде побежала рябь, но мелкие волны по-прежнему накатывали на неровный берег. Высоко над головой скалистые своды пещеры светились мрачными звездами люминесцентных червей, вспыхивающих и гаснущих. Они все были зомби, призраками и наблюдателями, обреченными вечно обитать в Запертой гробнице. Харроу оказалась дома.

Харроу бросилась не к берегу, а к острову посередине, к черному мавзолею из стекла и льда, молча стоявшему посреди моря мертвых червей. Она выбралась на берег и растянулась на земле, дрожа, наполовину закоченев и постепенно согреваясь — тем странным жаром, что предвещал смерть от гипотермии. И все же Харроу не чув-

ствовала боли, она ничего не чувствовала, кроме долгожданного счастья от возвращения домой, того мелкого, странного и очень приятного удовольствия, какое испытываешь, вдруг обнаружив горячо любимую в прошлом книжку или другую реликвию детства.

Встрепенувшись, она заставила свою застывающую плоть встать. Она прошла между колоннами, как в детстве, повторила путь, которым не раз ходила во сне. Она устала сильнее, чем замерзла, в голове поселилась мягкая тяжелая усталость, как после долгого бодрствования без сна, после целого дня работы без единого перерыва. Она вошла в мавзолей и подошла к самой Гробнице.

Цепи были разбиты и вырваны из камня. Лед полз по стенам пустого алтаря. На ложе из стекла и льда, на каменной подушке, в месте последнего упокоения единственной любви Харроу, покоился меч.

Двуручный меч, который валялся на дне саркофага Спящей, когда его открыла Диас.

Харроу вернулась домой, и она не боялась. Она не знала, зачем делает это, но она забралась в пустой гроб и взяла меч в руки. Она ощутила сонную приятную уверенность, как будто легла не в ледяную могилу, а в теплую мягкую постель.

Веки стали тяжелыми, как цепи, валявшиеся где-то неподалеку. Она бесстыдно обняла меч — эти шесть футов стали больше не пугали ее.

Что-то хрустнуло сбоку. Она ничего не заметила, когда забиралась в гроб, но, потянувшись туда, она нашарила мятый глянцевый журнал и потянула его к себе. На истерзанной обложке была изображена женщина в форме Когорты, настолько не похожей на официальную, что она вызывала в лучшем случае недоверие. На женщине красовались белый мундир, который был мал ей на три размера, сапоги и больше ничего.

Лед казался теплым и дружелюбным, камень — мягким, как хлопок. Харроу лежала там, где раньше лежало Тело, ей было очень удобно и уютно. Она прищурилась на заголовок.

— «Лучшие сиськи Пятой», — прочитала она и невольно улыбнулась сама себе: — Нав, идиотка, это даже ненастоящий журнал.

Потом гроб вдруг начал сильно раскачиваться — как колыбель. Или он взорвался? Она закрыла глаза. Лежа в гробнице, которая украла ее сердце, далеко в мире, где она никогда не бывала, Харрохак Нонагесимус заснула, или умерла, или и то и другое.

Эпилог

Шесть месяцев после убийства императора

Жаркая дымка летнего вечера. Близость комендантского часа замедлила машины снаружи до скорости катафалков, жаркое солнце превратило дороги в липкие комья бетона и смолы. Больше всего ей нравилось, что выхлопные газы автомобилей окрашивали лучи умирающего солнца в глубокие розовые и рыжие тона, потом рыжий превращался в алый, алый — в багряный, а багряный переходил в сладкий смертоносно-синий цвет ночи. Антиснайперское покрытие на стеклах размывало все силуэты, но цвета оставались такими же насыщенными. Гудки машин внизу и редкие низкие завывания грузовиков отдавались музыкальным эхом между высокими стенами. Приоткрытое окно пропускало воздух, благоухающий раскаленным пластиком и дымом. В волосах подсыхал пот.

Это время суток было водоразделом. Оно завершало день, когда окна затягивали черной тканью, и она сидела в душной, давящей, клаустрофобной жаре, и время, когда люди, которые

с ней жили, давали ей кости. Она жила с тремя людьми: человеком, который ходил ради нее на работу, человеком, который ее учил, и человеком, который за ней присматривал. Человек, который ее учил, часто давал ей кости, чтобы она их разложила («как тебе кажется нормальным»), иногда давал просто подержать, в руках или за щекой. Потом кости убирали в секретное место, плотные шторы снимали, окно приоткрывалось. Когда температура падала на несколько градусов, она могла подтягиваться на турнике, или отжиматься, или человек, который присматривал за ней, давал ей в руки клинок и опять же спрашивал, как ей кажется нормальным.

А когда становилось совсем поздно, они спускались на тридцать пролетов до уровня улицы, обходили брошенные мешки с одеждой или блестящие коробочки из-под еды навынос, толкались с людьми, от которых пахло постоянной работой в душном офисе, или постоянным пребыванием на жаре, или постоянным страхом. Ее вели в маленький магазинчик на углу, где продавалась какая-то еда, таблетки, журналы, дешевые тонкие футболки, они сидели на когда-то белых стульях, чувствовали запах пережженного масла, а потом получали хрустящие ломтики картошки,

или обжаренные сладкие фрукты, или сосиски в кляре, а потом можно было облизать обожженные соленые пальцы. Она и человек, который за ней присматривал, раньше ходили в другое место, где еда была дешевле, а сосиски — сочнее, но там человек, который жарил еду, однажды предупредил: «Горячее!», когда она уже набила полный рот горячих хрустящих штук. Тогда человек рассмеялся и сказал: «Она, наверное, губы сожгла». Но она ничего не сожгла, она еле почувствовала жар. По какой-то причине из-за этого они перестали ходить к человеку с сосисками.

Там, снаружи, по городу ходили солдаты с ружьями и защитными пластинами на плечах, они выглядели угрюмыми и сосредоточенными и потели под шлемами с огромными визорами. Иногда по ночам они слышали хлопки перестрелок, и в такие ночи они закрывали окна и ложились, сняв почти всю одежду, на полу в ванной.

Такими ночами, в темноте, повернув голову, чтобы касаться щекой прохладных керамических плиток пола, она смотрела в лицо человека, который за ней ухаживал. Это было приятное лицо: решительное, спокойное, почти неподвижное, не реагирующее на злобный перезвон автомобилей,

ни на крики из-за тонких стен. Ей казалось, что ей всегда нравилось это лицо и темные, коротко обстриженные волосы, и уж конечно она любила эти глаза, огромные лучистые глаза, в которых цвета были так умело перемешаны, что радужка казалась прозрачной и идеально серой.

Она спрашивала лениво, чтобы соблюсти ритуал, а не узнать ответ:

— Вы узнали, кто я?

— Пока нет, — отвечала Камилла.

Гробница откроется в романе
АЛЕКТО ИЗ ДЕВЯТОГО ДОМА

Благодарности

Я снова хочу изо всех сил поблагодарить своего агента Дженнифер Джексон, которая так же неутомима, как и добра, и так же весела, как и неутомима. Дженни — невероятное создание, и я еще ни разу не сумела поставить ее в тупик. Год спустя я все еще не нашла нужных слов, чтобы поблагодарить Карла Энгла-Лейрда, редактора и героя. А если я вдруг эти слова найду, он немедленно вычеркнет оттуда все примеры паратаксиса. Карл, я знаю, что эта вселенная очень важна для нас обоих. Спасибо за то, что был со мной в это безумное время.

Команда Tor.com — просто ангелы, включая Руокси Чэнь, Кристин Фольцер, Ирен Галло, Жизель Гонсалес, Мордикая Ноде, Кэролайн Перни, Ренату Суинни, Натали Зуттер и Мэтта Джонсона из Macmillan Sales, не считая всех остальных. Они все волшебные ангелы в кожаных куртках. Я знаю, что они проделали для меня кучу работы, которую я даже понять не способна, и их поддержка, энтузиазм и доброта были просто невероятны. Я благодарна Томми Арнольду за

невероятную обложку и Джейми Стэффорд-Хиллу за столь же невероятную верстку и дизайн.

Отдельная благодарность Клеманс Племинг и Меган Смит, первым моим читателям, которые успели пожениться после того, как я последний раз упоминала их в разделе благодарностей. Маз, ты ее рыцарь, а это незаконно.

Спасибо всем, кто читал «Гидеон из Девятого дома» в рукописи и был ко мне так добр и поддержал меня. Я хотела бы перечислить здесь все эти имена, но их так много и они столько сделали, что я боюсь кого-то пропустить. Неутомимая работа продавцов книг, рецензентов, блогеров и других авторов смутила меня не меньше, чем удивила.

Я очень благодарна людям, которые преломляли со мной хлеб и слушали мое ворчание — Лиссе, Бо и Бену, Уэстам, Бену Рейнору, Крису Дугласу. Члены семинара Clarion остаются для меня бесценным сокровищем. Изабель Йап посвящает жизнь многим, но для меня — настоящий очаг. Как я и написала в посвящении, Гидеон из Девятого дома без нее не появилась бы на свет, а Харроу из Девятого дома перед ней в огромном долгу. Огромное спасибо моей семье за бесконечную любовь и поддержку, особенно Эндрю, который пяти минут не может прожить без того, чтобы не

вспомнить, как я объелась шоколадным муссом.

У Харрохак Нонагесимус не было никого, кто сунул бы ей в рот нейролептики с банановым вкусом, заметив ее состояние. У меня такие люди есть, и я хотела бы поблагодарить всех людей в моем прошлом, которые выписывали мне лекарства, потому что они всегда вели себя очень мило, а вот я — нет.

И особенная благодарность Мэтту Хости, который вытер невероятное количество крови и заварил невероятное количество чая. Без него эта книга превратилась бы в объяснительную записку. Мэтт — ты лучшее, что есть в этой книге. Скорее бы ты прочитал следующую. Не хочу тебя удивить, но там будут… кости.